

У 223
175

801-15
1631

Ab.
810-93
2-6

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ КОЕ-КУДА

1810 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

КНЯЗЯ И. М. ДОЛГОРУКАГО.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1870.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россій-
скихъ при Московскомъ Университетѣ 1869 г. кн. 2—3-я.

22344-44

Перепечатывать, на основаніи Цепзурныхъ постановленій, не дозволяется.

2014142273

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, умершій въ Москвѣ 4-го Декабря, 1823 года, почти 60 лѣтъ (р. 7-го Апрѣля, 1764 г.), принадлежалъ къ немногимъ своеобразнымъ нашимъ писателямъ. Но долго онъ былъ извѣстенъ у насъ только своими стихотвореніями; однако, съ нѣкотораго времени узнали, что онъ оставилъ послѣ себя самыя подробныя Записки или Дневникъ. Я ихъ имѣлъ въ рукахъ, благодаря благосклонности дочери его, Антонины Ивановны Новиковой, довольно долгое время, прочелъ всѣ, какъ говорится, отъ доски до доски, прекрасно переписанныя рукой ея, около двухъ тысячъ страницъ (1728 или 1432 листа), въ большой листъ, и имѣю съ нихъ списокъ. Онъ озаглавленъ такъ:

«Повѣсть о рожденіи моемъ, происхожденіи и всей жизни, писанная мной самимъ и начатая въ Москвѣ 1778 года, въ Августѣ мѣсяцѣ, на 25-мъ году отъ рожденія моего. Въ книгу сію включены будутъ всѣ достопамятныя произшествія, случившіяся уже со мною до сего года и впредь имѣющія случиться. Здѣсь же впишутся копія съ примѣчательнѣйшихъ бумагъ, кои будутъ имѣть личную со мною связь и къ собственной моей исторіи уважительное отношеніе.»

Отрывокъ изъ сей «Повѣсти» помѣщенъ былъ въ «Москвитинѣ», 1844 г., кн. XI, стр. 196—213; 1845, кн. II, стр. 21—43) а также въ извѣстномъ «Полномъ собраніи сочиненій Русскихъ авторовъ», изд. А. Ф. Смирдина, именно во 2-й части, въ концѣ. С.-Петербургъ, 1849 (стр. 487—539). Извѣстіе же объ этой «Повѣсти» сообщено было недавно въ «Русскомъ Архивѣ» (1865, стр. 964—968) М. Н. Лонгиновымъ. Драгоцѣнныя Записки этѣ, по моему мнѣнію, давно бы уже пора издать въ свѣтъ; въ нихъ нѣтъ ни чего не печатнаго: времена и люди прешли

своей чередой, и ни что не мѣшаетъ уже явиться имъ въ своемъ видѣ и обстановкѣ.

Кромѣ Записокъ, Князь оставилъ также и другую прозу. О нихъ упоминаетъ М. А. Дмитріевъ, въ своемъ прекрасномъ жизнеописаніи: «Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненія. Изданіе 2-ое, обработанное вновь, исправленное и значительно дополненное (1-ое помѣщено было въ «Москвитинѣ» 1851 года, кн. III, стр. 265—320, и отдѣльно). Москва, 1863,» но только что упоминаетъ: такъ онъ говоритъ о «Путешествіи въ Одессу и Кіевъ 1810 года» только то, что «оно должно быть очень занимательно и, вѣроятно, и донныѣ сохраняется у дѣтей его» (стр. 97). О «Второмъ путешествіи въ Кіевъ 1817 года» еще короче выражается: «Эта поѣздка описана имъ подъ названіемъ: «Второе путешествіе въ Малороссію,» и по тому въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ о ней кратко» (125 — 126). Наконецъ о третьемъ «Путешествіи» и того короче: «Кромѣ стиховъ, комедій, пословицъ, фарсовъ, оставшихся въ рукописи, онъ написалъ еще подробныя Записки о своей жизни, Словарь всѣхъ своихъ знакомыхъ подъ названіемъ: «Книжка моего сердца,» гдѣ онъ помѣщалъ ихъ изображенія, или описанія ихъ свойствъ. Потомъ осталось, тоже въ рукописи, его «Путешествіе въ Кіевъ, Одессу, Нижній Новгородъ. Не проходило ни одного дня, чтобъ онъ не писалъ, развѣ когда бывалъ отвлеченъ пріѣздомъ кого ни будь къ нему, или необходимомъ выѣздомъ изъ дому.» Последнее путешествіе происходило въ 1813 году и носитъ слѣдующее заглавіе: «Журналъ путешествія Князя Ивана Михайловича Долгорукаго изъ Москвы въ Нижній.» Всѣ сіи Путешествія его были доселѣ вовсе не извѣстны, за исключеніемъ небольшого отрывка изъ перваго (1810 года), помѣщенного Смирдинымъ, кн. 2, стр. 461—484; въ немъ находятся: I. Описаніе Богоявленскаго. II. Херсонъ. III. Ильинское. IV. Очаковъ. Если бы Путешествія этѣ были въ рукахъ жизнеописателя, онъ бы ими, конечно, воспользовался не меньше другихъ его сочиненій, равно какъ и Записокъ, которыя, по его словамъ, дочь Князя, А. И. Новикова, довольная первой статьей его объ ея отцѣ, прислала ему, «для прочтенія и справокъ, полную руко-

пись Записокъ, которыми біографъ, не смотря на короткое время, воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ нужныя для себя выписки» (Предисловія стр. I—II).

Изъ сихъ прозаическихъ произведеній Князя Ивана Михайловича Долгорукаго Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ имѣетъ нынѣ въ своемъ распоряженіи: «Путешествія» его, которыми и спѣшитъ подѣлиться съ своими читателями. Оно получило ихъ, благодаря посредству Д. Члена своего, Н. В. Сушкова, отъ супруги одного изъ сыновей сочинителя, Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, Княгини Софьи Никаноровны Долгорукой, опекуны дѣтей покойнаго своего супруга, Княженъ Натальи Дмитріевны, Фрейлины Ея Императорскаго Величества (съ Апрѣля, 1867 г.), и Екатерины Дмитріевны, единственныхъ нынѣ старшихъ представительницъ старѣйшей вѣтви Княжескаго Долгоруковскаго рода, какъ происшедшихъ отъ поколѣнія мужескаго, и по сему владѣтельница всѣхъ историческихъ и письменныхъ памятниковъ послѣ Князя Ивана Михайловича. Ибо изъ многихъ дѣтей послѣдняго (отъ первой жены, Евгеніи Сергѣевны Смирновой, воспитанницы Великихъ Княгинъ, Натальи Алексѣевны, Принцессы Дармштадтской, первой супруги Павла Петровича, и Маріи Феодоровны, второй супруги его же, имѣлъ дѣтей 10 человекъ) только три сына были женаты: Павелъ, самый старшій (р. 1787 г., Ноября 21, у. 1845, Февраля 8), крестникъ Императора Павла Петровича, женатый на Княгинѣ Елисаветѣ Петровнѣ Голицыной; Александръ (ск. на 76 году отъ рожденія, 7-го Декабря, 1868), два раза женатый: на Колошиной и Баронессѣ Аннѣ Львовнѣ Боде; оба не оставившіе по себѣ потомства; и Дмитрій, младшій изъ всѣхъ, который находился до своей смерти постоянно на Государственной службѣ, никогда не былъ въ отставкѣ, не получалъ ни какихъ особыхъ денежныхъ наградъ и пособій, и не дожилъ лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до дня юбилея своей 50-лѣтней службы. Родился онъ въ Москвѣ, 10-го Августа, 1797, воспитывался почти исключительно дома; выдержавъ испытаніе на Студента, посѣщалъ Московскій Университетъ, а въ Генварѣ, 1816 г., поступилъ на

службу въ Московское Губернское Правленіе; отправясь въ Петербургъ, находился нѣкоторое время при Д. С. Ланскомъ въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, а въ 1819 опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Тутъ онъ получилъ первый Офицерскій чинъ въ 1818 г., служа сперва при Графѣ Каподистріи, который отправилъ его къ нашему Посольству въ Царьградъ 1820 г. Дѣйствія тогдашняго нашего Посла, Графа Г. А. Строганова, дяди его, служили ему примѣромъ поступать рѣшительно и смѣло, что онъ и оказалъ въ особенности на Востокѣ; съ этого времени онъ постоянно находился въ заграничной службѣ. Изъ Царсграда 1822 посланъ былъ онъ въ Римъ, гдѣ пробылъ по 1826; за тѣмъ переведенъ въ Мадридъ, изъ кого, 1830, въ Лондонъ, а въ концѣ 1831 въ Голландію; тутъ, по отъѣздѣ Графа Гурьева, два года управлялъ въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ, какому мѣсту въ то время придавалось особое значеніе по случаю Голландо-Бельгійскихъ дѣлъ; въ 1833 изъ Гаги перешелъ въ Неаполь, и оставался въ немъ до 1843, а изъ Неаполя поступилъ Совѣтникомъ Посольства въ Царьградъ при В. П. Титовѣ; послѣ же, въ 1845 г., назначенъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Персію, въ коей въ 9-лѣтнее пребываніе оказалъ весьма немаловажныя услуги своему Отечеству. Но смерть первой жены его (Голландки, Марьи Ивановны Десвордъ, отъ коей Княжна Наталья Дмитриевна), скончавшейся, во время лѣченія, въ Тифлисѣ, и устройство семейныхъ дѣлъ заставили Князя просить увольненія въ Россію, и онъ, послѣ 36-лѣтняго отсутствія, въ Іюль, 1854 г., оставилъ Персію, при чемъ сдѣланъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ (въ 8 Департаментѣ) въ Москву, и здѣсь скончался, 13-го Октября, 1867 года. Находясь въ Испаніи, онъ три мѣсяца путешествовалъ по ней съ Вашингтономъ Ирвингомъ, съ которымъ долго потомъ переписывался. Былъ Членомъ Тиберинской, Аркадской, Археологической и Линчейской (Lincio) Академіи, а изъ Русскихъ Обществъ: Сотрудникомъ Географическаго, Почетнымъ Кавказскаго Сельскаго Хозяйства, Дѣйствительнымъ Садоводства, Членомъ Совѣта Художественнаго Общества и Дѣйствительнымъ Членомъ при Комиссіи построенія храма Спасителя въ Москвѣ по

искусственной части, а за два дня до смерти получилъ извѣстіе, что избранъ въ Почетные Члены Академіи Художествъ; имѣлъ 1-ой степени Станислава и Анны, Персидскій Льва и Солнца, и портретъ Шаха при голубой лентѣ.

Я съ намѣреніемъ нѣсколько распространился о Князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ, такъ какъ отъ его прямыхъ наслѣдниковъ идутъ издаваемые теперь прозаическія произведенія его славнаго отца, Князя Ивана Михайловича. Поселившись, наконецъ, на родинѣ своей, въ Бѣлокаменной, онъ, какъ «истинный наслѣдникъ отцовскаго ума и дарованій», по выраженію старшаго изъ своихъ братьевъ, старался собрать все, что только осталось послѣ отца своего, еще не объявленнаго печатью во всеобщее свѣдѣніе, и что онъ, по собственному признанію, въ своемъ небольшомъ жизнеописаніи, самъ нѣкогда переписывалъ на бѣло, чѣмъ изучилъ Русскій языкъ и нечувствительно пристрастился къ литературнымъ занятіямъ. Занятіямъ его много благопріятствовала вторая женитьба его. Князь Иванъ Михайловичъ былъ очень друженъ съ Михайломъ Николаевичемъ Зиновьевымъ, женатымъ на Аннѣ Никаноровнѣ Хитрово, родной сестрѣ Никанора Никаноровича, отца Софьи Никаноровны, супруги Князя Дмитрія Ивановича. Съ Михайломъ же Николаевичемъ онъ познакомился и подружился, будучи посаженнымъ отцомъ Екатерины Николаевны Лопухиной, родственницы своей и матери Софьи Никаноровны, по выходѣ ея за Никанора Никаноровича Хитрово. Дочь этого Зиновьева и двоюродная сестра Софьи Никаноровны, Вѣра Михайловна Омина (супруга бывшаго нѣкогда Бобруйскаго Команданта), узнавъ о поискахъ Князя Дмитрія Ивановича за неизданными сочиненіями его отца, вручила ему (16-го Октября, 1861 г.) какъ все «Письма (съ 30-го Марта, 1816, по 15-ое Октября, 1823 г., въ прекрасномъ переплетѣ. На выходномъ листѣ ихъ означено: «Письма Князя Ивана Михайловича Долгорукаго къ Михайлу Николаевичу Зиновьеву. 1816—1823.» На особомъ листкѣ сказано: «При настоящихъ письмахъ находятся: эскизъ съ портрета Князя Ивана Михайловича, писанный знаменитымъ Англійскимъ художникомъ «Sir David Wilkie» (Стихи М. А. Дмитріева въ память «Пѣвцу Каминна»), и слѣдующія рукописныя стихотворенія Князя Ивана Михайло-

вича: 1-ое, Въ деревнѣ жить!... письмо 21. 2-ое, Фанатикъ... 27. 3-е, Чистый Поведѣльникъ... 59. 4-ое, Взглядъ старца на заходящее солнце 64) Князя Ивана Михайловича къ ея отцу, Михайлу Николаевичу Зиновьеву,» числомъ 72, весьма замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ, такъ равно цѣлыхъ 5-ть книгъ «Путешествій», доставшихся ей послѣ ея отца. Съ Зиновьевыми, стало быть, Князь Иванъ Михайловичъ находился и въ родственной связи по Хитровымъ и Лопухинымъ; въ семействѣ же послѣднихъ, по словамъ его (въ «Капищѣ сердца»), онъ былъ искренно любимъ. О знакомствѣ съ Зиновьевымъ онъ отмѣтилъ (тамъ же) слѣдующее: «Михаилъ Николаевичъ Зиновьевъ. Стихи меня съ нимъ познакомили и сдѣлали насъ хорошими друзьями подъ старость. Онъ ведетъ со мной дружескую переписку. Живучи всегда въ Орловской своей деревнѣ, мало имѣетъ случаевъ со мной лично видѣться; тѣмъ занимательнѣе наши сношенія. Онъ такъ меня любитъ, что безъ восторга говорить о произведеніяхъ моихъ не можетъ. Недавно онъ, переводя осмую сатиру Буало, поручилъ ее моему разсмотрѣнію, и потомъ, напечатавъ оную, посвятилъ мнѣ съ привѣтствіемъ въ стихахъ (Москва. Въ типографіи Семена, 1822 г., въ 4 д. л.). Я также часто къ нему писывалъ деревенскія посланія, изъ коихъ можно видѣть степень нашей взаимной короткости. Богъ знаетъ, долго ли протянется новое мое отношеніе; но поелику оно началось уже за 50 лѣтъ моей жизни, то, вѣроятно, не подвергнется измѣненіямъ слѣпаго случая, тѣмъ болѣе, что и онъ не много отсталъ отъ меня годами.»

Нѣтъ ни чего по тому удивительнаго, что Зиновьевъ озаботился получить списокъ произведеній своего, высоко имъ цѣнимаго и любимаго, друга, а послѣдній, отвѣчая ему равнымъ же, не отказалъ въ желаніи. Разумѣется, списокъ этотъ долженъ быть самый надежный; судя же по письму, вездѣ четкому, и выправленъ старательно въ сомнительныхъ мѣстахъ. Всѣ пять книгъ, въ обыкновенный листъ (кроме «Второго путешествія въ Кіевъ,» которое въ большой), на плотной бумагѣ: кѣмъ писаны, не означено, но не однимъ писцомъ: впрочемъ, первыя двѣ книги «1-го путешествія» принадлежатъ одному перу, третья другому и гораздо размашистѣе; четвертая, содержащая «Путешествіе въ Нижній,» писана по листѣкамъ, съ рамками, и

въ концѣ ея сказано: «Сіе путешествіе списывалъ Михайло Николаевичъ Щукинъ въ 1828-й и 1829-й годахъ.» Пятая же книга: «2-е путешествіе въ Кіевъ, въ 1817 году,» принадлежитъ еще иному перу. Какъ на этомъ путешествіи, такъ и на прочихъ, на оборотѣ выходнаго (заглавнаго) листа, въ самомъ верху, находится надпись, сдѣланная Княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ: «Экземпляръ Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго. Подаренъ ему Втррой Михайловной Фоминой, рожденной Зиновьевой, въ 1861 году.» На всѣхъ же пяти книгахъ, внутри 1-й переплетной доски, по середкѣ, приклеенъ, на бѣлой бумажкѣ, печатный гербъ Долгорукихъ, съ надписью вокругъ него церковными буквами: «Книжъ Дмитрій Ивановичъ Долгорукой,» а на выходномъ листѣ «2-го путешествія въ Кіевъ,» въ слѣдъ за его заглавіемъ: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году,» приписано имъ же: «Сочиненіе Князя Ив. Михайловича Долгорукаго.» Первыя три книги содержатъ: «Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 года,» четвертая: «Путешествіе въ Нижній 1813 г.,» а пятая: «Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году.» Въ одномъ экземплярѣ «1-го путешествія,» впрочемъ, неполномъ (именно, описывающемъ пребываніе въ Кіевѣ до отъѣзда изъ него), бывшемъ у меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ и принадлежащемъ М. Д. Х—ву, есть глава, которой не находится въ списокѣ Зиновьевскомъ: въ ней содержится слово неудобно сказанное во всеуслышаніе, и по тому, полагаю, выпущенное въ послѣдствіи самимъ ли сочинителемъ, или же его другомъ; встрѣчаются, кроме того, еще два, три, мѣста въ этомъ путешествіи, коихъ въ списокѣ Зиновьева нѣтъ; и по тому, издавая его по этому списку, я не имѣлъ права приносить въ оный стороны ни чего такого, что ему противорѣчитъ, тѣмъ болѣе, что и этѣ мѣста одного и того же разбора съ упомянутой выше главою. Relata refero in acta.

О. Бодянский.

Москва.
28 Іюня, 1869 г.

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

или
ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ КОКУДА 1810 ГОДА.

ГЛАВА I.

Выездъ изъ Москвы.

Уѣхалъ бы въ Парижъ, по тому что люблю шумъ, гамъ, театръ, роскошь, и прочее, и прочее; а гдѣ всего этого болѣе, какъ не во Франціи? Но у кого нѣтъ ни вотчинъ, ни денегъ, тотъ живетъ, какъ Богъ велитъ. Мнѣ вздумалось проѣхать: все дома, да дома, наскучить и мудрецу. Общая молва, журналы, вѣдомости мнѣ вскружили воображеніе. Я рѣшился, и поѣхалъ съ женою и съ четырьмя домашними товарищами въ Одессу.

Выѣхали мы очень поздно изъ Москвы, 10-го Іюня. На силу добились лошадей. Всѣ наши спутники и слуги отстали. Я, съ женой, въ открытой коляскѣ помчался, перекрестясь, и за заставой, какъ новый Хоревъ, обратился къ Москвѣ, сказалъ:

Тебя ли, родина, забуду,
Москва, мой отчий домъ, мой рай?
Доколь жить на свѣтѣ буду,
Москва, ты мой избранный край!

Однако, чего не дѣлаетъ фантазія! Бѣду безъ нужды, безъ цѣли, только чтобъ ѣхать. Охота пуще неволи. Дожди проливные испортили всю дорогу; грунтъ до Серпухова глиняной. Грязь по колѣно; путь гористой и тяжелой. А по ночамъ не ѡжду.

У всякаго свой вкусъ; меня такъ никогда
Ночной порою путь отнюдь не забавляетъ.

Достигли мы до подмосковной Князя Трубецкаго. Тутъ разсудили дожидаться своихъ и коекакъ переночевать. Поварня наша услана была впередъ, въ Подольскъ. Худое приключеніе для аппетита. Съ какой радостью, вошедши въ избу, узналъ я, что помѣщикъ этого селенія, не далеко отъ него живущій, тотъ самый Князь Трубецкой, у котораго я игрывалъ на театрѣ; что эта деревня та самая, въ который бывали разныя лѣтнія увеселенія! Я послалъ ему объ насъ сказать; онъ выслалъ хлѣбъ-соль, хорошій ужинъ, добрую бутылку вина, мягкую постелю. Какое для странниковъ благодѣаніе! Между тѣмъ догнали насъ и наши. Мы отъужинали, и очень крѣпко уснули.

Подмосковная—прекрасная. Выѣхавши изъ нея, я оставилъ хозяину записочку:

Спасибо, милый Князь, тебѣ за угощеніе.
За хлѣбъ-соль, за постель—скровище въ пути!
Моложе съдѣлать твое увеселеніе,
Подъ старость здѣсь же Богъ привелъ ночлегъ найти.

По утру мы проскакали Подольскъ. Городокъ нарядной, расположенъ хорошо, разбитъ на двѣ части; рѣка Пахра ихъ раздѣляетъ, воды въ ней много. Бѣлаго известковаго камня въ городѣ пропасть; всѣ дома на фундаментахъ и у многихъ крыльцы изъ него сдѣланы. Здѣсь нашелъ я нашихъ Володимерскихъ каменщиковъ, и очень имъ обрадовался. Дѣйствіе привычки! Одинъ изъ нихъ на вопросъ: «Кто у нихъ Исправникъ?» отвѣчалъ: «Не знаю; мнѣ до него никогда дѣла нѣтъ.» Счастливыя поселаніи! Онъ не знаетъ Исправника. Въ избѣ, гдѣ мы, въ 9 часовъ утра, съѣли ужинъ, который насъ ждалъ на канунъ, мы полюбовались на разныя картины и надписи, на примѣръ: Кесарь изображенъ въ латахъ и надъ нимъ:

Прохожіи! стань во оружіи, скинь шпалу
И читай:

Я грамотъ не знаю за недосугомъ.

На право кругомъ—
Ступай!

И въ Подольскѣ есть свои затѣйники. Городъ подмосковный.

Дорога Серпуховская мучительна въ ненастье. Каждой часъ поливалъ насъ дождь и холодный вѣтеръ продувалъ до костей. Горы, недомостки, грязь—все бѣсило. Первый опытъ добровольнаго странствованія! Осимъ около Москвы покрывала поля, какъ бархатъ, и обѣщала плодоносную осень.

Мы встрѣчали большіе гурты рогатаго скота. Это все, думалъ я, boeuf-steaks для столичныхъ Лукулловъ. Часто намъ попадались разнощики съ шелковыми товарами. Все ѣдетъ въ Москву: туда имъ и дорога! Гдѣ же быть роскоши и красотѣ, какъ не тамъ? Мы обѣхали нѣсколько кибитокъ, наполненныхъ Донскими Казаками: они изъ Петербурга ползли на родину,—иные въ отпускъ, иные въ отставку. Нѣкоторые изъ нихъ переплели между кузова и колеснаго стана версаки, и на нихъ, какъ въ зыбкѣ, качались: у всякаго своя роскошь! Съ ними въ одномъ обозѣ везли деревья въ кадкахъ и птицъ въ клѣткахъ. Видно, что между ими были свои Бюффоны и Линнеи.

Живописныхъ видовъ на этомъ пути около Москвы я не примѣтилъ. По сторонамъ встрѣчаются хорошія селы, большіе барскіе дома съ садами. Впрочемъ, крестьянское строеніе очень мелко и бѣдно; избы одножилыя, большею частію крытыя соломой. Причина наружи—лѣсу нѣтъ.

Мы обѣдали въ селеніи, называемомъ Лопасня, за крестьянскимъ столомъ, сидя на лавкахъ, на открытомъ воздухѣ. Тутъ была мірская сходка. Я подошелъ къ толпѣ. Одинъ мужикъ кричалъ другому: «Для меня міръ важнѣе барина!» Слава Богу! И мужики входятъ во вкусъ политической свободы.

ГЛАВА II.

Серпуховъ.

Мы прѣехали сюда одвольно рано; можно было еще ходить смотреть, записывать.

Съ Московской стороны городъ некрасивъ: онъ сидитъ въ долу, но довольно обширенъ. Взглянемъ сперва влругъ. Мостовыя всѣ изъ бѣлаго камня: причина уже извѣстна; домовъ каменныхъ много; лабазовъ и лавокъ довольно; церквей не мало. Я нашелъ здѣсь стараго знакома и подчиненнаго. Г-нъ К. всегда любилъ дисциплину. Онъ меня принялъ ласково, угостилъ дружелюбно, и далъ почевать въ своемъ домѣ. Управляя почтою, онъ самый интересный обыватель для путешествующихъ. Водилъ меня охотно вездѣ, не смотря на подагру, и хвасталъ всѣмъ тѣмъ, что и безъ дальнихъ похвалъ правилось.

Прежде всего вошли мы на развалины старинной крѣпости: ее строилъ Царь Иванъ Васильевичъ. Подивитесь, что есть еще какой ни будь ея остатокъ! Сколько ни старались въ ближайшихъ годахъ ее разорить, для того, думаю, чтобъ матеріалами ея воздвигнуть новое зданіе, которое также опять внуки наши примутъ въ ломы, все еще руины ея и до сихъ поръ безподобны. Я до изумленія плѣнился той стороною стѣны, которая выпуклостію своею образуетъ прекраснѣйшій Римскій портикъ. Эстампъ рѣдкой! Взоръ оттуда на рѣку; наружность удваиваетъ прелесть мѣста. Я поднимался на самую стѣну, и все мнѣ вокругъ правилось. Я увѣренъ, что если бы живописецъ раскрасилъ этотъ ландшафтъ на холстѣ и сталъ продавать за Итальянской видъ свою картину, всѣ бы дорогою цѣною ее купили, лучшія комнаты домовъ ею убрали и гостямъ бы стали съ восхищеніемъ показывать. Но это руина въ Серпуховѣ, и изъ тысячи человѣкъ, кои туда прѣзжали для прогулки, какъ я, можетъ быть, два, или три, глаза на нее бросили. Странное предубѣжденіе: свое всегда постыло. Я желаю, чтобъ этѣ ветхія стѣны простояли еще столѣтъ: и тогда любопытный станетъ еще на нихъ глядѣть съ

удивленіемъ, а нашихъ нынѣшнихъ зданій едва отыщется въ такое время и мѣсто, гдѣ они были, не только обломки. Я, сошедши внизъ, разъ пять оборачивался къ крѣпости, снова глядѣлъ на нее, все дивился и невольно про себя ворчалъ: «Прекрасно! Прекрасно!» Что пріятнѣе чувства восхищенія? Оно-то и жизнь.

Зашелъ въ соборъ. Говорятъ, и даже пишутъ, будто онъ строенъ лѣтъ за пять сотъ тому назадъ: не вѣрю! Ни малѣйшаго нѣтъ доказательства сей истины; или печать древности во время возобновленія храма такъ изгладилась въ нынѣшнихъ выдумкахъ архитектуры, что разглядѣть ее ни на одномъ камнѣ нельзя. При насъ пѣли всенощную, которую слушали пять, шесть, старушекъ. Я имъ пожелалъ добраго сна.

Корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ каменной въ три этажа; по наружности судя, очень хорошъ и умѣстителенъ для судей, а для суда и правды довольно хижины съ добрымъ сердцемъ.

Училище расположено въ хорошемъ каменномъ домѣ. Еслии ученіе похоже на фасадъ, то не жалѣ Государевыхъ денегъ. Противъ нашей квартиры трактиръ наполненъ былъ, какъ и вездѣ, гуляками: и праздность имѣетъ свои прелести. Тутъ органы до ночи не переставали заводиться, и мы подъ звуками ихъ очень сладко заснули.

12 числа отправились съ утра въ Тулу. На выѣздѣ изъ Серпухова есть мужской монастырь. Мѣстоположеніе отлѣнное! За лѣсомъ является женскій монастырь, и видъ на городъ со всѣхъ сторонъ заманчивъ. Церковь примѣчанія особеннаго не заслуживаетъ. Въ монастырѣ хоронится родъ Головкиныхъ. На рактъ одного изъ древнихъ Настоятелей, по имени Аванасія Высоцкаго, который подъ спудомъ, изображенъ онъ самъ въ позолоченномъ вѣницѣ, какъ водится вокругъ ликовъ Святыхъ, хотя его въ числѣ ихъ Церковь не полагаетъ. Въ церкви на монастырскомъ дворѣ погребенъ М. Ѳ. Соймоновъ. Тѣло его спрятано подъ чугунной доской съ простою надписью. Какое смиреніе для вельможи!

Съ версту отъ города за лѣсомъ течетъ Ока. Но какъ ее сравнить съ ней самой въ Муромѣ! Берега ея отлоги; пространствомъ уже и водою сто разъ бѣднѣе. По ту сторону рѣки Серпуховъ совершенно плѣняетъ. Взгляните на него отсюда, и не стыдитесь сказать, что и Серпуховъ хорошъ. Настоящій театр! Городъ въ отдаленной впадинѣ; весь въ кучѣ; отъ него по обѣ стороны, какъ кулисы, оберегаютъ его двѣ рощицы. Изъ нихъ выдаются къ берегу на одну сторону башни женской обители, на другую ограда мужской, и сіе зрѣлище довершаютъ разныя крестьянскія слободки, облегающія монастыри. Какъ смотрѣть безъ удовольствія на такое согласіе искусства съ натурой! Сквозь всей этой картины кидается въ глаза крѣпость. Я отыскалъ тутъ точку привлеченія моего любопытнаго взора. Взглянулъ, прощаясь съ городомъ, на достопамятныя ея развалины, и такъ ихъ привѣтствовалъ:

Свидѣтели побѣдъ Великаго Царя,
Съ восторгомъ вижу васъ, руины той ограды,
Съ которыхъ не смогли Татарскихъ силъ громады,
Движеніе вѣковъ, ниже стихіевъ прѣ!
Достигли вы до насъ, и мы, гигантовъ племя,
Привыкнушіе во прахъ колосы превращать,
Держули было съ васъ печать времени сорвать;
Но намъ ли сокрушить, что чтить и само время?
Въ развалинахъ своихъ еще премного лѣтъ
Прославить замокъ сей десницу Іоанна;
Тамъ зиждется хвала того вождя избранна,
Которымъ изумить судили боги свѣтъ!

ГЛАВА III.

Тула, оружейный заводъ.

Долго не терялся изъ виду Серпуховъ. Потомъ до самой Тулы ни чего для взора пріятнаго: мѣста степныя, лѣсу мало, изрѣдка рощи; жилья крестьянскія тѣсны, низки, бѣдны. Въ нашихъ мѣстахъ заборникъ лучше и крупнѣе! Грунтъ земли пло-

ватый съ пескомъ, иногда глинистый; чернозему мало. Во всякомъ селеніи увидите ветлу: —вывѣска безлѣсныхъ странъ! Снисходительное дерево, которое вездѣ примется. Камень бѣлой до самой Тулы съ вами не растается. Лошади почтовые сыты и бѣгутъ скоро.

Мы обѣдали въ Заводѣ. Такъ называется селеніе, принадлежавшее Д. М. Нарышкину. Тутъ жили ружейники; казна ихъ купила и перевезла въ городъ. Здѣсь пріятно взглянуть на опыты Россійской живописи; ни какой натуралистъ не отыщетъ такого цвѣта птицъ, какихъ мы тутъ видѣли. Кабинетъ учебнаго извѣстнаго въ свое время въ Москвѣ К. О. не пестрѣе той комнаты, гдѣ мы остановились. Меня забавляли очень надписи на обыкновенныя проказы путешественниковъ. Гдѣ они стѣны не мараютъ? На одной нашелъ ихъ до 20-ти и внизу слѣдующую, которая мнѣ очень понравилась: «Изъ всего выше писаннаго заключить должно, что по этому пути мало умныхъ людей бѣздить». По надписямъ судя—правильное примѣчаніе! Я хотѣлъ надъ ней вплоть до Тулы. Горы отъ Серпухова хотя изрѣдка, но продолжаютъ; источниковъ мало, а въ жаркое время долго не видать воды тяжело!

Наконецъ мы въ Тулѣ. Посмотримъ! Для этого мы здѣсь пробыли почти два дня, жили въ трактирѣ, естли можно назвать жизнью только ночлегъ; впрочемъ, я все шатался. Здѣсь, такъ же, все дорого, какъ и въ Москвѣ. Общая участь городовъ, окружающихъ столицу. Ненастливая погода отнимала у насъ половину того удовольствія, которое даетъ любопытство.

Городъ самъ по себѣ великъ, но удваивается еще соединенной съ нимъ оружейной слободой. Множество каменныхъ домовъ и тамъ и тутъ даютъ городу видъ великолѣпный. Тула вымощена вся бѣлымъ камнемъ; тамъ никакого нѣтъ. Улицы правильны; есть между ими, подобно большимъ городамъ, переулки и перекрестки. Довольно для общаго взгляда.

Первый предметъ любопытства въ Тулѣ—оружейный заводъ. Кто объ немъ не знаетъ и не слыхалъ? Но такъ какъ на всякую

вещь можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ и не съ одинаковымъ объ ней разсужденіемъ, то и мнѣ позволять сообщить здѣсь мои примѣчанія. Они будутъ очень поверхностны и недостаточны; ибо я могъ только теоретическое получить объ немъ понятіе: заводъ въ то время былъ безъ дѣйствія отъ недостатка воды, на немъ работъ не производилось. Итакъ я много слушалъ и слышалъ, а ни чего практически не видалъ. Отважимся, однако, что ни будь сказать. Мнѣ никогда не пришло бы на мысль, что заводъ такой, какъ нашъ въ Тулѣ, можетъ быть въ такомъ упадкѣ со стороны его помѣщенія. Вся фабрика изъ дерева и подвержена всѣмъ бѣдствіямъ огня тамъ, гдѣ кирпичное строеніе не дороже деревяннаго; ибо лѣсу нѣтъ. Правда, что кирпичъ дѣлается мелкой, въ половину противъ нашего, и тотъ продается уже рублемъ по семи тысяча: при всемъ томъ государственное такое заведеніе, котораго польза предполагается быть почти неограниченной, не стоитъ ли важныхъ пожертвованій, для цѣлости и безопасности своей?

Я сказалъ уже, что ни какихъ машинъ я не видалъ въ дѣйствіи: воды нѣтъ. Для накопленія ея въ рѣкѣ Уплѣ, которая протекаетъ сквозь Тулу и въ которой, подобно какъ и вездѣ, даже въ Балтійскомъ морѣ, примѣчено изслѣдователями физическихъ чудесъ, что вода упадаетъ, сдѣланы ворота и шлюзы изъ бѣлаго же камня. Польза тутъ соединена съ прихотью, также имѣющей разумную цѣль; ибо и удовольствіе общества должно почитать важной пружиной въ политическомъ управленіи. Я хочу сказать, что здѣсь дѣлается набережная и для прогулки бульваръ. Москва всѣмъ городамъ примѣръ! Общій телеграфъ! Что видятъ въ ней, то перенять хотятъ вездѣ, кстати и не кстати; а Москва, также въ свою очередь, глядитъ на градъ Петровъ. Всѣми этими работами управляетъ военный чиновникъ Г. В. человекъ, какъ изъ разговоровъ моего мнѣ показало, хороший, честный, знающій свое дѣло, горячій къ своему Отечеству; чего больше? Онъ меня водилъ вездѣ и съ крайнимъ снисхожденіемъ удовлетворялъ моимъ распросамъ.

Вошедши въ арсеналъ, я далъ полную свободу моему восторгу. Я видѣлъ, я хваталъ, то самое ружье, которое отдѣлывала

Екатерина, идучи въ Херсонъ гремѣть новой славой во вселенной. На немъ эпоха сія, для Тулы знаменитая, насѣчена золотыми буквами. Цѣль молотокъ, коимъ десница ея дала послѣдніе удары не обработанному еще да нея ружью. Цѣло то блюдо, на которомъ онъ поднесенъ былъ ей. Пусть не Екатерина точно принадлежитъ отдѣлка этого ружья: она его приковнулась — довольно! Я взглянулъ на него, задрожалъ, заплакалъ и прильнулъ къ нему. О! Екатерина! Ты уже не чувствуешь похвалъ! Тѣмъ онъ справедливѣе. Я радъ, когда имѣю случай въ полной голосъ сказать, что я чту память твою. Не ты ли возвеличила судьбу мою? Не ты ли судила меня быть достойнымъ служить твоему престолу? Многіе должны многимъ Отечеству: я, я всѣмъ долженъ одной тебѣ.

Комната въ арсеналѣ, гдѣ показывается означенная рѣдкость, убрана приличнѣйшимъ ей образомъ: въ срединѣ бюстъ Екатерины окруженъ военными трофеями; въ большой пирамидальной колоннѣ хранятся: ружье, молотокъ и блюдо, о коемъ говорено выше; по стѣнамъ, въ углахъ и вездѣ, разставлены разнородныя орудія; карнизъ верхній весь обнизанъ цѣною маленькихъ пистолетовъ. Тутъ отъ самой большой пушки до малѣйшаго кортика все употреблено на убранство комнаты. Нѣтъ орудія, котораго бы вы тутъ не нашли, разумѣется, Русскаго. Но, слава Богу! наука драться такъ вразумительна стала всѣмъ народамъ и въ практикѣ и въ теоріи, что всѣ огнестрѣльные орудія сдѣлались общими. По крайней мѣрѣ и это здѣсь увеличиваетъ цѣну мѣста: все что вы такого найдете, сдѣлано въ Тулѣ.

Оружейная слобода управляется мѣстомъ, особеннымъ отъ Губернскихъ повсемѣстныхъ статоевъ. Его зовутъ оружейнымъ Правленіемъ. Предсѣдательствующій — главный начальникъ заводовъ. Правленіе имѣетъ подъ собой изрядную Палату, гдѣ сидятъ члены изъ сословія мастеровыхъ, и Нижній Словесный Судъ. Во всѣхъ Присутствіяхъ внутренній уборъ покоевъ отвѣчаетъ достоинству мѣста. Я о семъ упоминаю по тому, что не всѣ Семидины дворцы такимъ пригожествомъ похвастать могутъ.

Въ Разрядной Палатѣ хранится золотой ковшъ, вѣсомъ въ три фунта, съ надписью прекрасной работы: онъ жалованъ ны-

нѣшнимъ Государемъ оружейной слободѣ, скоро послѣ коро-
націи.

Покои Управляющаго прекрасно отдѣланы предметникомъ
его, съ роскошью и со вкусомъ. Прелестей много, а покою нѣтъ.
Общая участь всѣхъ живущихъ въ казенныхъ домахъ, при адани
коняхъ единственно думаютъ о величавыхъ фасадахъ и обширныхъ
залахъ, а хозяинъ пусть живетъ, какъ знаетъ!

При оружейномъ томъ же заводѣ учреждена лавка, изъ
которой продаются разные геодезическіе и математическіе ин-
струменты волейной цѣной. Заведеніемъ симъ обязана Тула Михай-
лу Никитичу Кречетникову: * онъ вызвалъ мастера Нѣмца, который
ее устроилъ, открылъ, и онъ же донынѣ его правитъ. 26 лѣтъ
трудится надъ желѣзомъ и дѣлаетъ все, отъ астролэбии до ком-
паса. Незабавный промыслъ! Онъ обучаетъ ему до 16-ти чело-
вѣкъ изъ дѣтей оружейничьихъ. Странно, что такое полезное
заведеніе, какъ слышалъ я, не имѣетъ ни стату, ни основатель-
наго положенія! Оно содержится на счетъ разныхъ экономиче-
скихъ крохъ, существуетъ по произволу начальника завода и,
слѣдовательно, зависитъ отъ доброй, или худой, воли каждаго,
вступающаго въ сіе званіе.

Оружейники пользуются хорошимъ состояніемъ: есть изъ
нихъ капиталисты; почти у всѣхъ каменные, а у иныхъ даже
и красивые, дома. Одинъ изъ мастеровъ, по имени Мансуровъ,
отдѣлалъ стальной уборной столъ съ приборомъ. Онъ подносилъ
его Государынѣ Императрицѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ, и награж-
денъ за рукодѣлье, а вещь осталась у него, съ дозволеніемъ про-
дать ее въ свою пользу. Я былъ у него и любовался на эту

* Генералъ-Губернатору Калужскому, Тульскому и Рязанскому, съ 1776 по 1791
годъ. Подробныя свѣдѣнія о немъ см. въ моемъ предисловіи къ его «Жур-
налу реляцій Ея Императорскому Величеству въ 1782—1787 г.» и «Дневнымъ
Запискамъ о движеніи и дѣйствіяхъ войска въ Литвѣ 1792 г.» помѣщеннымъ
въ IV-й книгѣ «Чтеній въ Императ. Обществѣ Истории и Древностей Россій-
скихъ при Московскомъ Университетѣ» 1863 года, отд. II, стр. I—XIII. О. В.

работу. Думаю, что нигдѣ лучше образоваться стали и желѣза въ
подобномъ предметѣ нельзя, какъ она выдѣлана тутъ. Я ни чего
превосходнѣе не видалъ, но зато я, а наши Англоманы едва за-
хотятъ ни и взглянуть. То ли дѣло, скажутъ, въ Лондонѣ! Здѣсь
мастерски отработываютъ всякую желѣзную подѣлку, особливо
печати. Какихъ надписей не найдете вы на нихъ? Я цѣлое утро
ими занимался, и попадались очень замысловатыя: есть острия,
разсудительныя, глупыя, проказливыя, словомъ—магазинъ деви-
зовъ. Художникъ одинъ приносилъ ко мнѣ на хвостовство пару
маленькихъ пистолетовъ, въсомъ въ три золотника. Видали ли
что ни будь этого мелче? Онъ просилъ за нихъ 150 руб. Не для
меня покупка: похвалилъ и отдалъ назадъ. Видно, и многія
то же дѣлали до меня; иначе мнѣ бы объ нихъ не писать.

ГЛАВА IV.

Разныя заведенія.

Здѣсь есть Училище Военное, называющееся Александров-
скимъ; оно подъ особеннымъ покровительствомъ Монарха, но
зависитъ, наряду съ прочими общими богоугодными заведеніями,
отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Государь на содержаніе
его жалуетъ 6000 руб. деньгами въ годъ и по 10,000 пудъ желѣ-
за. Сверхъ того Дворянство споспѣшествуетъ ему своими пожертво-
ваніями. Учениковъ человекъ до 50-ти, все Дворяне Тульскіе и
ходятъ въ присвоенной имъ военной одеждѣ. Спитанники сто-
ятъ Приказу до 200 руб. Учителей особыхъ они не имѣютъ, а
уроки даютъ имъ Гимназическіе. Надзирателемъ за ними ино-
странный Профессоръ, человекъ пожилой и, кажется, не очень
замысловатый. Закономъ учить Священникъ, разумеется; Богословъ;
носитъ уже крестъ на персяхъ; но первый взглядъ не въ его
пользу, а разсуждать съ нимъ долго я не имѣлъ времени; остро-
та, какъ и пламя; ее тотчасъ примѣтишь. Огонь свѣтитъ и отъ
простой свѣчки, но близко подойти надобно, чтобъ озариться ея
свѣтомъ. Ученики живутъ тѣсно; еще домъ, для нихъ назначенъ

ный, не готовъ. Библіотеки нѣтъ; по крайней мѣрѣ я не могу назвать ея шкафъ, въ которомъ сотъ до двухъ азбукъ, грамматикъ и подобныхъ имъ учебныхъ книгъ. Машина воздушная и электрическая готовы и ждутъ только опытныхъ рукъ, а физическаго класса еще нѣтъ. Для обученія молодыхъ людей верховой ѣздѣ устроенъ манежъ. Въ особомъ каменномъ строеніи содержится малолѣтнихъ до 80-ти человѣкъ: оно называется Воспитательнымъ Домомъ; только расположено тѣсно, а для здоровья первая выгода—воздухъ и просторъ. Къ смотрѣнію за ними представленъ солдатъ отставной и надзирательница: первому дается 100, второй 90 руб. Я спрашиваю, можно ли по нынѣшней цѣнѣ деньгамъ за такую малую плату ожидать того неусыпнаго попеченія, безъ котораго первый человѣческій возрастъ обойтись ни какъ не можетъ? Дѣти сіи, достигши 6-ти лѣтъ, отсылаются въ Москву въ большой Воспитательный Домъ.

Публичная Больница на иждивеніи Приказа. Хворые содержатся въ ней довольно хорошо: они ни чѣмъ не нуждаются; всякой у своей кровати имѣетъ столъ и нужную ручную посуду; воздухъ мѣняется ежечасно верхними отдушниками; при всемъ томъ жаль, что всякаго рода недужные лѣчатся и лежатъ вмѣстѣ съ самыми даже прилипчивыми и гнилыми болѣзнями. Недостатокъ мѣста и способовъ—тому главная причина. Хочется имѣть все, а средства ограничены. Всѣ наши подобныя учрежденія такъ еще новы, что ихъ можно назвать образчикомъ только филантропіи. Подъ одной крышкѣ 4 номера для безумныхъ; они не пусты. Я не знаю ни чего жалчѣе безумія кроткаго. Мятенное изстѣпаніе ума, что мы зовемъ бѣшенствомъ, тяжело для взора, но не такъ. Нѣсколько инвалидовъ доживаютъ въ свой въ прикосновенномъ флигелѣ и благодарятъ Бога: сыты, одѣты, тепло: вотъ богатство старости! При входѣ на дверяхъ нарисованъ солдатъ съ ружьемъ. Одинъ изъ нихъ мнѣ сказалъ: «Это былъ мой портретъ: онъ очень похожъ!»—«Вѣрно, отвѣчалъ я, также былъ храбръ и ты, какъ онъ изображенъ.» Старикъ улыбнулся; привѣтствіе мое ему понравилось. Онъ, конечно, аппетитно поужиналъ. На кого самолюбіе не дѣйствуетъ? Все это очень хорошо; но какая разница между здѣшнимъ инвалиднымъ домишкомъ и Владимирскимъ? Тамъ дворецъ для солдатъ.

За заставой по Кіевской дорогѣ выстроены купечествомъ Домъ для неизлѣчимыхъ: такъ его зовутъ; но приличнѣе бы было его назвать просто богадѣльнею. Какъ же не погоняться за отборнымъ названіемъ! Сходно ли оно съ вещію, или нѣтъ, до того какое дѣло! Тутъ ни одного нѣтъ неизлѣчимаго, а собрана смѣсь всякаго рода и пола людей, очень излѣчимыхъ и даже здоровыхъ, но старыхъ и ни въ какое употребленіе негодныхъ. Всѣ они хорошо содержатся. Я видѣлъ старика въ этой компаніи 105 лѣтъ: онъ помнитъ подымовную перепись. Любопытный человѣкъ! Загадка для медиковъ! Кромѣ ногъ, кои часто ему измѣняютъ, всѣмъ бодръ и крѣпокъ; всѣ чувства еще у него сохранились; онъ ѣстъ и спитъ прекрасно. Хотя онъ, попавши изъ купцовъ въ солдаты, слѣдовательно, изъ роскоши въ пужду, конечно, вытерпѣлъ много всякаго безпокойства и изнуренія, и при томъ велъ жизнь невоздержную, однако онъ еще теперь здоровѣе многихъ молодыхъ людей, коимъ аптека посылаетъ всякой день свой кувертъ.

По общей молвѣ, здѣсь очень славится тюрьма, построенная во время М. Н. Кречетникова. Я любопытствовалъ ее видѣть—и нашелъ весьма обыкновенной. Вся ея выгода преимущественная предъ многими другими городами есть та, что она обнесена каменной стѣной, или, что называется обыкновенно, острогомъ. Время его разрушило почти совершенно: цѣлая стѣнка деревянная введена уже въ эту ограду, которая близка со всѣхъ сторонъ къ разрушенію; но преступники могутъ, по крайней мѣрѣ, выходить вонъ изъ избы, дышать свѣжимъ воздухомъ, безъ страха для стражи, чтобы кто либо изъ нихъ ушелъ. Вотъ существенное благотвореніе для заключенныхъ! Кому не нуженъ, кому не сладостенъ, воздухъ и видъ небесъ? Не вездѣ пользуются узники симъ наслажденіемъ. Но чего не могли сдѣлать къ общей пользѣ въ свое время Господа Генералъ-Губернаторы? Была бы добрая воля: средства у нихъ были на все подъ руками.

Присутственные Мѣста помѣщаются въ двухъ большихъ корпусахъ. Старое каменное строеніе безъ всякой красы! Я внутрь не ходилъ. Губернаторъ имѣлъ домъ каменный казенный, но потомъ онъ обратился въ Семинарію, и начальникъ города съ тѣхъ

портъ живетъ въ собственномъ своемъ домѣ. Я не видалъ Семинаріи, по тому что Амвросій, тутешній Епископъ, отозвался мнѣ, что въ ней нѣтъ ни чего любопытнаго. Архіерей здѣшній человекъ умный и просвѣщенный, сотоварищъ извѣстнаго Владимира въ школѣ, соревнователь ему въ проповѣдяхъ. * Жаль, что близко, видно, потерся около Мартинистовъ, слишкомъ налюбовавшись ихъ ладону; часто твердитъ о ниспадшемъ человекѣ, о внутренней церкви; весь ихъ духъ и бесѣда. Всѣмъ сердцемъ желаю быть въ ошибкѣ; ибо дарованія его, впрочемъ, имѣютъ пріятную сторону. **

Соборъ старинный, но шире и свѣтлѣе многихъ, ему подобныхъ; оконки болѣе даютъ свѣта; столпы менѣе стѣснены. Для проповѣдниковъ построена кафедра—предметъ соревнованія для Духовныхъ Училищъ.

Гостинный дворъ или ряды—древней Готической архитектуры. Въ такомъ видѣ бывали нѣкогда лавки въ Москвѣ. Время ли тогдашнее, или самое ихъ расположеніе, нравилось. Но бывало въ старыхъ лавкахъ пропасть денегъ и товару, а въ нынѣшнихъ новыхъ, прекрасныя съ наружи колоннады, а внутри,—бѣдность и пустота. Хотя не запирай: воръ ни чего не унесетъ!

* Въ свѣтѣ Василій Третьяковъ, учитель Французскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Московской Академіи, съ 1793 г. проповѣдникъ; 1798 Префектъ; 1799 Ректоръ ея; уволенъ 1801 по болѣзни и скончался 1812 года. О. Б.

** Въ мірѣ Алексій Протасовъ, сынъ Дьячка въ Москвѣ, Николо-Голутвинскаго; первоначально учился въ Перервинской Семинаріи, а потомъ въ Троицкой съ Сентября 1787 г.; въ Октябрѣ 1790 г. Учитель Поэзіи, а послѣ Риторикѣ въ Московской Академіи; 1794 монахъ; 1795 проповѣдникъ; 1797 Префектъ ея и проповѣдникъ; 1799 Ректоръ Александро-Невской Академіи; съ 1801 Епископъ Тульскій; 1816 Архіепископъ Казанскій; 1827 Тверской; скончался 1831 г. Московскій Митрополитъ Платонъ отзывался объ его дарѣ проповѣданія: «Были бъ я такъ писалъ, какъ Амвросій, меня бы сходилась слушать вся Россія.» Вообще онъ отличался глубокомысліемъ, образованностью, чувствомъ и ревностью къ Вѣрѣ, какъ замѣчаетъ Филаретъ, Архіепископъ Черниговскій (Обзоръ Русской Духовной Литературы. Черниговъ, 1863, кн. 2, стр. 219—221). Его Латинская Грамматика и теперь еще не потеряла своей цѣны и остается классической въ нашихъ Духовныхъ Училищахъ. О. Б.

Любя ученость, я зашелъ въ Гимназію. Говорить ли объ ней? Жалко! Ни библіотеки, ни рѣдкостей, ни учениковъ, ни учителей. Бѣда, естли эта общая ихъ картина! Денегъ казна тратить пропасть, а пользы на сотую долю издержекъ нѣтъ. Въ классѣ Французскомъ Учитель меня взбѣсилъ. О! естли бъ я показался въ синемъ кафтанѣ, который имѣю счастье и право носить по милости Московскаго Университета, * нѣтъ сомнѣнія, что мнѣ какой ни будь мальчикъ проговорилъ бы рѣчь, прочелъ стихи, сравнял бы меня, какъ водится, съ Аполлономъ, а Учитель, добившись выученныхъ на изусть отвѣтовъ на два, или три, вопроса, обманулъ бы меня прекрасно, и я вышелъ бы доволенъ. Но я былъ во фракѣ и не обращалъ на себя дальняго вниманія. Мой Французъ профессоръ диктовалъ рядовую строфу изъ учебной книжки, и при каждомъ словѣ, или двухъ словахъ, не требующихъ ни какой отдышки отъ всего періода, безпрестанно, важнымъ видомъ, кричалъ школьнику: «Tigez, tigez!» и за всякимъ восклицаніемъ смотрѣлъ на меня съ этимъ снисхожденіемъ къ самому себѣ, которое оказываемъ мы, когда думаемъ быть превосходны. На вопросъ мой: «На что эти «tigez», или, по Руски сказать, отточка?» онъ не умѣлъ дать инаго отвѣта, какъ: «Это нынѣшній вкусъ и красота слога.» О бѣдной школяръ! подумалъ я, и отретировался. Какъ часто, подъ видомъ ученія, портятъ у насъ ребятшекъ!

Изъ частныхъ строеній въ городѣ лучший домъ и богатѣйшій, естли по фасаду можно судить и о карманѣ хозяина, принадлежитъ купцу Шлокову. Онъ живетъ на Воронежской улицѣ. Роскошь вездѣ пустила свой корень.

Вокругъ города и здѣсь, какъ во многихъ мѣстахъ, протянута каменная стѣна или, по древнему названію, крѣпость. М. Н. Кречетниковъ хотѣлъ ее сломать. Екатерина, умѣвшая цѣнить остатки предковъ, повелѣла, напротивъ, ее поддержать и возобновить.

* Сочинитель воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, сперва слушателемъ съ 1777, а потомъ студентомъ 1778 по 1780 годъ; былъ членомъ ученыхъ Обществъ, при Университетѣ состоявшихъ тогда, и почетнымъ членомъ его самаго. О. Б.

Виды ея исполнены, но худо: надъ старыми башнями подфланы бѣдвѣдцы деревянные и выкрашены подъ кирпичной цвѣтъ. Низко, не хорошо!

Довольно говорить о Тулѣ; пора ѣхать далѣе. Но какъ при отъѣздѣ умолчать, что я здѣсь принять былъ очень ласково Начальникомъ, который безъ всякой задержки все мнѣ велѣлъ показать въ городѣ, чего я ни пожелалъ. Расторопный и вѣжливый Полиціймейстеръ провожалъ меня повсемѣстно; сверхъ того я здѣсь нашелъ стараго сослуживца. Поживши долго на свѣтѣ, съ кѣмъ два, три, раза не встрѣтишься? Г. М. — человекъ хорошій, добродушный; вспомнилъ, что я нѣкогда былъ ему полезенъ, обласкалъ меня, всюду сопровождалъ и до мелкихъ подробностей тѣшилъ мое любопытство. Спасибо добрымъ людямъ! Они драгоценны во всякомъ климатѣ. Съѣхались съ нами еще и родственники; они насъ встрѣтили, и проводили. Счастливы путешественники, когда, сверхъ удовлетворительнаго для любопытства, находятъ еще удовольствіе родства и пріязни.

ГЛАВА V.

Ночлегъ на дорогѣ. Мценскъ.

Выѣхали мы изъ Тулы 14 числа, отобѣдавши рано въ своемъ трактирѣ. Сегодня начальникъ завода давалъ пиръ, но я не могъ въ немъ принять участія и видѣть Тульскую публику: всѣ мои минуты были разочтены. Я распрощался утромъ со всѣми и поѣхалъ. Не знаю, весело ли живутъ въ городѣ; по крайней мѣрѣ, при мнѣ не было ни какого съѣзда. Впрочемъ, въ какой Губерніи весело, особливо лѣтомъ, когда все и изъ столицъ бѣжитъ въ деревню? Судя по движенію народа въ Тулѣ, заключить можно, что она довольно многочисленна. Съ Кіевской стороны въ которую лежитъ намъ путь, ни чего для виду примѣчательнаго, кромѣ пространства города. За заставой выстроена кладбищенская церковь странной архитектуры. Я съ крайнимъ сожалѣ-

ніемъ оставлялъ Тулу, не видавъ въ ней самой замѣчательной части ея — полнаго дѣйствія оружейнаго завода, но подумалъ: Тула не за горами, и утѣшился.

До предполагаемаго нами ночлега считалось 60 верстъ; мы проскакали ихъ и расположились въ вотчинѣ К. С. С. Гагарина, по имени Сергіевское. Все еще ни лѣсу, ни воды; одна ветла въ глаза кидается. Черноземъ, единственная отрада удрученнаго хлѣбопашца, зачалъ быть примѣтенъ. Не знаю, отъ недостатка ли въ хлѣбѣ, или отъ того, что вся жатва здѣшнихъ крестьянъ продается для пріобрѣтенія другихъ, не меньше нужныхъ, потребностей, только я нигдѣ не видалъ одоньевъ, сихъ благонадежныхъ залоговъ крестьянской корысти. Долго обыватели жаловались на засуху; Пресвитеры молились о дождѣ; Богъ услышалъ гласъ народа; хлѣбы небесныя отверзлись, и насъ въ коляскѣ въ три пріема такой оросилъ дождикъ, что нитки сухой не осталось ни на какомъ. Между тѣмъ солнышко ушло въ антиподы; небо покрылось облаками; стало темнѣть; лошаденки наши пристали; экипажи остались назади; до глухой полночи не могли войти въ жилище. Непріятное положеніе! Мы зачинали уже клясть демона любопытства.

Представьте вы соломой крытыхъ,
Бѣднѣйшихъ избъ нестройный рядъ,
Представьте въ нихъ крестьянъ съ ногъ
сбитыхъ,

Которыхъ потъ пробилъ какъ градъ,
Которы день и ночь сохою
Добыть лишь могутъ хлѣбъ себѣ,
Пекутся лѣтомъ всѣ отъ зною,
Зимой безъ дровъ сидятъ въ избѣ:
И вотъ вамъ въ прозѣ и въ стихахъ
Все то, что видишь въ сихъ краяхъ.

Съ горемъ всегда рядомъ ходитъ отрада. Княжой бурмистръ отворилъ намъ Господеской домъ. Тутъ мы сказали: «Слава Богу!» Обсохли, обогрѣлись; дали намъ огня; увидѣли себя въ зеркало, нашли самоваръ, напились чаю и поболтали. Кто говорилъ: «О любезная добродѣтель Русскихъ, благотворное гостепріимство! ты все заставляешь насъ забывать въ дорогѣ,» а я качалъ голо-

вой и думалъ: «Нѣтъ, еще далеко до того времени, какъ можно будетъ ѣздить по Россіи, съ тѣми пріятностями, съ какими ѣздить въ Германіи, во Франціи, по крайней мѣрѣ, въ книгахъ!» До Сергіевского нечего было замѣтить, развѣ сказать, что въ Ясной Полянѣ, гдѣ живетъ К. В., сдѣланъ до хороша его проспектъ и на дорогѣ пирамидальныя столбы у воротъ, указующіе въздѣ къ помѣщику.

Здѣсь, т. е., на ночлегѣ, мы нашли спокойство и довольство. Домъ большой съ балкономъ, ротондами, паркетами и прочими убранствами роскоши. Какъ весело войти въ такіе покои послѣ ненастья и въ темную ночь! Сказывали намъ, что когда-то здѣсь былъ трактиръ; но какъ хозяину не было чѣмъ ни гостей кормить, ни самому жить, то его и заколотили.

Выспавшись спокойно, отблагодарили бурмистра, управителя, смотрителя (что больше баринъ, то больше прислуги), словомъ, всѣхъ, кого слѣдовало, и отправились въ Мценскъ, отсюда 70 верстъ. Проѣхавъ частью Крапивинскаго и Чернскаго Уѣздовъ, мы впади въ Мценской, обѣдали въ Большомъ Скуратовѣ, гдѣ распрощался я съ солдатомъ статной команды, котораго Тульская власть изъ снисхожденія посылала впередъ для заготовленія мнѣ лошадей. Скуратово—деревня, принадлежащая помѣщику того же имени. Кто кому далъ свое имя: онъ ли селу, или село ему, сего я не разыскивалъ.

Домъ господской на возвышенномъ и лучшемъ въ окрестности мѣстѣ, выстроенъ изъ кирпича и, разумѣется, съ колоннами: какъ безъ нихъ? Странно, однако жъ, какъ тутъ люди когда ни будь селились; вовсе нѣтъ воды; мы пили самую мутную, да и та не близко: ее подвозятъ на лошади. Почтальону слѣдъ 40 р. жалованья, и хотятъ, чтобъ онъ не прижималъ проѣзжающихъ и не требовалъ бы съ нихъ на водку. Это значитъ подъ честнымъ предлогомъ просить милостыню. Ямщики страшатъ Мценскими горами, но онѣ не ужасны; можно съестъ спусковъ до шести довольно крутыхъ.

Орловская Губернія возвѣщаетъ себя прекрасной пирамидой изъ бѣлаго камня нарочитой вышины; она оканчивается шаромъ,

на которомъ посаженъ орелъ съ распростертыми крыльями; гордой видъ его мнѣ полюбился. Тучныя поля и золотыя нивы, послѣ большихъ пространствъ земли не оранной (ибо я еще степью ихъ назвать не могу), утѣшили мой взоръ. На пути стояла роща; мы сильно ей обрадовались—вонъ изъ повозокъ, и погуляли. Горы на дорогѣ и около ея должны были бы, кажется, образовать разныя картины, овраги, пропасти и все, что нравится въ романахъ. Здѣсь ни чего этого нѣтъ, ни малѣйшей разнообразности; сухая повсюду единообразность въ предметахъ.

Въ 7 часовъ вечера пріѣхали въ Мценскъ и остановились въ худомъ трактирѣ за хорошія деньги. Городъ изрядной, но не оживотворенъ, пусть, ни кто не бѣгаетъ, не суетятся, все тихо, всѣ по домамъ; однако промышленность имѣетъ обширныя средства; не далеко отъ города Ока. Торгъ хлѣбомъ нарочитый; нѣскольکو деревянныхъ складочныхъ анбаровъ по берегамъ рѣки Зуши, которая, нося на себѣ суда, сама съ ними впадаетъ въ рѣку Оку. Пространство города необширно, взоръ съ нагорной стороны рѣки привлекателенъ, но внизу, кромѣ бѣднаго деревяннаго строенія, ни чего не видать. Корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ и лавки: вотъ все, что здѣсь есть каменнаго!

На самомъ верхнемъ бугрѣ горы древній соборъ, отъ котораго по валу тянутся еще остатки старой земляной крѣпостцы.

Въ храмѣ большой образъ рѣзной, во весь ростъ, Николая Чудотворца. Богомольцевъ пропасть, и молебны поютъ ежечасно. Сильное привлеченіе для народа, а для духовныхъ какая богатая руда! Признаюсь, что я всегда отвращался подобныхъ изваянныхъ образовъ: это меня приближаетъ ко временамъ идолослуженія. Тутъ же поклоняются большому древесному кресту, приплывшему, какъ сказываютъ, противу воды къ городу. Блажени видѣвшіи! Я ни съ кѣмъ не имѣлъ случая познакомиться въ городѣ, кромѣ чиповника, служащаго на почтѣ. Г..., которому я очень благодаренъ остался за то снисхожденіе, съ которымъ онъ меня вездѣ водилъ и все мнѣ любопытное показывалъ. По словамъ его, испугавшая меня городская пустота происходила отъ того, что обыватели почти всѣ разѣхались на Коренную ярмарку. Въ-

роятно! Я много заимствовалъ отъ него народныхъ преданій о Мценскѣ, какъ то, на примѣръ, что съ версту отъ города есть мость (я по немъ проѣзжалъ), называемый холопій, по тому что будто во время набѣговъ Татарскихъ его отстояли, а съ нимъ вмѣстѣ и городъ, господскіе холопы. Много, видно, было ихъ, или мало Татаръ! Если бы могъ кто прожить лѣтъ тысячу, и постепенно очищать исторію, которую каждый вѣкъ о себѣ другому оставляетъ, сколько бы мы нашли, во мнимыхъ нашихъ историческихъ истинахъ, баснословныхъ нецѣнностей! Вблизи того же моста видны земляныя высоты, подъ коими утверждаютъ быть могиламъ, рыгымъ послѣ сраженія съ Татарами. Гдѣ не встрѣтишь слѣдовъ злобы человѣческой? Вездѣ огулаена ея мысль самаго свободнаго путешественника. Правду сказала Державинъ:

Исторія есть цѣнь злодѣйствъ.

Подлѣ города Г. Ш. имѣетъ деревню и живетъ въ ней. Домъ прекрасный: отъ него протянута вплоть до большой дороги аллея изъ елокъ, подстриженныхъ по старымъ правиламъ садовничества въ полномъ туалетѣ, и деревья убираются какъ щеголи! Для Уѣзда такое помѣстье—пріобрѣтеніе: многіе съ холинномъ знакомы, ѣздятъ къ нему часто, и онъ ласково ихъ принимаетъ. Не всѣмъ хлѣбосоламъ жить въ Москвѣ.

ГЛАВА VI.

Выѣздъ изъ Мценска. Проѣздъ чрезъ Орелъ. Ночлегъ того дня.

Въ Орловской Губерніи на большой дорогѣ грунтъ земли часто мѣняется. Вдали намъ видны были волны рѣки Оки, но все еще несравненно уже и бѣднѣе она тутъ, чѣмъ въ нашихъ мѣстахъ. Лѣсу ни прута; давно ужъ сосны намъ не попадались; индѣ насажены рощи осиновыя и березовыя. Выѣхавши изъ Мценска 16 числа, мы обѣдали верстахъ, въ 15-ти отъ Орла, въ деревнѣ Обтухѣ. Она принадлежала нѣкогда Соймонову, и куплена у

него старымъ моимъ одноподчаниномъ Г. Т., котораго тутъ не было: онъ роскошничалъ еще въ Москвѣ. Подѣхавъ къ дому господскому, увидѣлъ я лицо знакомое: долго не могъ признать его; наконецъ вскочилъ ему на шею. На чужой сторонѣ всякой милъ. Кто же это? М. — старый кривой Московскій часовщикъ. Отдалъ онъ за помѣщика свою дочь, и въ отсутствіе его дѣлается здѣсь баринномъ. Посулилъ намъ вина, пива, всего, а ни чего не далъ. Хвастать дѣло Французское! Между тѣмъ всѣ наши часы иные поставилъ, а иные допортилъ, и увѣрялъ меня съ крайнимъ добродушіемъ, что ему тутъ жить гораздо легче и пріятнѣе, нежели по Москвѣ ѣздить изъ дому въ домъ повѣрять часы по солнцу. Кто жъ этому не повѣритъ? Истина безъ возраженія! Въ первый разъ еще я здѣсь примѣтилъ господскій домъ, покрытый превосходнѣйшимъ образомъ соломой. Въ людскихъ избахъ вездѣ полы настланы изъ бѣлаго камня; достокъ взять не откуда, развѣ страшную цѣною, а его пропасть. Изъ него дѣлаютъ ограды вокругъ крестьянскихъ избъ, кладутъ анбары и всякіе нежилыя строенія. Я не стану теперь говорить объ Орлѣ; мы его проскакали. Желаніе застать Коренную ярмарку, и страхъ, чтобъ Харьковская почта, на встрѣчу намъ бѣгущая, не отняла у насъ лошадей, привязали намъ крылья; къ тому же мы не могли и на возвратномъ пути миновать Орла; и такъ рѣшились только перемѣнить лошадей и ѣхать далѣе. Нанились чаю, часа три помѣшались. Губернатора не было въ городѣ. Полиціймейстеръ, не знаю для чего, захотѣлъ насъ поскорѣй выпроводить, разхвалилъ намъ дорогу, ночлеги, и взманилъ скакать, не смотря на приближающіяся сумерки. Дорого заплатили мы свою ошибку: дорога скверная, расположена вся по кособогу; на половинѣ станціи прекрутая гора; мѣста пустыя; ночь застигла насъ на пути; я не скучалъ только, я терпѣлъ муку: но то ли еще насъ ожидало на станціи, въ которую мы пріѣхали въ полночь! Она расположена въ имѣніи двухъ помѣщиковъ, Князя Юсупова и П. Если бы самые наглые насмѣшники захотѣли надъ нами подшутить, они бы не могли больше ни чего сдѣлать, какъ то, чего выдумками своими Г. Орловскій Полиціймейстеръ доставилъ намъ самый непріятный опытъ. Видно, что въ Орлѣ хозяева до гостей не охотники.

Помѣщиковъ здѣшнихъ не было дома: всѣ увлечены на ярмарку. Одна Княгиня, по причинѣ крайней ея беременности, оставалась въ деревнѣ и уже давно почивала, какъ мы прѣхали.

Ни какое наше усиліе черезъ засылаемыхъ людей не могло доставить намъ квартиры даже въ людской какой ни будь избѣ. Ночевать, кромѣ кареты, было негдѣ. Новость незабавная! Хотя въ предполагаемомъ нашемъ дальнемъ путешествіи я и долженъ былъ гдѣ ни будь ожидать, что намъ набросаютъ подушекъ въ карету и въ ней до утра дремать заставятъ, однако жъ все хотѣлось мнѣ, ежели не избѣжать вовсе, по крайней мѣрѣ, сколько можно, позже приступить къ этой необходимости. Хотѣево (такъ называли это помѣстье) не представляло ни какого убѣжища, да и въ полночь чего добьешься въ деревнѣ? Мужики всѣ спятъ. Не повѣря своимъ людямъ, я самъ пошелъ къ барынѣ просить хотя анбарушки для ночлега, лишь бы дали крышку. Между тѣмъ жена и вся компанія ожидала моихъ успѣховъ въ большомъ сараѣ, перегороженномъ на двое, гдѣ въ одной половинѣ стонала больная почталыонша, а въ другой, окруженный своими домашними животными, супругъ ея отмѣчалъ подорожные. Пришедши въ господской домъ, я нашелъ до четырехъ слугъ, которые, развалившись въ передней, храпѣли взапуски. Счастливе меня, безъ титуловъ и прихотей, они наслаждались въ полной мѣрѣ естественнымъ добромъ, какъ вдругъ, услышавъ шумъ и увидѣвъ постороннее лицо, меня всѣ обступили: не трудно имъ по моей одеждѣ тотчасъ разглядѣть, что я не бродяга; но что потомъ? Слѣдующая поговорка: «Барыня почиваетъ.» — «Друзья мои! Мнѣ только надобна изба: уже ли у васъ нѣтъ пустой.» — «Мы не смѣемъ ни кого пустить безъ доклада.» — «Такъ доложите!» — «Говорятъ вамъ: барыня почиваетъ.» — «Попытайтесь: авось еще нѣтъ.» — «Мы не станемъ ея беспокоить.» Выбѣжала дѣвка. «Что за шумъ у васъ?» — «Вонъ какой-то проѣзжій просится на ночлегъ.» Пошептали, побѣгали, а я все въ сѣняхъ. По совѣту обоего пола послѣдовала резолюція: «Барыня спитъ, и про васъ нѣтъ здѣсь квартиры: подите, куда знаете!» Удачная попытка! Что дѣлать? Ити ночевать въ сарай и прислушиваться къ жалобнымъ стenanіямъ больной почталыонши. Нетерпѣливо ожидали моего приходу домашніе. Я вошелъ и воскликнулъ: «Добродѣтель Русскихъ, любезное гостепріимство! Ты

улаждаешь всѣ тягости потешественника!» Проклятое воображеніе! Чего ты намъ въ голову не кинешь, когда загорись? Изрядное гостепріимство! «Что жъ, гдѣ мы ночуемъ?» всѣ мои закричали въ одинъ голосъ. «Гдѣ?—Здѣсь.» — «Какъ здѣсь?» — «Или въ каретѣ?» — «Шутишь!» — «Нѣтъ про васъ квартиры: подите, куда знаете!» повторилъ я имъ нѣжныя слова добροхотныхъ слугъ гостепріимной хозяйки. У всѣхъ вытянулись лица; всякой насунилъ брови; кому хотѣлось ужинать, кому спать: никому ни того, ни другого. Пока мы сѣтовали о добровольномъ нашемъ горѣ (ибо кто насъ понесетъ въ Одессу, какъ не своя охота?), въ домѣ госножи помѣщицы происходили также разныя движенія. Шумъ нашъ съ людьми въ сѣняхъ ея добудился; она узнала объ насъ и велѣла просить къ себѣ въ верхніе покои. Тутъ я снова возвысилъ голосъ и разхрабрился; горделивыя чувства подвигли душу мою къ негодованію; я хотѣлъ сердиться, ворчать, но рассудилъ, безъ мщенія поскорѣй воспользоваться покойной комнатою, и побѣжалъ съ женою изъ сарая вонъ. Въ домѣ насъ принимали слуги съ нѣкоторымъ уже уваженіемъ, проводили насъ въ мезонинъ, дали намъ свѣтъ, напоили чаемъ. Оставалось уснуть, и каждый изъ насъ не замѣшкался то же сдѣлать, чѣмъ мы помѣшали наслаждаться людямъ ея Сіятельства.

И такъ мы Хотѣево никогда не забудемъ, представляя себѣ на мысль наше странствіе. На завтра хозяйка насъ очень хорошо приняла: мы съ ней видѣлись; подчивала насъ кофею, расточала привѣтливости, хотѣла загладить грубость своей дворни. Намъ было легче, досада меньше дѣйствовала; но я и тогда задумывалъ уже объ этомъ способѣ гостепріимства помѣстить въ главѣ шестой моего путешествія. Я съ ней разсуждалъ о тамошнемъ образѣ хозяйства. Изъ бесѣды моей съ ней извлекъ существенное понятіе одно то, что у госноды хлѣба и доходу много, но поселеніе удручено невѣжествомъ, несмысленны, раболѣпны. Могли ли бы быть такъ сыты ихъ помѣщики, естли бъ крестьяне ихъ мыслили!

Мы разстались, какъ водится, по свѣтски. Садясь въ коляску, я кинулъ взоръ на всѣ стороны и, сравнивая Тулу съ Орломъ, записалъ въ карманной книжкѣ:

И здѣсь такой же край: на тѣни все похожи,

Ни цвѣтнаго лица, ни красенькой одежи.

Соха, коса и серпъ—вотъ все богатство ихъ!

Посѣять, сжать и съѣсть—нѣтъ радостей другихъ.

Природа не дала здѣсь лѣсу для отрады:

Не встрѣтишь ручейка отъ жару для прохлады;

Обширные поля, на нивахъ желтой класъ:

Вотъ все, что изъ конца въ конецъ увидить глазъ!

Сколь кратъ пріятны тѣ страны благословенны,

Гдѣ торгъ—душа людей, гдѣ имъ они блаженны!

Пусть пахарь свой анбаръ здѣсь силится нажить,

А мнѣ дай Богъ тамъ жить, гдѣ любятъ расточать!

ГЛАВА VII.

Поворотъ на ярмарку. Ночлегъ въ каретѣ.

Немного медля по утру, уѣхали мы 17 числа изъ Хотѣтова: путь намъ лежалъ сквозь имѣнія вельможи, который имѣетъ здѣсь знатныя помѣстья. Онъ самъ тутъ жилъ, когда гнѣвался на него прежній владыка. Ни чего примѣчательнаго въ селеніяхъ; куча огромная хлѣбовъ, которые зовутъ избами. Нищихъ пропасть. Англичанинъ править имѣніемъ по Англицки, а мужики ходить по міру по Русски: это называется хозяйство!

Кухня дожидалась насъ въ Очкахъ. Селеніе почти пустое, бѣдное. Имя ему даетъ Ока, которой въ окрестностяхъ начинаются вершины; здѣсь она еще во младенчествѣ и почти безводна. Отсюда охотники сворачиваютъ прямо на Коренную ярмарку. Мы сами наняли тутъ лошадей и поѣхали боковой дорогой; она мнѣ очень понравилась, лучше гораздо большихъ столбовыхъ: тамъ скверныя гати, мѣста гористыя, частые кособоры; видовъ заманчивыхъ нѣтъ; куда ни погляди—все чистое поле; а тутъ попадались иногда деревни и при нихъ церкви. По началу моей книги видѣли уже, что я люблю народъ. По всей дорогѣ встрѣчали мы его множество. То Хохлы съ огромными обозами, то торгаша съ большими конскими табунами; индѣ шайки богомо-

локъ пѣшихъ и въ телѣгахъ, кто изъ Курска, а нѣкоторые даже изъ Кіева, и все это шло и ѣхало на ярмарку и назадъ. Настоящее гулянье! Мы въ этомъ разсѣяніи проѣхали верстъ 30.

За версту отъ почлега, который взяли мы въ 22 верстахъ отъ Коренной, Фатежскаго Уѣзда, въ деревнѣ Гнилово, остановился я на пригоркѣ погулять. Вечеръ былъ прекрасный; заходящее солнце скрывалось отъ глазъ нашихъ съ исполинскимъ своимъ величествомъ и сіяньемъ. Какое чудотворное озареніе всего горизонта! Оно утопало въ океанѣ отбрасываемыхъ имъ всюду огней. Я тутъ вспомнилъ Вольтера и переводчика его, нашего Гомера, который сказалъ за нимъ по Русски:

Весь этотъ океанъ лазури и сіянья,

Составленъ безъ существъ, пзъять изъ ни чего;

Безъ пиркуля скруглень, пертлѣ безъ основанья,

Едва ли стоилъ онъ лишь слова одного.

Надобно, къ славѣ переводчика, и оригинальные стихи рядомъ поставить для сравненія:

Tout ce vaste océan d' azur et de lumière,

Tiré du vuide même et formé sans matière,

Arrondi sans compas et tournant sans pivot,

A peine a-t-il valu ça depense d' un mot.

Кто такъ переводилъ точно, близко и прекрасно когда ни будь? Подъ горою пѣшеходки бабы разными группами ужинали, хохотали, болтали. Я радостью ихъ и простотою пѣнялся. О натура! какъ ты очаровательна! Тебя ни что не замѣняетъ во вселенной, а ты все въ ней красишь и дѣлаешь любезнымъ; съ тобой и горе сносно, и скука не тошна.

Хлѣбъ да соль вамъ, богомолки,

Добрый путь къ своимъ домамъ:

Тамъ разскажите наши толки

На счетъ ярмарки мужьямъ.

Они сядутъ въ круговеньку,

Дадутъ вѣру вамъ во всемъ;

А вы, какъ быть! по маленьку

Имъ солжете кой о чемъ.

«То-то, скажете, народу

Въ Коренную къ намъ нашло!

Богъ далъ красную погоду,

Лишь безъ денегъ тяжело.

Господа въ рядахъ мотали

Милымъ женамъ на уборъ;

Мужики въ шипкахъ гуляли,

Наши сестры вразъ вздоръ.»

Скоро исчезли обольстительныя затѣи; настала ночь; ямщики отпрягли лошадей; слуга мой пришелъ сказать, что почевать негдѣ: ни одной путной избы, даже черной. О негодный вѣстникъ! Что дѣлать? Лечь въ каретѣ. Подъ сводомъ неба разбросали мы все свое дорожное имѣніе въ сараѣ, зажгли у каретѣ фонари. На скверномъ столѣ, сколоченномъ при насъ изъ проточенныхъ двухъ досокъ, разливала намъ жена чай. Тихо было и свѣтъ не задувало. Вотъ картина несообразностей самыхъ рѣзкихъ: нужда и роскошь вмѣстѣ; безъ ночлега, безъ пристанища, на чистомъ воздухѣ чай, кофе, лакомство и городское освѣщеніе! Но что вознаградить сонъ, когда начнутъ глаза смежаться! Все къ чорту, лишь бы на постель. Нашу постлали въ каретѣ: прекрасная подвижная кровать! Всякой расположилъ себя свою въ повозкѣ. И такъ мы, помолясь Богу, не передъ иконою Его живописною, но передъ самымъ небомъ, гдѣ престолъ Его неподвижно пребываетъ, предались Морфею, а короче и просто сказать, мы легли спать.

Странно, думалъ я, ворочаясь безъ уговону на своемъ носѣ, какъ на такой большой дорогѣ, подлѣ знаменитѣйшей ярмарки, нѣтъ ни одной порядочной хижины, куда бы войти отдохнуть и переночевать. Правда, что нигдѣ въ свѣтѣ нельзя такъ скоро переноситься на самыя отдаленнѣйшія разстоянія, какъ въ Россіи: куда не донезутъ наши ямщики въ недѣлю? Былъ бы у дуги колокольчикъ—въ Америку проберешься мигомъ. Но, говоря о путешествіи въ настоящемъ разумѣ сего слова, нигдѣ, думаю, нѣтъ меньше средствъ съ пріятностію его предпринять и совершить во всякую сторону, какъ въ Россіи же. Бѣда въ томъ, что всякой это узнаетъ тогда, какъ сѣлъ въ карету: ни что насъ о

сихъ неудобствахъ не предупреждаетъ. Какой путешественникъ съ полной свободой опишетъ нашего края недостатки? Цензура съѣстъ и автора и книгу. Хоть плачь, да все хвали! И такъ опыты одинъ намъ указываетъ, но поздно, тѣ затрудненія, отъ коихъ ни чье перо насъ остеречь не смѣетъ. Не забудьте, что я такъ размышлялъ во время безсонницы; слѣдственно, это все бредъ.

ГЛАВА VIII.

Ярмарка.

«Вотъ и Коренная!» закричалъ я, подѣхавши къ шатрамъ и къ лубочному театру. Народу пропасть и лавокъ разнообразныхъ множество. Чего тутъ нѣтъ? Все, однако, очень дорого. На силу отыскивали мы Г. . . . Онъ намъ велѣлъ отвезти квартиру, и тѣмъ ограничилъ всѣ свои учтивости. Къ счастью нашему, мы были близко помѣщены отъ публичныхъ увеселеній и могли пѣшкомъ ходить въ ряды безъ тягости. Здѣсь вовсе нѣтъ квартиръ; ту, которую мы заняли, отвели прежде насъ другому, но тотъ опоздалъ пріѣхать, и мы въ ней расположились. Ни чего завиднаго: дощатая узенькая каморка, въ которой мы терпѣлись стужи; ибо холодный вѣтерокъ сквозь тысячу щелей жаловалъ къ намъ въ гости. Исправникъ, тутошній человекъ, очень учтивый: онъ намъ всѣ доставилъ возможности прожить сутки наилучшимъ образомъ. Удивительно, съ одной стороны, что такъ мало помѣщенія на столь знаменитой ярмаркѣ, но, съ другой, мудрено для пріѣзжихъ на удачу строиться: всѣ почти Дворяне тутошніе и пріобывшіе для надобностей своихъ сюда ѣздить, возять съ собою шатры съ разными подвижными домиками; слѣдовательно, всѣ имѣютъ вѣрное и надежное убѣжище. Между прочими палатками замѣтилъ я самую нарядную, съ флагами и гербами; хозяйинъ ея, старый мой знакомый, щеголялъ въ ней перелъ ярмаркой Азіятскою роскошью. Какъ бы я обрадовался на мѣстѣ его другому! Сколько привелъ бы онъ мнѣ на

память пріятныхъ воспоминаній! Мы съ нимъ вмѣстѣ нѣкогда тѣшили Дворъ на театрахъ, влюблялись, обольщались, были молоды, вѣтренны и счастливы въ одно время; но сынъ большаго барина помнить ли пріязнь и сотоварищество? Въ немъ и около его все холодно.

Прежде всего пошли мы въ монастырь. Туда приносится, къ десятой пятницѣ, съ большой духовной процессіей, образъ Богородицы изъ Курска. Кореннымъ называется и самъ монастырь по тому, что образъ чудотворный, коему здѣсь поклоняются, явился, какъ говорить тутошнее преданіе, на корнѣ и источилъ воду; а по тому на колодцѣ освящается вода, въ память сему событію. Нѣтъ нужды говорить подробно о началахъ ярмарки здѣшней; довольно сказать, что богомолье подало первую причину подобнымъ стеченіямъ народа. Сперва явился образъ; койкто пришелъ помолиться; случилось пріятное въ семействѣ приключеніе — оно отнесено къ иконѣ: отсюда слава ея повсемѣстная и тѣмъ пришельцевъ, а натура имѣетъ посреди всѣхъ нашихъ восторговъ и свои законы. Пѣшеходы захотѣли ѣсть, и стали носить съ собою котомки съ хлѣбомъ. Народъ узналъ, что тутъ сходбище; сталъ возить припасы, ставить шатры и балаганы; благородные люди, отъ скуки и праздности, стали, пріѣзжать прогуливаться, сперва просто, потомъ въ нарядныхъ каретахъ, потомъ появились свиданья: любовь указала средства, кому, съ кѣмъ и гдѣ въ сосѣдствѣ можно видѣться. Купцы увидѣли пользу возить товары; поставили одну, тамъ двѣ, три, лавки; навезли шалей и всякихъ гремушекъ: вотъ и ярмарка! А время ее потомъ отличило отъ прочихъ, кромѣ Макарьевской, которая ея еще знатнѣе. Въ монастырѣ служили молебенъ на источникѣ; верхняя церковь на горѣ надъ рѣчкой небольшою; она ни чего не представляетъ примѣчательнаго; внизъ, къ самому колодцу, сдѣлана лѣстница пренокойная; по ней вы спуститесь въ другую церковь, и посреди ея съ удивленіемъ увидите подъ куполомъ колодезь. Трудно къ образу продраťся сквозь весь окружающій его народъ: это пчелы въ ульѣ. Образъ старинный и, разумѣется, богато убранный. Когда время приспѣетъ къ нему прикладываться, то между правовѣрными начнется такая драка, какой на кулачномъ бою не увидишь: всякому хочется впередъ. Бѣда, естли также

будутъ толпиться и у вратъ царствія небеснаго! Задавать прежде, нежели узришь Славу Божию. Я вслушивался въ стихи и пѣснопѣіе церковное, и не могъ понять, отъ чего на молебнѣ Богородицѣ пѣли пѣсни Великаго Четверга и Пятницы; не повѣривши моему слуху, я спросилъ Священника, что это значитъ? Добрый и простой монахъ отвѣтствовалъ мнѣ: «Я и самъ не знаю; такъ у насъ издревле водится.» Какъ бы люди ни молились, лишь бы возсылали, сердца къ Небу. Глядя на всѣ наши обряды, кто не признается, что далеки мы отъ того духовнаго ощущенія Божества, которое ему прилично? Въ оболочкѣ тѣлесной мы плотски поклоняемся Творцу. Настоятель монастыря, Игуменъ пожилой и, кажется, благонравный, узнавъ объ нашей нуждѣ, послалъ келейника на-таскать намъ столовъ и стульевъ. Я весьма былъ ему признателенъ; онъ за это ни чего не требовалъ, не взялъ и снабдилъ насъ туне прямо по Апостольскому завѣту. Не отъ того ли вообще обитель не имѣетъ того наружнаго великолѣпія и богатства, какому, судя по стеченію народа и ярмаркѣ, быть тутъ предполагается?

Ряды здѣсь отменно хорошо расположены: каменный Гостиный дворъ заслуживаетъ по справедливости большую похвалу; всѣ приличія и красоты архитектуры соблюдены; между лавокъ широкія улицы подъ сводомъ охраняютъ отъ непогоды и способствуютъ прогулкѣ праздныхъ; роскошь съ обѣихъ сторонъ престола свой поставила: покупай у нея, чего хочешь, естли имѣешь большія деньги! Мы съ женой ходили тутъ цѣлой день взадъ и впередъ. Пришли туда пѣшкомъ, по тому что никто не удостоилъ насъ довольнонаго вниманія, чтобъ довести съ собою, никто не оказалъ намъ ни малѣйшей привѣтливости, ниже изъ одного простаго любопытства, чтобъ узнать, чьи новыя рожи показались въ ихъ сторонѣ. Учивость есть повсюду краса воспитанія и прелесть общежитія; здѣсь ея сѣмянъ видно мало сѣютъ. Хотя я и много тутъ нашелъ знакомыхъ, но все стариковъ и такихъ, кои давно оставили большой свѣтъ и, поселясь въ своихъ помѣстьяхъ, всѣхъ уже забыли, а кажутся ежегодно на эту ярмарку для того только, чтобъ кто ни будь прежде времени, забывши ихъ самихъ, не внесъ ошибкой въ списокъ усопшихъ. Тутошнихъ Дворянъ я не имѣлъ случая нигдѣ ви-

дѣть и знать; служба всегда меня загоняла въ мѣста противоположныя. Здѣсь много благороднаго народа. Все это бродить, покушаетъ, мотается. А къ вечеру критикуютъ роскошь. Публика здѣсь большая; каретъ до пятисотъ около Гостинаго двора покрывало площадь. Какъ странно видѣть такую картину на открытомъ полѣ! Чтобъ имѣть идею о Коренной ярмаркѣ, вообразите, что кто ни будь, вырѣзавъ изъ Москвы Ильинку, со всѣми ея окрестностями, тутъ поставилъ. Въ какой противоположности улица и Гостиный дворъ! Тамъ нищихъ сотни, протягивая тощія длани, просятъ, Христа ради, хлѣба; тамъ увидите вы на возахъ по три, по четыре, человѣка разнаго возраста, отъ престарѣлаго до младенца, кои безъ рукъ, или ногъ, выставлены передъ домами для испрошенія милостыни; тамъ недужныхъ, увѣчныхъ и калѣкъ разнаго рода выкладываютъ на рогожи: идучи мимо ихъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, по неволѣ глаза зажуришь, чтобъ не видать страждущей природы. Все стонетъ на улицѣ площади, а внутри лавокъ алмазы, золото и самыя тяжкіе на прогульщикахъ наряды. Безъ ошибки можно полагать, что между купцами миліоны въ оборотѣ. Жаль только, что мало трактировъ: я разумѣю не харчевенъ, а такихъ, гдѣ бы можно было, хоть и дорого, но хорошо и со вкусомъ, отобѣдать. Если кому вздумается изъ любопытства пуститься въ эту сторону, совѣтую возить съ собою горницу, повара, повозку. Здѣсь ни чего не дадутъ ни въ займы, ни даромъ, ни на поддержанье, еще менѣе для услуги, а со всѣмъ готовымъ найдете по вкусу вашему нѣкоторое удовольствіе. Ищите черни у образа въ монастырѣ, щеголихъ въ лавкахъ, а мужчинъ за картами: у всякаго свои гнѣзда.

Разскажу забавное приключеніе. Ходя пѣшкомъ, зашелъ я съ женой въ фарфоровую лавку; взманили насъ чашки; мы съ верхняго яруса потребовали одну. Сидѣлецъ не осмотрѣвъ, что она была безъ ручки, подалъ намъ ее и отошелъ. Увидѣвъ ошибку, мы его подозревали, показали ему изъять его посуды. Онъ вошелъ съ нами въ споръ, прикинулъ намъ ее, и упорно въ томъ стоялъ, что мы ее разшибли. Я смѣялся: онъ началъ защищать свою ложъ съ огнемъ. Я не разсудилъ продолжать глупой шутки, возвысилъ также голосъ, и какіе-то тутюшіе господа, видя догадавшіеся, что мы не изъ тѣхъ, кои ходятъ по лавкамъ бить

стекла и фарфортъ, вступясь за насъ, заставили его молчать; этого бы мало; страхъ и отъ правды принудить отпереться. Но, по счастью нашему, хозяинъ лавки рѣшилъ споръ тѣмъ, что по длинно у него одна чашка была безъ ручки. Вотъ какъ иногда поклеплютъ и въ томъ, что въ голову не войдетъ! А все отъ того, что мы пѣшкомъ слонялись по просту, безъ затѣй. Долго народъ у насъ, да и многіе повыше черни, не будутъ оказывать уваженія къ человѣку по тому только, что онъ человѣкъ. Надобны чины, гербы, регалии, чтобъ ногъ нарочно не отдавили.

Пойдемъ отсюда въ театръ. Я съ утра взялъ билеты въ креслы по 2 руб. 50 коп.; каждой ложѣ цѣна 20 руб. Плата большая, зато и ярмарка одинъ разъ въ годъ. Сюда прѣзжаетъ трупа Курскихъ актеровъ. Они играли «Влюбленнаго Шекспира» и оперу «Князь трубочистъ.» Что сказать объ оперѣ? Ни на что не похоже! Однако съѣздъ огромный. Публика жадничаетъ веселиться, бросается даромъ и за деньги всюду, гдѣ можетъ ожидать забавы. Здѣсь до того было тѣсно, что многіе возвращались домой. Человѣкъ до 500 зала помѣститъ можетъ. Всѣ преимущества театра, т. е., декорации, одежда, музыка, соблюдены съ достаточною правильностію, но талантовъ ниже посредственныхъ нѣтъ. Одна изъ актрисъ очень силится перенять извѣстную Сандунову, но весьма неудачно; однако и та нравится. Я признаюсь, что я не энтузіастъ ея методы: мнѣ жеманство на театрѣ никогда не нравится, по тому что его нѣтъ въ натурѣ. Актеръ долженъ глядѣть въ природу, какъ въ зеркало, и брать одиѣ ея краски. Буффъ въ оперѣ изрядной, то есть, дурачится изъ всей мочи: это и надобно! Публика здѣсь, какъ и вездѣ, любитъ скоморошество; мало ей посмѣяться, все бы хохотать. Чувствительныя мѣста не имѣютъ цѣны; острые шутки теряются на языкѣ актера. Они не вняты; правда, что и выражать ихъ некому: актеры мелютъ какъ ни будь, лишь бы заиграть свои деньги, а зрители глядятъ по верхамъ, толкуютъ о товарахъ, модахъ, рыскахъ, исторіяхъ и оборачиваются къ театру лицомъ тогда, какъ трубочистъ весь въ сажѣ лѣзетъ изъ каминна и утирается Княжескими кружевами: тогда шумъ, крикъ; затопаютъ ноги; застучать въ трости, и ни чего ужъ не слышать. Какая сильная причина для восторговъ! Обиняки соблазнительныя также не пропадаютъ.

Оперу поютъ дурно; голосовъ нѣжныхъ нѣтъ; словомъ, спектакль ярмарочной! Но можно ли ручаться, чтобъ его такъ стремились увидѣть, если бы онъ былъ лучше? Не знаю. Одно еще, и очень дѣйствующее на обоняніе, неудобство то, что весь театръ освѣщенъ саломъ, и чадъ отъ свѣчъ и плашекъ преужасный: носъ чувствительную терпитъ муку. Театръ поставленъ между рядовъ на покатоости горы; слѣдовательно, прїѣздъ тѣсенъ; полиція при разѣздѣ каретъ и дрожекъ мало; площадь почти не освѣщена. Хотя и близко мы отъ театра стояли, но трудно было пѣшкомъ безъ проводника довести жену домой. Со всѣхъ сторонъ заскакали кареты, и если бы не вступился полицейской алгвазилъ, которому я изъ одной руки далъ рубль, а изъ другой погрозилъ палкой, то бы мы, домой пришедши, не нашли костей въ порядкѣ.

Г... пригласилъ меня въ редутъ, куда собирались знатнѣйшія особы обоого пола. Жена осталась дома, а я побрелъ. Въ трактирѣ, гдѣ давался балъ по 2 руб. за входъ съ человѣка, зала чрезвычайно узка, освѣщена изрядно; пристойная услуга; молодыхъ людей много; танцовать всѣ охотники, но мало простору: едва есть гдѣ пройти между стѣнъ и танцовщиковъ. Большіе господа играли въ карты, а заѣзжіе господа, какъ я, зѣвали, ходя изъ стороны въ сторону; музыка та же, что и въ театрѣ, изрядная: больше сказать нечего. Мнѣ было очень скучно тутъ: въ толпѣ людей незнакомыхъ можетъ ли быть иначе? Чтobъ понравился такой край, въ которомъ обычно не живешь, надобно особое мастерство со стороны жителей, удювка, нѣчто привлекательное, чего не даютъ ни высокіе чины, ни огромное богатство. Я не долго пошатался по залѣ, и простился тутъ съ Г... Сколько ни старался я войти въ разговоръ съ Его Сіятельствомъ: о разныхъ предметахъ, ему болѣе моего по тамошнему краю извѣстныхъ, и тѣмъ умножить мои свѣдѣнія, нѣтъ! не могъ ни чего узнать. Недосуги ему препятствовали заняться со мною бесѣдой. Мало ли дѣла на Гостиномъ дворѣ человѣку дѣятельному? Проведя здѣсь такимъ образомъ одинъ день, мы только переночевали и на завтра выѣхали въ Курскъ.

ГЛАВА IX.

Курскъ.

И ямщики любятъ рѣму. Они иногда очень не кстати, погоняя лошадей, кричатъ, играя кнутомъ своимъ: «Ну, кургузка, пять верстъ до Курска!» Здѣшній почтарь весьма умѣста прокричалъ намъ это 19 числа по утру, послѣ 30 верстъ отъ ярмарки; ибо мы подлинно подъѣзжали къ Курску. По милости Коренной, дорога до города очень весела, наполнена возами и гуляками. Скажемъ къ чести тѣхъ, кои виновниками были нѣкогда, по начальству ихъ надъ здѣшнимъ краемъ, разныхъ полезныхъ заведеній, что дорога въ Курской Губерніи отменно выработана: вездѣ проспекты изъ насажденных и соблюденныхъ нѣтъ; дорога широка; гати, гдѣ были нужны, сдѣланы съ прочностію и наблюденіемъ. Видно, что думано въ Курской Губерніи при Генералъ-Губернаторахъ о хозяйственномъ улучшеніи путей.

Курскъ—прекрасный городъ. Онъ сидитъ на высокой мѣловой горѣ, и видъ его издали плѣняетъ; подъѣзжая къ нему, вы находите аллею изъ ветелъ, довольно густо разросшихся. Изъ такой пріятной тѣни кинется вдругъ въ глаза вашъ городъ на горѣ: она гораздо круче Владимірской, но паденіе ея ровнѣе; тамъ больше переломовъ; впрочемъ, также окружена сѣуду и сѣуду садами. Внутри города всѣ улицы правильны и вымощены камнемъ, а каменнаго строенія много. Хотя я цѣлый день посвящалъ на то, чтobъ осмотрѣть городъ, но ни чего почти съ основательностію не могъ ни видѣть, ни замѣтить, а, такъ сказать, обѣгалъ его и вершки схватилъ; по тому что всѣ были на ярмаркѣ, и здѣсь я не имѣлъ, какъ въ Тулѣ, другого Мат..., который бы меня съ собою возилъ вездѣ. Пустота городская весьма примѣтна. Но, при всемъ томъ, мы не нашли порядочной квартиры, и помѣстились очень худо.

Мужской монастырь, изъ котораго носятъ образъ въ Коренную, великолѣпнѣе всѣхъ прочихъ церквей, и по тому служить за соборъ въ дни торжественнаго какого либо свѣзда города.

скихъ чиновниковъ. Я въ немъ былъ и внутреннимъ убранствомъ доволенъ, но ни чего не нашелъ рѣдкаго.

Гостиный дворъ каменный, но запертъ: всѣ купцы на ярмаркѣ; по вывѣскѣ видѣлъ я, что и книжная лавка есть: какими книгами торгуютъ, много ли, мало ли ихъ, не знаю.

Въ старину здѣсь бывалъ дворецъ деревянный; онъ нынѣ сломанъ, и остатковъ его видимыхъ даже не сохранилось. На его мѣстѣ поставлены покаместъ ворота и заборъ каменный, который свидѣлствуютъ, что нѣкогда, по предположенію гражданъ, здѣсь выстроится купеческой общественной домъ. Судя по воротамъ, зданіе будетъ большое и важное, а между тѣмъ дикое поле есть одинъ предметъ, охраняемый воздвигнутыми предварительно столпами. Магистратъ помѣщенъ въ каменномъ домѣ.

Корпусъ, содержащій въ себѣ всѣ Присутственныя Мѣста, каменный. Тотъ, кто его тутъ поставилъ, не ошибся въ выборѣ мѣстоположенія: лучший видъ въ городѣ. Какъ пріятно съдѣсь гулять и смотрѣть на ту сторону рѣки! Тамъ прекрасная каменная церковь окружена слободами, и всѣ хижины разбросаны по отлогому берегу рѣки. Тускаръ (такъ ее называютъ), изрѣзана многими мосточками, изъ коихъ каждый ведетъ въ какое либо зарѣчное селеніе. Глаза, остановясь на сей смѣшанной картинѣ, въ которой городъ съ деревней по перебѣлкамъ ловятъ взоръ, долго любуются красотою мѣста.

Здѣсь какое-то осталось отъ древности деревянное строеніе, въ которомъ, подобно шатру, что на Ивановской площади въ Москвѣ, хранились пушки; но какія и откуда историческаго ни чего не могъ объ нихъ узнать; спросить было не у кого, а народъ нигдѣ ни чего не знаетъ. Живучи безъ любопытства, привозъ хлѣба на базаръ одинъ его занимаетъ, а дешевизна его есть существенное для него счастье.

Херсонская улица заслуживаетъ особенное вниманіе и по красотѣ своей и по тому наипаче, что на ней поставленъ былъ для шествія Екатерины мостъ изъ дикаго камня, съ желѣзными

рѣшетками, образчикъ Петербургскихъ. Я на немъ остановясь, долго думалъ объ эпохѣ ея путешествія. Какой Россіянинъ не почтитъ памяти сихъ блаженнѣйшихъ лѣтъ его Отечества? Я искреннюю тутъ уронилъ слезу по ней въ Курскія воды и сказалъ:

Великій мужъ вездѣ, гдѣ вступитъ, гдѣ пройдетъ, гдѣ ни
Во слѣдъ себѣ печать безсмертія кладетъ.

20 числа мы выѣхали изъ Курска. Я отсюда писалъ къ друзьямъ и домашнимъ и пенялъ, что до сихъ поръ, противъ чаянія моего, ни въ одномъ городѣ не видалъ ихъ строчки, самъ носилъ ихъ на почту. Первая станція отъ Курска только 18 верстъ, но онѣ право стоятъ 50-ти; ибо сыпучій песокъ, и самый глубокий, утомилъ коня и всадника. Ямщикъ, который насъ везъ, далъ случай подосадовать. «Бывалъ ли ты въ Одессѣ?» спросилъ я его. — «Какъ не бытъ! Три раза ѣздилъ туда.» — «Что жъ, каковъ городъ?» — «Не много по хуже нашего Курска.» Какой ударъ для нашего любопытства! Мы ему не вѣрили, однако сердились. Вотъ каковъ человекъ! Даже и тогда, когда знаетъ, или думаетъ, что сказанное ему, вопреки его желанію, есть ложь; что жъ, когда правду скажешь не по сердцу? Я ямщику, закричалъ: «Ты все врешь,» и велѣлъ гнать по пескамъ скорѣе. Лучше бы ему похвалить Одессу.

Мы уже мѣняли лошадей, а Курскъ еще видѣтъ былъ на холмахъ своихъ, и солнце кидало яркіе лучи на золотые верхи церквей его. Виды для насъ открылись новые, мы стали встрѣчать мазанки и однодворцевъ; строеніе здѣсь бѣднѣе нашего, Великороссійскаго, но за то живутъ обыватели гораздо чище и опрятнѣе; слышали Малороссійское нарѣчіе, обѣдали въ дубовой избѣ, выбѣленной снаружи; избы бѣлыя, по ихъ выговору съ трубами, т. е., съ трубами. * Но, ахъ! и здѣсь все ужъ дорого! Дорога ровная, гладкая, но мѣста унылыя и степныя. На ничтожномъ полѣ простирался иногда горизонтъ нашего зора, верстъ 30-ть и больше, но нигдѣ прута мы не видали, кромѣ насажден-

* Собственно, съ печками. О. Б.

ныхъ ветлѣ по дорогѣ, да и тѣ падаютъ ли нашъ народъ? Многіе вырваны и поломаны; одни корзины остались, гдѣ сухіе корни ихъ показываютъ, что тутъ жили существа растительныя. За то гдѣ попадется роща, она садъ въ сравненіи съ нашими лѣсами. Невольно бросишься въ нее погулять; отъ того ли, что онѣ рѣдки, или дѣйствительно безъ всякаго предубѣжденія онѣ содержатся хорошо, но по истинѣ въ нихъ не найдете ни сухостоя, ни валежника. Всякій лѣсокъ вычищенъ, какъ Англинская роща. Правда, что въ Вологдѣ, гдѣ миллионы считаютъ десятины лѣсныхъ дачъ, подчищать деревья трудно: инноватору что до того за дѣло: онъ проведетъ здѣсь и увидитъ чистую рощу, плѣнится ею, напишетъ систему, проектъ; лишь бы фортуна не отступилась, а то и въ Тотмѣ давай чистить лѣса!

Въ Обоини мы на почтовомъ дворѣ напились чаю. Обоинъ городокъ изрядный, разбитъ правильно и сидитъ на горѣ, откуда издали видѣнъ; построенъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Большая въ немъ улица и широка и довольно длинна. Два корпуса каменные, у коихъ стекла выбиты, крыльца вытоптаны, а двери сорвались съ петель и лежатъ на боку, носятъ на себѣ все выѣски казеннаго давнишняго зданія; спросилъ и не ошибся: это подлинно Присутственныя Мѣста. Пока мы гуляли по городу, одинъ обыватель возилъ хворую жену свою по улицамъ; она кричала безъ памяти разными голосами. Мужъ увѣрялъ насъ, что въ ней демонъ, а я совѣтовалъ ему свести ее къ Лѣкарю, ежели больна; а естли беспокоить ее одинъ демонъ, то лучшее лѣкарство на этотъ припадокъ—Русская плеть.

Услышавъ разноголосицу дѣтскую въ одномъ низенькомъ домикѣ, я подумалъ, что это школа, и зашелъ. Точно такъ! Ребятъ человекъ 30. Учитъ мастеръ Грамматикѣ. Гдѣ просвѣщеніе не советъ гнѣзда? Сказать ли правду? Господа Профессоры съ вашего дозволенія: Учитель пьянъ, а школьники по складамъ перебираютъ старыя изорванныя тетрадки; у одного изъ нихъ я нашелъ выданный листъ изъ Адресъ-Календаря 18-го столѣтія; этотъ много вытвердилъ именъ наизусть, да и то не въ прокъ: многіе изъ нихъ померли. Учителю очень хотѣлось узнать, кто такой пришелъ въ куртку къ нему въ школу; минутъ пять по-

скромничалъ, наконецъ вопросъ: «Кто вы таковы?» Отвѣтъ: «Проѣзжій.» Иерей, пришедшій, видно, навѣстить сына, стоя въ углу у развалившейся печурки, ворчалъ сквозь зубы въ видѣ недоумѣнія: «О Господи мой Боже!» Учитель опять: «Можно знать, кто вы таковы?»—Я опять: «Проѣзжій;» а Попъ ту же пѣсню: «О Господи мой Боже!» Въ такомъ положеніи познакомились мы съ Учителемъ въ минуту, чтобъ на всегда другъ друга забыть. А въ той же школѣ, я думаю, иногда, для праздничнаго дня, и Технологию, и Миеологию, и Эстетику, и все и вся знаютъ.

На пути изъ Обоини, верстахъ въ трехъ, усажена, на версту длины, широкая гать ветлами: онѣ уже разрослись, пустили обширные корни и даютъ пріятную тѣнь. Хорошее время вызвало насъ тутъ погулять: мы всю ее прошли. Что пріятнѣе въ степи подобнаго просѣка? Видъ дерева—сокровище въ безлѣсномъ мѣстѣ, да оно же и большую приноситъ пользу: зимой наводитъ путешественника на дорогу, а лѣтомъ спасаетъ отъ зноя; жаль только, что не хорошо старыя зевденія поддерживаютъ и не досаживаютъ деревцевъ: индѣ посохли, индѣ рвутъ молодые побѣги, и съ корнемъ; все требуетъ хозяйскаго глаза.

18 верстъ отъ Обоини остановились мы ночевать на постоянныхъ дворахъ. Около ихъ на полѣ видѣли мы до четырехъ кургановъ. Одни говорятъ—могилы, другіе—старыя разбойничьи землянки; но молва не лѣтопись. Хозяинъ нашъ, гостепріимный и простой господинъ почтамонъ, увѣрялъ насъ, что тутъ славный разбойникъ большія когда-то строилъ чудеса. Я, сидя на лавкѣ, попиваю чай и утѣшалъ рассказчика, давая всему вѣру: удивленіе наше приводило его въ восторгъ. Я думаю, что онъ въ первой разъ рассказывалъ свои сказки такъ, что надъ нимъ не хохотали. Впрочемъ, онъ не историкъ; ему и врать простительно, лишь бы лошади были готовы и онъ не прижималъ проѣзжихъ; а въ этомъ онъ всякой похвалы достоинъ; при томъ весьма услужливъ: отдалъ намъ свою собственную хату; мы въ ней ночевали: хоть тѣсна и душна, но, по крайней мѣрѣ, гаду нѣтъ. Тараканъ худой сонному товарищъ.

ГЛАВА X.

Бѣлгородъ.

21 числа выѣхали мы въ Бѣлгородъ. Не доѣзжая его, на послѣдней станціи Г. Исправникъ тутешній оказалъ намъ разныя вѣжливости. Жаръ былъ несносный; дорога утомительна. Мы желали болотъ, по тому что они хороши здѣсь загачены, а ивы даютъ проѣзжимъ пріятную прохладу. Пока мы мѣняли лошадей, Малороссійскій слѣпой трубадуръ пропѣлъ намъ отечественный свой романсъ, т. е., Лазаря. Едва очутились въ городъ, какъ съ окошка пропала золотая табакерка у нашего товарища: кто ее укралъ и куда она черезъ палисадникъ дѣвалась, не могли узнать ни тогда, ни послѣ. Всѣ изысканія были тщетны, и Квартальный Офицеръ, по милости котораго имѣли мы преизрядную квартиру и который отъ насъ не отходилъ, ни какимъ полицейскимъ волшебствомъ не могъ отыскать ни пропажи, ни похитителя. Свѣдавъ, что городъ имѣетъ много предметовъ для любопытства, мы расположились въ немъ остаться на сутки.

Бѣлгородъ посаженъ, такъ сказать, въ ямѣ, между мѣловыхъ горъ, отъ коихъ, чайтельно, и названіе свое получилъ. Улицы въ немъ очень песчаны; слѣдовательно, грязи не держатъ и не мостятся. Присутственные Мѣста, лавки и многіе обывательскіе дома, каменные. Въ городѣ протекаетъ рѣка Донецъ, впадающая въ Донъ. Я въ ней купался: вода прозрачная и ложе ея чисто. На нѣкоторыхъ строеніяхъ мнѣ образъ крышки понравился, по тому что новъ для глазъ: дома кроются очень круто и изъ маленькихъ драгичекъ, кои кладутся вкось и въ разные смыслы: инья справа, на лѣво, другія иначе; отъ этого кровли имѣютъ настоящій видъ паркета.

Здѣсь живетъ Курскій Архіерей, Архіепископъ Теокистъ. Мы сочли долгомъ вѣжливости и почтенія къ сану явиться къ нему. Онъ самъ собирался къ намъ, свѣдавъ о нашемъ пріѣздѣ, и принялъ насъ очень ласково. Старецъ сей, 80 лѣтъ слишкомъ,

еще пасетъ стадо свое, къ утѣшенію всѣхъ чадъ духовныхъ. Онъ скромнѣе, доброхотнѣе, вѣжливѣе въ свѣтскомъ обращеніи; объ немъ-то можно сказать, по Апостолу Павлу, ненасилуя своей совѣсти: «Таковъ подобаетъ намъ Архіерей.» Мы имъ были угощены съ отѣнною благосклонностію, безъ роскоши, приличной свѣтскимъ владыкамъ, но духовной бесѣдой и пастырскими трудами; самъ онъ водилъ насъ въ свою Семинарію и всѣ классы намъ показывалъ; видно, что онъ часто ихъ навѣщаетъ. Мальчики его не робѣютъ; образъ пастыря ихъ имъ знакомъ; они его встрѣчаютъ съ радостью, провожаютъ съ благословеніемъ. Не удовлетворясь симъ, Теокистъ посулилъ намъ на завтра отслужить обѣдню собственно для насъ, и пригласилъ видѣть его въ служеніи. Онъ угодить тѣмъ желалъ нашему нескромному любопытству, которое отъ него не потаили.

И такъ я видѣлъ святителя передъ престоломъ Господнимъ. Онъ, кажется, стоитъ на небѣ и служитъ прямо Вышнему, а не роль играетъ. Маститая престарѣлость его кажется въ немъ мужа праведнаго. Нѣтъ въ литургіи при немъ ни какой суетности; все преподобно и храму Божию прилично; сослужащіе всѣ у своего дѣла. Самъ онъ, осыпая дряхлой десницею народъ, возводитъ всегда взоръ горъ и низводитъ благословеніе Божіе безъ жеманства и тѣлодвиженія принужденнаго. Руки ему худо служатъ, трясутся, но на ногахъ еще бодръ. Въ одѣянніи его нѣтъ вымысловъ щегольства: оно богато, но просто. При чтеніи часовъ онъ поставлялъ юношу въ иподіаконы; привѣтливость его къ этому отроку плѣняла совершенно предстоящихъ; мальчика не толкали; онъ не теребилъ на немъ волосъ, какъ сіе часто водится, когда пастырь и все около его суетится. Теокистъ въ старости преклонной посвящалъ на служеніе Богу отрока: чувствительная его объ немъ молитва, воздѣяніе рукъ, соединеніе сихъ двухъ возрастовъ, представляли въ самомъ дѣйстви что-то трогательное для сердца, вѣрою одушевленнаго. Пѣвчіе одѣты прекрасно, поютъ благопристойно и со вкусомъ; когда запѣли концертъ: «Готово сердце мое,» и пастырь сообщался святымъ дарамъ, можно было видѣть, глядя на образъ его и благословеніе, всѣ черты одушевляющее, что подлинно готово сердце его исповѣдаться Господеви. По окончаніи обѣдни, онъ зашелъ къ Игу-

меньѣ, и мы за нимъ. Въ бесѣдѣ онъ шутиливъ, веселъ и не скуитъ на разговоръ; въ церкви истинный святитель, внѣ храма сподвижникъ Христіанскій, въ свѣтѣ гражданинъ умный и обходительный. Вотъ каковъ показался мнѣ Θεоктистъ! Онъ подарилъ меня двумя книжками трудовъ своихъ, и я ихъ сохранию, въ память его къ намъ пріязни. Домъ, въ которомъ онъ живетъ, также старъ, какъ онъ самъ.

Семинарія не въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: иностранные языки, какъ то: Нѣмецкой и Французской, преподаются плохо. Есть и рисовальной классъ. Вошедъ въ него, Архіерей потребовалъ рисунокъ: одинъ подаль птицу, и другой то же; старецъ улыбнулся. «За чѣмъ, сказалъ имъ съ лаской, вы все рисуете птицъ? Вы бы писали образа Святыхъ; ихъ бы раскупили, а вамъ на обувь пригодилось, а за пернатыхъ вамъ ни чего не дадутъ.» Библіотека довольно хороша, не велика, но есть въ ней старинныя Латинскія и Греческія творенія. Съ удивленіемъ увидѣлъ я знамена въ школахъ. Ректоръ, Священникъ блага духовенства, изъяснилъ мнѣ, что это значки, съ которыми, во время духовныхъ процессій, каждый классъ выходитъ, неся передъ собой ему принадлежащій: здѣшній обычай!

Соборъ прекрасный, живопись вообще отминая, хотя не новаго вкуса. Нельзя безъ особеннаго удовольствія глядѣть на

Царскія врата въ придѣлѣ: съ лѣвой стороны на нихъ художникъ изобразилъ Іисуса, возвращающагося къ стаду своему съ заблудшимъ агнцемъ; Спаситель несетъ его на раменахъ своихъ; всѣ эпизоды картины чрезвычайно выражены; вблизи стадо овецъ, ждущихъ пастыря и обращающихъ къ нему жадныя лица; цѣзрѣнія его очи; вдали стѣны Іерусалима со всѣмъ ихъ великолѣпіемъ; на лицѣ Христа живая радость: онъ обрѣлъ погибшую тварь, удалившуюся отъ стада. Мало глядѣть на эту картину: ее надобно, такъ сказать, внимать: она говоритъ нашимъ чувствамъ, трогаетъ сердце. Я не разумѣю красотъ живописи; природа отказала мнѣ въ чувствахъ сего изящнаго искусства. Но я, я самъ плакалъ, не снимая глазъ съ очаровательной этой картины. Живописецъ, который ее начертилъ, имѣлъ, конечно, не кисть одну въ рукахъ, но духъ и разумъ своего мастерства.

Въ алтарѣ большаго храма куполъ надъ престоломъ на столбахъ прекрасной работы и весь видѣнъ сквозь пространную пустоту, между ими и Царскими дверьми, которыя очень низки. Вообще весь соборъ очень хорошъ и достоинъ любопытства. Въ немъ портретъ Екатерины съ мѣдной подъ нимъ доской, на которой означенъ годъ ея здѣсь шестилѣтня. Надъ уготованнымъ въ то же время для нея Царскимъ мѣстомъ нынѣ видѣнъ портретъ Государя Императора Александра Павловича, потомъ всѣхъ Епископовъ Бѣлоградскихъ поставлены изображенія во весь ростъ по стѣнамъ церкви. Я глядѣлъ на это, какъ на диковинку, по тому что до тѣхъ поръ не видалъ еще ни чего въ церквахъ, кромѣ святыхъ иконъ. Наши Архіереи, какой бы, впрочемъ, по нашему здѣсь заключенію, праведной жизни ни были, не должны бы, кажется, изъ одной скромности, естели не изъ уваженія къ Дому Божию, ставить свои портреты тамъ, гдѣ поклоняемся Василію Великому, Златоусту и вообще ликамъ Православныхъ Святыхъ; пусть бы духовные Владыки дарили свои списки въ галереи друзей, пріятелей и подчиненныхъ, но въ храмѣ увидѣть Епископа на стѣнѣ и въ кавалеріи, по мнѣнію моему, нескладно. Жаль, очень жаль, что я не могу въ семъ случаѣ добраго Θεоктиста отдѣлать отъ его собратіи!

Между пастырями здѣшняго края былъ нѣкто благороднаго происхожденія, по имени Іоасафъ Горленко. Онъ построилъ

* Θεоктистъ Мочульскій род. за Днѣпромъ, учился въ Переяславѣ и Кіевѣ, гдѣ и постригся. Въ 1761 г. взятъ Закопучителемъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, съ 1767 Архимандритъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря, за тѣмъ Харлампіева Гамалиевскаго, потомъ Кіевскаго Михайловскаго, Ростовскаго Яковлевскаго и напослѣдокъ Полтавскаго Кресто-Воздвиженскаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ Администраторъ, 1775 г., Славенской, нынѣ Екатеринославской, Епархіи, въ помощь Архіепископу, Греку Евгению Булгару; въ 1781 переведенъ въ Тверской Колязинъ монастырь; 1784 Епископъ Сѣвскій; 1787 Бѣлогородской Епархіи, переименованной, 1799 г., Курскою; съ 1801 Архіепископъ; имѣлъ орденъ Анны 1-й и Александра Невскаго; скончался въ Бѣлгородѣ 1818 г., Апрѣля 30 дня. Писалъ и печаталъ довольно. Его «Краткое объясненіе Церковнаго Устава (М. 1800 и послѣ нѣсколько разъ съ поправками и дополненіями), было принято въ Духовныя Училища классическими. О. Б.

при соборѣ придѣлъ во имя Страшнаго Суда. Мистическая церковь! Всѣ въ иконостасѣ образа представляютъ что ни будь взятое изъ Апокалипсиса. По его соизволенію подлѣ храмомъ снѣтъ, въ нарочно сдѣланной палаткѣ, почиваютъ его мощи въ открытомъ гробѣ: они публично не прославлены, но тайнымъ вдохновеніемъ онѣ почитаемы многими за Святаго. Я видѣлъ его остатки: они удивительно сбереглись отъ тли и всякой порчи; руки его суть какъ руки натуральныя человѣка недавно умершаго; но онѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ тутъ спить. Провѣзжія барыни слушали по немъ при насъ панихиду.

Въ женскомъ монастырѣ, въ особыхъ кельяхъ, живетъ Грузинская Царица, на покаяніе сюда присланная. Я не знаю политическихъ причинъ ея заключенія, но по свободѣ, съ которой всѣ къ ней входятъ, зашелъ и я. Покои ея не соответствуютъ ея прежнему званію: низки, бѣдны и тѣсны, но въ монастырѣ и то дворецъ. Она приняла жену мою и меня съ благородною гордостью, означая, что она себя вездѣ чувствуетъ. Ей лѣтъ 40: ростъ ея не великъ, осанка статная, лицо Азіатское, красоты исполненное, говоритъ мало и черезъ переводчика. Она сохранила при себѣ весь свой маленькой статъ, на содержаніе котораго Дворъ отпускаетъ ей до 13 тысячъ рублей. Съ ней большая дочь ея, участвовавшая, какъ говорятъ, въ ея преступленіи. Она уже 22-хъ лѣтъ, но не показала намъ, подлѣ предлогомъ нездоровья. Меньшія дѣти ея, сынъ и дочь, еще ребята; они очень милые, хорошо воспитываются. Царица, для обученія ихъ иностраннымъ языкамъ, держитъ Француза за 1000 руб. въ годъ: человѣкъ

* Иосафъ род. 1705 года въ городѣ Придубѣ Полтавской Губерніи, отъ тамошняго Полковника, и названъ Акимомъ, воспитывался въ Кіевской Академіи, съ 1725 надѣлъ раскорфъ въ Межигорскомъ монастырѣ и названъ Платіономъ; черезъ два года монахъ въ Братскомъ монастырѣ съ переименованіемъ въ Иосафа; съ 1728 Учитель Академіи въ продолженіи 3-хъ лѣтъ; 1734 Иеромонахъ, съ переводомъ въ Софійскій и Членъ Консисторіи; съ 1736 Игуменъ Лубенскаго монастыря, который старался возобновить послѣ пожара; съ 1744 Архимандритъ Троицкой Лавры; 1748, по назначенію Императрицы, Епископъ Бѣлгородскій; скончался въ Декабрѣ 1754 г., въ мѣстечкѣ Грайворонѣ, возвращаясь изъ Придуки, послѣ свиданія съ родителями, въ Бѣлгородъ, и погребенъ въ ономъ 28 Февраля, 1755 г., въ приготовленномъ имъ для себя каменномъ склепѣ. О. Б.

не молодой, по наружному виду изрядный и хорошо занимающійся ихъ просвѣщеніемъ. Мы посидѣли у нея съ часъ и, набивъ голову множествомъ философическихъ размышленій, я съ ней разстался. Въ другой разъ видѣли ее у обѣдни, въ томъ же монастырѣ, изъ котораго она никуда не выходитъ, когда служилъ Архіерей. Царица очень богомольна; съ ней всегда ходятъ почетныя дамы и ея двоюродной братъ, молодой человѣкъ, выѣхавшій съ ней изъ Отечества своего добровольно, по одной чистой любви къ Царскому дому. Онъ пользуется полною свободой, но жертвуетъ ею несчастной своего племени Царицѣ, пригожъ, не безъ дарованія, чисто говоритъ по Русски и служить ей переводчикомъ; онъ посѣтилъ насъ на квартирѣ. Я очень доволенъ былъ его обращеніемъ. Въ церкви Царица стоитъ на мѣстѣ Настоятельницы, которое сія, конечно, изъ одной вѣжливости ей уступаетъ. Нарядъ не пышенъ, но драгоценный алмазный перстень на рукѣ удостовѣрилъ насъ, что она не безъ сокровищъ сошла съ престола. Дочери ея большой мы и въ церкви не видали: она слухала обѣдню за рѣшеткою.

Игуменя въ этомъ монастырѣ женщина очень расторопная и свѣтская. Мы заходили къ ней послѣ обѣдни, у нея посидѣли и тутъ отъ Θεоктиста приняли на продолженіе пути Святительское благословеніе. Игуменя, какъ примѣтилъ я, имѣетъ даже вліяніе и на мѣстное правительство: по уваженію ли къ сану ея, или по приверженности личной къ ней, но жители и чиновники города стремятся угодить ей и совѣтами ея пользуются; при всемъ томъ и она не сильна была споспѣшествовать отысканію похитителя нашей табакерки; видно, этотъ воръ ясы не боится.

Скажемъ нѣчто здѣсь кстати о вѣстяхъ. Городничій здѣшній мнѣ свой; его не было въ городѣ на то время; я посѣтилъ его домашнихъ, и меня тутъ увѣрили, что я переведенъ въ другую Губернію, что уже Указъ не только состоялся, но даже и въ газетахъ выпечатанъ. Что жъ этого вѣрнѣе? Я очень задумался и просилъ, чтобъ мнѣ доставили Вѣдомости; но какъ-то оказалось послѣ, что этотъ номеръ пропалъ; а между тѣмъ я благополучно и съ удовольствіемъ воротился во Владиміръ. Какъ можно такъ выдумывать и ссылаться еще на газету, не боясь сличенія съ ней всегда удобнаго! Вѣрьте, пожалуйста, молвѣ.

Естьли у васъ на дорогѣ изломаются дрожки, или коляска, доѣзжайте какъ ни будь въ Бѣлгородъ: здѣсь есть каретная лавка и всякую повозку починаютъ; какъ? за это не ручаюсь, но выѣска такая же, какъ и въ Москвѣ, въ сараяхъ каретныхъ на Петровкѣ.

Поѣхавъ отсюда, вспомнимъ еще несчастную преступницу подъ вѣнцомъ и скажемъ ей заочно:

Съ престола въ плѣнь понасть — ужасно,
Владѣть и вдругъ подъ властью быть,
Вдыхать въ обители всечашно,
Среди своихъ злодѣевъ жить:
Судьба такая для Царьцы,
Лишенной правъ, вѣнца, столицы,
Есть гнѣва Божія черта.
Стяжн смиренья духъ въ напасти,
Убей ума надмѣнны страсти,
Познай, что все здѣсь суета!

Познай, что тотъ, кто предъ тобою,
Тебя въ Тифлисѣ богомъ звалъ,
Плѣняя разумъ твой мечтою,
Себѣ щедротъ твоихъ искалъ;
Смотри, съ какимъ лукавствомъ льстили,
Когда тебя превозносили,
Какъ бы бессмертно существо!
Носа вѣнецъ почти полвѣка,
Ты все не выше человека;
Въ тебѣ то жъ бренно существо.

Пришла минута Провидѣнья, —
И гласъ его тебя настигъ,
Умолкли лести возгласенья, —
И палъ престолъ въ единой мигъ.
Въ странѣ, отъ родины далекой,
Въ тоскѣ, въ унылости глубокой,
Сносить учия свой удѣлъ;
Молись, и врачъ скорбей сердечныхъ,
Въ своихъ щедротахъ безконечныхъ,
Приблизить бѣдъ твоихъ предѣлъ!

ГЛАВА XI.

Харьковъ.

Отъ Бѣлгорода до Харькова намъ цѣлая станція пришла въ накладъ и въ барышъ: за 25 верстъ лишнихъ заплатили пошлину, за то скорѣй доѣхали. Какъ быть невѣрну маршруту такому, который берется отъ одного города Губенскаго до другого сосѣдняго? Однако здѣсь между Харьковомъ и Курскомъ всякой проѣзжающій платитъ пошлыны за лишнюю станцію, и на это вотъ какая причина: Почты дѣлаютъ вычисленія верстъ по разосланнымъ къ нимъ издавна Календарямъ; послѣ выпуска ихъ, по разнымъ соображеніямъ, стали мѣняться тракты, и найдены ближайшіе пути. Такъ точно и здѣсь: сблизили сообщеніе 25-ю верстами, но въ Календаряхъ сего не поправили, и знатъ о перемѣнѣ ни кому не дали; и такъ путешественникъ терпитъ напрасный убытокъ. Впрочемъ, кстати, говоря о семъ, здѣсь сказать, что вообще, во всю дорогу, я въ верстовыхъ исчисленіяхъ ни какой не нашелъ вѣрности, хотя маршрутъ мнѣ данъ былъ изъ Почтоваго же мѣста: индѣ версты прибавлены, индѣ нѣсколькихъ нѣтъ. Отсюда родится нѣкоторое своеволие между почтарами: они берутъ, что хотятъ; имъ платятъ, чего требуютъ; ни на что нѣтъ права—все по произволу. Сносно для человека достаточнаго, но бѣдной комиссіонеръ, курьеръ казенный, которой не можетъ дать больше опредѣленнаго ему числа, что ему дѣлать? Онъ дерется и насильно впрягаетъ лошадей.

До заставы проводили насъ Гг. Частный и Квартальный. Товарищъ нашъ, взглянувъ на нихъ, еще вздохнулъ по своей табакеркѣ. При выѣздѣ изъ города встрѣтили мы шайку переловленныхъ разбойниковъ: они слонялись около этого Уѣзда. Въ компаніи съ ними, а ихъ человекъ до 30, два Дворянина, кои давали имъ пристанище. Изрядный способъ наживаться!

На Почтовомъ дворѣ, гдѣ мы обѣдали, я нашелъ картину любопытную: она представляетъ пеликана, питающаго трехъ птенцовъ своихъ; онъ пригвожденъ ко кресту, уязвляетъ себя въ

грудь и изливаетъ имъ собственную свою кровь; надъ ними горящее и прободенное сердце точитъ также каплями кровь въ чашу нашего спасенія; всюду около ея символическія надписи. Она мнѣ полюбилась. Странно находить мистику у почтальона. Я ее купилъ и привезъ съ собой, какъ находку.

Наконецъ въѣхали мы въ предѣлы Украйны. Зачалъ приходить мнѣ на память Панъ Хмельницкій и Мазепа. Здѣсь пресѣкаются искусственныя аллеи. Въмѣсто деревъ, на каждой верстѣ наметаны бугры земли, чаятельно для того, чтобъ не сбивались съ дороги обозы. Вездѣ безъ исключенія мазанки, нѣтъ другихъ жилищъ. Появились Хохлы. Въ 28 верстахъ отъ Харькова деревня Липцы ими населена. Увидѣли мы образчики плодороднаго климата: на воздухѣ рождаются арбузы безъ всякаго садовническаго присмотра; для нихъ отведены изрядныя мѣста, и ихъ зовутъ бакши. Туда, въ своихъ нарядахъ и въ пестрыхъ юбкахъ изъ ковровъ, ходятъ бабы очищать сей плодъ отъ побочных растений. Мы нѣсколько сборищъ такихъ объѣхали. Это дѣлаетъ пріятную для зрѣнія картину. У насъ арбузъ закутанъ въ оранжевъ; одинъ садовникъ видитъ, какъ онъ рождается, растетъ и зрѣетъ, а мы только спросимъ его на столъ, когда поспѣетъ, разрѣжемъ его и съѣдимъ: тутъ, напротивъ, ни что его не заслоняетъ и не прячетъ, всѣ его видятъ, натура его воспитываетъ, а хозяинъ любитъ его, и потомъ подбиваетъ имъ друзей своихъ.

Мы прибыли въ Харьковъ еще до захожденія солнца и съ трудомъ отыскали квартиру: всѣ постольные дворы дороги и безпкойны; трактиръ совсѣмъ не хорошъ, Полиціймейстеръ по приказанію Г. Губернатора, намъ отвелъ ее у одного купца, и мы лишь только расположились, то я послалъ за В..., который мнѣ издавна хорошій пріятель. Онъ тотчасъ явился, и мы взаимно другъ другу обрадовались. Въ разговорѣ откровенномъ одна рѣчь цѣпляется всегда съ другою такъ, что бесѣда продолжается нечувствительно до глубокой ночи: точно такъ и мы подарили себя этимъ вечеромъ; а между тѣмъ я запасся свѣдѣніями, куда на завтра ѣхать, что смотрѣть и чѣмъ заняться.

Естьли судить о городахъ по наружному ихъ виду, то Харьковъ не утѣшитъ: онъ расположенъ худо и видъ представляетъ

самый пустынный; но въ немъ живутъ весело и любятъ угощеніе. Басъ всѣ очень обласкали. 23 числа день прекрасный для меня, день именинъ жены моей; я зачалъ тѣмъ, что пошелъ къ обѣдин, слушалъ ее въ Архіерейскомъ домѣ; его въ городѣ нѣтъ; здѣшній Епископъ, Христофоръ Сулима, живетъ въ 7 верстахъ, въ загородномъ домѣ. Говорятъ что онъ не любитъ общества. Я его, напротивъ, вездѣ и всячески люблю; и такъ не разсудилъ къ нему ѣхать заводить знакомства. На что сближать два свойства совсѣмъ противныя? Въ церкви его, во время службы ни что особеннаго на себя вниманія не обратило, кромѣ двухъ портретовъ, Елисаветы и Анны, кои поставлены, одинъ противъ другого, на стѣнахъ, подъ сводомъ, отдѣляющимъ трапезу отъ церкви. Я не могъ равнодушно смотрѣть на такую противоположность: жизнь и смерть, улыбка кротости и блѣдная тиранія съ глазу на глазъ. Мнѣ простятъ, ради моего прозванія, маленькую дрожь при взглядѣ на грозную Анну. Ахъ! естьли въ мѣстахъ, посвященныхъ Божеству, могутъ, по естественному человѣку тщеславію, терпимы быть такія жертвоприношенія людямъ великимъ, то пусть уже ставятъ въ нихъ черты Антониновъ, Маркъ Авреліевъ, Елисаветъ, а времена Бирона по что напоминать подъ сѣнію миролюбиваго Христа?

Ознакомившись съ Губернаторомъ утреннимъ моимъ къ нему визитомъ, я очень доволенъ былъ его ласковостію. Онъ человѣкъ уже не молодой, опытенъ въ своемъ дѣлѣ, словоохотенъ и гостепріимства не чуждается. Онъ далъ намъ прекрасный ужинъ, о которомъ буду говорить ниже. Получивъ отъ него позволеніе на свободу все осмотрѣть любопытное въ городѣ, я началъ съ ученыхъ заведеній, и попалъ очень счастливо на публичный экзаменъ.

* Сынъ Переяславскаго Полковника, служилъ въ гусарахъ Офицеромъ, потомъ постригся въ монахи и слушалъ Богословіе въ Кіевской Академіи, послѣ былъ Феодосіевскимъ Епископомъ, а съ 16-го Октября, 1799 года, сдѣланъ Харьковскимъ, послѣ перенесенія каведры изъ Бѣлгорода; умеръ 18-го Мая, 1813 года. О. Б.

ГЛАВА XII.

Продолженіе.

При домѣ Архіерейскомъ учреждено издавна, подѣ названіемъ Коллегіума, духовное училище. Основатель его, современникъ Петра I, Фельдмаршалъ Голицынъ. * Родственникъ его, Графъ Румянцевъ, ** прислалъ сюда бюсты знаменитаго сего мужа и сына его, бывшаго Посломъ въ Вѣнѣ. *** Погруді сіи или бюсты стоятъ въ большой залѣ, и подѣ первымъ слѣдующая надпись: «Чтите добродѣтель Голицына!» При мнѣ было, по порядку годовичному, состязаніе въ Богословскихъ и Философскихъ предметахъ: они производятся на Русскомъ языкѣ съ примѣсю иногда Латыни. Нигдѣ я не слыхивалъ такого сладкаго произношенія Латинскаго нарѣчія, какъ въ устахъ Малороссійнъ: выговоръ ихъ имѣтъ

* Князь Михайло Михайловичъ, сынъ Болрина и Воеводы Курскаго, Кн. Мих. Андреевича, род. 1-го Ноября, 1675 года, сподвижникъ Императора Петра I-го: взялъ 1702 г. Шлессбургъ, рѣбилъ Шведовъ при Добромъ (1708), участвовалъ въ сраженіи подѣ Лѣснымъ (1708) и подѣ Полтавою (1709), преслѣдовалъ ихъ до Переволочны, былъ въ Прутскомъ походѣ (1711), покорилъ (1714—1721) Финляндію до Лапоніи; съ 1723 года начальствовалъ войсками, расположенными въ Малороссіи; 1725 Генералъ-Фельдмаршалъ, а 1726 основалъ въ Харьковѣ Коллегіумъ, при содѣйствіи Бѣгородскаго Епископа, Епифанія Тихорскаго, укрѣплъ за симъ заведеніемъ село Песочки съ хуторами; при Петрѣ II-мъ Президентъ Военной Коллегіи, Сенаторъ и Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта (1728); при Аннѣ, за участіе въ совѣтѣ противъ нея, былъ отдаленъ, съ прочими, отъ Двора и вскорѣ скончался, Декабря 10-го, 1730 года. О. Б.

** Славный Румянцевъ-Задунайскій женатъ былъ на одной изъ дочерей Князя М. М. Голицына, род. 1725, ум. 1796 г. О. Б.

*** Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ род. 15 Мая, 1721 г., служилъ съ начала въ войскѣ до Генералъ-Маіора, а съ конца Мая, 1761 г., назначенъ былъ Посломъ въ Вѣну, черезъ годъ (1762) Генералъ-Поручикъ, въ 1772 Дѣйств. Тайный Совѣтникъ; участвовалъ, въ 1781, въ склоненіи Императора Юсифа II-го къ морскому нейтралитету, а 1785 въ тайныхъ переговорахъ съ Кауницемъ касательно раздѣленія Польши; 1792 уволенъ, и 19-го Сентября, 1793 г., умеръ.

что-то особенно пріятное для слуха нѣжнаго. Ректоръ, управляющій симъ заведеніемъ, изъ бѣлаго духовенства, особа умная и съ отличными познаніями. Между разными школьными предложеніями, дано было и то, что мнѣ сей есть совершеннѣйшій. «Вѣрю, но не убѣжденъ», возразилъ я отцу Ректору; «ибо кто его сдѣлалъ такимъ, тотъ могъ его сдѣлать и лучше и хуже. Какъ вы объ этомъ думаете?»—«Я не смѣю, отвѣчалъ онъ мнѣ, назвать его совершеннѣйшимъ, по тому что хлѣбъ очень дорогъ.» Я посмѣялся этой причинѣ и понималъ, что ни кому не хочется спорить о томъ, что весьма трудно доказать можетъ умъ человѣческій. Знамена или значки, также какъ и въ Бѣлгородѣ, и здѣсь есть во всякой школѣ. Осмотрѣвъ Библіотеку, я замѣтилъ въ ней наипаче Лѣтописецъ Дмитрія Ростовскаго, Отче Нашъ на стѣ діалектахъ, Библію на 6 Восточныхъ языкахъ, съ Лексикономъ на столькихъ же, и тѣхъ же въ руководство къ переводу, и грамоту, пожалованную сему училищу Императрицею Анной. Увидя тотъ почеркъ, которымъ нѣкогда подписана казнь моего дѣда, * я закрылъ глаза и бархатную книгу. Природа дышать мнѣ не дала свободы, и я нѣсколько мгновеній былъ въ трепетномъ ужасѣ.

Онъ отличался въ Вѣнѣ покровительствомъ ученымъ, особенно художникамъ, собралъ дорогую картинную галерею и основалъ Голицынскую больницу въ Москвѣ; подѣ сводами церкви этой больницы онъ и погребенъ. О. Б.

* Князя Ивана Алексѣевича, сына Князя Алексѣя Григорьевича, а внука Кн. Григорія Оеодоровича, брата славнаго Князя Якова Оеодоровича Долгорукаго; род. 1713 г. и воспитывался за границей; былъ любимцемъ Петра II-го, содѣйствовалъ паденію Князя Меншикова и, въ свою очередь, по смерти Государя, обрученнаго уже съ его сестрой, Екатериной, сосланъ, 1730 г., въ Березовъ, гдѣ прежде находился Меншиковъ, по повелѣнію Императрицы Анны Ивановны. До 1739 г. онъ былъ въ ссылкѣ съ женой своею, Графиней Натальей Борисовной Шереметевой, и прочими родными, и потомъ, по доносу роднаго брата своего (Александра), привезенъ въ Новгородъ и тамъ колесованъ 26 Октября. Изъ двухъ его сыновей, Князь Михайло Ивановичъ служилъ въ гвардіи Капитаномъ и потомъ былъ Почетнымъ Опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома, а Князь Дмитрій Ивановичъ отпущенъ съ матерью въ Россію и познѣе умеръ въ Кіевѣ, пострѣпгисъ тайно въ расофорѣ. Князь Михайло Ивановичъ былъ отецъ сочинителя этого путешествія. О. Б.

Въ Харьковѣ, по новому образованію просвѣщенія, заведенъ также и Университетъ, * подъ попеченіемъ начальника того Округа, Графа Потоцкаго. ** Соревнованіе между учеными приноситъ важную пользу учащимся: я нѣкоторый опытъ того видѣлъ и на диспутахъ; ибо Студенты Университетскіе приходили съ Академиками въ Коллегіумъ оспаривать ихъ предложенія, и отъ сей стычки умовъ и понятій летятъ искры глубокихъ познаній. Пусть и здѣсь, по связи между собою, живучи въ одномъ городѣ, одни и другіе учителя снесутся заранѣе о предметахъ, для прѣнія заготовленныхъ, и выйдетъ изъ того хорошая комедія, наизусть выученная. Согласенъ: но для чего не повѣрить, что иногда и безъ обмана господа ученые другъ друга на диспутахъ пощиплютъ? Сравнить сихъ двухъ заведеній, свѣтскаго и духовнаго, нельзя. Одно уже укоренилось, другое лишь процвѣтаетъ.

Г. Рижскій, Ректоръ Университета, съ откровеннымъ добротствомъ казалъ намъ любопытное и привлекающее на себя вниманіе. *** Университетъ помѣщенъ въ Генералъ-Губернаторскомъ домѣ, чайтельно, на время, по тому что онъ не довольно для сей цѣли обширенъ. Всѣ классы открыты и въ настоящемъ своемъ

* Въ 1803 году. О. Б.

** Графъ Северинъ Осиповичъ. О. Б.

*** Священническій сынъ города Риги, род. 1761 г., учился въ Псковской и Троицкой Семинаріяхъ; съ 1778 Информаторъ, послѣ Учитель Риторикѣ; въ 1783 оставилъ Духовное званіе съ чиномъ Губернскаго Секретаря, но въ концѣ того же года получилъ кафедру Философіи, а черезъ годъ (1786) снова возвысился въ свѣтское званіе и былъ Учителемъ въ Горномъ Корпусѣ; 1797 Секретарь Св. Синода, изъ коего опять, черезъ два года, перешелъ въ Корпусъ; 1804 поступилъ Профессоромъ Словесности въ новооткрытый Харьковскій Университетъ; съ 1809 г. Ректоръ его; скончался 1-го Апрѣля, 1811 года Коллежскимъ Совѣтникомъ и Докторомъ Философіи; былъ также Членомъ Россійской Академіи. Между прочимъ онъ издалъ Риторику (подъ названіемъ «Опытъ Риторики.» Спб. 1796; съ дополненіями въ Харьковѣ 1803 г.), бывшую нѣкоторое время руководствомъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, равно какъ «Науку стихотворства.» Спб. 1810; «Введеніе въ кругъ Словесности,» тамъ же, 1806 г., и др. О. Б.

дѣйствию. Домъ обогащенъ книгами и разными инструментами; сихъ послѣднихъ на уважительную уже пріобрѣтено сумму, и удачный выборъ ихъ есть опытъ трудовъ пекущихся о семъ новомъ заведеніи. Профессоры всѣ почти люди молодые; одинъ старикъ, Французъ, занимается преподаваніемъ изящной Латинской и Греческой Словесности; онъ же и Библіотекаръ; я имъ особенно занялся. При всей той угрюмости, какой требуютъ возложенные на него труды и самыя его лѣта, я удивился, нашедъ его въ инныя минуты такъ легкимъ, смѣю ли сказать? и вѣтреннымъ, какъ мы привыкли понимать его соотчичей: безпрестанный смѣхъ не сходитъ съ его лица; вдругъ онъ заважничаетъ и сдѣлается несноснымъ педантомъ, чтобъ тотчасъ же послѣ того надъ собой разсмѣяться и выпустить какую ни будь остроту. * Астрономическій классъ, судя по орудіямъ, коими его снабдили, есть также доказательство того, сколько заботятся объ изученіи полезномъ здѣшняго юношества.

Кабинетъ Минеральный очень хорошъ. Въ немъ глаза остаются съ удовольствіемъ на одной штуфѣ, которая представля-

* То былъ Яковъ Яковлевичъ Белень де Баллю, съ 8-го Декабря, 1803 года, Профессоръ Греческой и Французской Литературы; онъ же большею частію читалъ и Латинскую, а также завѣдывалъ Библіотекю. Отдѣленіе Нравственно-Политическихъ наукъ признало его Докторомъ. Онъ сынъ Адвоката, р. 1733 г., и до выѣзда въ Россію былъ Членомъ Парижской Академіи Надписей и Изыщной Словесности (Academie des Inscriptions et Belles Lettres), потомъ Совѣтникомъ Монетнаго Департамента (Двора), Членомъ Национальнаго Института; во время революціи находился въ заключеніи 8 мѣсяцевъ, въ правленіе Робеспьера, по смерти коего освобожденъ безъ суда. Во Франціи извѣстенъ своимъ переводомъ Лукіана: «Oeures de Luciens, traduites du Grec, avec des notes historiques et critiques sur le texte et la collation des manusc. de la Bibl. du Roi, par Jac. Belin de Ballu. Paris, 1788, 8°, 6 voll. Въ 1807 г. онъ напечаталъ, при «Обозрѣніи публичныхъ чтеній Харьковскаго Университета,» извѣстіе о Греческихъ рукописяхъ Университета: «Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, quae reperiuntur in bibliotheca Universitatis Imperialis, quae Charkoviae floret» (X р., 4°), и тогда же произнесъ, въ торжественномъ собраніи Университета: «Рѣчь о томъ, какое воспитаніе преимущественнѣе, общественное ли, или домашнее?» («Discours sur l'éducation publique, comparée à l'éducation privée»). Въ 1811 г. перешелъ въ С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ. Женатъ и имѣлъ 5 сыновей и 3 дочерей. Умеръ 1813 г. Говорятъ, отличался основательною ученостію и даромъ преподаванія. О. Б.

есть аматистовую дыню; нѣсколько медалей, по порядку расположенныхъ, и всё въ большомъ благоустройствѣ. Типографія въ наилучшемъ порядкѣ. Зала Совѣта убрана приличнымъ образомъ: въ ней разставлены прекрасныя произведенія Россійскихъ художниковъ: портретъ Государя, потомъ Графа Завадовскаго и Потоцкаго. Я видѣлъ мимоходомъ нѣсколько искусственныхъ моделей для класса Технологіи. Нельзя не быть довольнымъ симъ возродившимся училищемъ, но сказать должно, что, при всемъ усердіи и раченіи тутошнихъ властей, Университетъ еще очень молодъ и новостъ его бытія очевидна повсюду. Ни какія усилія наши не сдѣлаютъ того въ одинъ годъ, что дѣлаетъ время и постепенность вѣковъ: отъ того самаго и Коллегіумъ не можетъ въ сущности своей цѣли равняться съ Университетомъ, и сей не оспорить тому естественнаго превосходства. Г. Рижскій, между рѣдкостями Университета, показывалъ мнѣ содранную съ дикой женщины въ Америкѣ цѣлую кожу; она отъ времени получила видъ пергамена. Я выпросилъ лоскуточекъ, и взялъ его съ собой. Бѣдная женщина! И она, я думаю, нѣкогда правилась подобному себѣ! Откуда попала къ нимъ такая добыча, я не могъ доказать узнать; но ужъ ли въ ученomъ мѣстѣ солгутъ? Студентовъ челоуѣкъ до 60-ти. Медицинѣ учатся только двое, а Профессоровъ по сей части челоуѣкъ 12. Ясное доказательство, что казна ни чего не щадитъ для наукъ! Остается намъ самимъ хотѣть просвѣщенія: люди, дома и средства—готовы. Мнѣ не полюбилось, естли смѣю быть чистосердеченъ, одно то, что Студенты сами держать артель и одинъ изъ нихъ печется о столовомъ хозяйствѣ. Казалось бы, что такими заботами не надлежало развлекать умы молодыхъ людей, коихъ всё мысли обращать должно къ одной учености. Независимо отъ Университета, по общему статусу для Губернскихъ городовъ, есть въ Харьковѣ и Гимназія. * Въ нее ходили тогда 400 учениковъ.

* Учреждена, вмѣстѣ съ Университетомъ, вмѣсто Училища Прибавочныхъ Классовъ, основаннаго 1768, съ которымъ было соединено и Народное Училище, образованное 1-го Марта, 1798 г. Прибавочные же классы состояли при Коллегіумѣ (къ преподаваемымъ наукамъ въ послѣднемъ прибавлены: Математика и Геометрія, языки Французскій и Нѣмецкій, рисованіе, а съ 1773 музыка и пѣніе). О. Б.

Попеченіемъ Университета разводится Ботаническій садъ, на который, разумѣется, казна дала и деньги и мѣсто. Я въ немъ гулялъ: сказать громкаго ни чего нельзя; новое заведеніе, однако, для публики уже изрядная прогулка; есть гдѣ повидаться съ пріятелемъ и часть времени проводить пріятно. На концѣ широкой аллеи, на выгодномъ мѣстѣ для виду, поставлена бесѣдка съ куполомъ; взоръ изъ нея обнимаетъ весь городъ. Черезъ 20 лѣтъ этотъ садъ будетъ очень хорошъ.

Между каменными строеніями нельзя не замѣтить одного дома частнаго обывателя, самой странной архитектуры: онъ круглый, какъ столбъ, и выведенъ въ два этажа. Жаль, что хозяину не дано, или самъ догадался его, не достроивать! Любопытно было бы видѣть, какъ онъ, отдавши его, сталъ въ немъ жить.

Рѣка въ городѣ обыкновенно не хороша и бѣдна водою. При насъ только она показалась въ красѣ своей, по тому что запружена и гордится своимъ богатствомъ. *

Заведеніями Приказа здѣсь хвастать нельзя: все есть понемножку, но въ большой тѣснотѣ. Вы найдете и больницу, и безумный домъ, и инвалидовъ; вездѣ чисто и опрятно. Но помѣщеніе недостаточно. Мазанки, содержащія всѣхъ сихъ страждущихъ и безумныхъ, въ развалинахъ. Я нашелъ между полоумными бѣснаго Титулярнаго Совѣтника на цѣпи и очень смирнаго Штаб-Лѣкаря: послѣдній сидитъ тутъ съ 96 года, а меня увѣрялъ, что онъ 5 лѣтъ только лишень свободы. Какое благополучное сумашествіе! И въ тяжелой неволѣ умѣть коротать время! Въ этомъ смыслѣ захотѣли бы многіе, но старые люди, подобно ему быть безъ ума.

Въ Больницѣ нашелъ я двухъ Турокъ съ ознобленными ногами. Одинъ Боснякъ, и хотъ мало, но что ни будь умѣетъ мол-

* Въ Харьковѣ двѣ рѣки: Мюанъ и Харьковъ (или Харьковка) и протокъ Нечетъ. Значительнѣйшая изъ нихъ первая. О. Б.

вить по Русски, а другой Анатолецъ и ни слова не выговорить. Вообще въ городѣ ихъ человекъ до 50-ти. Россійскія войска таровато надѣляютъ ими внутреннія наши провинціи. Одинъ изъ хворыхъ просилъ у меня не на водку, а на табакъ: охотники большіе курить его: день и ночь трубки изъ рукъ не выходятъ.

Пора молвить о здѣшней публикѣ. Все то, что я видалъ въ домахъ Губернатора и Вице-Губернатора, * заставляетъ думать, что въ Харьковѣ безъ скуки можно проводить время. Общество людное, по настоящему лѣтнему времени, и очень хорошо собрано. Старый мой знакомый Вице-Губернаторъ далъ мнѣ обѣдъ, а Губернаторъ позвалъ на вечеръ; у него я и ужиналъ. Обоихъ сихъ Господъ супруги — дамы любезныя и съ навыками большого свѣта. Гостепріимство въ обоихъ ихъ домахъ наилучшее, поступки соединяютъ милую простоту съ нѣжною разборчивостію большихъ городовъ. Не станемъ говорить о роскоши: она и здѣсь вошла въ кости каждаго. Наряды дамъ, убранство столовъ, изобрѣтеніе приправъ и соединеніе всѣхъ плодовъ, съ трудомъ снискиваемыхъ даже и въ томъ климатѣ, все заставляетъ чувствовать прелести улучшеннаго свѣта. Жаль, что дома ни того, ни другого, не отвѣчаютъ ихъ готовности угощать: малы, низки и для большой публики тѣсны.

Одна благородная дѣвушка, дочь тутешняго Чиновника, прекраснѣйшимъ образомъ играла на фортепіано, не бездѣлки однѣ: вальсы, пѣсенки, романсы; совсѣмъ нѣтъ, самыя мудренныя ноты разыгрывала, часто съ чувствомъ и выраженіемъ: не многіе и въ столицахъ нашихъ выдержали бы съ нею сравненіе. Заслушавшись, я увлеченъ былъ гармоніей въ горестныя и близкія еще ко мнѣ напаятованія. Мнѣ пришла на мысль дочь моя милая, Маша. Хозяйка увидѣла въ глазахъ моихъ слезы, и я, предвзявъ ея вопросъ, сказалъ: «Такъ точно дочь моя играла меньше года тому назадъ.» Закрывшись обѣими руками, она ушла прочь отъ меня. Я отдалъ смятеніе ея на счетъ чувствительности сердца, которое часто не умѣетъ и чужихъ переносить печалей. Не-

* Первымъ былъ въ то время Бахтинъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и очень расположенный къ Университету, а вторымъ Муратовъ, умѣвшій ладить, въ особенности съ высшими. О. В.

счастливая! Она сама оплакивала два мѣсяца смерть милаго сына, которому было 20 лѣтъ. О! эти язвы не исцѣльны: ихъ и время не врачуетъ. Горести наши вездѣ съ нами путешествуютъ. Прости мнѣ, читатель, сію черту меланхоліи!

Губернаторъ встаетъ рано и, отдѣлавшись, опять спитъ въ жаръ полуденный; отъ того и ужинъ его не долго продержалъ гостей за полночь. Это совершенно на мой вкусъ: я худой товарищъ тѣмъ, кои ночь дѣлаютъ днемъ.

Бостонъ и здѣсь въ модѣ, но я имъ не занимался. Уши мои и глаза обращались на множество предметовъ постороннихъ, и я не могъ ни на чемъ постоянныхъ остановить мыслей. Въ путешествіи все прельщаетъ, или занимаетъ: все ново, на все хочется взглянуть, всего послушать.

Быть было сегодня театру, но не состоялся за тѣмъ, что труппа какъ-то разстроилась. Полтава сманиваетъ къ себѣ актеровъ и актрисъ, и Харьковъ не можетъ напастись талантовъ, а скоморошества простаго стыдятся. И такъ я не ознакомился ни съ Таліей, ни съ Мельпоменой, Украинской страны.

Зимою того года истекалъ въ Харьковѣ срокъ выборовъ, и къ тому же времени приготавлилось торжество по случаю грамоты, за милицію Харьковскому Дворянству данной. Публика ждетъ на сей случай баловъ и зрѣлищъ театралныхъ.

Я вспомнилъ здѣсь, что нѣкогда объявлено было въ Відомостяхъ о новомъ родѣ трубъ деревянныхъ, изобрѣтенныхъ въ Харьковской Губерніи для пожаровъ. Я просилъ Г. Губернатора мнѣ показать одну, и я видѣлъ, что такое. Самое простое, окованное, деревянное лукошко съ придѣланнымъ насосомъ. Вода выжимается свободно и брызжетъ въ мѣру высоты обыкновенныхъ крестьянскихъ жилъ. Механизмъ самый легкій и неумудренный. Цѣна всей трубѣ 10 руб. Что жъ можно имѣть за такую низкую плату? Естли, глядя на него, вообразить тѣ трубы, за кои платятся сотъ по восьми рублей, конечно, она покажется негодной: довольно и того, что дѣлаетъ ее Русской мужикъ, и дѣлаетъ дешево, и что во время огня она его заливаютъ.

ГЛАВА XIII.

Выѣздъ изъ Харькова. Валки.

Здѣлавъ мои прощальныя визиты, и кто знаетъ? можетъ быть на всегда, добрымъ Харьковскимъ жителямъ, кои меня наиболѣе приласкали, я, съ крайнею благодарностію начальникамъ здѣшнимъ, оставилъ городъ и выѣхалъ, отобѣдавъ довольно не рано у Вице-Губернатора, въ Ивановъ день, 24-го Іюня. Мы не спѣшили далеко уѣхать, лишь бы почевать не въ полѣ. Отъ Харькова въ 59-ти верстахъ Уѣздный городъ Валки. Уже ли, думалъ я, не сыщемъ мы тамъ квартиры? Вотъ и предметъ нашъ на сегодняшний день!

Выѣхавъ изъ города, мы зачали чувствовать преимущества теплыхъ климатовъ. Сады съ грушами, бергамотами были для насъ первой диковинкой въ объѣзжаемой странѣ. Дорога гористая, за то мѣста для виду красивыя. Въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ устроены корчмы на образецъ Польскихъ, и Малороссійскіе шинки: веселый поселянинъ съ скрипичей, сидя у воротъ, наигрываетъ нѣжныя пѣсни и славить свою милую коханочку.

Харьковская Губернія славится богатой хлѣбомъ. Въ этомъ нѣтъ спора: однако винокуры истощаютъ ея запасы такъ, что когда въ одномъ Уѣздѣ хлѣбъ продается, тогда въ другомъ принуждены бываютъ жители покупать его извнѣ. Я слышалъ, что въ 1809-мъ году здѣсь такой былъ неурожай, что по 8 руб. покупалась четверть хлѣба. Какая высокая цѣна для Украйны! Не меньше странно и то, что теплый здѣшний климатъ часто занимаетъ у сѣвернаго его холодъ и вредныя непогоды для садоводства. Нынѣшній годъ (я говорю о 1810, въ которомъ мы тамъ были), стужа продолжалась такъ поздно, что 1-е Іюня здѣсь былъ морозъ и лежалъ на землѣ толщиной съ мѣдной пятакъ: всѣ жители согласно это утверждали. Чему же дивились мы, выѣхавъ изъ Володиміра 31-е Мая, что тамъ безъ шубы выйти на воздухъ было нельзя! Но тамъ это часто и весьма обыкновенно, а здѣсь такъ рѣдко, что многіе подобнаго лѣта не помнятъ.

Въ Люботинѣ (деревня изрядная!) мы мѣняли лошадей; остановясь на минуту у почтальона, завели съ нимъ бесѣду: о чемъ же думаете вы? О симпатіи! Господинъ курьеръ называлъ этимъ словомъ связь свою, и связь весьма неплатоническую, съ какой-то женщиной, сообразно климату довольно плодотворной. Онъ имѣлъ отъ нея кучу ребятъ. Онъ любилъ и философствовалъ своимъ манеромъ. Едва не ближе ли чувства его къ нагурѣ нашихъ! Мы въ палатахъ задумываемся, воображаемъ, а онъ, сидя въ мазанкѣ своей, смѣется и ощущаетъ. Пусть его зовутъ невѣжей!

Приближаясь къ Валкамъ на закатѣ яркаго солнца, послѣ душнаго и утомительнаго дня, мы вѣхали въ прекрасную долину: не грѣхъ сравнить ее съ Темпейской. О! какъ здѣсь намъ было хорошо и пріятно! Она какъ нарочно убрана плодовитыми деревьями; оранжереи нашихъ вельможъ не дадутъ имъ такого благовонія, какимъ отъ сихъ деревъ накурентъ въ окрестности здѣшней весь воздухъ. Мы гуляли тутъ, дышали, жили въ прямомъ смыслѣ слова жить.

Повторилъ, и не въ послѣдній разъ на семъ пути, что путешествовать есть блаженство для души дѣятельной и страстной: тамъ видишь любопытное, тутъ прекрасное, индѣ плѣняешься, индѣ хохочешь. Здѣсь, на примѣръ, на самой большой дорогѣ, вмѣсто грани, кто-то вздумалъ выставить выдолбленную изъ камня фигуру: она такъ странна, что мы, не утерпя, выскочили изъ коляски и подходили ее разсматривать: съ боку видишь медвѣдя, а прямо—образъ женщины. Охота была кому ни будь такимъ уродствомъ, днемъ смѣшить, а по ночамъ пугать проѣзжихъ.

Очень уже было темно, когда пріѣхали мы въ Валки; и такъ города мы не видали; просили квартиры, но съ трудомъ нашли порядочную. Трактиръ занятъ весь Приказными, кои ходятъ сюда забывать по почтамъ выписки свои и справки около шаровъ, картъ и сладкой водки. Намъ грубая того дома хозяйка отводила одинъ бильярдъ. Какого ждать тутъ покоя! Городничій, не давно пріѣхавшій на новое мѣсто, худымъ былъ намъ руководителемъ. Естли вѣрить описанію, въ этомъ городѣ до 5-ти тысячъ душъ, но ни одной порядочной квартиры: все строеніе состоитъ изъ

мазанокъ, и во многихъ нѣтъ половъ. Съ трудомъ большимъ отважились мы занять на одну ночь домъ помѣщика тутошняго, Г. Без., котораго не было дома. Въ покояхъ его все означаетъ человѣка зажиточнаго: у него мы и ночевали.

Что можетъ быть пріятнѣе, какъ въ хорошее утро, при благоухающемъ воздухѣ, прогуливаться безъ дѣлъ, безъ докукъ, въ полной свободѣ, въ саду, усыпанномъ плодами, рвать ихъ безъ скромности, ѣсть и класть въ карманъ и мечтать о золотомъ вѣкѣ, когда, говорятъ, вездѣ всѣ люди брали даромъ! Не правда ли? Позавидуйте же мнѣ, мои читатели: это было мое положеніе 25-го числа Іюня, 1810 года, въ прекрасномъ саду Господина Без., въ Уздномъ городѣ Валкахъ. Тутъ нѣтъ проспектовъ, Англинскихъ дорожекъ, подчищенныхъ деревьевъ: натура, одна натура, но въ самомъ своемъ цвѣтномъ платьѣ, обогащенная плодами, расточающая всюду свои благовоія. Сколько же я тутъ погубилъ у незнакомаго хозяина Шпанскихъ вишенъ, персиковъ! Морозъ не засталъ уже цвѣтовъ, а по тому и не испортилъ плода.

Между фруктами я нашелъ въ саду и азбуку. Мальчики, кои стерегутъ плоды, не отъ людей (отъ нихъ ни чего не убережешь), а отъ птицъ, и посылаются сюда съ трещотками гонять ихъ стукомъ далѣе, эти юные стражи тѣмъ же временемъ грамотѣ учатся; а тѣ, кои на работу не посылаются, ходятъ учиться по Латыни въ школу. Все это не означаетъ ли домостроительства и распорядка?

Я не распространю описанія города: онъ немного значить; поѣдемъ далѣе, поспѣшимъ туда, гдѣ нѣкогда Петръ судьбу рѣшилъ своего Государства. Отсюда до Полтавы дорога вообще прекрасная и очень ровная; почтари возятъ чрезвычайно скоро; нѣтъ нужды ихъ погонять; но въ измѣреніяхъ верстъ вездѣ большое несходство: это уже примѣчено было мною. Маршруты Гг. Губ... нигдѣ не сходны съ почтовыми: одинъ свое, другой свое число верстъ считаютъ; для проѣзжихъ это весьма сбивчиво. Приведемъ здѣсь еще одинъ примѣръ. Отъ Колениковъ, * первая станція за Валками, до Войнихи заплатили

* Коломекъ? О. Б.

мы прогоновъ за 28 верстъ, а довели насъ въ 1¼ часа. Вѣдь мудрено! Что жъ по справкѣ? Оказалось ихъ только 17. Подобныя тому ошибки встрѣчались весьма не рѣдко: кого винить, Богъ знаетъ!

Маленькой дожжикъ освѣжилъ воздухъ, растворилъ сухую землю и обрадовалъ поселянъ: засуха ихъ беспокоила. Тотчасъ принялись за сѣнокосъ, но не ожидали хорошаго. Пахарь въ здѣшней сторонѣ деретъ землю плугомъ, и возить его на 6 волахъ, а иногда и болѣе. Тяжкая работа! Земледѣіе полезно, благородно и необходимо, но спина отъ него болитъ; и такъ, извинимъ безпечность земледѣльца. Волъ есть живое изображеніе Хохла, который также скотенъ * и лѣнивъ. Естли вола не погонять, онъ простоитъ сутки, не сходя съ мѣста. Мнѣ случилось встрѣтить шестерню ихъ подъ сильнымъ плугомъ: ни волы, ни плугъ, ни хозяинъ не трогаются; тотъ уснулъ на походѣ; экипажъ, не чувствуя побужденія большаго хлыста, которымъ ихъ погоняютъ, сталъ, и все неподвижно. Я раскачалъ Хохла: онъ уже тутъ 2 часа дремалъ стоя; онъ почесался, зѣвнулъ, махнулъ прутомъ, и цугъ нашъ двинулся. Такъ-то живали и всѣ люди въ тотъ вѣкъ, который мы такъ завидливо отличаемъ названіемъ Патріархальнаго.

ГЛАВА XIV.

Окрестности Полтавы. Земляное строеніе.

Мы обѣдали сегодня подъ ветлой, близъ деревни Колениковъ, гдѣ почтовая станція. Съ нами отдыхалъ обозъ большой съ сахаромъ: онъ шелъ изъ Бѣлева въ Молдавію. Казалось бы, на что тамъ сахаръ, гдѣ другъ друга рѣжутъ всякой день: однако, Русскому воину и за полчаса до смерти сладкаго пушпу стаканъ

* Не меньше, впрочемъ, и Великоруса, живущаго перѣдко въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ своею скотиной. О. Б.

непротивенъ. Артель крестьянъ опорожнила при насъ цѣлый котелъ добраго пшена. Я имъ позавидовалъ: ихъ грубая пища гораздо была вкуснѣ нашихъ, такъ называемыхъ, Французскихъ хлѣбовъ, очень черствыхъ. Естли бы мужики поняли мои мысли, тогда бы они вѣрно сказали такъ: «Баринъ! Въ чужой рукѣ ломъ всегда великъ.»

До Полтавы оставалось намъ двѣ станціи: Войнихи и Дуднихи. * Здѣсь нигдѣ уже нѣтъ большихъ селеній; повсюду одни уединенные хуторы; начинаются голыя пространства земли необозримыя, кои мы общимъ именемъ нарекли степи. Для проѣзжихъ учреждены Княземъ Куракинымъ, ** во время его управленія Малороссіею, почтовые дворы. Недостатокъ лѣсу заставилъ прибѣгнуть къ разнымъ средствамъ: дома сіи выстроены индѣ изъ сыраго кирпича и обмазаны потомъ известкой. Они въ два этажа и обведены оградой кирпичной, въ которой столбы изъ обожженного матеріалу. При домахъ тѣхъ конюшни и достаточные сараи: все это покрыто соломой. Видъ домовъ красивъ, но непрочны бывъ складены, подмазка съ нихъ летитъ, известъ слупается, и они, конечно, безъ значительныхъ поправокъ, долго простоять не могутъ. Примѣтимъ еще и то, что выгодъ для путешественника не придумано ни какихъ, т. е., нѣтъ стола, на чемъ напиться чаю, ни стула, на чемъ присѣсть; голыя стѣны: есть куда войти, но негдѣ отдохнуть; вода такъ отдалена отъ почтовыхъ домовъ, что ее

* Войниха или Войновка, и Дудниха или Дудниковка, Дудниковъ. О. Б.

** Князь Алексѣй Борисовичъ, р. 19-го Сентября, 1759 г., служилъ въ гвардіи, потомъ Камеръ-Юнкеръ, далѣе въ Канцелліи Генераль-Прокурора Князя А. А. Вяземскаго; за тѣмъ Камергеръ, Тайный Совѣтникъ (1793), Главный Директоръ Ассигнаціоннаго Банка, Генераль-Прокуроръ (1796), Министръ Удѣльныхъ Имѣній, Казначей Россійскихъ Орленовъ, Д. Т. Совѣтникъ (1797), Сенаторъ и съ 4 февраля, 1802 г., первый Малороссійскій Генераль-Губернаторъ (по образованіи Губерній Полтавской и Черниговской), снискавшій любовь управляемыхъ обращеніемъ, справедливостью, но жилъ пышно; съ 1807 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ; 1811 Членъ Государственнаго Совѣта и его Предсѣдатель; 1826 Канцлеръ Россійскихъ Орленовъ. Онъ присутствовалъ также, 1810 г., при бракѣ Наполеона, покровительствовалъ Сперанскому, и скончался 30 Декабря, 1829 г. О. Б.

достать трудно, и я въ первой разъ отъ роду въ Войнихахъ платилъ за ведро воды деньги. Полтава видна верстъ за 30; къ ней старались также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, разсадить аллеи, но деревья не принялись, отъ недостатка заботъ и попеченій объ нихъ, и вышла дорога, обсаженная голыми прутьями по обѣ стороны: это ни взоръ, ни мысль не забавляетъ; какъ будто сквозь строй ямщикъ гонить. На послѣдней перемѣнѣ, въ Дуднихахъ, встрѣтился я съ проѣзжимъ молодымъ человѣкомъ, сыномъ того Барона Сакена, съ которымъ я вмѣстѣ былъ въ Финляндіи въ походѣ, вздохнулъ и подумалъ: «Какъ я старъ! Уже у моихъ товарищей сыновья рыщутъ въ кибиткахъ по всему бѣлу свѣту.»

Доѣхавъ до такого края, гдѣ природа вовсе не даетъ дровъ, не лишнимъ считаю приложить къ сей главѣ описаніе способа, коимъ, при строеніи домовъ, замѣняется даже и кирпичъ: на обжигъ его предстоятъ равномѣрно большія затрудненія. Жители отапливаютъ хаты свои кизикомъ: * такъ называется засушенный скотскій соръ. Онъ рѣжется кусками, какъ кирпичъ, и имъ разводять огонь. На немъ даже стряпаютъ и кушанье; привычный поваръ умѣетъ такъ съ нимъ обходиться, что духъ его не заражаетъ пищи и не трогаетъ обонанія на столѣ. Тѣмъ же навозомъ обмазываютъ и стѣны въ нѣкоторыхъ домахъ по поламъ съ глиной. Способъ сей употребленъ въ построеніи почтового двора въ Войнихахъ. Вмѣсто свѣтъ, обыватели нижняго разряда, по хуторамъ, жгутъ овечій жиръ, растопя его и смѣшавъ съ малой частью настоящаго масла. Бѣдные люди! Однако и они живутъ, да еще иногда и весело: какого лучше сказать доказательства, что удовольствіе наше не столько въ наслажденіяхъ внѣшними предметами состоитъ, какъ въ насъ самихъ, въ собственныхъ силахъ нашего духа! Тихое сердце всегда къ радостямъ отверсто, чтобы ни входило въ наружныя двери нашего механическаго истукуна. Но оставимъ Философію.

Вотъ какимъ образомъ производится набивныя строенія глиной: когда поставятся угловые столбы, на которыхъ положатся

* Собственно кизякъ. О. Б.

два вѣнца, потомъ стропила, когда и вся крыша деревянная, земляная, или соломенная, окончится и вѣлаются для оконъ и дверей бруски отъ вѣнцовъ до земли, чѣмъ верхняя связь удобно поддерживаться можетъ, тогда всѣ промежутки между оконъ и дверей кругомъ строенія обиваются колыями, не рѣже какъ въ 6 вершкахъ. Верхніе концы кольевъ врѣзываются въ связь внутри строенія, а нижніе вкапываются въ землю на четверть аршина; потомъ готовится глина, хорошо смятая ногами съ мелкою соломою, мякиною и навозомъ; сей смѣсь должно быть почти на половину глины, или третья часть противъ оной. Тогда большими комами кидаютъ приготовленную глину въ стѣны между кольевъ, и съ обѣихъ сторонъ закласть стѣны пужно досками, дабы они были равны и удобно было глину набивать долблями, и такъ продолжать строеніе до верху. Когда доски отымутся и станетъ глина сохнуть и трескаться, тотчасъ трещины жидкимъ растворомъ изъ той же глины замазывать, что продолжаться будетъ не болѣе 10 дней; а когда совсѣмъ высохнетъ, то можно побѣлить известью, или бѣлою глиною, отъ чего, какъ для виду, такъ и прочности, сдѣлается строеніе красивое и отъ огня безопасное.

Узнавъ средство, такъ какъ мнѣ его изъясняли люди опытные и свѣдущіе, на самыхъ мѣстахъ, я не ручаюсь за пользу онаго; а самъ, увидѣвъ подобныя строенія, весьма колебался дать вѣру тому, чтобы оно было прочно и долговременно. Согласенъ, что сей способъ можетъ быть лучший изъ всѣхъ, изобрѣтенныхъ необходимою, но то ли дѣло хорошая, плотная сосновая изба!

ГЛАВА XV.

Полтава.

Въ вечеру, около 8 часовъ, 25 числа, очутились мы въ Полтавѣ. Подъѣзжая къ городу, пески умножаютъ нетерпѣливость видѣть его: нельзя скоро ѣхать; мы двигались шагомъ сквозь дубовой лѣсокъ, который, конечно, 100 лѣтъ назадъ былъ кустар-

никомъ. Я воображалъ, что около сихъ дней тогда здѣсь происходило: кровь, жупелъ и куреніе дыма!

Долго бы мы не нашли квартиры, но, къ счастью нашему, одинъ тутешній Чиновникъ, недавно служившій во Владимірѣ, попался мнѣ, какъ только вѣзжалъ я въ городъ: онъ соскочилъ съ дрожекъ и бросился ко мнѣ на встрѣчу. По благосклонному его попеченію, тотчасъ нанялъ я небольшой домикъ и расположился тутъ на три дня: въ дорогѣ это значитъ на житье.

Поздно было уже, и я не могъ никуда представиться; сверхъ того, я бы никого не засталъ дома: здѣсь гостилъ Графъ Безбородько. ему давали праздники. * Въ этотъ вечеръ у здѣшняго помѣщика, Господина Кочубей, ** былъ для него загородомъ балъ, на который, отъ Генераль-Губернатора до послѣдняго значущаго лица, всѣ изъ города уѣхали.

Дневной жаръ произвелъ духоту въ комнатахъ: мы вышли на крыльцо и сѣли чай пить. Жена управлялась съ самоваромъ; Алексѣй, сынъ ея, *** дѣлалъ опыты надъ фонаремъ жестянымъ, ку-

* Графъ Илья Андреевичъ, меньшой братъ Свѣтлѣйшаго Князя Александра Андреевича, (р. 1746, у. 6-го Апрѣля, 1799 г.), р. 16-го Февраля, 1736 г.; служилъ въ походахъ противъ Турокъ (1773—1774); 1786 Генераль-Маіоръ; отлучился при взятіи Измаила, потомъ въ Польшѣ; 1793 Генераль-Поручикъ; 1798 Д. Т. С. и Сенаторъ; основалъ Гимназію Высшихъ Наукъ въ Нѣжинѣ, 1810 г., перепеменованную, 1834, въ Лицей Князя Безбородька; Графство получилъ 1784 г., Декабря 3, отъ Императора Іосифа II-го; скончался С.-Петербургскимъ Предводителемъ Дворянства, 3-го Іюня, 1815 г., и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. О. Б.

** Д. С. С. Семень Михайловичъ Кочубей, бывшій (въ чинѣ Надворнаго Совѣтника) 1803—1805 Губернскимъ Предводителемъ Дворянства. О. Б.

*** Князь И. М. Долгорукій былъ женатъ дважды: первая супруга его была Евгения Сергѣевна Смирнова, воспитывавшаяся въ Смольномъ и покровительствуемая В. Княгинями, Натальей Алексѣевной и Марьей Ѳеодоровной, вышла замужъ 31 Января, 1787 г., ум. 12-го Мая, 1804; вторая—Аграфена Безобразова, товарка по воспитанію Евгенія, бывшая сперва замужемъ за Пожарскимъ, а потомъ, съ 13 Января, 1807 г., за Княземъ Долгорукимъ; отъ Пожарскаго имѣла нѣсколько сыновей. О. Б.

земли естественно иловатый, скоро мокнетъ и даетъ жирную грязь, въ которой все вязнетъ. Я слышалъ, и не для шутки здѣсь

же, слышавъ то, поѣхъ противу Половцемъ, и переѣхъ Воръсколь у Лтавы (во Лтавѣ) къ Перелеславию, и узрѣшася съ полки Половецкими, и бѣ рать мала, и тѣмъ не утерпѣти стати противу Игореву, и тако побѣгоша, весь полонъ свой пометавше» (П. С. Р. Л. Ипат. стр. 107—108). Другіе увѣряютъ, что Полтава показывается лишь во 2-й половинѣ XV-го столѣтія, вмѣстѣ съ Глинскомъ, и оба принадлежали родоначальнику Князей Глинскихъ; наконецъ третьи говорятъ, что Полтава основана 1608 года Козакомъ Миргородскаго полка, Масломъ, зашедшимъ туда изъ подъ Голты, съ 6-ю семьями, и названа по рѣкѣ Полтавкѣ, впадающей въ Ворсклу. Бопланъ считаетъ Полтаву между старыми городками или мѣстечками, по имени коей назывался и Полтавскій полкъ, который встрѣчается въ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ лѣтописяхъ уже въ XVI столѣтіи. При Гетманѣ Разумовскомъ, 1763 г., Полтава, сверхъ главнаго города своего полка, была и городомъ Повѣтовымъ (Уѣзднымъ), а при уничтоженіи Гетманства (10-го Ноября, 1764), изъ 6-ти полковъ, бывшихъ въ нынѣшней Полтавской Губерніи, только Перелеславъ да Полтава назывались городами, прочіе же—городками или мѣстечками. Въ 1764 и 1765 отчислены изъ Полтавскаго полка многія мѣстечки къ новообразованной (1764) Новороссійской Губерніи (изъ Новосербской области), а черезъ 10 лѣтъ (1785) и самая Полтава (съ Будизами и Решетиповкой). Съ учрежденіемъ въ Малороссіи, въ 1782 г. (по Указу 16-го Сентября, 1781), 3-хъ Намѣстничествъ: Новгородъ Сѣверскаго, Черниговскаго и Кіевскаго, по 11 Повѣтовъ въ каждомъ, къ Кіевскому отошли 8 (подъ именемъ Уѣздовъ), прочіе къ Черниговскому, съ оставленіемъ Полтавскаго полка по прежнему въ Новороссійской, и потомъ 1784 въ Екатеринославской; 1796, по Указу 30-го Ноября, 3 Намѣстничества составили одну Малороссійскую Губернію, съ главнымъ городомъ ея, Черниговомъ, и съ отчисленіемъ къ ней и тѣхъ мѣстностей, кои отошли было къ Новороссійскому, послѣ Екатеринославскому, Намѣстничеству. Напослѣдокъ, 9 Сентября, 1801 г., велѣно изъ Малороссійской Губерніи составить двѣ: Черниговскую и Полтавскую, Военнымъ Малороссійскимъ Губернаторомъ назначенъ былъ въ той и другой, съ управленіемъ и Гражданской частию, Генералъ отъ Инфантеріи С. К. Вязмитиновъ, который, обзрѣвая ихъ, донесъ, что онъ «находить нужнымъ одному изъ Губернскихъ городовъ быть на сѣверѣ, а другому на югѣ Малороссіи», т. е., въ Черниговѣ и Полтавѣ. Конечно, выгоды для Полтавской Губерніи было бы имѣть столь свой въ Лубнахъ, какъ срединномъ городѣ ея, но слава битвы подъ Полтавою, виновницы могущества Русскаго Царства, склонила всѣмъ на сторону Полтавы. По этому Марта 9-го, 1802 г., и была открыта Полтавская Губернія: въ нее вошли первоначально только 10 Уѣздовъ, а послѣ еще 5 (Константиноградскій, Кобеляцкій, Зиньковский, Миргородскій и Лохвицкій), и первымъ Малороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ Князь А. Б. Куракинъ (см. выше стр. 60, примѣчаніе). О. Б.

передаю, но за мѣстную истину, что иногда дамы, приглашаемыя на балъ, или чей либо праздникъ, не могутъ на 4 лошадахъ доѣхать: все тонетъ среди улицы—и животныя и повозка. Что жъ? Припрягаютъ воловъ, и Полтавская щеголиха, въ брилліантовыхъ ожерельяхъ, довершаетъ на нихъ путь свой!

Образъ построенія домовъ здѣсь такой же, какой описывалъ я въ предыдущей главѣ, съ прибавленіемъ особаго щегольства: оно состоитъ въ томъ, что когда глиной обмажутъ стѣны, натычутъ въ нихъ маленькихъ камешковъ, чтобъ ими больше связать подмазку, и потомъ обольютъ известкой или обштукатурятъ, это скроетъ всѣ недостатки въ отдѣлкѣ дома; но тотъ, въ которомъ я стоялъ, не былъ еще выбѣленъ; и такъ онъ представлялся испещренъ камешками, какъ будто лицо въ оспѣ: видъ не казистой; впрочемъ, домамъ стараются дать хорошіе фасады.

Князь Куракинъ весьма старался сдѣлать изъ Полтавы въ маломъ видѣ Петербургъ, и большія имѣлъ къ тому средства. Казна отворяла ему всегда свою широкую кису. Онъ надѣлалъ здѣсь булеваровъ и тротуаровъ изъ какого-то ломкаго щебня, набивалъ ихъ пескомъ; отъ этого въ сухое время въ городѣ пыль столбомъ. Всѣ такія затѣи несообразны были съ мѣстомъ, бѣдны, низки и, какъ Французы говорятъ, mesquin. *

Гостиный дворъ деревянный и въ самомъ жалкомъ состояніи; лавки ниже тѣхъ, въ коихъ книгами Церковными торгуютъ въ Москвѣ на Спаскомъ мосту; сидятъ въ нихъ по большой части бабы; товару мало и все неважное.

На площади выстроены рынокъ очень опрятный и со вкусомъ: тутъ мѣняютъ всякую монету. Жиды въ Полтавѣ начинаютъ съ вами знакомиться, и по тому не совѣтую что ни будъ класть на открытое окошко. По улицамъ вырыты, въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ, колодцы: они очень хорошо отдѣланы и чи-

* Скудные, скупы. О. Б.

сты; навѣсы столярной работы и выкрашены. Это очень убираетъ городъ и весьма полезно.

Вотъ первыя и общія черты Полтавы. Въ слѣдующей главѣ помѣстятся предметы особеннаго въ ней примѣчанія.

ГЛАВА XVI.

Монументъ.

Непосредственно за Полтавой слѣдуютъ продолжительныя степи. Князь Куракинъ предположилъ тутъ поставить монументъ въ честь Петру I-му, и быть виновникомъ сего памятника. Прирѣзалъ къ городу кусокъ большой степи и образовалъ площадь. Она, такъ сказать, какъ особое что-то, пришта къ городу, и тѣмъ дѣлаетъ старинную Полтаву еще хуже; ибо округлость ея весьма великолѣпна. Представьте себѣ величайшихъ каменныхъ зданій числомъ до 9-ти, въ три и не ниже двухъ этажей, въ новомъ самомъ вкусѣ. Здѣсь помѣщаются: Губернаторъ, Вице-Губернаторъ, Присутственныя Мѣста, Почтамтъ, въ домѣ котораго на время расположился Генераль-Губернаторъ, за неотдѣлкой внутри назначеннаго для него дома. Все это стало Казнѣ слишкомъ до милліона руб. На мѣсто Гимназіи, которая въ томъ же округѣ быть должна, но еще и не заложена, дабы сохранить всю прелесть оптики, преждевременно сдѣланъ щитъ, представляющій домъ въ два этажа съ красной крышкою, въ томъ самомъ размѣрѣ и по той фасадѣ, какіе даны для настоящаго зданія. Это тѣмъ больше обманываетъ глаза, что ни кто себѣ вѣрно не вообразить, вмѣсто дома, одинъ его дощатый портретъ: эта игрушка, думаю, также не бездѣлицы стоитъ, по своей огромности въ безлѣсномъ мѣстѣ. Я на сей счетъ оставляю всякаго отважнаго критика дѣлать примѣчанія, какія ему угодно; для меня довольно удостовѣрить, что это не сказка, а сущая истина, которую я лично видѣлъ и осязалъ.

Внутри этой площади, самой величавой и огромной, земля изсѣчена вся дорожками и надолбами, на подобіе цвѣтника, съ оставленіемъ приличнаго пространства для подѣздовъ къ каждому зданію; по срединѣ возвышается памятникъ Великаго Царя. Онъ уже отдѣланъ, но при насъ еще былъ подъ шатромъ; завѣсь сей сорвется съ него, когда праправнукъ прикажетъ. Это не мѣшаетъ предварительно его осматривать: любопытство такое ни кому здѣсь не возбуждается. Я видѣлъ эту круглую и высокую колонну: она сдѣлана изъ чугуна, и пожаловать изволилъ ее Государь; на ней бронзовые разныя военныя трофеи; столбъ сей основанъ на широкомъ помостѣ изъ добываемаго вблизи Кременчуга, въ слободкѣ, именуемой Келеберда, * дикаго камня, который въ отдѣлкѣ такъ хорошъ, что не уступаетъ настоящему порфиру; гранитъ Петербургской, употребленный на Казанскій соборъ, менѣе его цѣны и красоты имѣетъ. Помостъ обнесенъ вокругъ рѣшеткой съ позолоченными бронзовыми перилами, а въ выемкахъ по три ступени для входа на оный. Въ самой подошвѣ этого памятника сдѣланы на всѣ стороны отверстія, въ кои пропущены пушечныя жерла и кажется, какъ будто бы на нихъ основалась вся эта архитектурная масса разныхъ украшеній. Надписей, относительныхъ къ предмету, нѣтъ ни какихъ. Съ одной стороны выставленъ съ позлащенными цифрами годъ знаменитаго сраженія, на другой годъ воздвиженія колонны; обѣ сѣи эпохи обнесены золотыми змѣями кольцеобразно, а ниже ихъ, такими же яркими буквами, читается слѣдующая надпись: «Попеченіемъ Малороссійскаго Генераль-Губернатора Князя Алексѣя Борисовича Куракина.» На вершинѣ столба бронзовый орелъ, распростря крылѣ, готовится парить къ небесамъ, возвѣститъ Олимпу славу Полтавскихъ дѣлъ. Монументъ безъ всякаго прекословія прекрасенъ; зданія, его облегающія, пространная площадь—безподобны въ своемъ родѣ; но когда видишь сквозь каждое окно, сквозь каждую дверь изъ любого дома, чистую, ненаселенную степь, поражающую безъ посредства взоръ твой, то невольно пожалѣешь о худомъ выборѣ мѣста для такихъ значущихъ издержекъ: монументъ одинъ стоитъ до 100 тысячъ, кромѣ

* Нынѣ мѣстечко. О. Б.

чугуну и бронзы, которыя Государь сверхъ того, какъ слышалъ я и уже сказывалъ, пожаловать изволилъ городу. *

Сравнить осмѣлимся, однако, съ этѣмъ пышнымъ и богатымъ убранствомъ новой колонны, старый памятникъ, который былъ сдѣланъ при церкви Самсонія, самаго того Святаго, въ день коего Петръ одолѣлъ своего упорнаго супостата. Это не что иное, какъ бѣлый каменный простой столбъ, изрядной вышины, пирамидальной фигуры, на которомъ, въ мѣру человеческого роста, дабы всякъ могъ ее видѣть, врѣзана мѣдная доска, изображающая всю баталію и движеніе полковъ; тутъ вы видите Петра I-го, Карла XII, и всѣ ихъ храбрые вои. Любопытный могъ всматриваться въ того и въ другого, и видно, что безъ всякой бережи, даже руками, къ нимъ прикасались; по тому что лица обоихъ Государей цвѣтъ истинный потеряли и даже черты инныя изгладились. Подъ картиной на той же доскѣ вырѣзаны стихи немудренныя, но приличныя. Памятникъ сей поставленъ иждивеніемъ нѣкоего Господина Марченки. ** Хвала ему во вѣки за любовь къ подвигамъ! Пусть позволятъ мнѣ признаться, что эта старина, почернѣвшая отъ времени, для меня гораздо была величественнѣе новомодныхъ затѣй нашего вѣка; по крайней мѣрѣ, и самой простой гуляка пѣшеходъ, хоть мало знающій грамотѣ, могъ себѣ изъяснить, что это представляетъ и на что этотъ столбъ; ученый, сравнивая искусственный видъ съ естественнымъ мѣстоположеніемъ, могъ преслѣдовать всюду за Петромъ ожесточеннаго Шведа и участвовать живымъ образомъ въ славѣ

* Памятникъ сей поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Комендантъ Полтавы, Полковникъ Келлинь, встрѣтилъ Петра I-го, при торжественномъ въѣздѣ его въ городъ послѣ битвы. Стоитъ посреди бывшей круглой площади Присутственныхъ Мѣстъ и окруженъ четырехгранной площадкой, огороженной и обсаженной деревьями (тополями) и кустами, находящейся въ вѣдѣніи Кадетскаго Корпуса (послѣ Военной Гимназіи). Памятникъ заложенъ 1804 года, Іюня 27-го дня, а открытъ 1809. Постройка его, кромѣ бронзовыхъ украшеній, стоила 135,000 рублей бумажками. О. Б.

** Марченка, Полтавскаго жителя. Памятникъ его находился напротивъ Гостиного ряду, среди улицы. О. Б.

соотчичей. Тутъ убитые, раненые, пѣхота, конница; тутъ вырѣзано все: и взоръ пламенный Петра, и упрямое Карлово чело, а въ новомъ зодческомъ зданіи славной сей побѣды увидить орла, чугунъ, бронзу, гранитъ, и, сказавши: «Ахъ! Какъ это все хорошо!» принужденъ будетъ спросить: «Что это такое?»

ГЛАВА XVII.

Полтавское торжество.

Гдѣ не празднуется Полтавская побѣда въ Россіи? Во всякомъ селеніи, конечно, поются благодарныя Господу Богу молебствія; но нигдѣ Богослуженіе сіе годичное такъ не дѣйствуетъ на чувства, какъ здѣсь. Вотъ какъ оно производится:

Въ небольшомъ разстояніи отъ Полтавы, въ виду города, среди обширныхъ полей и, по сказаніямъ народнымъ, на самомъ мѣстѣ битвы, насыпанъ большой курганъ земли. Подъ нимъ похоронены тѣла защитниковъ Отечества, погибшихъ подъ Полтавой. Самъ Петръ I-й присутствовалъ при семъ печальномъ событіи; армія живыхъ погребала армію своихъ мертвецовъ, и курганъ сей донинѣ сохранился. Надъ нимъ, въ знаменіе ратоборной славы, воздвигнуть высокій крестъ. Нынѣшній Генералъ-Губернаторъ приказалъ его обшить жестью и вызолотить, отъ чего изъ большой отдаленности холмъ сей видѣнъ. Это мѣсто называется «Могила.» * 26 числа томный вечерній колоколъ возвѣ-

* Послѣ пораженія Шведовъ Петръ I-й велѣлъ всѣ трупы убитыхъ похоронить и насыпать надъ ними курганъ или могилу, похожую на гору, известную въ народѣ подъ именемъ «Шведской могилы,» хотя въ ней скрывается прахъ однихъ только Русскихъ воиновъ, 1345 человекъ; убитые же Шведы зарыты были въ особыхъ ямахъ, которыя совершенно сглажены временемъ. Могила эта насыпана не вдалекѣ бывшихъ тогда Русскихъ укрѣпленій (редутовъ), въ 5-ти верстахъ отъ города, близъ большой Зиньковской дороги. Первоначально сдѣланы были двѣ могилы, одна для Офицеровъ, а другая для нижнихъ чиновъ,

щаетъ городу, что время наступило отдать годичный долгъ признательности войнамъ, за Вѣру здѣсь убиеннымъ; всѣ Чиновники и обыватели города выѣзжаютъ на «Могилы.» Каждый служащій членъ общества надѣвается для этой церемоніи свой мундиръ: самъ Генералъ-Губернаторъ присутствуетъ при оной. Поелику здѣшній Архіерей не живетъ въ Полтавѣ, * то на панихиду выѣз-

и надъ ними уже выведенъ высокій холмъ, на которомъ Петръ самъ водрузилъ крестъ, съ надписью: «Воины благочестивые, за Благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня.» О. Б.

* Но въ Переяславѣ, въ который, съ конца X-го столѣтія, перешелъ было на пребываніе и второй Митрополитъ Кіевскій, Леонтій, и именовался Митрополитомъ Переяславскимъ и Русскимъ. Въ Никоновской лѣтописи читаемъ: «Бѣ прежде Переяславъ Митрополія, живящу множае тамо Митрополиты Кіевскіе и всея Руси, и Епископы поставляху тамо.» Но особая Епархія Переяславская учреждена въ XI-мъ вѣкѣ, Великимъ Княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ, съ подчиненіемъ Кіевской Митрополіи. Первымъ ея Епископомъ былъ Николай, ум. 1072 году. Послѣ Татарскаго погрома, въ коемъ убитъ былъ Епископъ Переяславскій, Симеонъ (1239 г.), Епархія сія перестала существовать, со смертію Епископа Ѳеодора, скончавшагося въ 1269 г. Въ началѣ XVIII вѣка (1700) Епархія Переяславская возобновлена, и Епископъ ея, Захарій Корниловичъ (1700—1715), сдѣланъ былъ вмѣстѣ и Викаріемъ Митрополіи Кіевской, коимъ былъ и преемникъ его, Кириллъ Шумлянскій (1717—1726), а съ Іоакима Струкова (1727—1730) Епархія эта сдѣлалась отдѣльной, съ названіемъ Переяславской и Бориспольской, что продолжалось до 1773 года; Епископы въ это время были въ ней: Арсеній Берло (1733—1744), Никодимъ Сребицкій (1745—1751), Іоаннъ Козловичъ (1753—1757), Гервасій Линцевскій (1757—1769), Іовъ Базилевичъ (1770—1776), Иларіонъ Кондратовскій (1776—1785). Съ 1775 г. Уѣзды Полтавскій, Кобеляцкій и Константиноградскій составили часть новоучрежденной Архіепископіи Славенской и Херсонской (изъ Губерній Новороссійской и Азовской), съ пребываніемъ Архіепископамъ ея въ Полтавѣ, коими были Греки: Евгеній Булгаръ (1775—1779) (проживавшій съ 1779 по 1787 въ Полтавскомъ монастырѣ, а за тѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 1806), Никифоръ Ѳеотокій (1779—1786), переведенный въ Астрахань; дажде Амвросій Серебrenниковъ, изъ Епископовъ Оловецкихъ, именовавшійся уже Архіепископомъ Екатеринославскимъ (1786—1792) и Мѣстоблюстителемъ Екзархіи Молдовахійской (ум. въ Полтавѣ); Гавріилъ Банулеско, изъ Митрополитовъ Молдовахійскихъ съ 1793 по 1798, когда получилъ повелѣніе перейти в Новомиргородъ съ Консисторіей и Семинаріей. Съ 1775 по 1785 Епархію Переяславскую составляли полкъ Переяславскій и нѣкоторыя церкви за Днѣпромъ въ

жають Крестовоздвиженскаго монастыря Архимандритъ съ отборнымъ свѣтскимъ духовенствомъ. Отправлялъ ее при насъ Аполлозъ, старичекъ простодушный и монахъ совсѣмъ нежеманный. Онъ имѣетъ въ служеніи права Ставропигіальныхъ Настоятелей, т. е., нѣкоторыя преимущества Архіерейскаго чина. Тѣмъ народа обступила курганъ. Время было прекрасное, жаръ неумѣренный.

Между заѣзжими зрителями были: Графъ Безбородько, ГГ. Судіенко и Луб.... Панихида началась въ 6 часовъ по полудни; всѣ слушали ее въ молчаніи, и когда возглашалась вѣчная память, сія унылая пѣснь, раздѣляющая на вѣки живаго съ мертвымъ, я не могъ удержать своихъ движеній. Мысль меня перенесла за столѣтъ назадъ: мнѣ казалось, что я вижу гробы воиновъ отверсты; что кости ихъ, сокрушенныя временемъ, еще сохранили запахъ того пороха, который окурилъ послѣднія секунды ихъ бытія. Я мечталъ энтузіазмъ сихъ патріотическихъ мучениковъ, не устыдился пасть на землю и приложить уста свои къ сей перукотворенной ихъ надгробной.

По окончаніи духовной церемоніи всѣмъ присутствовавшимъ подносили кутью. Всякой въ самомъ простомъ нарядѣ изъяслялъ

Польскихъ владѣніяхъ, а полки Полтавскій, Гадяцкій, Миргородскій, Лубенскій, Прилукскій, Мѣжинскій и Кіевскій отошли къ Епархіи Кіевской. Въ семь же 1783 г. изъ Малороссіи образовали новыя три Епархіи: Кіевскую, Черниговскую и Переяславскую; Епископы послѣдней стали опять Викаріями или Кoadьюторами Кіевскими, именно: Викторъ Садковскій (1786—1793), Димитрій Устимовичъ (1793—1795) и Амфилохій Леонтовичъ (1795—1799); тогда же Уѣзды: Прилукскій, Роменскій, Глинскій, Лохвицкій, Гадяцкій и Зиньковский поступили въ составъ Епархіи Черниговской, а прочіе остались при Кіевской. Въ 1798 г. учреждена еще разъ въ Переяславѣ вторая Малороссійская Епархія, къ коей отошли и Уѣзды, находившіеся въ вѣдѣніи Славенско-Екатеринославской Епархіи. Въ Епископы ея назначенъ былъ Сильвестръ Лебединскій, вызванный въ Астрахань Епископомъ Антоніемъ Румовскимъ, былъ тамъ Ректоромъ Семинаріи, 1794 переведенъ въ Свѣжскій монастырь, 1797 Ректоръ Казанской Академіи; по открытіи же, въ концѣ 1803 года, Полтавской Губерніи, открыта изъ ея Уѣздовъ 1804 и Полтавская Епархія, съ наименованіемъ, Епископовъ ея Полтавскими и Переяславскими и мѣстопребываніемъ въ Переяславѣ (1799). Такими были, послѣ Сильвестра (переведеннаго въ Астрахань Архіепископомъ

знаки умилительнаго чувства. И гдѣ благородная душа можетъ достойнѣе разсточать даръ чувствительности, какъ не въ такомъ, вѣками прославленномъ, мѣстѣ? Князь Куракинъ, бывъ здѣшнимъ начальникомъ, учредилъ или, лучше сказать, установилъ при семъ

(1807), черезъ годъ уволившагося и умершаго, 1808 г., въ слободѣ Ровенькахъ Воронежской Губерніи, на пути въ Глуховской монастырь, 5-го Ноября): Теофанъ Шилловъ-Чернявскій, р. въ Китайгородѣ Кобеляцкаго Уѣзда, учился въ Киевской Академіи, Архимандритъ Нѣжинскій и Новгородъ Сѣверскій, 1798 Ректоръ Черниговской Семинаріи, съ 1800 Викарій Киевскій, 25-го Января, 1807, Епископъ Полтавскій; ум. 23 Генв., 1812 г., и погребенъ въ Вознесенскомъ Переяславскомъ монастырѣ. Анатолій (Андрей) Максимовичъ, изъ села Усовки Переяславскаго Уѣзда, обучался въ Переяславской Семинаріи, а потомъ въ Петербургской, гдѣ съ 1790 былъ Учителемъ Поэзіи и Греческаго языка въ Невской Академіи, Священникомъ Спасо-Сѣменовскимъ, 1809 Архимандритомъ и Ректоромъ Семинаріи; 21-го Марта, 1812 г., Епископъ Полтавскій, 1816 Архіепископъ Минскій, а 1836 Симбирскій, гдѣ и скончался 1842. Меводій Писнячевскій, р. въ селѣ Сулимовѣ Переяславскаго Уѣзда (по другимъ въ Остролучѣ), отъ Священника, 1774 г., въ мѣрѣ Михаилъ, учился въ Киевской Академіи, изъ коей отправленъ въ Московскій Университетъ, потомъ съ 1806 г. былъ Учителемъ въ Академіи Киевской Поэзіи и Математики, черезъ 3 года монахъ, Префектъ Академіи, черезъ 5 лѣтъ истребованъ Синодомъ въ Петербургскую Семинарію для преподаванія Философіи съ званіемъ (1810) Баккалавра и Инспектора Семинаріи, 1811 Архимандритъ и Ординарный Профессоръ, 1812 Ректоръ Семинаріи; 1813 Епископъ Старорусскій и Викарій Новгородскій; 7-го Февраля, 1816, Епископъ Полтавскій; Юля 27, 1824, Архіепископъ Астраханскій, а черезъ годъ Псковскій; по слабости зрѣнія уволился на покой въ Лубенскій монастырь, гдѣ и скончался 1845. Георгій Яшуржинскій, р. въ Подольской Губерніи, Ректоръ тамошней Семинаріи, съ 1824 Епископъ Полтавскій, съ 30 Сентября, 1830, Архангельскій, а потомъ Архіепископъ Тобольскій, ум. 1849. Наѳаназъ (въ свѣтѣ Василій) Павловскій, р. Архангельской Губерніи въ Холмогорскомъ Уѣздѣ, воспитывался въ Петербургской Духовной Академіи, 2-го выпуска Магистръ (въ спискѣ 8-й), съ Юля, 1817, Баккалавръ ея (Герменевтики и Обличительнаго Богословія), съ Мая, 1819, Инспекторъ, съ 1 Юля, 1821, Ректоръ Ярославской, потомъ Петербургской Семинаріи, 1830 Епископъ Полтавскій, 1834 Архіепископъ Псковскій, сконч. 1848. Гедeonъ (въ бѣльцахъ Егоръ) Вишневскій, р. Бронницкаго У. въ с. Кутозовѣ, Московской Губ., учился въ Перервинской Семинаріи, потомъ въ Петербургской Духовной Академіи, Магистръ ея 7 выпуска (17-й), съ 1823 монахъ, съ Юля, 1825, Игуменъ, Профессоръ Философіи и Инспекторъ Рязанской Семинаріи, 1827 Архимандритъ и Ректоръ ея, 1828 Подольской; 1834, Юля 24, рукоположенъ въ Москвѣ въ Епископа Полтавскаго; съ 1844, Марта 25, Архіепископъ; скончался

издавна существующемъ богослуженіи всю ту пышность въ обрядахъ наружныхъ, какая прилична столь знаменитому историческому дѣйствию, и она съ тѣхъ поръ неприкосновенна.

Я всходилъ на самую вершину холма, осматривалъ окрестности. Гордый видъ монастыря Воздвиженскаго меня плѣнилъ совершенно. Меня сопровождали разскащики историческихъ происшествій. Всякой говорилъ свое; но, соображая положеніе двухъ войскъ, замыслы того и другого, естественныя выгоды, убѣдительно можно увидѣть, что Петръ I-й, по всѣмъ обстоятельствамъ, долженъ былъ разбить своего врага и быть виновникомъ настоящаго торжества. Здѣсь-то бы, кажется, и быть монументу!

Жаль, что у насъ потерялось уваженіе ко всему достохвалному. Повѣрить ли кто ни будь, что на крестѣ, о которомъ говорено выше, я нашелъ всякія подписи, Русскія и Французскія, ни мало не отвѣтствующія побудительной причинѣ: весь крестъ изчерченъ стихами и прозой—и что за стихи! Подъ нѣкоторыми, забывъ весь стыдъ и благопристойность, иные даже имя свое от-

Октября 10, 1849 г., въ с. Абазовкѣ Полтавскаго Уѣзда и погребенъ въ Лубенскомъ монастырѣ. По его-то представленію мѣстопробываніе Епископовъ Полтавскихъ перенесено, въ 1847 г., изъ Переяслава въ Полтаву. По немъ Епископы Полтавскіе: Іеремія Соловьевъ, р. въ Орловской Губерніи, Студентъ Петербургской Академіи 7-го выпуска 1827, съ 1829 г. Архимандритъ и Баккалавръ Богословія; 1830 Экстра-Ординарный Профессоръ Философіи и Инспекторъ Киевской Академіи, 1839 Ректоръ ея, 1841 Викарій, 1843 Епископъ Кавказскій, 1849 Полтавскій, въ концѣ 1850 Нижегородскій; съ 1858 г. на покой въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ. Наѳаназъ Савченко, р. въ Курской Губерніи, воспитывался въ Киевской Духовной Академіи, гдѣ получилъ степень Магистра, съ Декабря, 1825, Баккалавръ Нѣмецкаго языка, потомъ Профессоръ Курской Семинаріи, 1833 монахъ, 1834 Архимандритъ и Ректоръ сперва Подольской, потомъ Костромской Семинаріи, 1845 Епископъ и Викарій Ревельскій и (1850) Старорусскій, съ 1851 г. Полтавскій, а съ Сентября, 1860, Архангельскій. Александръ Павловичъ, р. въ Уманьскомъ Уѣздѣ Киевской Губ., учился въ Киевской Академіи, 1817 Діаконъ, 1820 Священникъ, 1841 Протоіерей, 1853 монахъ и Архимандритъ Соловецкій; съ Ноября, 1857, Епископъ Архангельскій, съ Сентября, 1860, Полтавскій; съ Октября 11, 1862 г., на покой при Кіево-Созійскомъ Соборѣ. Іоаннъ Петинъ, р. въ Орловской Губ., учился въ Киевской Академіи, былъ Намѣстникомъ-Архимандритомъ Кіево-Печерской Лавры, а съ 23 Декабря, 1862 г., Епископъ Полтавскій и Переяславскій. О. Б.

важились подписать. Ежели подъ стѣнами Полтавы Россіянами не читается имя Петрово, или искажается залогъ признательности народной къ его подвигу, то что осталось для насъ святаго во вселенной?

Чтобъ дать отдохновеніе чувствамъ сердобольнымъ, Кн. Лобановъ-Ростовскій * пригласилъ отсюда многихъ съ собой на прогулку въ ближній садъ къ какому-то обывателю. Тутъ наѣхало дамъ и дѣвушекъ множество; все пустилось съ могилъ въ этотъ садъ, и

* Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, р. 23-го Марта, 1760 г., отъ Ротмистра конной гвардіи, служилъ первоначально въ Семеновскомъ полку до Капитана; въ 1784 Камеръ-Юнкеръ, 1793 Дѣйствительный Камергеръ, 1794 Оберъ-Прокуроръ 5-го Департамента Сената, 1797 Тайный Совѣтникъ, Оберъ-Прокуроръ Департаментовъ Сенатскихъ Московскихъ, Почетный Членъ Московскаго Воспитательнаго Дома и Управляющій театромъ, 1801 Сенаторъ 8-го Департамента; съ 1808 г. второй Генералъ-Губернаторъ Малороссіи, послѣ родственника своего, Князя А. Б. Куракина (по матери, Екатерины Александровны, урожденной Княжны Куракиной), 1811 Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ; въ 1812 г. образовалъ 17 Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ, которые расположилъ въ опаснѣйшихъ мѣстахъ Губерній Черниговской и Могилевской, и находился самъ при нихъ; 22-го Февраля, 1816 г., уволенъ отъ управленія Малороссіей и пожалованъ Членомъ Государственнаго Совѣта, съ 20-го Апрѣля Предсѣдатель Комиссіи Прошеній, 1819 Предсѣдатель Департамента Законовъ и Членъ Комитета Министровъ; 1829 Оберъ-Камергеръ; ум. 18 Января, 1831 г.; отличался любовью къ правдѣ, за что былъ многими не любимъ, но всѣми уважаемъ; за глаза хвалилъ, въ глаза не одобрялъ, что не могъ хвалить. Послѣ его управлялъ Малороссіей Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, какъ Военный Губернаторъ, завѣдывающій вмѣстѣ съ тѣмъ и Гражданскою частью; онъ былъ сынъ Генерала отъ Кавалеріи, Князя Григорія Семеновича Волконскаго и старшей дочери Генералъ-Фельдмаршала, Князя Николая Васильевича Репнина, Статсъ и Кавалерственной Дамы, Александры Николаевны, и получилъ эту фамилію по смерти дѣда своего, не имѣвшего сыновей; р. 28 Января, 1778 г., учился въ Кадетскомъ Корпусѣ, 1792 г.; служилъ въ Измайловскомъ полку; съ 1795 былъ въ Польшѣ, 1797 Флигель-Адъютантъ; 1799 въ Голландіи съ Ферзеномъ; 1800 Полковникъ; съ 12 Июля, 1801, сталъ называться Княземъ Репнинымъ; 1802 женился на дочери Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, Варварѣ Алексѣевнѣ, принесшей съ собою 17 тысячъ душъ крестьянъ въ Губерніяхъ Полтавской, Черниговской и Нижегородской, что съ его составило около 20 т.; подъ Аустерлицемъ тяжело раненъ и плененъ, освобожденъ самимъ Наполеономъ и отправленъ къ Государю съ предложеніемъ дружественныхъ сношеній; съ Сентября, 1806, Генералъ-Маіоръ, 1809 Посланникъ при Вестфальскомъ Дворѣ, 1810 при Мадридскомъ, 1812 Начальникъ 9 кавалер. дивизіи, 1813 г. (20-го Февраля) занялъ Берлинъ; въ Мартѣ Генералъ-Адъютантъ; съ 8-го Октября

какое прекрасное мѣсто! Чего природа не произвела? Деревья най-прекраснѣйшія, какихъ мы у себя не видимъ; прозябенія, одному здѣшнему краю свойственныя. Чѣмъ ближе мы подѣзжали къ полуденнымъ нашимъ границамъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ примѣчали успѣхи растительнаго царства; чернокленъ и ясенъ въ здѣшнихъ мѣстахъ безподобны. Хозяинъ сада потчивалъ все свое общество чаемъ, прохладными напитками и мороженымъ; слухъ нашъ услаждала стройная духовая музыка; замѣтить должно, что въ этотъ день въ Полтавѣ баловъ не бываетъ и не танцуютъ. И подлинно, странно бы было сырыгнуть съ могилы въ садъ и вальсировать. День скрылся, и мы разѣхались всѣ по домамъ. Въ моей квартирѣ родство и пріязнь доставляли каждому изъ насъ полное удовольствіе жизни.

Говорили, что этотъ садъ или лѣсъ, въ которомъ мы гуляли, продается на срубку за 30 тысячъ; вся публика о семъ

Генералъ-Губернаторъ Саксонскаго Королевства по 26 Октября; съ 5-го Марта, 1814, Генералъ-Лейтенантъ; 1815 участвовалъ во второмъ походѣ во Францію, а съ 22 Июля, 1818 г., Малороссійскій Начальникъ; 1828 Генералъ отъ Кавалеріи; въ 1831 г. образовалъ 8 Козацкихъ полковъ, а супруга его учредила 1818 г. Институтъ для благородныхъ дѣвицъ; съ 6 Декабря, 1834, Членъ Государственнаго Совѣта, и тогда же оставилъ Малороссію; съ Июня, 1838, жилъ за границей (въ Италіи и Швейцаріи); 1842 воротился въ имѣніе свое, мѣстечко Яготинъ (Ширинскаго У., Полтавской Г.), гдѣ и скончался 7-го Января, 1845, и похороненъ въ Густинскомъ монастырѣ, близъ Прилуки, гдѣ также похоронена и супруга его (ум. въ Москвѣ 10 Октября, 1864). Репнинъ пользовался необыкновенной привязанностью къ нему Малороссійцевъ; открытый, пылкій и пламенный, онъ владелъ даромъ слова изустно и на письмѣ. Съ 31-го Декабря, 1834, по Іюль 1835 г., былъ Полтавскимъ и Черниговскимъ Военнымъ Губернаторомъ Сенаторъ, Генералъ-Лейтенантъ, Графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, также съ управленіемъ и Гражданскою частью. Съ 1-го Декабря, 1835 г., по Ноябрь, 1836, Генералъ-Губернаторомъ Черниговскимъ, Полтавскимъ и Харьковскимъ назначенъ Генералъ-Адъютантъ и Генералъ отъ Кавалеріи, Графъ Василій Васильевичъ Левашовъ, преемникомъ коему былъ, съ 12-го Ноября, 1836, по 1840, Генералъ-Адъютантъ и Генералъ-Маіоръ Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, а за нимъ слѣдовалъ, съ 28 Января, 1840 г., Генералъ-Адъютантъ и Генералъ отъ Кавалеріи Князь Николай Андреевичъ Долгорукій, сконч. въ Харьковѣ 11-го Апрѣля, 1847 г.; послѣдній же Генералъ-Губернаторъ сихъ Губерній былъ Генералъ-Адъютантъ Сергій Александровичъ Кокошкинъ, съ 30-го Апрѣля, 1847, по 1856 годъ; съ тѣхъ поръ сими Губерніями стали править одни только Гражданскіе Губернаторы. О. Б.

жалѣть, да и по причинѣ весьма правильной: здѣсь роща—кладъ; гдѣ, кромѣ ея, сыскать отъ зноя убѣжище и прохладу? Впрочемъ, одна натура его убирала: онъ ни какого щегольства не получилъ отъ искусства и роскоши.

27 числа здѣсь, какъ и во всей Россіи, поется торжественный молебень, въ Соборномъ храмѣ. Соборъ ни новъ, ни старъ, всего есть смѣшенные признаки. * Обѣдню отправлялъ и молебень тотъ же старичекъ, Архимандритъ. Надобно ли сказать, что всѣ Чины ее слушали? Въ храмѣ во время службы ставятся всѣ цеховые знаки: они похожи на знамена и удваиваютъ великолѣпіе обряда; они же выносимы были на канунъ и къ могиламъ. Хорошо, если бы сохранилось здѣсь хоть одно изъ тѣхъ военныхъ знаменъ, кои выражали въ вензеляхъ Петровыхъ, на нихъ нашитыхъ, силу и могущество сего исполина.

Во всякомъ городѣ свои обряды. Духовныя церемоніи хотя бы не должны были сему правилу слѣдовать, однако и онѣ разнообразны. Здѣсь, на примѣръ, 1-е, Евангеліе, по прочтеніи его, подносится ко всѣмъ почетнымъ лицамъ, и къ нему прикладываются. 2-е, Діаконъ, во время Достойной пѣсни, не внутри алтаря токмо, на и внѣ, кадитъ предстоящихъ. 3-е, въ большой выносъ поминаютъ всѣ состоянія и чины, такъ точно, какъ то дѣлается Архіереями. 4-е. Архимандритъ служить по Архіерейски, но осѣняетъ одной рукой, хотя въ обѣихъ держитъ подсвѣшники. ** 5-е, Во всей Малороссіи всѣ монахи, носящіе митры, имѣютъ надъ

* Во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенный 1770 года прихожанами, при содѣйствіи Андрея Горленка, послѣдняго Полтавскаго Полковника. О. Б.

** Архимандритъ этотъ есть Настоятель Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, основаннаго 1630 г. первымъ Полтавскимъ Полковникомъ, славнымъ Мартыномъ Пушкаремъ (стало быть, Полтавскіе Полковники до него по лѣтописямъ едва ли не на бумагѣ только существовали?), при содѣйствіи Полтавцевъ, Ивана Искры и Ивана Крамаря, а также Лубенскаго Мгарскаго монастыря Игумена Каллистрата. Въ немъ съ 1773 по 1798 г. пребывали Архіепископы Славенскіе и Херсонскіе, потомъ Екатеринославскіе, а съ 1803 стали управлять Архимандриты, которые, по Указу Св. Синода (1803 г., Мая 1 дня), служатъ въ митрѣ, съ осѣнительными свѣщами, на выходъ великой ектеніи не выходятъ, но принимаютъ дары въ Царскихъ вратахъ, съ рипидами, на коврѣ, а на скрижالياхъ мантии носятъ справа Георгія Побѣдоносца, а слѣва Сампсона Страннопримца, въ память побѣды подъ Полтавой.

ними еще и крестъ. Я замѣтилъ этотъ обычай, или преимущества здѣшняго духовенства, но не нашелъ любопытнымъ для себя изслѣдовать его начала. Обѣдню пѣли очень протяжно соборные пѣвчіе изъ Приказныхъ; предіку говорилъ одинъ изъ бѣлыхъ Священниковъ, весьма продолжительную, но ни по содержанію ея, ни по слогу, не заманчивую. Такимъ образомъ кончилось здѣсь знаменитаго того дня церковное торжество. О веселостяхъ городскихъ буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Скажемъ нѣчто о здѣшнемъ соборѣ. Князь Долгорукій-Крымскій, бывая здѣсь иногда по зѣмамъ, когда командовалъ 2-ю арміей, усердствовалъ отлично къ этому храму, и много тутъ его приношеній, до нынѣ сохранившихся. Потомки его въ томъ соревнуютъ равномерно. Вездѣ видѣвши на пути въ Малороссію портреты многихъ знаменитыхъ особъ въ гражданствѣ на церковныхъ стѣнахъ, не дивился уже и здѣсь найдя Князя Василья Михайловича изображеніе. Но что меня въ новое и несказанное привело изумленіе, это гербъ его, написанный на самомъ иконостасѣ, внизу подъ образомъ Спасителевымъ. О! какъ это мнѣ показалось неприлично! Я чту память сего героя и моего особеннаго благодѣтеля, творца, такъ сказать, судьбы моей. * Но, признаюсь, если бы имѣлъ на то право, велѣлъ бы этотъ гербъ смарать. Атрибутовъ свѣтскихъ съ духовными никогда смѣшивать, по мнѣнію моему, не должно: Слава Божія и слава человека суть столь же разнородны, какъ небо и земля.

* Сынъ Д. Т. Совѣтника и Сенатора, Князя Михайла Владимировича, р. въ Іюлѣ 1722 г., участвовалъ 13 лѣтъ солдатомъ во взятіи Перекопа 1736, также 1737 въ нападеніи на Очаковъ; съ 1748 Полковникъ и совершилъ походъ въ Пруссію, за что получилъ чинъ Генералъ-Поручика; при Екатеринѣ II-й Генералъ-Аншефъ; 1771 начальствуя отдѣльными войсками (38 т.), покорилъ Крымъ въ двѣ недѣли (15—29 Іюня), за что получилъ Георгія 1-й степени, а въ 1775 г. названіе Крымскаго; съ 11-го Апрѣля, 1780, по 30 Генваря, 1782 г., когда скончался, былъ Главнокомандующимъ Московскимъ. Въ это-то время сочинитель сего путешествія началъ свою службу причисленіемъ къ штату Главнокомандующаго Московскаго, что по нынѣшнему тоже значило, что состоять въ свитѣ, за тѣмъ произведенъ въ Секретари, черезъ что получилъ чинъ Поручика. Главнокомандующій собирався было сдѣлать его своимъ Адыютантомъ, но не успѣлъ, по случаю кончины своей. О. Б.

ГЛАВА XVIII.

Богоугодныя заведенія.

Желалъ бы ихъ похвалить, но лѣстить не умѣю. Они всѣ разсѣяны по разнымъ флигелямъ, на одномъ дворѣ; нѣкоторые дома выстроены изъ настоящаго кирпича, другіе изъ сырцу съ навозной примѣсью, и сіи послѣдніе, чайтельно, скоро провалятся. Въ самомъ внутреннемъ содержаніи ихъ не нашелъ желаемого порядка: безумные всѣ въ одной комнатѣ, и хотя они кажутся быть смиренными, но положиться на человѣка безъ смысла не воя, кажется, благонадежно. Горницы для недужныхъ не имѣютъ довольной высоты, и тѣсно поставлены кровати, даже по двѣ рядомъ. Это тѣмъ болѣе вредно, что свойства болѣзней перемѣшаны, и хоть надъ каждой кроватью ярлыкъ, однако больной на ней лежитъ совсѣмъ противный означенной вывѣскѣ: такъ, на примѣръ, прилипчивыя болѣзни смѣшаны съ горячками.

Въ одной связи съ Больницей устроена изрядная Богодѣльня. Комната для родилицъ хороша, но, кажется, не придумано довольно средствъ къ тому, чтобъ скрыть потаенныя родины женщины, удаляющей отъ огласки.

Аптека въ городѣ одна, и та казенная: она въ прекрасномъ состояніи. Я видѣлъ въ ней, кромѣ богатаго собранія травъ и медикаментовъ, нѣсколько уродовъ, въ банкахъ хранящихся, какъ въ человеческомъ родѣ, такъ и разныхъ животныхъ. Ботаническій садъ заведенъ, но не давно и еще разрастается. Подъ одной крышкой со всѣми заведеніями выстроена изъ сырцу Лабораторія и покрыта драпью. Я не изслѣдываю, къ чему сіе относить должно, но смѣю думать, и однимъ словомъ, безъ пространныхъ разсужденій, сказать, что это опасно, слѣдовательно, и не хорошо. Всѣми отдѣленіями этихъ домовъ управляетъ Полковникъ отставной, Князь Эристовъ.

Полтава, какъ и многіе другіе города, имѣетъ также Военный Воспитательный Домъ; тутъ человѣкъ до 90 Дворянъ и куп-

цовъ обучаются разнымъ наукамъ, содержатся на ногѣ солдатской и готовятся къ военному состоянію. Статъ имъ положенъ на 50 человѣкъ; излишніе суть свободные пансіонеры и принимаются за условную цѣну: дѣти живутъ тѣсно, воздухъ сжатъ и нездоровъ, однако домъ каменный и довольно большой. Дѣти спятъ въ шкапахъ, изъ конхъ выдвигаютъ кровати, и потомъ, когда приберутся, то въ комнатахъ ихъ не видно; это способствуетъ простору въ тѣснотѣ, но сколько заводится гаду! Генералъ-Губернаторъ сказывалъ мнѣ, что онъ самъ невыгоду замѣтилъ и отпустилъ уже деньги на покупку желѣзныхъ кроватей. Въ Дѣтской Больницѣ очень тѣсно и душно. Особыхъ учителей здѣсь нѣтъ; воспитанники берутъ уроки у приходящихъ изъ Гимназіи, которая и въ Полтавѣ есть; * ибо безъ нея не найдете города, такъ какъ безъ часовни не пройдешь въ здѣшнемъ краю селенія. Этой школой управляетъ одинъ отставной Офицеръ кирасирскихъ полковъ; имени его не помню; онъ славенъ здѣсь наипаче тѣмъ, что перевелъ Енеиду на Малороссійскій языкъ. **

* Основанная въ 1808 г.; вскорѣ за тѣмъ открытъ былъ при ней «Домъ для воспитанія бѣдныхъ Дворянъ.» То и другое сперва помѣщались въ зданіяхъ Почтамта, послѣ перевода его въ Черниговъ. Домъ для воспитанія бѣдныхъ Дворянъ, послѣ открытія, въ 1841 г., при Гимназіи Благороднаго Пансіона, пересталъ существовать, часть же воспитанниковъ перешла въ послѣдній. Теперь Гимназія помѣщается въ зданіи, построенномъ для нея 1861 г., а въ прежнемъ находится Пансіонъ. О. Б.

** Это Иванъ Петровичъ Котляревскій, р. въ Полтавѣ 1769 г., Августа 29: отецъ его былъ Канцеляристъ Полтавскаго Магистрата, а дѣдъ—Дьяконъ тамошней соборной Успенской церкви. Котляревскій воспитывался въ Полтавской Духовной Семинаріи, училъ дѣтей въ помѣщичьихъ домахъ, потомъ служилъ въ Сѣверскомъ карабинерномъ полку, съ 1-го Апрѣля, 1796, по 1808 годъ, въ коемъ вышелъ Капитаномъ съ мундиромъ. 1810 поступилъ, по приглашенію Генералъ-Губернатора, въ Надзиратели Дома воспитанія бѣдныхъ Дворянъ, гдѣ и получилъ чинъ Маіора; съ 1827 былъ еще и Попечителемъ Полтавскаго Богоугоднаго Заведенія; въ той и другой должности находился до выхода въ отставку 1835 г.; отличался замѣчательнымъ умомъ и добродушіемъ, и принадлежитъ къ лучшимъ Малороссійскимъ писателямъ. «Его Енеида,» переицѣванная на Малороссійскій языкъ—неподражаема; замѣчательны также, на Малороссійскомъ же: опера «Наталка Полтавка,» и водевилъ: «Москаль чирвникъ,» писанныя для Полтавскаго театра, которымъ управлялъ въ ту пору самъ сочинитель ихъ и на которомъ отличался

Приказъ содержать и фабрику суконную, на которой работаютъ празднаматающіеся Евреи; рабочихъ же и смиренныхъ домовъ здѣсь нѣтъ. Всѣ таковыя преступники содержатся въ общемъ острогѣ, или по разнымъ распредѣлены руководящимъ въ досужественныхъ заведеніяхъ.

Обратимъ теперь взоръ на самое большое изъ нихъ. До сихъ поръ я старался соблюсти правило строгой скромности; далѣе нѣтъ средствъ воздержаться отъ гласнаго порицанія того, что я здѣсь видѣлъ.

Подъ названіемъ «Нѣмецкой слободы,» при самомъ городѣ населена колонія иностранцевъ. Суконныя ткачи свезены сюда по позыву Правительства изъ Эльзаса, Саксоніи, Германіи, и завели здѣсь суконную фабрику. Для помѣщенія ея построено домовъ до 50 изъ плетня, набитаго навозомъ. Каждый такой домъ стоить казны до 2 тысячъ, а простоятъ ли пять лѣтъ, сомнительно. Легко разсудить, сколь мало соображено это съ пользами Короны. Въ этихъ карточныхъ домикахъ живутъ ткачи, и при нихъ поставленъ станъ каждого. Считаютъ, что какъ выстройка сей слободы, такъ и двухъ еще подобныхъ, въ Кременчугѣ и Константиноградѣ, т. е., въ Полтавской Губерніи, обошлась Казнѣ въ 400 тысячъ; тамъ, однако, дома рублены изъ дерева, здѣсь инныя связи обратились въ настоящія тюрьмы; окончины одинакія и двойныя, обѣ для прочности разъ на всегда вмазаны въ стѣны и не

первоначально М. С. Щепкинъ. Котляревскій умеръ 29-го Октября, 1838 г., въ отцовскомъ домѣ, и похороненъ на Полтавскомъ кладбищѣ, въ углу, подъ развѣсистымъ деревомъ, при въѣздѣ отъ Кобелякъ. Сочиненія его изданы: Ененда, 3 части. Спб. 1798, въ 8-ку; второе въ 3-хъ же частяхъ и тамъ же 1808, въ 8-ку, въ тип. Глазунова; третье въ 4-хъ тамъ же, въ Медн. типогр., въ 8-ку. Спб. 1809 (издѣніемъ С. М. Кочубя); 4-ое въ 6-ти частяхъ въ 8-ку. Харьковъ, въ Универс. типогр., 1842, и 5-ое въ Спб. 1862 г., въ «Полномъ собраніи сочиненій И. П. Котляревскаго,» съ его портретомъ и изображеніемъ домика, въ коемъ онъ жилъ. Наталка Полтавка издана въ Харьковѣ, 1838, въ 8-ку, въ Унив. тип. (въ 1-й книжкѣ «Украинскаго Сборника»), по пѣсни изъ этой оперы, положенныя на музыку А. С. Баренцпмъ, приложены были ко 2-й кн. «Утренней Звѣзды,» изд. И. Петровымъ. Харьковъ, 1834, въ Унив. тип., 8; Москва чаровникъ; изд. въ Москвѣ, 1841, въ типогр. Н. Степанова, въ 8 д. О. Б.

отворяются ни лѣтомъ, ни зимой; но дышать необходимо: ни какая власть въ свѣтѣ лишить сего блага природы не можетъ, ни же въ тяжчайшихъ узахъ неволи. Что жъ дѣлаютъ эти бѣдные Нѣмцы? Они выламываютъ рамы, выбиваютъ стекла, чтобъ пустить къ себѣ воздухъ. Стѣны, въ основаніи домовъ поставлены, такъ прозрачны, какъ рѣшето, и отъ сотрясенія становъ во время работы чувствительно даже, какъ онѣ зыблются, и держатся только на угловыхъ столбахъ.

Этого мало: разработка сукна новыя откроетъ намъ причины подивиться. Каждый станъ долженъ выткать до 800 аршинъ суровья въ годъ; за нимъ сидитъ одна семья. Каждый аршинъ платится отъ Короны по 82 коп., включая тутъ и то, чего стоитъ шерсть; словомъ, не пріемля ни какихъ иныхъ побочныхъ издержекъ. Казалось бы, дешево, но послушайте далѣе! Выписанные иноземцы имѣютъ 10 лѣтъ льготы, на такомъ основаніи, что все, что имъ ни понадобится, сверхъ платы за сукно, какъ выше видно, уже на всегда опредѣленной, Правительство обязалось давать имъ въ долгъ, и Смотритель для сихъ записокъ имѣетъ особую долговую книгу. Вопросъ самый простой и естественный: если кто изъ нихъ умретъ, выбудетъ, сбѣжитъ, въ теченіи 10 лѣтъ, кто за нихъ поворотитъ въ Казну долгъ? Эта сумма не входитъ въ раскладку на сукно; это пожертвованіе, къ ободренію промышленности пріемлемое. Сказывали мнѣ на ухо, что ежели разложить на вытканное сукно заимообразно розданныя суммы, то оно обойдется по 4 рубля аршинъ; да и за это кто же можетъ ручаться, доколѣ не протекутъ 10 лѣтъ льготы? Кто скажетъ удостовѣрительно, сколько наберутъ ткачи въ долгъ денегъ, или потребности, и сколько безъ возврата пропадетъ изъ сего заемнаго капитала? А до того времени и опредѣлить цѣну сукна нѣтъ возможности: ссуда сія не имѣетъ ни какихъ опредѣленныхъ мѣръ. И такъ пусть цѣна, къ общей похвалѣ заводчиковъ, воображается на бумагѣ 82 коп., время откроетъ глаза и покажетъ истину: мишура золотомъ казаться не можетъ.

Впрочемъ, работа сукна очень успѣшна и хороша: она точется аршина въ $3\frac{1}{4}$ ширины; сваявшись, даетъ два аршина слишкомъ. Тутешніе мастера сами дѣлаютъ карды, на какихъ чешутъ

шерсть, и изобрѣли машину, но она еще не выдержала опытовъ, посредствомъ коей 40 веретенъ вдругъ отъ одной руки дѣйствовать могутъ. Одинъ изъ мастеровъ ткалъ при мнѣ сукно безъ товарища за своимъ станомъ, и довольно скоро мечется съ конца на другой; но для корпуса это движеніе тяжело и даже насильственно.

Къ особенной чести нынѣшняго начальника * сказать должно, что онъ съ огорченіемъ смотритъ на расточеніе суммъ казенныхъ и городскихъ, кои послѣдовали до него въ Полтавѣ. Взглядъ его былъ справедливъ; поступки осторожны: онъ отвелъ отъ себя отвѣтственность. Бывшій здѣсь Губернаторъ смѣненъ уже, но еще новаго при насъ не было, ** и ни кто не смѣлъ войти въ управленіе этой колоніей. Всѣ ея боялись, какъ огня, да и не безъ причины. Жалко, что зло не можетъ такъ легко истребляться, какъ тотъ, кто его сѣмена посѣетъ. Съ человѣкомъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, всегда сладить можно, и смѣна одного лица никогда труда не стоитъ. Но вотъ бѣда, что худое учрежденіе не скоро поправляется, а еще труднѣе искоренить его, когда оно наипаче становится предметомъ большаго денежнаго счета. Но это не мое дѣло; скажу и я, воображая себя на большой дорогѣ и странствующимъ по камнямъ, какъ нѣкогда Фонъ Визинъ за слугу изъяснялся: «Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ.»

* Генераль-Губернатора Князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго. О. Б.

** Препній: Д. С. С. Алексѣй Ѳеодоровичъ Козачковскій, съ 14-го Марта, 1808 г., по 17-е Мая, 1810; на мѣсто его назначенъ былъ, 17-го Сентября, 1810 г., Д. С. С. Михайло Ивановичъ Бравинъ, оставшійся по 17 Июля, 1812 г. До Козачковскаго было три Губернатора: Тайный Совѣтникъ Александръ Борисовичъ Солицевъ, съ 8 Октября, 1801, по 22 Апрѣля, 1803, возвращенный на прежнее мѣсто въ Воронежъ. Послѣ него Д. С. С. Александръ Ильичъ Мухановъ, съ 6-го Июня, 1803, по 17 Марта, 1806, когда назначенъ въ Рязань Губернаторомъ; преемникомъ его былъ Д. С. С. Николай Ивановичъ Брусиловъ, съ 17-го Марта, 1806, по 10-е Марта, 1808, поступившій въ Виленскіе Губернаторы. Послѣ Бравина опредѣленъ, 8-го Ноября, 1812, Тайный Совѣтникъ Павелъ Васильевичъ Тутотминъ, бывшій по 22 Апрѣля, 1828, уволенный по прошенію. Далѣе слѣдовали: Тайный Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Могилевскій, переве-

ГЛАВА XIX.

Забавы и увеселенія.

Полтава не щеголяетъ увеселеніями. Мысли каждого жителя устремлены на одно хозяйство. Въ теченіе трехъ дней, кои я тутъ провелъ, я ознакомился со всѣмъ городомъ, и не могу довольно нахвалиться благоснисхожденіемъ, ко мнѣ Князя Лобанова, который, съ готовностію прямо дружеской, доставилъ мнѣ всѣ средства найти себя самымъ лучшимъ образомъ въ Полтавѣ. Присутствіе такого знаменитаго посѣтителя, какъ Графъ Безбородько, который столь щедро обогащаетъ многія заведенія въ Малороссіи, было поводомъ къ нѣкоторымъ чрезвычайнымъ собраніямъ; при всемъ томъ не было ни чего для веселости.

Въ самый Полтавскій праздникъ Генераль-Губернаторъ давалъ мушкетерамъ большой нарядный обѣдъ; насъ съѣхалось человѣкъ до 50-ти; сѣли за столъ въ 3, встали въ 6 часовъ по полудни; наѣлись, выпили кофе и, по обыкновенію, всѣ съ двора долой. За столомъ играла музыка, принадлежащая одному помѣщику и служащему тутъ Милорадовичу. * Надобно ли сказать, что пили цѣлыми кубками Царское здоровье, и отъ души всякой желали ему многолѣтняго здравія?

денный изъ Чернигова, 15-го Июля, 1828, по 22 Августа, 1840, когда скончался. Д. С. С. Александръ Егоровичъ Аверкиевъ, Тульскій Губернаторъ, съ 9-го Сентября, 1840, по 14-ое Октября, 1843, поступившій въ Директоры Департамента Государственныхъ Дѣлъ въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Съ 8-го Марта, 1845 г., Д. С. С. Николай Ильичъ Ознобишинъ, умершій 13-го Августа, 1853, въ Переяславѣ. По немъ Д. С. С., въ званіи Камергера, Александръ Павловичъ Волковъ, съ 1-го Сентября, 1853 г., по 1868, смѣненный Д. С. С. Мартыновымъ. О. Б.

* Коллежскому Совѣтнику Михайлу Михайловичу Милорадовичу, сыну Генераль-Маіора Михайла Александровича, внука Александра Ильича, Оберъ-Капитана въ Сербіи, вышедшаго въ Россію въ 3-мя брѣтьями, Михайломъ и Гавриломъ, Гадацкими Пелковниками. Первый ум. 1725, другой 1727 г. Михайло Михайловичъ былъ съ 1803 по 1809 Губернскимъ Маршаломъ (Предводителемъ) Дворянства. О. Б.

Зять мой, будучи природный Малороссіянинъ, * болѣе или менѣе съ нѣкоторыми изъ нихъ въ родствѣ; онъ меня со всѣми ознакомилъ. Всѣ показали мнѣ отличную благосклонность; наипаче Графъ Безбородько самымъ привѣтливымъ образомъ со мною обращался. Слѣдствіе такого выгоднаго для меня расположенія ощущалъ я и далѣе въ моемъ путешествіи, о чемъ пріятно будетъ мнѣ въ каждомъ мѣстѣ особенно упомянуть. Вице Губернаторъ, ** правившій тогда должность Губернатора, человекъ не молодой, но добροхотный, безъ отягощенія возилъ меня самъ по всѣмъ заведеніямъ.

Послѣ Генераль-Губернаторскаго пиршества, 7 числа, ѣздили онъ и мы всѣ провести вечеръ въ здѣшній публичный садъ. Далъ Богъ Полтавѣ на этомъ безлѣсномъ мѣстѣ рощу; натура обогатила ее плодосными растеніями и деревьями не вездѣ общими; предмѣстникъ Князя Лобанова велѣлъ исчертить ее дорожками, обвести каменной оградой, вычистить и разсыпать по мѣстамъ бесѣдки; примѣчательнѣйшая изъ нихъ сдѣлана на подобіе ветхаго шалаша (здѣсь ихъ много въ существѣ и безъ поддѣлки); она довольно просторна. Тутъ, какъ и во всѣхъ публичныхъ садахъ, пунктъ прівлеченія всего общества — Князь Лобановъ, охотникъ до садовъ, и это гулянье есть очевиднымъ того доказательствомъ, по тому что по всѣмъ путямъ и тропкамъ большой приборъ и чистота. Гуляя съ нимъ по саду, я любовался, видя восхищеніе, съ которымъ онъ каждое дерево выхваляетъ; всякое ему знакомо; онъ неоднократно его осматрѣлъ. Виды отсюда не восхитительны, но изрядны. Мы проходили до сумерокъ. Собраніе было не велико; можно было счесть не больше 50-ти прогульщиковъ. Признайтесь, что такой праздничный день для Полтавы, въ ней самой такое собраніе весьма малоллюдно; да и прогулки не сопровождались ни какими замыслами удовольствія: ходили, доходили, сѣли въ кареты и разъѣхались.

Но вотъ чему можно подивиться: въ Малороссіи въ саду въ бесѣдкѣ каминъ. «Такъ, стало быть, и здѣсь бываетъ лѣтомъ

* Селецкій, о коемъ сказано будетъ болѣе ниже. О. Б.

** Статскій Совѣтникъ Болриновъ? О. Б.

холодно?» спросилъ я кого-то. — «Совсѣмъ нѣтъ; но мы гуляемъ въ нашихъ садахъ и среди Ноября мѣсяца.» — «О! пожалуй и я пойду у себя въ садъ въ Декабрѣ, если буду обпадеженъ найти въ минимѣ шалашъ хорошій огонь въ каминѣ.» Симъ споръ и возраженія кончились.

Князь Лобановъ увѣрялъ меня, что окрестности Полтавы очаровательны; быть можетъ, но я того не примѣтилъ, и куда меня ни возили, я нигдѣ не встрѣчалъ такихъ видовъ, какіе въ нашихъ мѣстахъ. Да и по истинѣ, что можетъ быть величественнѣе той площади, на которой посаженъ Владиміръ? Что для глазъ плѣнительнѣе горъ, его отсюда описывающихъ? особливо по дорогѣ, ведущей отъ Александрова къ Троицкой Лаврѣ, можно найти обрашкъ Швейцаріи. Лучшимъ мѣстоположеніемъ подлѣ Полтавою почитается усадьба Г-на Коч.... Ее даже прославляютъ превосходнѣйшимъ въ цѣломъ свѣтѣ: я его не видалъ и судить о томъ не могу. Вѣрю одному знаменитому объ немъ преданію, будто Екатерина II, бывъ на этомъ мѣстѣ, изволила отозваться, что она лучше его ни чего не видала. Но если его приблизить въ сравненіяхъ съ дачею Г. Милорадовича, которую казали мнѣ за диковинку, со стороны физическаго ея расположенія, я осмѣлюсь признаться, видѣвши сіе послѣднее, что оно для меня даже хорошимъ не казалось.

Есть и театръ въ Полтавѣ: какъ безъ него? Строеніемъ онъ не важенъ, да не хвалятъ и актеровъ. Они при мнѣ были въ разѣздѣ, въ Кременчугѣ, на ярмаркѣ; и такъ я ни одного представленія въ Полтавѣ не видалъ. Вотъ все, что можно замѣтить здѣсь на счетъ забавъ.

Публика уединенна и вообще ни сколько не любитъ шумныхъ увеселеній. Пашня занимаетъ всѣ умственные способности здѣшняго жителя. Нѣтъ вкуса къ удовольствіямъ роскошнымъ, все скупо и каждый сжатъ въ домѣ своемъ, какъ въ скорлупѣ. Про себя все запасено, но для заѣзжаго въ городѣ нѣтъ ни чего, даже за деньги. Мы нуждались и въ хлѣбахъ и въ сливкахъ; Князь Лобановъ присылалъ къ намъ ихъ изъ вѣжливости; безъ него пришлось бы чай пить по Великопостному. Говядины нѣтъ, по тому что волю на работу надобны, и ихъ не бьютъ;

телятъ нѣтъ, для того что они будутъ воли со временемъ, и ихъ кормятъ и возвращаютъ; сливокъ нѣтъ, для того что теленокъ выпиваетъ всю добычу своей матки; хлѣба нѣтъ, за тѣмъ что пшеницу возятъ въ Одессу и грузятъ на корабли. Вотъ обстоятельства гостинаго желудка въ Малороссіи!

Потчивали меня зѣшнимъ плодомъ, который въ большой славъ, черешнею, но я не нашелъ его столько вкуснымъ, чтобъ позавидовать тѣмъ, кои съ большими, впрочемъ, пожертвованіями во многихъ отношеніяхъ пріѣзжаютъ по службѣ сюда жить, или, лучше сказать, томиться въ скукѣ.

Свиданіе съ сестрой и письма изъ Москвы, кои во время нашего пребыванія въ Полтавѣ получены, доставили мнѣ пріятнѣйшія минуты. Имъ и благосклонности Князя Лобанова обязанъ я всѣмъ тѣмъ удовольствіемъ, какового ищу ежедневно; ибо скука есть несносный червь, который и самое свѣжее сердце подѣдаетъ. Отправивъ отсюда огромную почту къ моимъ роднымъ и друзьямъ, я собрался ѣхать въ Петровъ день. На канунъ получена оффиціальная вѣдомость о побѣдѣ надъ Турками. 29 назначенъ молебень, а я, чѣмъ свѣтъ, лечу, чтобъ приблизиться къ тѣмъ мѣстамъ, откуда труба звучитъ во всю Россію такіа пріятныя новости.

ГЛАВА XX.

Путь до Кременчуга. Балъ въ клубѣ.

На прощаньи съ сестрой, давши ей слово посѣтить ихъ деревню, поѣхали мы въ 8 часовъ утра, въ Петровъ день, изъ Полтавы. До Кременчуга 120 верстъ. Дорога ровная и прекраснѣйшая для почтовой ѣзды. Мы лѣгли, по милости Князя Лобанова, который вездѣ намъ приказалъ безостановочно давать лошадей; нигдѣ безъ собственного произволу не ждали минуты; въ 9 часовъ пріѣхали въ городъ; но поговоримъ сперва о дорогѣ.

Съ выѣзда изъ Москвы мы еще въ одни сутки такого пространства не проѣзжали; погода весьма благопріятствовала, жаръ

былъ умѣренный, а вечеръ довольно свѣжъ. Отъ Полтавы разсаживаютъ аллею — тщетный трудъ! Нигдѣ не принимаютъ. Вблизи Кременчуга только на нѣсколькихъ деревьяхъ примѣтна маленькая зеленъ. На первой станціи такой же почтовый дворъ, какъ и по ту сторону Полтавы, но изъ настоящаго кирпичу. Тутъ попался намъ Засѣдатель Симферопольскаго Земскаго Суда. Я съ нимъ разговаривалъ о Крымѣ, о тамошней благословенной сторонѣ, и онъ укоренилъ во мнѣ желаніе туда съѣздить, которое и Графъ Безбородько въ Полтавѣ съ успѣхомъ уже произвелъ во мнѣ.

Мы обѣдали 40 верстъ отъ Полтавы въ селеніи, называемомъ Решетилровка. Маршрутъ почтовый совсѣмъ другой путь вамъ указать, но онъ уже уничтоженъ; ѣздить всѣ по этому гораздо скорѣй и лучше. Это мѣсто принадлежитъ Попову, но не все; въ немъ имѣетъ участіе и другой помѣщикъ, а за Василиемъ Степановичемъ 1800 душъ, ему пожалованныхъ; * сверхъ того, здѣсь же поселено въ послѣдніе военные годы до 5 тысячъ Козаковъ, кои принадлежатъ Казнѣ. Здѣсь 4 церкви деревянныя и одна каменная; ряды кирпичные выстроены очень хорошіе. Самого владѣльца тутъ не было; содержатель почты имѣетъ изрядную квартиру:

* Извѣстный Правитель Канцеляріи и любимецъ Князя Потемкина-Таврическаго, р. 1743 г., учился въ Казанской Гимназіи; поступивъ въ Гражданскую службу, отличался искусствомъ въ Канцелярскихъ бумагахъ, потомъ снискавъ вниманіе къ себѣ Московскаго Главнокомандующаго Князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго, къ коему, будучи Премьеръ-Маіоромъ, поступилъ (1780) Правителемъ Канцеляріи; по смерти Князя перешелъ къ Потемкину, заведывая походными его дѣлами; съ 1784 Полковникъ; 1785 находился при собственныхъ Ея Импер. Величества дѣлахъ у принятія прошеній; 1787 Бригадиръ; 1788 Генералъ-Маіоръ; послѣ Потемкина находился при Императрицѣ по прежнему у прошеній, управлялъ также Горнымъ Корпусомъ, Кабинетомъ и др.; 1797 Тайный Совѣтникъ и Президентъ Каммеръ-Коллегіи; 1798 присутствующій въ 1-мъ Департаментѣ Сената; по доносу удаленъ отъ службы; при Александрѣ Д. Т. Совѣтникъ и Управляющій Коммисаріатскимъ и Провіантскимъ Департаментами (1807); въ 1808 Членъ Государственнаго Совѣта, 1819 Предсѣдатель Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, также Коммисіи Прошеній; ум. въ С.-Петербургѣ въ Ноябрь 1822 г. О. Б.

но какъ для праздника онъ накурилъ ее слишкомъ чеснокомъ, то мы поѣли въ сараѣ. Лѣтомъ вездѣ крышка.

Здѣсь водятся черепахи; къ намъ приносили одну, и мы разными образами терпѣніе ея испытывали: брали ее въ руки, кидали на полъ, зарывали въ песокъ, опять бросали въ лужу: тутъ только она выходила изъ своей шкатулки, впрочемъ, все выдерживала, спрятавшись очень скромно въ своей табакеркѣ; нѣкоторыя изъ насъ обѣими ногами на нее становились и тискали ее всей своей силой, такъ какъ нажимаютъ самыхъ лучшихъ авторовъ мальчишки въ типографіяхъ. Гадкое животное!—только и хорошаго, что ея жилище: выгнавъ напередъ хозяйку, можно нюхать преблаговоинный табакъ.

По степямъ находилъ я цѣлыя полосы земли, и довольно большія, усыпанныя темными синими цвѣтами, такъ что издали онѣ представляли настоящей видъ яхонта. Я долго ими любовался, останавливаясь бѣгъ приткныхъ нашихъ коней.

И тотъ же самый Богъ, что небо сотворилъ,
Живописалъ цвѣты, и ими степь покрылъ;
Далъ жизнь и бытіе малѣйшему листочку,
И травкѣ, какъ звѣздѣ, назначилъ въ мірѣ точку.
Натура отъ него пріяла кисть, рѣзецъ,
И міра красоты суть рая образецъ.

За двѣ станціи до Кременчуга Голова тутошняго селенія непременно хотѣлъ, чтобъ насъ провожали верхомъ два Козака. Я долго отказывался, наконецъ согласился: переѣзду было только 16 верстъ. Лошади насъ несли во весь духъ; Козаки скакали какъ бѣшеные. Я имъ далъ на водку, и они, поблагодаря, сказали: «Этотъ путь намъ игрушка». Всякая добровольная услуга пріятна признательному сердцу.

Попался намъ Богородской мужикъ, сосѣдъ нашей подмосковной. Онъ ѣхалъ изъ Одессы и везъ сѣру въ Москву. Я его остановилъ, поговорилъ съ нимъ объ Одессѣ; онъ сулилъ мнѣ тамъ дешевой хлѣбъ и дорогой фуражъ. «Хорошо, увидимъ; мы сами туда ѣдемъ, поклонись нашимъ, прощай!»—Какъ бы вы

думали? Я этому простому мужику обрадовался. Повторите, что я писалъ выше о родинѣ, и тогда вы безъ труда этому поверите.

На послѣдней станціи перевозъ черезъ Пселъ. * Отъ самаго Муромъ по всей этой дорогѣ я первый паромъ еще нашелъ. Рѣка хороша. Поднявшись на гору и пройдя первые пески, вы откроете прекрасные виды со всѣхъ сторонъ. Я ѣхалъ въ коляскѣ, стоя цѣлый часъ, и не смигалъ съ этой картины. Съ хребта горъ довольно продолжительныхъ черезъ многіе овраги вы видите селенія въ долинѣ и въ разныхъ пунктахъ рѣка попадаетъ вамъ въ глаза; по отлогимъ берегамъ ея на той сторонѣ разбросаны хаты, кои ни чего за собой въ долахъ отъ васъ не прячутъ. Прекрасное мѣстополюженіе! Натура вездѣ играетъ съ новыми пріятностями. Кто чувствуетъ сельскіе ея дары, тотъ ближе всѣхъ стоитъ у дверей счастья.

Подъ городомъ пройти надобно нѣсколько верстъ отягощенныхъ пескомъ; избѣгать ихъ нельзя: естественный знакъ большихъ рѣкъ. Мы у береговъ Дибра.

Сколько мы имѣли лестныхъ доказательствъ благосклонности къ намъ Полтавскаго Градоправителя въ пути, столько, напротивъ, нашли мы досадныхъ непріятностей для помѣщенія своего въ городѣ: ни одной пустой и пристойной квартиры—все наполнено народомъ. Въ Ивановъ день сдѣсь бываетъ ярмарка, и ни кто еще не уѣхалъ изъ Кременчуга. Мы въ сумерки въ него попали, и до восхода мѣсячнаго возили насъ по улицамъ: то въ тотъ домъ привезутъ, то въ другой; ни въ какой не пустятъ. Въ комъ желчи это не разшевелить? Я очень сердился. И насилу господинъ Городничій тутошній отвелъ намъ какой-то уголъ. Я было и спать; но молодые мои товарищи провѣдали, что сегодня въ городѣ балъ въ клубѣ, и меня съ собой туда взманили—

* Въ мѣстечкѣ Омельникѣ, прежде сотенномъ, теперь въ немъ 2-й станъ и Почтовая станція; лежитъ на правомъ берегу Псела, въ 23 верстахъ отъ Убяднаго и въ 90 отъ Губернскаго города. О. Б.

удовольствіе убавляетъ лѣтъ. Я тотчасъ прибрался, одѣлся, выпросилъ у Городничаго дрожки и явился на балѣ. Въ Москвѣ клубъ пропустить не бѣда; можно въ другой понасть: ихъ много; а зима въ нашихъ мѣстахъ такъ строга и велика; но въ Кременчугѣ бала во всю жизнь, можетъ быть, не увидишь, еслии полѣнишься завернуть въ его мимоѣздомъ. Скажутъ: «Да что за радости въ такомъ Уѣздномъ сборищѣ?» — «Все то радость, господа большаго свѣта, чего не видалъ и чего хочется.»

Клубъ содержится здѣсь въ большомъ и опрятномъ домѣ. Залы освѣщены очень хорошо; собраніе, по лѣтнему времени, довольно людное, но въ комнатахъ не тѣсно; музыка Кіевскаго баталіона, который тутъ квартируетъ, — хвастать не чѣмъ, хотя Польскія играли съ хорами; но что нужды до ихъ искусства? было бы весело. Кто на балѣ ѣздитъ вслушиваться въ музыкальную гармонію? Тутъ неутомимый гудокъ — лучшій виртоузъ. Этотъ балъ давался экстраординарно, по случаю сѣзда многихъ на ярмарку. Я нашелъ съ Дворянами много и иностранныхъ купцовъ съ семьями. Съ ними легко ознакомиться; дамы ихъ пріятливы, и я Польскихъ съ три прошелъ на свою долю. На насъ глядѣли, какъ обыкновенно вездѣ смотрятъ на заѣзжихъ, во всѣ глаза: новое лице — чудо во всѣхъ собраніяхъ городовъ Россійскихъ, даже и въ самой Москвѣ.

Заслуженный Офицеръ Генеральскаго чина изъ Нѣмцевъ тутъ хозяйничалъ и заправлялъ клубнымъ дѣломъ; въ его рукахъ вертѣлся руль этой плясовой машины; онъ и самъ, прибодрившись, прошелъ нѣсколько Польскихъ. Я, глядя на него, воображалъ хорошаго моего знакома, который 17 лѣтъ правилъ однимъ провинціальнымъ редутомъ безъ усталы и безъ скуки: я люблю видѣть такихъ старичковъ по городамъ Губернскимъ.

* Дуровъ, богатый Тамбовскій Помѣщикъ, поселившійся во Владимирѣ и бывший Старшиной тамошняго Редута (Благороднаго Собранія)? Онъ выведенъ въ комедіи «Дурыломъ» или выборъ Старшины,» Княземъ И. М. Долгорукимъ. См. сочиненіе М. А. Дмитріева: «Князь И. М. Долгорукій и его сочиненія.» Изд. 2-е. М. 1863, стр. 74—76, 164—267. О. Б.

Они зачнутъ вѣкъ свой тѣмъ, что въ молодости подставятъ гдѣ ни будь на проломъ черепъ: пушки его раздробятъ, а лѣкари починятъ, но останется дряхлость, и что потомъ? Ѣхать домой, разставить въ деревнѣ въ рамкахъ за стекломъ разные патенты, и наѣздомъ зимой въ городъ, военному съ большимъ султаномъ, а статскому съ стразовыми пряжками, щеголять на балѣ, понасть въ директоры въ редутъ или клубъ, состарѣться оригиналомъ и умереть подъ музыку.

ГЛАВА XXV.

Описаніе Кременчуга.

Мы здѣсь прожили сутки цѣлыя. Какъ смѣнить Уѣздный городъ, Кременчугъ, съ Губернскимъ, Полтавою, при всѣхъ его заѣвахъ? Днѣпръ даетъ ему и красоту и пользу. Городъ торговой: куда ни пойдешь, вездѣ сыщешь слѣды довольства, которое доставляетъ разумная промышленность. Но такъ какъ добро и худо всегда рядомъ ходятъ, то и Кременчугъ имѣетъ свои невыгоды. Онъ на такихъ сидитъ пескахъ, что отъ пыли ни въ одномъ домѣ нѣтъ убѣжища. Безпокойное положеніе!

Днѣпръ имѣлъ бы видъ величавый и прекрасный, еслии бы не пресѣкался мелкими песчаными и островками такъ, что глаза ни гдѣ не видятъ большаго пространства воды безъ помѣхи. Края его наполнены судами. Вся Бѣлоруссія сгоняетъ по немъ лѣсъ и уголья въ степи и полуостровъ Крымъ, а оттуда вверхъ отправляется соль. Народу много: онъ весь въ движеніи. Дѣятельность во всякомъ родѣ есть животворный пламень нашей жизни. Берега рѣки и самое ложе ея каменисто. Здѣсь добывается самый твердый камень, на подобіе гранита, и хотя меньшей красоты, но того же рода. Онъ мнѣ показался, какъ и тотъ, изъ котораго сдѣланъ въ Полтавѣ памятникъ Петру.

Ряды каменные огромны; погребовъ множество и за хорошія деньги можно выпить рюмку цѣльнаго вина. Трактирщикъ

городской кормить очень хорошо. Вы найдете сотъ до двухъ кузнецовъ и каретные добрые сараи, гдѣ не только всякую повозку, но даже и новую карету на иностранный образецъ, отдаютъ. Магистратъ и Дума представляютъ одно изъ лучшихъ строеній въ городѣ; на немъ бельведеръ; я входилъ туда, и видъ во всѣ стороны прекрасный. Прочіе дома въ городѣ низки и принадлежать къ мазанкамъ.

Соборъ заслуживаетъ пристальный взглядъ. Онъ выстроенъ изъ кирпича; фасадъ его отличается вкусомъ, и онъ чрезвычайно краситъ Александровскую площадь, на которой увидите вы и гаубтвахту каменную. Въ городѣ, сверхъ обыкновенныхъ Гражданскихъ Мѣстъ, учреждена и Провіантская Коммисія.

Богоугодныя заведенія справедливой похвалы достойны. Они, какъ и въ Полтавѣ, въ общемъ домѣ. Но какая разница въ помѣщеніи! Главный корпусъ въ два этажа каменный, и въ немъ церковь. Она во имя Св. Маріи Магдалины и ни чѣмъ не отличается отъѣннымъ. Священникъ встрѣтилъ меня съ крестомъ, пропѣлъ входную и прокричалъ Императорско му Дому многолѣтіе. Я приложился къ Распятію, и далъ Іерею рубль: тѣмъ все и кончилось между нами въ домѣ Господнемъ. Въ нижнемъ этажѣ живутъ инвалиды; ихъ числомъ до 14-ти, и они не въ праздности хлѣбъ ѣдятъ, а прислуживаютъ въ Лазаретѣ; кровати у больныхъ желѣзныя; чистота въ покояхъ удивительная.

Прочія принадлежности къ дому деревянные, или изъ сырцу. Кухня, прачечная, бани, все въ наилучшемъ порядкѣ. Больные пользуются самымъ чистымъ воздухомъ. Для Евреевъ есть особая больница. Народъ сей вездѣ одинаковъ: нечистъ, сраменъ и отвратителенъ; я говорю о Жидахъ самаго низшаго разбора: что ихъ гаже въ природѣ? Жаль, что они люди! Врачеваніе ихъ здѣсь и приличное содержаніе есть черта чувствительности, по которой должно признаться, что Философія нашего вѣка не на однихъ заблужденіяхъ основана. И подлинно: Жидъ развѣ не человекъ? Оставимъ при немъ его суевѣріе, его нелѣпости, самые его обманы; вспомнимъ, что онъ также ближній нашъ, и когда онъ страдаетъ, отворимъ ему сострадательное сердце. Вотъ какъ

думалъ здѣшній начальникъ, когда онъ обратилъ взоръ свой на нихъ, и особую для Жидовъ устроилъ больницу.

Этотъ домъ сталъ казнь тысячъ до 80-ти, но пусть бы сталъ и сто: Приказы Общественнаго Призрѣнія не копить, а съ пользою расточать, обязаны свои сокровища. Внутреннія убранства и кровати доставлены изъдѣніемъ здѣшняго помѣщика Пономарева. Лучше дать больному Еврею на лѣкарство, нежели честному Христіанину проиграть въ запрещенную игру въ трактирѣ.

Кромѣ Нѣмецкой суконной фабрики, какъ и въ Полтавѣ, о которой также говорено, здѣсь есть, на особомъ положеніи, еще фабрика суконная же. Она расположена въ большомъ каменномъ домѣ, купленномъ за самую низкую цѣну, или, лучше сказать, это почти подарокъ продавца: въ немъ два большіе этажа. Тутъ школа сукнодѣлая для Евреевъ: ткачи Жиды обучаютъ своему ремеслу малолѣтковъ, и сами толстое сукно работаютъ на станкахъ казенныхъ. Вездѣ видны доказательства крайней нужды въ сукнѣ, и усилія довольствоваться домашнимъ.

ГЛАВА XXII.

Дворцовый садъ. Театръ.

При вѣздѣ въ Кременчугъ покажется вамъ большой садъ: это роца, прочищенная дорожками, кои заросли и все мѣсто пришло въ крайнее запустѣніе. Тутъ нѣкогда былъ дворецъ, въ которомъ изволила останавливаться Екатерина; * одна осталась каменная ограда, и та съ трудомъ поддерживается экономическими крохами. Князь Куракинъ хотѣлъ возобновить его славу, и много къ тому, во время начальства своего, споспѣшествовалъ. Я въ немъ гулялъ съ нѣкоторыми тутошними жителями, кои помнятъ еще и нынѣ, какъ сюда при Потемкинѣ возили Крымскія расте-

* Въ Путешествіе свое 1787 г., пробывши въ Кременчугѣ по 3-е Мая. О. Б.

нія и разсаживали ихъ, дабы обольстить взоръ Фелицы. На почтовыхъ привозились кадки съ большими плодовитыми деревьями и вкопаны были въ землю, гдѣ по времени безъ присмотра пропали. Все дѣлано было на минуту, на минуту и стало: слѣдовъ малѣйшихъ такого величія не осталось. Я гулялъ по тропкамъ, топталъ, задумавшись, крапиво и шепталъ про себя: *Tempus edax rerum.*»

Подъ самымъ городомъ другой есть садъ у какого-то иностранца, о которомъ много мнѣ рассказывали хорошаго, но я не могъ щедро тратить времени; мнѣ надлежало очень сберечь его; и такъ я въ тотъ садъ не ѣздилъ, а, судя по Испанскимъ вишнямъ, которыхъ мнѣ оттуда цѣлое блюдо доставили, я думаю, что подлинно садъ прекрасный, или, по крайней мѣрѣ, оранжереи. Последнему я всегда даю преимущество.

Лучшенькой кусокъ обыкновенно оставляется къ концу: такъ и я, въ описаніи Кременчуга, соблюлъ театръ для изящнаго вкуса. Полтавская труппа была еще здѣсь и всякой день забавляла публику въ большомъ сараѣ. Какъ не съѣздить полюбоваться на нее? Мы взяли билеты и отправились. Сегодня, для издыхающей ярмарки, давали «Мыщанина въ дворянствѣ», превосходная и всѣмъ извѣстная фарса. Жалость! Двухъ актеровъ нѣтъ, которые бы однимъ нарѣчіемъ говорили: кто по Руски, кто по Черкасски, иной по Малороссійски, * иной по Польски, — смѣшеніе языковъ! Ни какой взаимности въ общихъ вниманіяхъ: одинъ говорить, другой, отворотясь, шепчетъ про себя свою ролю, чтобы не забыть того, что слѣдуетъ. Что за актрисы! Какое платьишко! Какія тѣлодвиженія! Куклы на ниткѣ не такъ надоѣдаютъ, какъ эти живыя машины. Сперва я досадовалъ, тужилъ, негодовалъ, наконецъ разсудилъ хохотать и умеръ было со смѣха. Говорятъ, что гдѣ-то актеры, подобные имъ, берутъ съ зрителей деньги не за входъ, а за выходъ: не худо бы имъ перенять этотъ образъ контрибуціи; они бы вѣрно большой доходъ получили; по тому что въ сарай къ нимъ набилось пропасть народу. Духота была страшная, воздухъ мефитическій и самый крѣпкій; можно

* По Черкасски и по Малороссійски, вѣдливо одно и то же: О. Б.

бы, я думаю, въ потьмахъ зажечь свѣчку: такой былъ паръ отъ любителей театра! Освѣщеніе къ тому же самое смирное: ежеминутная копоть; креслы безъ дна, стулья безъ спинокъ. Представьте, что бы каждый изъ насъ заплатилъ за то только, чтобы выпустили на чистый воздухъ! Жаль, что они расчета своего не нашли, хотя брали за входъ такую же плату, какую въ Москвѣ даютъ за то, чтобы прослезиться, глядя на безподобнаго Померанцева. «Вотъ неслыханные злодѣи!» какъ говаривалъ нѣкто старинный мой командиръ. Я не дождался конца этой потѣхи; нахохотался, сколько было силъ въ селезенкѣ, и бросился бѣжать изъ партера. Вышедъ оттуда, какъ я обрадовался заходящему солнцу! Узникъ не такъ радъ свободѣ.

Насъ ожидала въ другомъ родѣ полночная забава. Между здѣшними жителями отыскался одинъ знакомый перваго мужа жены моей, командиръ баталіона. Онъ давно уже собирался повеселить общество, и припасъ къ ярмаркѣ фейерверкъ, который съ особымъ привѣтствіемъ разсудилъ сжечь сегодня на берегу Днѣпра, будто бы для насъ собственно. Съ чувствительною признательностію принявъ его убѣдительныя приглашенія, мы приѣхали на Днѣпровскіе пески въ полночь. Въ три и четыре ряда наставленные стулья и скамейки усыпаны были жителями города. Полный мѣсяцъ свѣтилъ всѣмъ своимъ сіяніемъ; ночь подобилась ясному дню: какая неудача для фейерверка! И самый лучшій потерялъ бы всѣ свои прелести, а нашъ отсырѣлъ и, вмѣсто удовольствія видѣть въ совершенствѣ быстрый полетъ ракетъ, оглушиться стукомъ многочисленныхъ бураковъ, мы наслаждались удовольствіемъ ощущать природу благосклонну, тиху, ни чѣмъ не возмущенну, слышать то звуки духовой музыки, и плѣняться раскатомъ ихъ по водѣ, то крики пѣсенниковъ, и размышлять о томъ, о чемъ кому хотѣлось, а я, между тѣмъ, присѣлъ на большомъ дубовомъ отрубкѣ и мысли свои одѣлалъ въ риному:

Вездѣ народъ живетъ и любитъ веселиться:
Вкусъ роскоши у насъ подѣйствовалъ на всѣхъ;
Богачъ въ Кременчугѣ на ярмаркѣ стремится
Такихъ же, какъ въ Москвѣ, добыть себѣ утѣхъ.

Ему знакомы всѣ столичныя названья;
Редутъ и дѣтній садъ то тамъ, то сямъ, торчатъ;
И кресла захвата, изъ чванства, безъ желанья,
Задумавшись, въ нихъ комедію глядять.

Межъ тѣмъ, какъ гордый Дѣлѣрь свѣтъ лунный отражаетъ,
И кажетъ путь плотамъ, плывущимъ въ чудный Крымъ,
Ракеты, бураки весь берегъ освѣщаютъ,
Среди песковъ его столбомъ клубится дымъ.

Тутъ музыка заразъ * и пѣвчіе готовы,
Молоденькихъ дѣвицъ, какъ пчелъ, кружится рой.
Нехай же ** Москвичи къ провинціямъ суровы:
И въ нихъ по временамъ бываетъ вѣкъ златой.

Какая разниа въ доброхотствѣ и обращеніи со многими другими мѣстами, гдѣ мы остановились! Здѣсь всѣ насъ обла-скали, всѣ искали нашего знакомства. Старый дому нашего прі-ятель, Г. П., живетъ здѣсь ослѣдлымъ образомъ и очень обласкалъ меня; онъ безпрестанно былъ у насъ на квартирѣ. Г. Почт-мейстеръ озаботился доставленіемъ мнѣ лошадей и легкихъ спо-собовъ продолжать путь; словомъ, я былъ бы неблагодаренъ, если бы не сказалъ здѣсь, вспоминая сутки моего пребыванія въ Кременчугъ, что я, кромѣ комедіи, былъ совершенно всѣми увеселеніями тамошняго края доволенъ; видѣлъ добронравіе жите-лей, чувствовалъ цѣну ихъ вѣжливыхъ поступковъ, и наипаче никогда не забуду прогулки моей въ дворцовомъ саду съ Г. Пот... съ которымъ такъ много мы о всякой старинѣ бесѣдова-ли. Но мало ли гдѣ хорошо на день, на два? а жить житьемъ гдѣ лучше, какъ дома?

ГЛАВА XXIII.

Путь до Висаветы.

1-го Іюля, въ 9 часовъ утра, отправились мы изъ Кременчуга. Солнце уже пекло, и пески около Дѣлѣря дѣлають путь очень утомительнымъ. На томъ берегу рѣки, тотчасъ за мостомъ, Уѣзд-

* Тотчасъ. О. Б.

** Пусть, пускай. О. Б.

ный городокъ Херсонской Губерніи, Крюковъ. Мы его проскакали, и я объ немъ не чего ни скажу, кромѣ того, что съ виду онъ не обращаетъ ни какого на себя вниманія: можно его по-честъ за слободу, прилегающую къ Кременчугу. Въ немъ есть Комисаріатская Экспедиція, и я слышалъ, что для нея по ново-му преекту строится домъ изъ того камня, которымъ изобилу-ють берега Дѣлѣровскіе.

Отсюда мы начали странствовать по настоящимъ и про-страннымъ степямъ: ни полей, ни кустовъ; страшной величины дачи, ни чѣмъ не населенныя, не воспріявшія ни какихъ сѣмянъ. Продолжительные жары даже всю траву на нихъ посушили. Верстъ по 30-ти проѣзжали, не встрѣчая ни малѣйшаго жила. Воды мало, да и та по большей части нехорошая. Одни во-ды возятъ шагомъ всякія тягости, а Хохлы въ просонкахъ погоня-ють ихъ длинными своими лозами. Все наводитъ скуку и тоску. По счастью, и тутъ нашли мы нѣчто забавное. Въ степи пре-множество животныхъ, коихъ здѣсь простой народъ зоветъ ев-рашки: * это маленькая крыса, очень похожая на ласточку. Они живутъ въ норкахъ, выбѣгаютъ оттуда, прыгаютъ довольно рѣ-во по степи и становятся на заднія лапки, какъ бѣлки: очень смѣшное животное! Чтобъ поймать ихъ, надобно залить норку водой: звѣрокъ этого очень боятся, и чтобъ не утонуть, онъ вы-скакиваетъ, и тутъ бери его руками; но въ осязаніи онъ столько же непріятенъ, сколько смѣшонъ въ своихъ скачкахъ.

Подѣзжая къ Александріи, при спускѣ съ горы, порвались нашильники и лошади насъ понесли. Казакъ, выѣхавшій изъ города намъ на встрѣчу и ѣхавшій передъ нами, поворотилъ на-задъ, вѣзая въ нашу четверню, смялъ лошадей, и тѣмъ оста-новилъ коляску. Непріятная минута! Путешествовать люблю, а сломить шею не хочется.

Въ Александріи мы отобѣдали: это Уѣздный городокъ, ни чего не значущій: онъ населенъ изъ гусаръ Александрійскаго пол-ку и принялъ его имя. Тутъ уже считается до 800 душъ, изъ

* Или овражки, т. е., суслики. О. Б.

которыхъ до трехъ сотъ по названію своему выходцевъ, а просто по Русски бѣглыхъ; этѣмъ средствомъ, къ которому нѣкогда многіе были поважены, мы стали встрѣчать довольно одноземцевъ, вышедшихъ сюда изъ Великороссійскихъ областей и на степяхъ поселившихся. Городомъ править того же Александрійскаго гусарскаго полку Маіоръ, мужикъ немолодой и до сихъ поръ настоящій гусаръ: хотя черные усы его даютъ ему самый свирѣпый видъ, но онъ принялъ насъ охотно, позволилъ намъ занять на часъ свою квартиру. Мы въ ней нашли картинки за стеклами, зеркальце и софу: чего больше для здѣшняго Городничаго? Онъ непремѣнно хотѣлъ мнѣ подать рапортъ; Уѣздный Судья и прочіе Чиновники, узнавъ о пріѣздѣ гостя, силились также подать мнѣ Вѣдомости о дѣлахъ своихъ: у всякаго изъ нихъ выглядывала изъ кармана огромная тетрадь. Мнѣ много стоило труда упротить, чтобъ они меня отъ такого скучнаго чтенія избавили: я бы охотиѣ согласился имъ цѣлый день читать Телемахиду, нежели утомить зрѣніе на этихъ гражданскихъ стопкахъ мелкаго и обыкновенно сквернаго письма, что зовутъ Приказные люди Вѣдомостями. Господинъ Судья помолчалъ минуту, и опять за тетради, а я опять ихъ упрашивать: «Пожалуйте, положите въ карманъ и отнесите домой; мнѣ этого не удобно.»—«Да хоть взгляните!»—«Я лучше на васъ посмотрю.» О, какая убійственная почестъ! Насилу они разошлись, и нашъ усатый Маіоръ подалъ рюмку водки, потомъ сѣли за столъ, сѣли что Богъ въ степи послалъ, и поскакали.

Продолжая путь, наѣхали на Русскую колонію. 500 душъ казенныхъ крестьянъ, бѣдные землей, переходили изъ Обоянской округи селиться за Орликъ; тамъ имъ нарѣзали по 16 десятинъ на душу, и они съ своими пенатами, съ семьями и домашнимъ скотомъ, бѣгутъ искать новаго отечества. Чего нужда не производитъ! Голодъ все дѣлаетъ несноснымъ, и Аравія, которая кормитъ, лучше покажется богатой Индіею, если ни кто не дасть въ ней пищи. Хлѣбъ—сокровище и животъ поселенина: отступишься для него и отъ родимаго гнѣзда. Я долго занялся этѣмъ подвижнымъ селеніемъ. Крестьяне не тужатъ, спѣшатъ быть на новомъ мѣстѣ, распахать землю, и вѣрить ей обильныя сѣмена свои.

Въ дорогѣ на одномъ часу и плачень и смѣсь: все зависить отъ внѣшнихъ предметовъ. Очень позабавилъ насъ Іерей въ селеніи, по имени Оджимъ. * Не доѣзжая Елисаветграда за почту, мы остановились тутъ мѣнять лошадей. Подходить къ намъ батюшка, Малороссъ дородный и по виду добродушный, зоветъ насъ убѣдительно къ себѣ въ домъ пополаичать; мы отговариваться: ни что не помогаетъ. «Ну, пойдемъ!» сказалъ я женѣ; «такъ и быть: что за полдникъ?» Дорогой онъ безпрестанно болталъ намъ о своихъ подвигахъ. Если вѣрить его рассказамъ, онъ былъ въ арміи у Михельсона, ходилъ при немъ со крестомъ на приступъ Измаила, не боится ни какого огня: острѣленъ, какъ старая пушка; словомъ, я зачиналъ обольщаться его простотою и думалъ подъ сѣнью сего Пресвитера найти Авраамово угощеніе. Село Государево; комната у Священника изрядная. Онъ намъ поставилъ хорошую яичницу, которая была бы лучше, если бы, для позыва на питье, не высыпалъ въ нее владыко всей своей перешницы; потомъ, выпивши кувшинъ свѣжаго яблочнаго квасу, оставалось сказать ему спасибо, и вспомнить его вездѣ съ признательностію. Но окаянный рабъ Божій изволилъ такіа тонкіа сѣти намъ поставить для того, чтобъ насъ обобрать; и когда мы сбирались садиться въ повозки, онъ записалъ, подъ видомъ благочестія, имена каждого изъ насъ, для воспоминанія ихъ предъ престоломъ Господнимъ, а между тѣмъ противъ каждого имени писалъ опредѣлительную цѣну и требовалъ съ насъ денегъ: съ кого 5, съ кого 10 руб. Такое нахальство меня взбѣсило; я кинулъ ему синенькую бумажку, и бѣжалъ, не оглядываясь. Лицемеріе и корысть подъ благовиднымъ предлогомъ во всякомъ чловѣкѣ отвратительны, а въ Попѣ что можетъ быть гнуснѣе хитрости и обмана? Послѣ, рассказывая многимъ тамошнимъ этотъ случай, я слышалъ, что онъ всѣхъ пробѣжкихъ точно такъ забавляетъ, и многіе, кои повторяли здѣшній путь, уже не останавливаются на этой станціи, или стараются всячески отъ него укрыться. Вотъ сирена новаго рода!

* То есть, Аджимка, Большая Аджимка, Пикиерная, въ 44 в. отъ Александріи, при прудахъ, съ 2 церквами, около 900 дворовъ, и проч. О. Б.

ГЛАВА XXIV.

Елисаветградъ.

Поздно и темно было, какъ мы пріѣхали въ городъ. Намъ отвели хорошую квартиру у зажиточнаго купца: одна комната довольно большая и вся росписана; пестрота ужасная! Живописецъ не щадилъ красокъ; а труда марать такъ, какъ онъ маралъ, немного. Хозяинъ привѣтливъ, потчивалъ насъ вишнями своего сада. Но передъ нами ли ими хвастать? Натура всякому краю дала его преимущества. Хотите ли ѣсть славныя вишни? Поѣзжайте во Владиміръ: тамъ вы сорвете лучшія, а въ Елисаветѣ пусть потчиваютъ арбузами, шелковицею. Здѣшній край славится быть плодовитымъ, по тому что приближенъ къ полуночи; эго и правда; но не надобно вдаваться въ крайность. Что даѣе повезу за собой читателя, то чаще ему это повторять стану. Мы ни въ чемъ не находимъ середины: или все, или ни чего. И здѣсь также, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, всѣмъ пользуется богачъ: у него и арбузы, и виноградъ, и шелкъ, но не у всякаго. Натура не даромъ расточаетъ свои сокровища: потребны къ наслажденію имъ и земля, и труды, и средства; мало посѣять, надобно воспитать растеніе; погода не всегда благоприятствуетъ. Когда нѣтъ дождя—богатый польетъ; когда наводненіе, богачъ выпуститъ воду въ каналъ, а бѣдному гдѣ все это взять, и кѣмъ и какъ сдѣлать? И такъ не заблуждайтесь! Рядовой здѣшній обыватель не подастъ вамъ ни огурца, ни ягодъ, по тому что у него самаго ни чего нѣтъ, ни крынки молока, ни куска бѣлаго хлѣба.

Здѣсь живетъ знатный какой-то Молдаванъ, котораго всѣ зовутъ Графомъ Филипеско; многіе даютъ ему титулъ Господаря. Я ни чего объ немъ не знаю, какъ то, что война съ Турками выбросила на наши берега этого крупнаго осетра. Онъ находится здѣсь со всей своей семьей и домомъ, и видно много затащилъ съ собой дукатовъ, по тому что они за все про все изъ широкихъ его рукавовъ, какъ соръ, валяются. Съ нимъ трое сы-

новей, большіе съ женами, и нѣсколько внуковъ; ему лѣтъ 60; жена его еще не совѣтъ старуха. При немъ вся его дворня, составляющая душъ 70. Все это мотаеъ до крайности: они другихъ денегъ не знаютъ, какъ червонныхъ. Лѣкаръ его одинъ стоитъ ему 100 червонныхъ въ мѣсяцъ; онъ разѣзжалъ со старшимъ сыномъ его, который былъ болѣнъ, по окрестностямъ Елисаветы, а меньшій самый, лѣтъ 20, молодой человѣкъ, въ ту самую минуту, какъ я пріѣхалъ въ городъ, былъ у меня съ визитомъ и отъ отца своего изъяснялъ Молдаванскіе комплименты. Такъ точно какаду, привезенный изъ Индіи въ клѣткѣ, кланяется сквозъ желѣзную рѣшетку и хохломъ машетъ предъ всѣми.

При этомъ семействѣ приставленъ Россійскій Офицеръ, съ вѣдомъ и согласіемъ котораго, я назавтра пошелъ поблагодарить Филипеско за его учтивость. Онъ принялъ меня на крыльцѣ. Сѣдая борода его и длинное Азіатское платье даютъ ему видъ весьма важный. Глаза его горятъ, и если по нимъ судить о душѣ и разумѣ, то безъ ошибки заключать можно, что онъ небезопасный человѣкъ въ критическихъ обстоятельствахъ. Домъ у него лучшій въ городѣ, но крайне тѣсенъ и малъ, весь состоитъ изъ 9 не комнатъ, а клѣтокъ; тутъ же принимаютъ, гдѣ и спятъ, а при всемъ томъ за эту квартиру платятъ они по 250 руб. въ мѣсяцъ: по ихъ деньгамъ все это пылъ! Я у нихъ долго сидѣлъ и разговаривалъ съ ними черезъ переводчика. Сноха его старшая, женщина уже немолодая, но весьма образованная, говорила со мною очень чисто и по Русски и по Французски, и передавала свекру мои рѣчи по Гречески. Выговоръ у нея на всѣхъ языкахъ сладокъ и пріятенъ. Въ устахъ женщины, которая всѣ краски большаго свѣта получила въ свое воспитаніе, слышать Греческое нарѣчіе и ново и странно было для моихъ ушей. Я не знаю, какой она породы, но жила долго въ Россіи, была въ чужихъ краяхъ, вышла за Молдавана, и тамъ поселясь, дѣлать съ семействомъ мужа своего судьбу его. Они вообще тужатъ о родинѣ своей въ Бухарестѣ, не скидаютъ Молдаванскаго платья, и сыновья его вдвое прекраснѣе отъ того кажутся. Старики по вечерамъ для забавы играютъ въ карты, мечутъ grande patience. Что больше и дѣлать, потерявши свободу и родину? Старикъ, кажется, былъ очень утѣшенъ моимъ посѣщеніемъ и проводилъ

меня до моихъ дрожекъ; а можетъ быть, такая вѣжливость происходила и отъ неволи: она дѣлаетъ очень учтивымъ cadaго.

Я ходилъ смотрѣть Раскольничью церковь: она еще не освящена; строеніе каменное и со вкусомъ снаружи; внутри подобіе нашего храма, но Староста, который меня водилъ, называлъ ее часовней, по тому что въ ней не совершается обѣдни; да и антимина нѣтъ. Престолъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ; на немъ Евангеліе рукописное подъ титлами на пергаментѣ; нѣкоторыя слова различны съ нашими. Ни Царскихъ, ни Сѣверныхъ дверей еще нѣтъ, а въ отверстіяхъ, для нихъ прорубленныхъ, завѣсы. Служба отправляется по старымъ книгамъ. Иконостасъ не что иное, какъ стѣна, обитая бумажками, и на полкахъ въ три ряда разставлены разныя стариннаго письма иконы.

Близъ города старая обвалившаяся земляная крѣпостца, не заслуживающая примѣчанія: она нѣсколько видна съ большой дороги. При выѣздѣ изъ города каменный выстроенъ острогъ съ желѣзными верями и заклепами. Архитектура наружная очень хороша, естли, говоря о тюрьмѣ, можно назвать что ни будь хорошимъ: каково-то въ ней!

Одинъ обыватель здѣшній разводитъ тутовые деревья. Я къ нему ходилъ; онъ мнѣ съ подробностью весьма снисходительною показывалъ все производство шелковичнаго растенія. На одномъ листѣ до милліона яицъ оставляютъ бабочки. Ни чего нельзя видѣть любопытнѣе соединенія червячковъ: они поѣдаютъ листъ и обвиваются шелкомъ. Въ этой овальной желтой паутинѣ они ждутъ минуты, которую натура имъ назначила выйти оттуда съ крыльями и быть бабочками. Безъ всякихъ дальнихъ вымысловъ нѣкоторое число этихъ, такъ называемыхъ, куколъ повѣсятъ на шнуркѣ, какъ баранки, на стѣну; солнце ихъ обогрѣетъ; они продерутъ скорлупу свою и выдутъ наружу. Ихъ возьмутъ, положатъ на листѣ, и новый родъ ихъ опять начнется, а прочихъ всѣхъ заморятъ въ этомъ чахлѣ и станутъ изъ него вить шелкъ. Сколько трудовъ натурѣ и человѣку для того, чтобъ модницамъ нашимъ было во что обуться и одѣться! Тутовое дерево само собою ни чего не значитъ; ягоды его очень приторны. Меня чрезвычайно заняли червячки, и я долго не могъ съ ними растаться.

Городъ, впрочемъ, ни чего очень любопытнаго не содержитъ, и хорошимъ его назвать нельзя; довольно, что онъ носитъ громкое имя, чтобъ долго жить со славою въ лѣтописяхъ нашихъ.

Прекрасно жить въ Елисаветѣ:
Тутъ черви намъ шелки дарятъ;
Такихъ арбузовъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Какъ здѣсь, я слышалъ, не бѣдятъ.
Подъ властью быть Елисаветы
Прекраснѣй было во сто кратъ,
Когда ея благи совѣты
Творили счастье здѣшнихъ чадъ.
О градъ, Царицѣ соименный!
Хоть многихъ меньше ты градовъ:
По званью будешь, незабвенный
Въ сердцахъ Россійскихъ всѣхъ сыновъ!

ГЛАВА XXV.

Николаевская степь. Громоклѣя.

Въ Елисаветѣ пробыли только утро и отобѣдали. Оставя за собой берега Ингульскіе, орошаемые самой нечистой водой, и старую границу, по тому что все далѣе Елисаветграда покорено Екатериной, мы вѣхали въ Николаевскую ужасную степь. Полѣвка назадъ мы бы думали, что ѣдемъ въ чужіе края и на заставахъ стали бы у насъ спрашивать дипломатическихъ паспортовъ. Время все превращаетъ: наша подорожная почти до Царьграда намъ также хорошо нынѣ служила, какъ бы отъ Петербурга до Москвы, и мы по указу предубѣжденія въ чужой сторонѣ почитали себя дома.

Отѣхавши верстѣ 40, мы мѣняли лошадей въ селеніи небольшомъ, разбросанномъ по рѣчкѣ Судаклѣй, * которая дала

* Сутоклѣй. О. Б.

ему свое имя. Отсюда стали мы примѣчать большіе камни, бѣлые и дикіе, обросшіе мхомъ и неподвижно тутъ натурой утвержденные; изъ самыхъ мелкихъ строятся низенькія горенки. Природа, кажется, не безъ умысла поставила у источниковъ морскихъ разныя особенныя вывѣски, и ими оградаила собраніе водъ для того, чтобъ всѣхъ животныхъ, населяющихъ твердую землю, остеречь, предваривъ ихъ, что они приближаются не къ своей стихіи. Но нѣтъ! человекъ преградъ не знаетъ; да не отъ того, если, сославшись на стараго и иностраннаго писателя, смѣю и я сказать, чтобъ онъ былъ всего земнороднаго острѣе, а по тому, что онъ всѣхъ испорченнѣе и ни чѣмъ во вѣки не доволенъ. Дай на небѣ престолъ—и тамъ не умѣстится.

По всей дорогѣ до Николаева, которая составляетъ 140 верстъ, вы ни чего не видите, кромѣ дикой степи, ни какого растенія: одинъ ковыль, какъ волна вѣется по землѣ. Жаръ и зной падить ужасный: здѣсь тепла нѣтъ: или духота, или такой холодъ подъ вечеръ и предъ утренней зарей, что шубы просимъ; переходъ изъ воздуха въ другой быстръ и опасенъ для неосторожныхъ. Однако, чего нужда не дѣлаетъ? И тутъ селятся; мы нашли семей со 100, выѣхавшихъ на одну отведенную имъ равнину, съ семьями, скотомъ и всей своей пажитью. О бѣдные! Пожалѣлъ я объ нихъ и проскакалъ. А можетъ быть они и счастливыи здѣсь будутъ: желаю, всѣмъ сердцемъ желаю!

Проѣхавъ третью часть степи, пора была помышлять о ночлегѣ. Остановились мы въ селеніи Громоклея: * названіе громкое, а жилища ни какого. Тутъ поселено 44 выходца, кои именуются Молдаванскими Дворянами; владѣютъ 6-ю тысячами десятинъ земли, по тому что нѣкогда здѣсь ею не дорожили, а отдавали всякому, кто бы ни захотѣлъ; не платятъ ни какой подати, кромѣ поземельныхъ денегъ; скота имѣютъ пропасть; дровъ ни полѣна, топятъ кизикомъ, котораго навалены у нихъ стопы, какъ у насъ скирды съ хлѣбомъ: для насъ подъ чайникъ

* При рѣчкѣ Громоклей Елисаветградскаго Уѣзда, въ 16 в. отъ города, съ 126 дворами и станціей; иначе Китросаново, Николаево, Дворянское. О. Б.

сожгли изломанное колесо телѣжное. Противъ нашего огня разложенъ былъ такой же у Хохловъ: они перевозили дубовый лѣсъ на корабли въ Николаевъ; его рубятъ въ, такъ называемомъ, Черномъ лѣсу, 90 верстъ отъ Николаева. На ночлегъ отвѣчалъ прекрасно мнѣ одинъ молодой тутошній мужикъ. Спросилъ я его: «Есть ли у васъ дѣвки въ селеніи?»—«Куда же имъ переводиться? Вѣдь ихъ въ солдаты не берутъ.»

Отвели намъ избу, въ которой, по увѣренію почтара, Военный Губернаторъ останавливается, но нечистота и гадъ насть изъ нея скоро выжили. Мы предпочли поужинать на дворѣ: прекрасная зала, когда вечеръ такъ хорошъ, какъ былъ тогда! Вспомнили Курскую ярмарку, и легли спать въ каретѣ. Безпокойныя мечты тутъ меня замучили; сонъ бѣжалъ отъ очей моихъ; утренняя заря еще не занималась и одинъ полный мѣсяцъ сквозь темный завѣсъ ночи посылалъ лучи свои на землю: но что сіи блѣдные лучи озаряли? Увы! не излучины Англинскаго сада, не тихой ручеекъ въ долинахъ сладострастныхъ, не боскетъ, гдѣ любовь ищетъ любви и умираетъ въ восторгахъ. О! нѣтъ, мѣсяцъ освѣщалъ степь дикую и пространную, горизонтъ пустоты безконечной: небо и сухая земля! Сѣдой ковыль, по-вѣваемый зефиромъ, покрываетъ всю степь и уподобляется океану: тотъ же ужасъ въ чувствахъ, что и на водѣ. Я испыталъ всю его дрожь, валяясь въ каретѣ; мало этой картины, чтобъ выразить вамъ тогдашнее мое положеніе. Всѣ около меня уже спали: люди, утомясь отъ жара, храпѣли на сырой землѣ; одна бѣдная жена моя дѣлила мою тоску и унылыя доуки. Въ воздухѣ раздавался лай псовъ или, лучше сказать, вой сей неусыпной стражи пустынныхъ жителей: въ одной избѣ замолкнуть, завоютъ въ другой. Лѣнивый волъ, освобожденный на ночь отъ ярма, подошелъ къ нашей каретѣ и, потершись около кузова, рогомъ стучалъ въ стекло, противъ котораго я и спалъ; естли не крѣпкаго сна, по крайней мѣрѣ сладостей дремоты, ни что ея не привлекало; духъ и умъ мой съ удивительнымъ напряженіемъ силъ бодрствовали, какъ бы для того, чтобъ разительнѣе чувствовалъ я бѣдствіе тѣхъ, кои не по прихотямъ, но изъ нужды, странствуютъ по морямъ и за морями.

Вотъ какъ мы провели кратчайшую лѣтнюю ночь Юля 3 числа на степи подъ Николаевомъ. Никогда, никогда Громоклей я не забуду. Вы, которые такъ восхищаетесь луной и ея свѣтомъ, любите читать страшныя повѣсти Г-жи Радклифъ! Хотите ли познать ужасы мѣсячной ночи? Испытайте то же, что я: велите привезти себя туда, отпречь вашу карету, лягте въ ней соснуть, и повѣрьте, что нѣтъ ни чего тошнѣе, какъ удареніе мѣсячныхъ лучей, когда все, насъ окружающее, пусто, уныло и безплодно! О! какъ мѣсяцъ тогда противенъ! Сколько тысячъ разъ взглянулъ я въ самую среднюю его точку и—проклиналъ эту, столь очаровательную въ молодости моей, планету!

Лишь только стало разсвѣтать, я выскочилъ изъ кареты, накинулъ куртку и легъ, какъ отчаянный, на голой землѣ. Эта натуральная постель лучше меня успокоила: я часа два забылся, уснулъ. Потомъ спросилъ лошадей; жена напилась чаю, и въ 4 часа утра уже мы считали новыя версты.

ГЛАВА XXVI.

Пріѣздъ въ Николаевъ.

Отъ ночлега нашего въ сторонѣ, не въ дальнемъ разстояніи, селеніе, принадлежащее какому-то Пот... Тужилъ я, да поздно, что мы не знали объ немъ: чайтельно, тутъ мы бы ночевали лучше.

На дорогѣ нѣтъ ни чего завиднаго: мѣста каменистыя и часто горы, но не страшныя. На возвратномъ пути, будучи уже въ той сторонѣ знакомѣе, мы находили и тамъ убѣжище, гдѣ нынѣ просто скакали мимо безъ примѣчанія; такъ, на примѣръ, мы нашли чему подивиться въ деревнѣ одной госпожи Лореновой, у которой маленькая мыза при пути, близехонько отъ почтовой смѣны.

Вскорѣ за ней полюбилось мнѣ на всей этой степи одно только положеніе мѣста. При небольшомъ источникѣ построена

каменная низенькая церковь и обсажена ветлами. Здѣсь и это дерево въ диковинку: ни какого нѣтъ! Взглянувъ на церковь, вспомнилъ я, что это былъ воскресный день и съ умиленіемъ вздохнулъ. Кто что ни говори, чувствительность человѣческая есть та гибкая доска въ нашемъ составѣ, на которой врѣзываются всѣ впечатлѣнія ума и сердца. Законъ и богослуженіе есть дѣйствія общества. Натуральный, нами съ восторгомъ выхваляемый, человѣкъ не знаетъ ни буднихъ, ни праздниковъ; въ степи Вторникъ и Воскресенье все равно. Онъ работаетъ, прѣдетъ, въ потѣ лица ѣстъ хлѣбъ свой, не видитъ ни чего выше неба; словомъ, онъ живой образецъ Адама, изгнаннаго изъ рая и осужденнаго на рабство, безконечной трудъ и смерть. Восхищайтесь такимъ бытіемъ, господа энтузіасты!

Обѣдали мы въ сараѣ, принадлежащемъ къ помѣстью одного Лѣкаря, и по тому станція, тутъ расположенная, называется Лѣкарева: * она въ 47 верстахъ отъ Николаева. Я въ ней отдохнулъ часа три и доправилъ недоимку съ Морфея, который въ прошедшей ночи не весь суточный доходъ мой мнѣ выплатилъ. Мужикъ тутошній сказывалъ намъ, что ихъ 90 душъ, и 4 помѣщика ими управляютъ, они жъ и не въ раздѣлѣ. Весело, думаю, жить и тѣмъ и другимъ!

На послѣдней почтовой смѣнѣ Кандыбинѣ ** нашелъ я чистый самый и прозрачный ключъ воды, хрусталь не свѣтлѣе: онъ бьетъ изъ пригорка, въ которомъ, подобно искусственному гроту, натура дала глубокую впадину. Родникъ обнесенъ низкой оградой изъ тутошняго камня и представляетъ прохладную ванну. Верхній холмъ отъѣняетъ ее отъ зноя; отъ него проведенъ жолобъ, гдѣ, пасущіе овецъ и коней, обыватели напояютъ свой домашній скотъ. Какое романическое мѣсто! Я оросился этой благотворной водой, стоя подъ жолобомъ, и съ удовольствіемъ ея напился. Если бъ этотъ клочекъ земли съ водою вырѣзать

* Иначе Вейландова, при колодцѣ, въ 109 в. отъ своего Уѣзнаго города (Херсона), съ 29 л. О. Б.

** Кандыбинъ хуторъ, при ключѣ, въ 86 в. отъ Херсона. О. Б.

и отнести къ богатому барину въ Москву, который его бы убралъ, обогатилъ, отдѣлалъ, то то бы вышла заманчивая прогулка, сокровище! Но здѣсь натура одной постоянной цѣли своей искала—пользы. Она разсыпаетъ дары свои обильно, гдѣ не чають: тамъ даетъ тополи и винограды, здѣсь гонитъ быстрый токъ воды, чтобъ дать прохладу утомленному пѣшеходу и освѣжить жаркую морду отягченного вола. Вотъ весь ея предметъ!

Натуру я осмѣлюсь уподобить здоровой и прекрасной женщинѣ, которая еще не одѣлась; а роскошь есть ея туалетъ, ея убранство, пособіемъ котораго получаетъ она сіяніе. Можно ли оспаривать истину, которую, кажется, сами чувства наши безпрестано исповѣдуютъ, что натура, сколь ни хороша въ своихъ твореніяхъ, но предметы, въ коихъ она на насъ дѣйствуетъ, удваиваютъ ея прелести? Изъяснимся: солнце, луна, сіи два превосходныя свѣтила, нигдѣ не теряютъ своего достоинства и славы; но сравните ихъ въ отношеніи къ тѣламъ поднебеснымъ, на коихъ лучи ихъ отражаются, тѣ же свѣтила не вездѣ плѣняютъ васъ, не вездѣ на чувства ваши подѣйствуютъ одинаково. Солнечный лучъ, проникшій въ вашъ уединенный кабинетъ чрезъ отверстие окна, въ которое, вмѣстѣ съ нимъ, входитъ къ вамъ лѣтній вѣтерокъ сквозь тонкой раскрашенной сторѣ, что мы прозрачїемъ называемъ, этотъ лучъ не стократъ ли прїятнѣе для васъ яркаго огня, подъ которымъ печется несчастный Хохоль среди Николаевскихъ степей? Недавно и луна въ ужасъ приводила меня, отражаясь на земляхъ безплодныхъ; та же планета въ живописномъ боскетѣ, или въ липовой аллеѣ, ударяя въ чистый фонтанъ и обдѣлывая гранью пущенный изъ него столбъ воды, та же луна въ восторгъ васъ приводитъ, и вы съ возлюбленной возносите ее на лирѣ. Осмѣлимся взять въ примѣръ огонь вещественный, земной: внесемте свѣчи въ богатую комнату: какъ все покажется прекрасно! Внесите въ избу, гдѣ ползаетъ тараканъ, шумитъ сверчокъ, пролита крынка на лавкѣ, и вы изъ нея побѣжите: огонь, однако, и тамъ и тутъ одинъ и тотъ же. Ахъ! признаемся, что роскошь есть лакъ природы.

Кто не бывалъ, какъ я, нигдѣ, кромѣ Москвы и Петербурга, или городовъ вообще, тотъ послѣ такой продолжительной степной

дороги, увидѣвши Бугъ и городъ на немъ, закричитъ: «Слава Богу! Есть еще для меня и жизнь и люди!» Такъ чувствовалъ я, прїѣхавши въ Николаевъ. Еще было свѣтло. Бугъ меня обрадовалъ; сердце мое забилося; сколько идей различныхъ овладѣло мною! Мое намѣреніе, столь труднымъ въ началѣ казавшееся, почти исполнено: я приближаюсь къ Одессѣ; я ужъ въ Николаевѣ, тамъ, гдѣ не было ни чего, кромѣ продолженія степи; тамъ, гдѣ чудотворная рука Екатерины воздвигла новые грады, покорила новые себѣ языки. Здѣсь соединяется Ингуль съ Бугомъ. Первая рѣка нехороша, по тому что заплываетъ почти вся камышами; они, какъ стѣна, въ самой водѣ еще издали видны; а Бугъ мнѣ чрезвычайно показался. Протяженіе сей рѣки въ длину невелико: но какъ въ ней много воды! Какъ она индѣ широка, горда, рьяна! Я буду имѣть случай объ ней часто говорить.

Теперь скажемъ только, что мы, по прїѣздѣ въ городъ, не знали долго, куда пристать. Общаны были съ нами письма изъ Кременчуга къ конторщику Г. Перетца, который здѣсь важныя торги имѣетъ лѣсомъ и хлѣбомъ, но мы уѣхали безъ нихъ и, какъ иногда случай гораздо лучше догадки, то мы нечаянно подѣхавъ къ Провіантской Г-на Перетца конторѣ, нашли вѣжливаго прикащика, который, по ссылкѣ нашей на извѣстныхъ ему въ Кременчугѣ людей, на обѣщанныя письма, рѣшилъ насъ принять и отвести намъ всю свою прекрасную квартиру. Домъ каменный, стѣны росписныя, мебель пристойная, комнаты не большія, да чистыя; а для насъ тогда и хорошая изба показалась бы дворцомъ: усталому вездѣ тамъ рай, гдѣ онъ отдохнуть можетъ. И такъ мы разсудили, оглядѣвъ всѣ прелести нашего жилья, остановиться тутъ дни на три.

ГЛАВА XXVII.

Николаевъ.

Зачнемъ съ хозяина, Г. К., который управляетъ дѣлами Провіантскими по довѣренности Перетца, доставилъ намъ всѣ тѣ удовольствія, какихъ только въ незнакомомъ краю ожидать

можно. Я не назову этого простымъ гостепріимствомъ; нѣтъ, тутъ было добротство, ласка, желаніе угодить, и оно тѣмъ чувствительнѣе меня тронуло, что я ни чѣмъ его не заслужилъ. Мы имѣли чай, кофе, когда хотѣли, хорошую баню, всякой день столъ готовый, за который Г. К. съ самою тонкою вѣжливостію приглашалъ тѣхъ изъ посѣтителей нашихъ, коихъ замѣчалъ онъ, что бесѣда насть занимаетъ особливо. Гдѣ жъ искать причины такой разборчивости въ уваженіяхъ? Г. К. мнѣ не былъ ни другъ, ни родня. Сколько родныхъ на свѣтѣ, которые охотно кинутъ бѣдному родственнику пять сотъ, тысячу, рублей, для того, что они привыкли сорить деньгами и что для нихъ все равно, какъ и куда ихъ употребить, лишь бы доходы ихъ были расточены пышнымъ образомъ; и какъ мало такихъ ближнихъ, кои бы показали вниманіе безденежное, но стакратъ драгоцѣннѣе золота самаго! Г. К., угостивъ насть на чужой сторонѣ, какъ родной, безъ всякихъ видовъ корысти, пріобрѣлъ вѣчное право на мою признательность.

Городъ новъ, выросъ, такъ сказать, изъ земли, но видно, по многимъ примѣтамъ, что онъ назначался быть огромнымъ по здѣшней сторонѣ. Обывательскихъ домовъ довольно, казармъ и слободъ также; улицы широки и правильны, но не мощены; ибо грунтъ песчанъ. Каменные лавки отличаются менѣе своей красотой, чѣмъ своей дороговизной въ товарахъ; все можно достать, но за высокую цѣну. Я купилъ здѣсь сукна, для того только, чтобъ носить Николаевской фракъ. Вотъ первая вывѣска моего пристрастія къ этому городу!

Городомъ управляетъ Военный Губернаторъ. Мѣсто его занималъ въ то время Г. Я., морской немолодой Генералъ и страждущій глазами болѣзнями; онъ ведетъ жизнь самую уединенную; ни кого не принимаетъ безъ дѣла, самъ не бываетъ ни въ какихъ собраніяхъ. Домъ, гдѣ онъ живетъ, великъ и хорошо убранъ; въ немъ предмѣстникъ его, Г. Маркизь де Траверсе, частые давалъ пиры и былъ чрезвычайно любимъ въ городѣ. Никто не произноситъ его имени въ Николаевѣ безъ похвалъ, и похвалъ самыхъ искреннихъ. Не станемъ полагаться на тѣ, коими украшаютъ память его морскіе Чиновники; по главному начальству

его надъ ихъ службой, они могутъ и нынѣ, изъ одной осторожности и политики, объ немъ отзываться выгодно; но Священникъ, приказный, ремесленникъ, торгаши всякаго состоянія и возраста, люди, всѣ его превозносятъ, и естьли можно чему ни будь поревновать въ такомъ мірѣ, гдѣ все гибнетъ, такъ, конечно, позавидовать простительно славѣ, которую Г. де Траверсе по себѣ оставилъ въ Николаевѣ. Онъ никогда не скрывался отъ людей; онъ искалъ ихъ, дѣлалъ для нихъ забавы, сосредоточивалъ ихъ всѣхъ у себя, и былъ обожаемъ. Нелюдимъ можетъ быть достоинъ и почтенъ, но любезенъ никогда. Чтобы быть любиму, надобно любить, или видъ благосклонности показывать; а кто бѣгаетъ отъ людей, тотъ милъ имъ никогда не будетъ.

Здѣсь разныя части управленія. Адмиралтейство учреждено въ большомъ каменномъ и прекрасномъ домѣ съ флигелями, колоннами и галереями; противъ него большая площадь; видъ строенія отвѣтствуетъ колоссальнымъ намѣреніямъ того, который кипулъ первыя основанія Николаева: извѣстно, что его заложилъ Потемкинъ. Я со многими Чиновниками морскими ознакомился. Нигдѣ нѣтъ такой пріятливости, какъ въ этой службѣ. Вода сближаетъ всѣ народы, и морскіе Офицеры хоть кажутся дики въ обществѣ, но можно смѣло ручаться, что нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы не былъ пріятно и полезно образованъ самъ собою и собственнымъ своимъ навывкомъ, а это средство прочнѣе всѣхъ Академическихъ. Г. Леонтовичъ, первый Чиновникъ здѣсь подъ Адмираломъ; онъ женатъ на дочери де Траверсе, воспитанной въ Смольномъ Монастырѣ; онъ неоднократно посѣтилъ меня, обласкалъ и самъ охотно возилъ меня по всѣмъ здѣшнимъ заведеніямъ. Ихъ много, и Николаевъ большое мѣсто займетъ въ нашемъ путешествіи.

Соборъ каменный строенъ при Потемкинѣ и его иждивеніемъ, во имя его патрона, Григорія Армянина, которому празднуется 30-го Сентября. Говорятъ, что онъ хотѣлъ дать изображенію его видъ Азіятской, и для того списалъ съ одного Турка лицо, которое въ одеждѣ Священномученика поставлено въ иконостасъ: не знаю, правда ли, но отъ него станется: онъ рожденъ былъ для всего необыкновеннаго. Соборъ ни живописью, ни красотой убран-

ства не щеголяетъ; лишь одной огромностью своей важень. При немъ Протопопъ изъ Малороссіянъ, по прозванію Савурской, пожилой Священникъ, лѣтъ близъ 70, но веселый въ обращеніи и словоохотный: онъ раздѣлялъ со мной большую часть моего времени, много видѣлъ, слышалъ и съ догадкой вѣкъ свой прожилъ. Князь его выписалъ сюда подъ кровъ чистаго неба, поставилъ ему камышевый храмъ; въ немъ онъ воскурилъ первое кадило предъ Богомъ: пора была помыслить о безкровной жертвѣ на такой землѣ, которая утучнена была толикими жертвами крови, не агнчей, но человѣческой; 20 лѣтъ слишкомъ онъ при семъ храмѣ и свидѣтелемъ былъ славы и гроба Потемкина, многія воспоминаетъ интересныя событія его жизни. Отецъ Ефимій пристрастился къ Николаеву и тужить о томъ, что Одесса похитила его добычи; такъ точно и Николаевъ вселилъ въ забвеніе Херсонъ. Что вѣчно въ мірѣ? Соборъ обнесетъ оградой; внутри ея близъ стѣнъ церковныхъ воздвигнуть памятникъ изъ бѣлаго камня, надъ известнымъ и громкимъ, въ свое время Фалеевымъ, который приводилъ все здѣсь въ движеніе, по мановенію Князя Таврическаго. Подлинно, можно время образованія сего края уподобить эпохѣ сотворенія міра, когда Всесильный рекъ—и быша, повелѣ—и создашася! Сверхъ этого собора городъ имѣетъ застроенную церковь и Раскольничій храмъ; въ новыхъ населеніяхъ ихъ охотно терпятъ: гдѣ не было вовсе престола, тамъ и кумиръ поставить можно. Новые люди, пришедъ на землю нову, и тому поклонятся. Чего здѣсь не построили, не развели, не посадили, чтобъ послѣ бросить и показать образчики начатаго, но несовершеннаго, великолѣпія!

ГЛАВА XXVIII.

Верфь. Депо. Штурманская школа.

Главный предметъ вниманія въ Николаевѣ есть корабельная верфь. Здѣсь заложены и строились при насъ одинъ 70-ти пушечный корабль, фрегатъ и канонирское судно. Лѣтъ дубовый ставить Перетцъ по подряду съ Казной, цѣною за 40 копѣекъ пудъ

его на корабль идетъ до 300 тысячъ; онъ въ отдѣлкѣ становится въ миллионъ. Какая куча денегъ! какая громада въ строеніи! а на морѣ—игрушка, и волна его кидаетъ изъ стороны въ сторону. На берегу корабль ничто страшное, по величинѣ своей и составу. Я сходилъ внутрь до самаго киля, видѣлъ первоначальныя основанія его и могучія ребра этого колосса: 500 работниковъ возятся около его круглый годъ съ топорами. Мачта каждая стоитъ до 2 тысячъ рублей; мнѣ казали, какъ и ихъ дѣлаютъ. При Адмиралтействѣ заведены двѣ мастерскія палаты: одна для кузнечныхъ а другая для всякихъ мѣдныхъ, подѣлокъ.

Особое училище для морскихъ воспитанниковъ, подъ названіемъ Штурманской школы, небогато, но всего имѣетъ понемногу, и книгъ и инструментовъ на нужду довольно. Я не говорю о воздушной и электрической машинахъ: гдѣ жъ ихъ нѣтъ! Сюда выписанъ астрономическій кругъ, но онъ хуже Харьковскаго: тамъ всѣ планеты на одномъ дискѣ, и все движеніе небеснаго круга видно вдругъ; а здѣсь каждая изъ нихъ съ своими спутниками привинчивается для классическаго изъясненія. Большой портретъ Петра I въ залѣ изображаетъ его очень живо; предъ нимъ поставлена модель корабля, и онъ будто радуется на свое любимое ремесло. На дворѣ училища выставленъ средняго размѣра корабль, на которомъ дѣти приучаются теоріи мореплаванія и познаютъ систему паруснаго дѣйствія: куда ни обернешь, вездѣ мачта и канатъ.

Рѣдкостью осмѣлюсь назвать два камня нарочитой величины изъ чистаго бѣлаго мрамора. Объ нихъ словарь говоритъ, что они въ соборѣ; такъ прежде и было: одинъ лежалъ при церкви, другой въ алтарѣ; по времени оба они перенесены сюда и здѣсь хранятся. По надписи на одномъ изъ нихъ судя, онъ отломанъ отъ памятника, сооруженнаго Стратону: это очень явственно видно. На другой доскѣ надпись есть же, но она еще не переведена; ни кто донинѣ въ смыслъ ея не вразумится. Буквы изгладились и не такъ отличительны черты ея. Обѣ этѣ доски вырыты, какъ сказывали мнѣ, въ дачахъ Графа Безбородька, о коихъ буду писать, когда до нихъ дойду; а чтобъ не смѣшивать предметовъ, и чрезъ то не приводить читателей въ излишнее разсѣяніе, я продолжать стану

о Николаевѣ. Еще удивительнѣе двѣ машины, устроенныя при Адмиралтействѣ, выдумки какого-то механика, Англичанина Юнга. Одна, посредствомъ двухъ лошадей, приводитъ въ движеніе до 6 разныхъ станковъ, на коихъ одинъ мѣдъ сверлитъ, другой ее точитъ, и всѣ этѣ разнородныя работы по волѣ каждаго мастераваго могутъ, независимо одна отъ другой, прекращаться вдругъ. Этотъ механизмъ очень любопытенъ. Другой также не изъ самыхъ посредственныхъ изобрѣтеній. Двѣ лошади движеніемъ своимъ приводятъ въ дѣйствіе такія пружины, посредствомъ коихъ желтая краска, для кораблей очень нужная, растирается, просѣвается, отдѣляется отъ постороннихъ своихъ частей въ одно время вдругъ. Изобрѣтателя сихъ машинъ здѣсь уже нѣтъ: онъ взятъ въ другое мѣсто.

Бакаутное дерево, какъ извѣстно, выводится въ Россіи; Англичане изъ Америки къ намъ его не пускаютъ. Дерево плотное, крѣпкое, необходимое для судовъ. Потребность сію замѣнили мѣдью; но многіе морскіе думаютъ, что ржа, которой металлъ сей подверженъ, и собственная его мягкость, не равняютъ пользы его съ той, какая отъ бакаута получается; ибо сіе дерево легче гораздо металла; оно сдѣлалось чрезвычайно цѣнно. Въ особомъ большомъ сараѣ дѣлаются разной величины блоки.

Предполагали основать здѣсь Морской Корпусъ; но проектъ такой, полезный на краю Имперіи къ Черному морю, не состоялся по тому, что суммы, на то ассигнованныя, нечаянно остановлены. Для начала сего заведенія устроено, подъ названіемъ Адмиралтейскаго Депо, хранилище разныхъ орудій и книгъ, Библиотека, въ которой, между учебными сочиненіями, есть мѣсто и для Изящной Словесности; физическихъ и астрономическихъ инструментовъ довольно, и все въ наилучшемъ состояніи. Любятъ ли кто Естествословіе? Тутъ найдетъ собраніе изрядныхъ чучелъ. Примѣчательнѣе всѣхъ, по сходству съ живыми и искусству въ отдѣлкѣ, крокодилъ, черепаха и кабанъ. Охотникъ ли кто до Нумизматики? Найдеть изрядное количество медалей. Въ Депо есть большая книга, въ которую вписывается имя всякаго того, кто, при посѣщеніи кабинетовъ, положить въ нихъ что ни будь рѣдкое. И я былъ вкладчикомъ, присоединяя къ собранію раз-

ныхъ монетъ, золотого Наполеона въ 20 франковъ, котораго у нихъ еще не было. Пусть хоть по самой малости помнить меня тамъ, гдѣ я ни кого не забылъ и не забуду. Разныхъ судовъ морскихъ и построеній увидите вы тутъ хорошія модели. Сверхъ того въ особой залѣ приготовляются къ отдѣлкѣ 2 глобуса отличнаго роста, въ 9 футовъ вышины. Все это заводилъ, ободрялъ и поддерживалъ, Маркизъ де Траверсе. Нельзя не отдать ему большой чести, не смотря на завистниковъ его, естли и онъ гдѣ либо ихъ, какъ уже изъ травы, противъ себя выгналъ.

При взятіи Анапы найдены въ ней и присланы сюда двѣ доски мраморныя съ надписями Турецкими. Доски хранятся въ этомъ Депо; надписи переведены. Я остановился противъ нихъ, долго разсматривалъ и получилъ списокъ съ перевода, котораго вотъ содержаніе:

СУЛТАНЪ СЕЛИМЪ МУСТАФА АГА.

1. О Великій Боже!	1. Безъ твоего соизволенія, ни что не колеблется.
2. Султанъ Селимъ имѣетъ неограниченную власть.	2. Просить тебя, о Великій Боже, сохранить всѣ грады его во вѣки.
3. Печется о всѣхъ городахъ, ему подвластныхъ, строить и доканчиваетъ новый.	3. Дабы подданные его были всегда покойны.
4. И какъ всѣ города, во владѣніи находящіеся, въ продолженіи жизни его благополучны, то и оный да будетъ таковымъ во вѣки!	4. А враги его тому удивлялись бы.
5. Онъ соорудилъ теперь городъ Анапъ.	5. Жители онаго да будутъ благополучны.
6. Около его сдѣлалъ прекрасныя ворота.	6. И самыя величайшія исполны не могутъ разрушить оныхъ.
7. Поставилъ на берегу Чернаго моря.	7. Отъ лукаваго врага охранитъ Богомъ.
8. Да будетъ извѣстно каждому, что сія надпись сдѣлана въ память сооруженія города Анапа и въ вѣчное прославленіе Султана Селима.	8. Сочинитель ея есть одинъ изъ жителей города Анапа.

1. Во время царствованія Султана Селима.	1. Сохранителя и покровителя своихъ подданныхъ и законовъ Божіихъ.
2. Сооруженъ имъ сей городъ для его воиновъ.	2. Преодолевъ всѣ затрудненія.
3. Въ сооруженіи онаго помощникомъ былъ Богъ.	3. Ибо по соизволенію его и милости многіе люди покорены.
4. Мустафа Паша и Мустафа Ага.	4. Кон употребили великіе свои труды.
5. И въ знакъ памяти сдѣлана надпись.	5. На сихъ прекрасныхъ вратахъ прославленъ Ты, о великій Боже!
6. Сей камень положенъ 1796 года.	6. Сія надпись сдѣлана въ память построения города Анапы Султаномъ Селимомъ.

Переводъ съ Турецкаго языка на Россійскій надписи, высѣченной на мраморной меньшей плитѣ, доставленной изъ города Анапы.

ГЛАВА XXIX.

Кладбище Спасское.

Подъ городомъ отведено кладбище. Ефимій, о которомъ я уже далъ идею, любя это мѣсто и желая положить здѣсь свои кости, назвалъ его «Село Божіе:» подлинно его; ибо наполнено мертвецами. Тутъ выстроено прекрасный храмъ, расписанный аллегорическими картинами, занятыми въ Священномъ Писаніи; церковь во имя Всѣхъ Святыхъ; Ефимій ежедневно въ ней служитъ. Г. Тулубьевъ, воинъ, оказавшій на морѣ свою храбрость и лишившійся ноги, вспомоществуетъ своими избытками благолѣпію церкви. Я съ нимъ познакомился, и сей достойный человѣкъ удостоилъ меня своей пріязни. Ефимій меня возилъ сюда. При входѣ въ церковь удивленъ я былъ пѣвчими; человѣкъ до 20 въ синихъ одеждахъ съ палевымъ приборомъ, по Малороссійскому покрою, пропѣли концертъ: басы прекрасные, громъ ужасный, остатокъ старинной роскоши, которую вводилъ во вкусъ Потем-

кинъ. Хоръ принадлежитъ къ Адмиралтейству. Но все имѣть свое время; вельможа умеръ—и многія прелести здѣшняго края исчезли. Я съ любопытствомъ ходилъ по могиламъ. И здѣсь уже ихъ пропасть: смерть вездѣ дань беретъ съ человѣчества; но глаза мои не встрѣтили ни стихотворныхъ надписей, ни замысловатыхъ эмблемъ; какъ проста натура, такъ и надробныя: онѣ всѣ изъ дикаго камня, хуже, или лучше, обтесаннаго—готовая и обшая на каждомъ надписи. Со мной былъ одинъ знакомый, морской Офицеръ; онѣ имѣлъ несчастье потерять на дняхъ малолѣтняго брата лѣтъ 15-ти. Неосторожная молодость! Кунавшись, онѣ утонулъ и погребенъ тутъ. Проходя мимо его гроба, тронутый братъ кинулъ на прахъ его еще свѣжій дикую гвоздику и палъ на землю. Убийственно зрѣлище печали!

Хозяинъ нашъ, Ефимій, и я съ своими сотоварищами ѣздили смотрѣть недалеко отъ города прекрасный садъ, гдѣ по Воскресеньямъ вся публика гуляетъ. Здѣсь нѣкогда Потемкинъ жилъ самъ и давалъ роскошные праздники; отъ времени его осталась большая галерея и домъ, которые бы пришли уже въ совершенную ветхость, если бы не обиталъ въ ней по лѣтамъ Маркизь де Траверсе. Послѣ Князя поддерживалъ это мѣсто Мордвиновъ. При смѣнившемъ его садъ пострадалъ отъ небреженія. Маркизь, принявъ начальство, посадилъ всѣ деревья и сдѣлалъ его опять прекраснѣйшимъ для прогулки. Чего тутъ не дала натура? И свѣжіе родники, и кущи тѣнистыя, меланхолическіе овраги, глухія ущелія, все есть, чего воображеніе ищетъ. Мы долго тутъ гуляли, пили воду безподобную, обливались ею, словомъ, мы наслаждались богатствомъ здѣшняго климата. Я видѣлъ въ первый разъ тополь и раину, два дерева прекрасныя: первое имѣетъ сучья и крючкато иногда растетъ, а послѣднее вытягивается, какъ струна и удивительно чисто летитъ до вершины. Оба они, подобно ветлѣ, отъ палокъ безъ корней произрастаютъ и разводятся отъменно скоро, но не любятъ гористыхъ и слишкомъ высокихъ мѣстъ. Говорятъ, что этотъ садъ, или все мѣсто, названо Спасскимъ по тому, что Князь, живши въ Николаевѣ, катаясь по Бугу, противъ этого берега утонулъ было, но спасенъ; отсюда и имя дано мѣсту. Утверждаютъ даже, что, по особенному къ нему прилѣпленію Князю, предполагали здѣсь

поставить монастырь, подъ названіемъ Спасо-Николаевского, и что до построения его уже назначенъ былъ въ Архимандриты въ эту обитель, извѣстный по уму и дарованіямъ своимъ, Моисей Гумилевскій, что былъ послѣ Епископомъ въ Оеодосіи. * Но умеръ Князь, и замыслы его съ нимъ похоронились.

Въ Николаевъ загнали нѣсколько Турецкихъ Пашей: считаютъ ихъ до 4-хъ; иные плѣнные, другіе, измѣнивъ народу своему, перебѣжали къ намъ, и тутъ содержатся впредъ до расчета съ Портой. Они стоятъ Казнѣ до 4 тысячъ въ мѣсяць; вѣзять другъ къ другу въ каретахъ и на дрожкахъ, мотають и дурачатся. Добрый здѣшній Городничій, Г. Воз..... хорошій мой знакомой, весьма забавно шутить на ихъ счетъ.

Немало я смѣялся и тому, какъ узналъ, что изъ Триеста и разныхъ другихъ иностранныхъ мѣстъ той же области приходили сюда и прибѣжали на волахъ наши матросы. Матросъ въ походѣ пѣшкомъ, или верхомъ, словомъ, какъ бы то ни было, но не на морскомъ экипажѣ, есть самое смѣшное зрѣлище. Извѣстно ли, нѣтъ ли многимъ, да и я знаю по тому только, что здѣсь слышалъ, что нѣкоторые наши корабли военные были проданы Французамъ, разумѣется, безъ людей; слѣдовательно, люди, сняты бывъ съ морскихъ судовъ, отпущены въ Россію и кучками стали при насъ приходить въ Николаевъ. Многіе изъ нашихъ матросовъ, проживъ тамъ лѣтъ 9-ть, совершенные сдѣлались мастера говорить по Итальянски.

Всего Николаева описать въ одинъ разъ не возможно; останемся на томъ, что сказано уже, и поѣдемъ далѣе. Пробывъ здѣсь часть 3-го и 4-го весь день, выѣхали 5 Юля изъ Спасака саду прямо въ путь и простились съ добромъ нашимъ хозяи-

* Въ свѣтъ Михаилъ, р. во Владимирѣ, гдѣ былъ причетникомъ, потомъ обучался въ Московской Академіи, по выходѣ изъ коей былъ Учителемъ Еврейскаго и Греческаго языковъ, потомъ Поэзіи; монахъ, Учитель Риторикъ, проповѣдникъ и Игуменъ Знаменскаго монастыря, съ 1783. Учитель Философіи и Префектъ; въ началѣ 1788, по вызову Потемкина въ Молдавскую армію, Оберъ-Геро-монахъ ея, далѣе Архимандритъ, съ Юня 1791 г. Епископъ Оеодосійскій, Октября 5-го, 1792, убитый въ Крымѣ домашними.

номъ, Городничимъ, и благосклоннымъ Пресвитеромъ, но съ надеждою скоро опять видѣться на возвратномъ пути изъ Одессы. Можно бы взять и другой путь на Тирасполь въ Кіевъ, но насъ все такъ плѣнило здѣсь, что мы рѣшились опять сюда быть. Ефимій на берегу рѣки въ камилавкѣ, съ крестомъ и лентой на груди и закутанъ шалью, давалъ намъ свое благословеніе. Надлежало переѣхать Бугъ; для насъ готова была уже лупка: морской пріятель нашъ, Буд.... и хозяинъ дома, гдѣ мы стояли, сѣлъ въ нее прежде насъ; за ними и мы, перекрестясь, прыгнули съ пристани; матросы кинули веслы, и вотъ уже плывемъ на Бугѣ!

ГЛАВА XXX.

Имѣніе Графа Безбородька.

Въ бытность мою въ Полтавѣ Графъ Безбородько убѣдительно требовалъ отъ меня, чтобы я заѣхалъ въ его имѣніе недалеко отъ Николаева; и дабы я могъ видѣть все то, что въ немъ есть примѣчанія достойнаго, снабдилъ меня письмомъ къ своему прикащику. Село его Ильинское, * въ 30 верстахъ отсюда. Я поѣхалъ, отобѣдавши въ Николаевѣ и нагулявшись въ Спаскомъ. На Бугѣ ожидала насъ Адмиральская шлюпка. Пристань отменно хорошо сдѣлана; мостъ навѣденъ широкій и до глубины рѣки; по обѣ стороны разставлены фонари—знакъ вниманія къ проѣзжимъ. Небольшой вѣтерокъ колебалъ Бугъ, но онъ былъ попутный; подняли парусы и поплыли. Шлюпка шла на боку отъ естественныхъ причинъ и необходимыхъ; но жена моя въ первый разъ бывъ на водѣ, этого боялась, тѣмъ болѣе, что мы колыхались, какъ въ люлкѣ. Ефимій, стоя на пристани, не снималъ глазъ съ насъ, доколѣ мы у него изъ виду пропали. Г. Б. и хозяинъ нашъ, высадивъ насъ на берегъ, еще съ нами простились, и мы поскакали.

* По имени Графа Ильи Андреевича названное, собственно же Поруткино, при Бужскомъ лиманѣ, въ 128 верстахъ отъ Одессы, съ 100 дворовъ и церковью. О. Б.

Отъ Николаева та же простирается степь пустая и пространная. Бугъ то пропадаетъ, то опять показывается; въ отдаленности видъ его представляетъ море. Уже поздно было, какъ мы вышли изъ города; сумерки застали насъ на пути. Я сидѣлъ съ женой въ коляскѣ. Мѣсяцъ взошелъ и изъ за красныхъ облаковъ, наполненныхъ огня и грома, ударялъ въ синія волны Буга. Опять новый предметъ ужаса! Жена скрывала свой страхъ, чтобъ не дать пищи моимъ чернымъ мыслямъ; я дѣлалъ то же въ отношеніи къ ней. Помѣстье Графское имѣетъ свое тутошнее наименованіе, * и, сверхъ того, старинное историческое, вновь ему присвоенное; и такъ мы съ ямщиками не могли другъ друга понять: я спрашивалъ ихъ про Ольвію, они твердили мнѣ объ Ильинскомъ. Такое недоумѣніе удвоивало страхи; мы боялись, что насъ не туда провезутъ, куда мы хотѣли ѣхать; то же недоразумѣніе и въ разстояніяхъ: и такъ все насъ беспокоило.

Доѣхали мы до Ильинскаго поздно, почти ночью; однако передовыя насъ возвѣстили: прикащикъ ждалъ; я ему отдалъ Графское письмо. Онъ отвелъ намъ двѣ комнаты, изрядно прибранныя, хотя очень маленькія, и съ Турецкимъ диваномъ. Графъ недавно зачалъ здѣсь строиться, и предпріятіе его поставить, для своихъ пѣздовъ, домъ, идетъ весьма медленно. Да и нельзя иначе: мѣсто степное, дикое, безлѣсное; когда мы вообразимъ, что здѣсь, 25 лѣтъ назадъ, обитали вездѣ Турки, и что война старое все истребила, а миръ непродолжительный ни чего новаго устроить не допустилъ, то мы и тому подивиться должны, что нашли уже селеніе Русское, Христіанской храмъ, хаты, обитателей и господскій флигель.

Екатерина, отнявъ у Турокъ Крымъ, посѣлила многимъ завоеваннымъ мѣстамъ дать древнія имена, и одинъ городокъ отъ нея получилъ наименованіе Ольвіополя; ** по естественныя

* Порутино. О. Б.

** 'Ολβία, Olbia, 'Ολβιόπολις, Olbiopolis, по прозванію Σαβία, построена Милесцами около 635 г. (по другимъ 640) до Р. Х. Ее посѣщалъ и описалъ Геродотъ, славилась своей торговлей съ окрестными народами. Екатерининъ же Ольвіополь при устьѣ рѣчки Синюхи, впадающей въ Бугъ: сперва назывался онъ

открытія заставляютъ убѣждаться, что Римскій городъ Ольвія не тамъ былъ, гдѣ Таврическая Владычица его нарекла, а здѣсь, точно здѣсь, въ дачахъ, поступившихъ по времени во владѣніе Графа Безбородька. Сіе доказывается рывинами, изъ которыхъ безпрестанно извлекаются разныя древности. Я ѣздилъ ихъ осматривать; они раскиданы по берегамъ Буга, но, къ сожалѣнію моему, работы полевыя остановили сіи упражненія, и я ни чего не видалъ, кромѣ двухъ дудокъ или отверстій въ землю. Въ нихъ опускается человекъ сажени на двѣ и на три глубины, и выноситъ оттуда обломки разныхъ досокъ, мѣдныя и серебряныя монеты. Если бъ я былъ антикваріей, я бы на счетъ ихъ распространился; но я углублялся въ одни нравственные измѣненія, не разсматривая вещей неодушевленныхъ.

По большей части вырываютъ изъ земли горшки глиняные, подобные нашей каменной посудѣ, цвѣта краснаго и содержащіе въ себѣ пепель. Ольвія, по историческимъ преданіямъ, былъ городъ ссыльной; если вѣрить, что онъ существовалъ на самомъ этомъ мѣстѣ, то сколько злодѣевъ мы доискиваемся остатковъ и, обрадовавшись, когда попадется намъ урна съ ихъ пепломъ, за рѣдкость ее почитаемъ. Вотъ какъ все во времени и отъ времени зависитъ.

Графу недавно послали до 2000 монетъ серебряныхъ, величиною съ нашъ гривенникъ, вѣсомъ до полу пуда. Я купилъ себѣ у крестьянъ его 4, и заплатилъ 10 руб. Они въ большой цѣнѣ. На всѣхъ почти вы найдете чеканъ города Ольвіи. Поселяне, для построенія себѣ домовъ, ходятъ рыть дикой камень, и добываютъ ихъ вмѣстѣ съ онымъ; онъ продается ими въ ихъ пользу. Мѣсто, гдѣ сдѣланы ямы для сихъ изысканій, какъ будто городокъ. Тутъ же открыты разной величины блага мрамора доски, кои хранятся до пріѣзда ожидаемаго сюда помѣщика. Надписи на нихъ почти на всѣхъ Греческія; нѣкоторыя очень хорошо сохранились. На одной я очень явственно прочелъ имя

Екатерининъ Шаниъ, Екатерининская Крѣпость, въ 115 верстахъ отъ Херсона; нынѣ Убѣднѣй городъ, а крѣпость уразднена. О. Б.

Аполлона. Другой занялся бы ими очень долго, но я взглянул и, виноваты! прочь пошелъ. Что мнѣ въ камняхъ? Кажите мнѣ людей! Камень непревосходнѣйшій тешется въ одинъ часъ, да и самой грубой рукой, а человекъ образуется часто вѣками и цѣлыми поколѣніями.

Около рытвинъ и такъ сказаннаго городка начался Лиманъ. Между многихъ бугровъ или кургановъ, кои это урочище опоясуютъ и даютъ ему наименование «Сто могилъ», самый высокій холмъ открываетъ наилучшіе виды по Бугу и за онымъ. Отсель чуть, чуть показывается Таврическій берегъ. Лиманъ отъ этого холма до крайнихъ границъ своихъ простирается на 15 верстъ. Въ одну сторону виднѣн Николаевъ, въ другую Очаковъ. Рѣдкое мѣсто въ природѣ! Я долго тутъ гулялъ и смотрѣлъ, какъ отважные рыбаки ловятъ рыбу. При насъ попались только севрюги и мелочь, изъ которой намъ сварили уху; но прикащикъ увѣрялъ, что попадаются иногда и стерляди и осетры; онъ же утверждалъ, что недавно тутъ изловили бѣлугу въ 8 пуд. и 19 фунтовъ.

Въ селѣ выстроена каменная церковь, во имя Александра Пресвитера и въ честь патрону Князя Безбородька. * Внутри ея чисто, хорошо и прохладно; ни чего нѣтъ, впрочемъ, отличнаго: утварь бѣдная, Евангеліе мѣдное, Священникъ молодъ и не изъ ученыхъ; можетъ быть, это и къ лучшему: богословы нашего времени больше удобны сбить съ пути добрыхъ поселанъ, нежели просвѣтитъ умъ ихъ и очистить Религію.

И такъ все въ Ильинскомъ осмотрѣвъ въ одно утро, мы тутъ отобѣдали и поѣхали въ Очаковъ.

* Александръ Пресвитеръ или Іерей, Священномученикъ, 15-го Марта, скончался въ III вѣкѣ, въ Слѣд. О. Б.

ГЛАВА XXXI

Очаковъ.

На пути къ Очакову, который не въ недалекомъ разстояніи отъ Ильинскаго, двѣ промоины выманили меня изъ коляски; между ими холмъ на водахъ Лиманскихъ. Какая прекрасная точка земли! Тутъ бы поставить храмъ, и славить въ немъ Трисвятаго. Доѣхали въ Очаковъ рано.

Знаменитое мѣсто въ нашей исторіи! Бралъ его Минихъ, бралъ и Потемкинъ; * городъ разоренный; донинѣ видны въ немъ еще слѣды Россійской рати: хуже деревни, вездѣ обломки бывшихъ строеній, камня груды. Часто попадаются подъ ноги сухія кости человѣческія; я думаю некогда было глубоко прятать побитыхъ. Ни одного не найдете сучка тѣхъ прекрасныхъ садовъ, которые вокругъ Очакова разведены были на нѣсколько верстъ: сабли все порубили. Что устоитъ противъ острія меча?

Сохранился небольшой остатокъ Турецкой крѣпости. У самаго моря стѣна ея свидѣтельствуеетъ донинѣ храбрость полковъ и полководца. Она какъ вылита изъ одной штуки: нигдѣ не видно шва между дикими камнями. Я съ неописаннымъ любопытствомъ смотрѣлъ здѣсь на все, что представлялось изумленному моему взору. Лиманъ волновался, вѣтеръ дулъ съ моря. Я стоялъ неподвиженъ на камняхъ, коими усыпанъ берегъ, и волны его сокрушались у ногъ моихъ. Еще есть на отмеляхъ куски Турецкихъ каменныхъ ядеръ сѣраго мраморнаго цвѣта, коими они заряжали свои орудія и потчивали наши мѣдные лбы: все тщетно было! Орлу судило небо смирить гордую Луну.

Цѣль и Гассанъ-Пашинской замокъ: башня круглая, высокая, старинной архитектуры. Не удержался въ ней Паша, и мы

* Первый 13-го Іюля, 1737 года, но, по Бѣлградскому договору, 7-го Сентября, 1739, возвращенъ Туркамъ; второй же 6-го Декабря, 1788; съ тѣхъ поръ остался за Россіей. О. Б.

осилили чугуныя затворы. Я ходилъ внутри его; тамъ настроено много зданій для артиллерійскихъ снарядовъ и разныхъ потребностей; на одномъ изъ нихъ видна старая аспидная крыша; около сихъ мѣстъ его пропастъ. Меня пустили прогуляться на батарею: на ней и во всемъ Очаковѣ орудій до 100—18-ти и 24 фунтовыхъ пушекъ.

Кто бы не пришелъ въ восторгъ, обнявъ однимъ взоромъ неподобное здѣшнее мѣсто? Не напрасно Турки называли Очаковъ маленькимъ Царьградомъ или Стамбуломъ. Величественная картина! Налѣво Ляманъ, направо Черное море; противъ глазъ Кинбурская коса, какъ языкъ земли, разсѣкающій мрачную волну; подальше въ томъ же морѣ обложенъ пушками островъ Березань. Какая кисть сниметъ такой рисунокъ съ изящной природы? Ходя по развалинамъ Турецкихъ укрѣпленій, я не смигалъ съ неба и воды. Уставши, сѣлъ на пушку и далъ волю всѣмъ своимъ мечтамъ.

Здѣсь тѣни Волконскаго и Горича встрѣчали мысль мою и напоминали гибельное событіе Очаковского штурма; я воображалъ, что я вижу тотъ путь, тѣ самыя ворота, гдѣ ихъ послѣдній рокъ постигъ отъ руки врага, не умѣющаго щадить жертвъ своихъ. * Здѣсь наши знатныя дамы, въ награду сладострастному побѣдоносцу, возили на санихъ свои прелести, переѣзжали костры мертвыхъ тѣлъ и въ богатыхъ землянкахъ, средѣ роскоши

* На приступъ двинулись Русскіе 5-ю колоннами, изъ коихъ 3-ю велъ Генераль-Маіоръ Князь С. Волконскій на фланговые реданты, 5-ую Бригадиръ Хрущовъ, который спустился въ ровъ крѣпости и взобрался на валъ на плечахъ непріятельскихъ, овладѣлъ имъ и, вмѣстѣ съ 6-ою колонной Бригадира Горича, взявшаго нижній бастіонъ, вошелъ въ крѣпость. Приступъ продолжался всего только часть съ небольшимъ, и послѣ него городъ отданъ былъ на три дня во власть войска. Взято сншкомъ 300 пушекъ мѣдныхъ и мортиръ, около 200 знаменъ, самъ трехбунчукный Паша, 4 тысячи солдатъ, не считая жителей, убито далеко за 8 тысячъ, въ томъ числѣ около 300 Офицеровъ. Съ нашей стороны убито почти тысяча и 28 Офицеровъ, въ томъ числѣ Волконскій, Горичъ и Корсаковъ (прежде Начальникъ Херсонскихъ строеній). Потемкинъ за Очаковъ получилъ Георгія 1-й степени, денегъ 100 тысячъ рублей и съ бразіянскими шпагу. О. Б.

и пѣги, забывали въ объятіяхъ Потемкина всѣ ужасы военного ополченія, межъ тѣмъ какъ утомленные войны жгли дома, грабили мужей, насиловали женъ и нещадно рубили богатые вертоградъ.

Вѣрите, или нѣтъ, какъ угодно, но помѣщу здѣсь странность. Кто не знаетъ и не примѣтилъ, что очень часто облака берутъ разные образы и представляютъ намъ виды земные въ небесныхъ? Средь глубокихъ моихъ размышленій объ Очаковскомъ штурмѣ, войчѣ и ея послѣдствіяхъ, взглянулъ я вдругъ на небо, и увидѣлъ, среди самаго чистаго воздуха, одно только облако. Что жъ оно представляло? Наковальню, совершенно сходную съ кузнечными: стройное согласіе идей съ воздушными явленіями! Подлинно, подумалъ я, была здѣсь въ то время наковальня. Сколько пролили крови, а за что?—За доскутокъ песчаного берега при мутной водѣ.

Теперь нѣтъ ни чего въ Очаковѣ, кромѣ самой истинной картины опустошенія. Городомъ правитъ Городничій, а военной командой—Плацъ-Маіоръ изъ Нѣмцевъ, человѣкъ добрый, приличный къ Русскимъ обычаямъ; отвелъ намъ у себя квартиру, и мы у него почевали; всѣ крѣпости Черноморскія въ завѣдываніи Д. Де Р. Очаковъ населенъ всякимъ сбродомъ; Греки и Жиды въ маломъ числѣ и самыя бѣдныя таскаются по городу, какъ бродяги и ищутъ случая пошляничать для пропитанія, одни шинкуютъ, другіе днемъ крадутъ. Одинъ Грекъ стянулъ при насъ въ лавкахъ кусокъ свѣжаго сыраго мяса, бросился съ нимъ на лодку и отчалилъ въ Кинбурнъ; за нимъ съ пристани гнались, и не поймали. Спасибо ему, что вѣренъ своему характеру; видно было, что это не первый опытъ его проворства.

Противъ дому, гдѣ мы остановились, стояла на якоряхъ маленькая флотилія, изъ 9 канонирскихъ лодокъ, подъ командою одного Француза, разумеется, нашей службы; мы его не видали: онъ боленъ глазами и въ городѣ не бываетъ.

Что сказать о самой квартирѣ? Опальной домишко, хуже стократно тѣхъ, кои, по приговору Судебныхъ Мѣстъ, описываютъ

ся отъ конкурсовъ за долги и, за неявкой желающихъ, стоять лѣтъ по 10 безъ крышъ и починки; и тутъ окна выбиты, рамы трясутся. Я думаю, онъ не хуже былъ часъ спустя послѣ приступа; съ тѣхъ поръ, конечно, ни кто его ни чинилъ. Незабавный почлегъ! Подъ окошкомъ море, вѣтеръ реветъ, какъ осенью; въ добавокъ весь скарбъ господина хозяина съ нами помѣщался въ одной комнатѣ, и движимый и недвижимый, всѣ животныя, безъ коихъ добрый хозяинъ въ степи обойтись не можетъ, какъ то: куры, овцы, индѣяты, почивали съ нами вмѣстѣ. Г-нъ Плацъ-Маіоръ любилъ голубей: и они тутъ по закоптѣлымъ стѣнамъ летали; сожительница его охотница до котятъ: тутъ и кошка съ своей семьей подъ ногами бѣгала поминутно. О сладкія награды любопытства въ Россіи! Хозяйки не было дома; она отлучилась на то время въ свое помѣстье, чтобъ умножить, пріѣхавши, число безсловесныхъ своихъ постояльцевъ. Всякой можетъ разсудить, что мы тутъ ночь провели не самымъ благоприятнымъ образомъ.

Въ городѣ одна церковь, естли можно такъ назвать старую мечеть, наскоро передѣланную: это та самая, которую на завтра взятія Очакова Потемкинъ велѣлъ освятить и въ которой воспѣтъ Христіанскому Богу первый на мѣстѣ семь благодарный молебень изъ устъ тысячи тысячъ воиновъ. Въ ней очень мало поправокъ; она изъ бѣлаго камня, такія же колонны внутри церкви, какъ и со входа. Иконостасъ писанъ на холстѣ и прибитъ къ стѣнамъ. Бѣдный храмъ! Хотя и хоры тутъ сдѣланы, онъ болѣе похожъ на Магометанское разоренное капище, нежели на Восточную церковь. На самой той башенкѣ, на которую хаживалъ ихъ глашатыи кричать «Алла», нынѣ колокольная, и Пономарь босый ходитъ въ маленькой колокольчикъ сзывать на молитву кучку Правовѣрныхъ. Башенька эта почти не передѣлана: окропили святой водой, и поганый камень освятился.

Хотѣлось съѣздить въ Кинбурнъ; онъ очень видѣнъ изъ Очакова, но не смѣлъ пуститься: я трусь на большой водѣ; переѣзду верстъ 9, а погода воздымала очень волны. Съ пристани глядя, я вѣчную память проворчалъ тому непобѣдимому витязю нашего края, который прославилъ себя на этой косѣ и своей

тутъ побѣдой отворилъ, можно сказать, путь къ Очакову и ко всѣмъ счастливымъ подвигамъ нашего войска, умножившимъ его славу въ Европѣ. * Вмѣсто Кинбурна я дождался восхода луны, и сколько ни напуганъ уже былъ ею, но, по нѣкоторымъ слабымъ остаткамъ въ себѣ романическаго духа, не усидѣлъ дома и пошелъ на берегъ моря глядѣть на отраженіе мѣсячныхъ лучей въ Понтѣ: колебаніе волнъ его меня усыпило; я дремалъ, идучи домой, и тотчасъ уснулъ пришедши.

ГЛАВА XXXII.

Пріѣздъ въ Одессу.

Во всякой квартирѣ, худой и хорошей, мы съ женой сыпали на полу безъ дальнихъ причудъ. Въ Очаковѣ цыпленокъ неосторожный далъ намъ почувствовать неудобство такого низкаго положенія: онъ взлетѣлъ къ намъ на постель; я проснулся, еще только что разсвѣтало, и поспѣшилъ разстаться съ своей летучей компаніей. Жиды долго на дворѣ спорили; тотъ кричалъ: «Не моя очередь везти барина;» другой: «Я вчера возилъ такого-то;» рубль всѣ споры такого рода прекращаетъ. Заложили намъ лошадей, и мы въ 4 часа утра поѣхали въ Одессу. Прямо до нея оставалось 115 верстъ.

Почтовые дворы называются по дорогѣ трактирами. Отѣхавъ 70 верстъ, обѣдали въ помѣстьѣ Г. Коб., Одесскаго Комманданта. У него тутъ сарай съ колоннами и большая изба для проѣзжихъ; домъ господской еще строится. Обыватели живутъ въ каменныхъ избахъ: онѣ безъ половъ и вообще всѣ крыты соломой. Не воображайте, чтобъ подъ названіемъ каменныхъ избъ я разумѣлъ кирпичное строеніе, или изъ тесаннаго камня; совсѣмъ нѣтъ; избы выкладываются изъ дикаго камня, который

* Суворовъ, 1787 г., въ Октябрѣ. О. Б.

коекакъ ставится слоями и даетъ стѣну неровную, похожую на то, что искусственно дѣлается въ богатыхъ садахъ для изображенія руинъ: вотъ здѣшнее строеніе! Наружныя фасады всѣ представляютъ видъ изрядный, но внутри страшная нечистота и неопрятность отвратительная. Положимъ, что имъ негдѣ взять лѣсу, хотя и это подвержено спору; ибо лѣсъ около Одессы дорогъ, но есть: Дирѣкторъ его доставляетъ; согласимся, однако, на этотъ недостатокъ; но что извинить можетъ нечистоту ихъ жилищъ? Это вывѣска одной лѣни ихъ, и жители не столько отъ нужды, какъ отъ нея, терпятъ лишеніе всего, кромѣ хлѣба и скота: того и другого нигдѣ, какъ здѣсь. Избы бѣлятъ отъ привычки, а не отъ щегольства.

Комендантъ самъ содержитъ здѣсь для проѣзжихъ почтовыхъ лошадей, и отъ того трудно ихъ добиться. Нельзя не сдѣлать ему укоризны и въ томъ, что онъ ни мало не подумалъ о спокойствіи путешественника и не доставилъ ему ни чего пріятнаго при роздыхѣ въ его помѣсть, тогда какъ, безъ сомнѣнія, по многимъ очевиднымъ признакамъ, можно заключить, что весь баталіонъ его помогалъ ему въ отдѣлкѣ его деревни.

На поляхъ начиналось уже жнитво и сѣнокосъ. Оба сѣи упражненія, которыя въ нашихъ мѣстахъ уподобляются въ ясный день торжеству, здѣсь не тотъ видъ совсѣмъ имѣютъ: пространство дачъ и малочисленность народа тому причиной. Мнѣ полюбілось по всей этой степной дорогѣ то, что не встрѣчали на распустьяхъ, такъ какъ у насъ водится, кучи нищихъ, кои обступятъ твою повозку, насилуютъ твое милосердіе и отягощаютъ часто живыми доуками. Я не думаю, впрочемъ, чтобъ нищихъ вовсе не было, но видно, или въ степи странствовать не такъ способно, или ихъ прибираютъ. Не худо, если бы также убирали съ дороги всякую падаль, которая очень часто заражаетъ весь воздухъ: что можетъ быть несноснѣе, наипаче въ зной! Припишемъ и это тому же неудобству, т. е., пространству голыхъ земель: лошадь падетъ на дорогѣ: чтобъ прибрать ее, надобно члену Земской Полиціи свѣдать и пріѣхать на мѣсто, а онъ не рѣдко во стѣ верстахъ, и селенія вокругъ его нѣтъ ни какого. Когда ему ѣхать и съ кѣмъ въ рабочую пору зарывать эту падаль? Она спокойно

жарится на солнцѣ, а пріѣзжій по неволѣ ее нюхаетъ. Самая непріятная встрѣча на дорогѣ!

Куда Русскіе мужики не ѣздятъ? Намъ попался крестьянинъ Графа Орлова изъ подъ Ростова. Онъ жилъ въ Одессѣ и пересыламъ оттуда въ Москву апельсины, пока они велись; теперь ѣхалъ въ Крымъ за яблоками. Я съ нимъ поговорилъ о томъ и о другомъ. «Въ Одессѣ, сказалъ онъ, вы ужъ не застанете апельсиновъ.» О печальное извѣстіе! Чѣмъ же будемъ тамъ лакомиться?

Въ ожиданіи мы, сидя въ коляскѣ, любовались на Черное море, а лошади насъ везли во весь духъ: оно часто по дорогѣ открывается. Въ иныхъ мѣстахъ, особливо тамъ, гдѣ оно даетъ заливы, и это нерѣдко, Черное море весьма приступно, берега его отлоги: можно такъ близко къ краямъ его подойти, что волна брызгаетъ въ ногу до лодыжки. Сегодня былъ изрядный вѣтеръ, море играло и у береговъ покрывалось густою пѣною, какъ снѣгомъ. Замѣтить надобно, что въ этихъ заливахъ, среди которыхъ, по узкому языку матерой земли, лежитъ почтовая дорога, вода мутна и даетъ отъ себя самый зловонный запахъ: я на каждой верстѣ почти былъ принужденъ зажимать себѣ носъ.

Но если непріятности одного естественнаго чувства могутъ вознаграждаться наслажденіями другого, то взоръ здѣсь доставляетъ полное удовольствіе своему внутреннему хозяину, — воображенію, однако, на счетъ душевной тишины. По берегамъ Чернаго моря разсыпаны ужаснѣйшіе виды: тамъ крутизны, въ коихъ глубокія промоины подѣлали рвы и пропасти; здѣсь дикія скалы, совсѣмъ преклонныя къ водѣ, на коихъ голые холмы торчатъ, какъ указатели отдаленному страннику, что онъ приближается къ мѣстамъ опаснымъ. Кто-то сказалъ въ хорошемъ сочиненіи: «Гора—медалъ природы;» подлинно: если такъ, то здѣсь удивителенъ ея чеканъ. Жаль, что на всѣхъ этихъ дикихъ земляхъ нѣтъ ни одного деревца, ни одной хорошенькой травки! О, тогда бы мы находили много волшебнаго въ окрестности Чернаго моря; теперь все около его только что ужасно. Вдругъ на насъ прыснулъ дождь и обрадовалъ пріятной прохладой, но въ минуту кончился, и слѣды его пропали.

Послѣдняя станція лежитъ на прекрасномъ мѣстѣ, у самаго берега Чернаго моря; отсюда уже видна Одесса. Представьте наше восхищеніе; но видъ города умѣрилъ восторги; ибо онъ издали не казистъ и на горѣ до него 18 верстъ объѣзда кругъ моря. Для всѣхъ тѣхъ, кои привыкли къ Русскимъ городамъ, всякой иностранный (и Одесса строится, думаю, на манеръ такой же) покажется съ виду нехорошъ. У насъ что красить города и даже многія села? Церкви, колокольни и башни: гдѣ жъ ихъ нѣтъ? а во многихъ нѣсколько. Что до этого, что внутри нищета! но Пономарь звонить, издали виднѣтъ шпицъ, уши и глаза плѣняются, и путешественникъ кричитъ: «Ахъ! какой славный городъ!» Въ Одессѣ церквей мало, колоколенъ нѣтъ, ни что не выходитъ изъ кучи равнаго строенія; и такъ первый на нее взглядъ не обворожаетъ.

Поговоримъ напередъ о послѣдней станціи. Когда-то тутъ былъ домъ и въ немъ «Дофине», Французъ, держалъ трактиръ: осталась одна вывѣска. На поношенной тряпкѣ намазанъ будто биллиардъ и подписано: «Дофине.» Подъ окошками насажены были деревья, тополи и раины; но когда господину Дофине не кого было тутъ кормить и самому нечего было кушать, то онъ продалъ домъ подъ почту. Почтари не охотники до меланхолическихъ прозябеній: они срубили всѣ плакучія ветлы на дрова и отняли тѣнь у проѣзжихъ. Не зная всего этого, а увидѣвъ трактирную вывѣску, я бросился въ комнаты, чтобъ чего ни будь поѣсть, по тому что мы крайне худо обѣдали. Не найдя у Г. Коменданта дровъ ни полѣна, ни битыхъ колесъ, ни изрубленныхъ перилъ, поваръ нашъ стряпалъ на кизикѣ, къ которому мы не привыкли; и такъ ни чего душа не принимала. Прибѣжавши къ хозяйкѣ, просилъ молока: нѣтъ; воды? нѣтъ; хлѣба? нѣтъ. «Что жъ у васъ есть, несчастные?» — «Протухлая баранина.» Какой несносный обманъ! Въ избу войти нельзя — твари пропасть; на дворѣ стоять — испечешься; зной страшный, тѣни нигдѣ и ни какой; одна была моя отрада на каждой станціи во всю дорогу въ жаркіе дни выливать на себя ушата по три холодной воды.

Признаться должно, что еслии Правительство хочетъ привлечь въ эту сторону изъ тщеславія путешественниковъ, то над-

лежало бы ему нѣсколько позаботиться о томъ, чтобъ на дорогѣ было, гдѣ выспаться, не собравъ до милліона блохъ въ свою одежду, и можно было найти свѣжій рѣшетной хлѣбъ, или пшеничный, для пищи, а для питья кувшинъ молока и чистой воды ведро; но и этого самаго не роскошнаго подарка природы во многихъ мѣстахъ здѣсь за хорошую плату не достанешь. Жаръ меня томилъ чрезвычайно и я въ коляскѣ часто дремалъ, отъ этого получилъ новый опытъ. Я примѣтилъ, что когда сонъ слабъ, грёзы чрезвычайно часто мѣняются и скоро проходятъ. Очнувшись, трудно вспомнить и изъяснить, что снилось: призраки недовольно нажимаютъ воображеніе, чтобъ оставить на немъ глубокую черту своихъ впечатлѣній; не отъ того ли выздоравливающій больной въ слабости своей часто всякой вздоръ мечтаетъ, и вѣритъ послѣ видѣніямъ разнымъ, кои, какъ сквозь тонкую плену, трогаютъ умственные органы? Пусть растолкуетъ намъ это Галъ, а мы повернемся къ Одессѣ.

Долго ли проскакать 18 верстъ? Мы тотчасъ пріѣхали. Передъ нашимъ пріѣздомъ поднялась сильная буря; все около города пески: пыль закружилась столбомъ; мы зажмурились въѣхали, и ни чего не могли вдругъ разглядѣть, но радовались, что наконецъ достигли своей цѣли. Кукъ не такъ былъ счастливъ, когда проникъ въ островъ Отанти; оставалось всей нашей компаніи сѣсть въ круговеньку и запѣть (къ стати, или нѣтъ) старую Русскую пѣсню: «Желанья наши совершились!»

ГЛАВА XXXIII.

Одесса. Пріѣздъ въ нее. Положеніе мѣста.

И такъ мы въ Одессѣ, но не въ благопріятную минуту. Буря насупила облака; вѣтеръ свищетъ, какъ у насъ на Руси въ Ноябрь; молніи озаряютъ бездну, которая въ глазахъ нашихъ; мы ищемъ тепла, и не согрѣваемся; худо обѣдали, и не знаемъ, у кого ѣсть попросить. Вотъ чѣмъ начинаются удовольствія не-

знакомаго края для иностранца, а Россіянинъ въ Одессѣ, конечно, не дома. Еще, къ счастью нашему, мы прямо пристали къ одной Госпожѣ Турчаниновой, двѣицѣ знакомой сестрѣ моей по сосѣдству деревень: я имѣлъ къ ней письмо. Она очень охотно насъ приняла, отдала намъ въ домѣ своемъ лучшія комнаты верхняго этажа: онъ построенъ въ два жилья на горѣ, которой подошву омываетъ Черное море. Видъ съ балкона наполненъ прелестію. Я люблю смотрѣть на воду, и мой взоръ вполнѣ былъ удовлетворенъ ежедневно.

Госпожа Турчанинова писывала стихи и достойна быть известною въ отечествѣ своемъ по рѣдкимъ ея дарованіямъ и учености; обширная память ея исчерпала всѣ источники Словесности. Иностранные языки, даже и Академическіе, какъ-то: Греческій и Латинскій, ей не незнакомы. Она пишетъ прекрасно, изъясняется просто и вразумительно; обращеніе ея не смѣшано съ педантизмомъ, который и въ мужчинахъ ученыхъ такъ неспосенъ, что жъ въ женщинахъ? Она любитъ иногда пошутить. Бесѣда ея занимательна. Вотъ познанія, какія я въ короткое время знакомства моего съ нею дать могу объ ней моимъ читателямъ! Чтобъ довершить портретъ такой, по истиннѣ, необыкновенной дѣвушки, я скажу еще, что она до того привязана къ строгому уединенію, что зачинала скучать въ Одессѣ отъ двухъ, или трехъ, только знакомствъ, ею въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ тамъ пріобрѣтенныхъ, и называла уже это разсѣянностію. Чтобъ далѣе ухъать отъ людей, она готовилась, дождавшись спокойнаго времени, сѣсть на корабль, объѣхать Грецію и берегами Средиземнаго моря приблизиться къ Италіи. «Какъ? сказалъ я ей; Вы не боитесь моря и такого отважнаго для вашего пола путешествія?» — «Природа, отвѣчала она мнѣ, не произвела для меня ни чего страшнаго: это чувство мнѣ не знакомо.» Довольно ли, чтобъ подивиться, вмѣстѣ со мною, такой смѣлости духа? У ней мы расположились, и были гостепріимно обласканы. Узнавъ Одессу, увидѣлъ я, что ея домъ въ наилучшей части города, хотя почти внѣ онаго, по тому что въ немъ, хотя и съ маленькимъ холодомъ въ ненастное время, однако есть тѣнь и убѣжище отъ зноя, чего въ другихъ домахъ ни какой цѣной достать не можно. Онъ, впрочемъ, очень хорошо прибранъ: я нашелъ для охотника до чтенія прекрасную, не о-

громную, но прямо отборную, бібліотеку; любитель живописи постоялъ бы съ удовольствіемъ предъ нѣкоторыми картинами; словомъ, въ домѣ Госпожи Турчаниновой образованный человѣкъ найдетъ все то, что можетъ дѣйствовать на умъ, глаза и сердце, и я сохранию въ памяти моей на всегда пользу и прелесть ея бесѣды.

Пріѣхавши подъ вечеръ, поздно было любопытствовать. Жена осталась дома, а я побѣждалъ пѣшкомъ въ городъ, зашелъ въ кофейный домъ. Голодъ меня тянулъ къ съѣстному; я напился шоколаду, за который заплатилъ 1 руб. 60 копѣекъ: довольно дорого! По улицамъ мигнулъ тамъ, сямъ, и ни чего не разглядѣлъ, поспѣшилъ домой, но ужъ доѣхалъ на дрожкахъ, чтобъ не потерять пути. Извозчикъ на рубль серебра сдалъ мнѣ какую-то Турецкую монету, и я сталъ немножко ознакомливаться съ иностранными деньгами, да и съ какими же? Съ самыми невѣрными и непріязненными. Что до того за дѣло? Звонкая монета и изъ рукъ злодѣя въ цѣнѣ: серебро для всякаго хорошо, лишь бы выдержало пробу.

Воротаясь на квартиру, вышелъ я въ сертукѣ на балконъ. Тучи прошли, но воздухъ былъ еще свѣжъ. Я взянулъ на Черное море, и задумался. Было о чемъ! Исполненіе нашихъ намѣреній есть нѣчто чудесное. Часто самыя легкія предположенія исчезаютъ, когда самыя трудныя и, по видимому, даже не возможные, совершаются съ удобностію безпримѣрною. Я въ Одессѣ! За полгода до отъѣзда всѣ мои друзья считали предпріятіе мое химерою. Я напоминалъ себѣ ихъ убѣжденія, увѣщанія, противорѣчія, собственную свою нерѣшимость, и мысленно, со вздохомъ, посылалъ ко родинѣ своей, Москвѣ, мои дружескія объятія. Я кричалъ имъ: «Такъ, друзья мои, я въ Одессѣ! Вѣрьте этому: сбылось мое желаніе; я на Черномъ морѣ, на два дня разстоянія отъ Царяграда!» Ахъ! какъ не подивиться дѣламъ человѣческимъ! Настоящее колесо жизни наша: вращается сюду и сюду.

Среди такихъ радостныхъ воспоминаній слуга выводитъ меня какъ изъ усыпленія, сказывая, что купцы Владимірскіе пришли ко мнѣ: это были прикащики зажиточныхъ нашихъ гражданъ, кои по торговымъ дѣламъ пріѣзжали въ Одессу, и узнавъ, что я

тутъ, приходили, отправляясь на завтра, узнать, не прикажу ли я чего домой. «Кланяйтесь отъ меня, мои добрые соотчичи, всѣмъ, кто про меня у васъ спроситъ! Скажите роднымъ моимъ, пріятелямъ, сослуживцамъ, словомъ, всѣмъ моимъ искреннимъ, что я, слава Богу! здоровъ и странствую благополучно; скоро увижусь съ ними, и минута возвращенія моего домой, въ мой кабинетъ, къ моимъ портретамъ, книгамъ и перу, будетъ стократъ для меня блаженіе всѣхъ мечтательныхъ удовольствій воображенія, которое и у меня, какъ у многихъ, бродитъ еще, какъ пиво, и не скоро, думаю, установится!» Они пожелали мнѣ успѣха въ пути; я съ ними простился, встрѣтилъ ночныя тѣни на балконѣ и вошелъ въ горницу.

Изъ трактира, по заказу моему, принесли намъ ужинать блюстъ съ пять: заплатили по рублю мѣдью съ человѣка. Поѣли изрядно; впрочемъ, для голодныхъ кусокъ хлѣба — пиръ. Усталость дала намъ для первой ночи на новомъ мѣстѣ самый хорошій и утомонный сонъ. Завтра, выспавшись, я повезу читателя съ собою по городу, буду его возить цѣлую недѣлю, и постараюсь ему показать на бумагѣ все то, что я на мѣстѣ видѣлъ и, по моимъ мыслямъ, нашелъ достойнымъ того, чтобы удержать въ памяти съ примѣчаніемъ.

Г Л А В А XXXIV.

Городъ вообще. Строепіе. Улицы.

Одесса вся выстроена камнемъ. Извѣстно, что тутъ была прежде у Турокъ неважная крѣпостца, называемая Гаджи-бей: теперь въ тутъ насчитаете домовъ до 200 каменныхъ, все это воздвиглось лѣтъ въ 15: какъ не подивиться дѣйствию толь скорому и удачному дѣятельной торговли! Ни одного строенія деревяннаго въ цѣломъ городѣ.

Камень для домовъ добывается изъ горъ, ограждающихъ Черное море подъ самой Одессой. Онъ ноздреватъ и составленъ

изъ ракушекъ. Его около города пропасть; камень довольно большой величины стоитъ отъ 10 до 12 копѣекъ. Опытъ показалъ, что онъ на воздухѣ твердѣетъ, но при рытѣ его изъ земныхъ нѣдръ онъ очень мягокъ: его можно рѣзать ножомъ, какъ мѣлъ. Наблюдатели, положи его на воздухъ, на открытое мѣсто, нашли и утверждаютъ, что онъ года въ два много становится легче; слѣдовательно, воздухомъ выжимается изъ него сырость и дѣлаются внутри камня пустоты. Тѣ, кои хотятъ щеголять домами и имѣть прочное при томъ жилище, года чрезъ три по отстройкѣ замазываютъ его снаружи и внутри известью. Говорятъ, будто такой домъ простоятъ лѣтъ сто. Можетъ быть; но еще рано утвердительно о томъ судить: 15-ть лѣтъ далеко отъ столѣтія. Выбленный домъ ни какой розницы не кажется съ лучшими кирпичными оштукатуренными домами въ столицахъ, а безъ подмазки домъ изъ такого камня похожъ очень цвѣтомъ своимъ и отливомъ мелкихъ его раковинъ на древнія строенія. Таковъ и карантинъ — прекраснѣйшее зданіе!

Желая увѣриться въ томъ, что воздухъ укрѣпляетъ здѣшній камень, я ходилъ смотрѣть одинъ обывательской домъ, построенный лѣтъ за восемь передъ симъ, который хозяинъ разсудилъ сломать, и видѣлъ, что дѣйствительно стѣны этого камня разбивались съ усиліемъ точно такъ, какъ всѣ кирпичныя, или каменные, строенія, тогда какъ я же видѣлъ, что тотъ самый камень, добываемый въ землѣ, сыръ, мягокъ и подобенъ всякому ломкому тѣлу.

Ходилъ я также смотрѣть новостроепіе въ его производствѣ. Камень идетъ въ стѣну вершковъ осми; закладку съ сажень платятъ по 3 руб. 50-ти копѣекъ. Каждый камень свѣжаго рытѣ тешется и образуется топоромъ, но съ большою осторожностью, по тому что онъ еще недовольно твердъ и отъ остраго лезвѣя можетъ превращаться въ пыль: я отломилъ одинъ кусокъ, и имѣю его при себѣ. Всѣ вообще зданія здѣшнія такимъ камнемъ строены. Неискусные хозяева обмазываютъ дома свои глиной, но это средство почитаютъ непрочнымъ. Многіе замѣтили также, что тѣ дома, кои выстроены безъ опытовъ, гораздо прежде, на глинь, растворенной морскою водою, ненадежны и сыры, по то-

му что частицы соленая морская вода удобны всегда содержать сырость въ камнѣ. Дома изъ него поспѣваютъ отъменно скоро, по тому что онъ не тяжель въ разработкѣ. Многіе сквозь него пропускаютъ воду, чтобъ имѣть ее чище: это одно доказываетъ, сколько камень здѣшній пустъ и легокъ.

Чтобъ дать еще лучше понятіе о семъ камнѣ, скажу нѣчто о садѣ какого-то Потоцкаго, который развелъ его для своего прѣзда, при небольшомъ домѣ, рядомъ съ нашей квартирой, следовательно, на горѣ надъ моремъ. Домъ и садъ его неважны, но онъ для забавы разсудилъ въ самой горѣ выдолбить разныя потребности: гора начинена вся камнями: они торчатъ въ разныхъ смыслахъ. Въ три дня Потоцкій тутъ вырѣзалъ себѣ диванъ, круглый столъ для шести кувертовъ, сдѣлалъ вокругъ его лавки, выдолбилъ подвалъ для винъ, мѣсто для повареннаго котла, и все это въ камнѣ оставилъ тутъ на всегда неподвижнымъ памятникомъ своего здѣсь житія и затѣй, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очевиднымъ опытомъ, какъ гибокъ камень и готовъ къ услугамъ. Красиваго въ отдѣлкѣ нѣтъ ни чего. Странно! Видъ отсюда превосходный.

Внутри города въ рѣдкомъ домѣ можно найти спокойное убѣжище. Если не палитъ зной, отъ котораго иные охраняютъ себя красивыми сторами въ окнахъ, то страшная пыль по улицамъ поднимается столбомъ и вселяется облаками въ вашу комнату, по тому что рѣдкой день не вѣтрено въ Одессѣ; или не сказанная тѣма мошекъ и мухъ одолѣютъ васъ такъ, что безъ махалки ни за что приняться нельзя. Вотъ самое безпокойное неудобство здѣшняго мѣста! Я видывалъ во многихъ домахъ среди лѣта, въ самые жаркіе его дни, двойныя окончины еще вмазанныя для того, чтобъ не впустить въ комнаты солнца, мухъ и пыли; и такъ ни кто здѣсь не живетъ прежде ночи: жарко, душно, пыльно! Тѣмъ-то самымъ моя квартира и была отлично выгодна, что расположена за городомъ, и Черное море прохладами своими оберегаетъ ее отъ сказанныхъ безпокойствъ.

Камень здѣшній на улицы не годится: онъ бы тотчасъ измолося въ пыль отъ тренія колесъ; отъ того и мостовыхъ нѣтъ,

и пыль столбомъ крутится; задумано изъ мелкаго камня сдѣлать тротуары, т. е., тропки для пѣшеходовъ по сторонамъ улицъ, но еще о пользѣ ихъ судить нельзя—предпріятіе новое.

Противъ рядовъ устроивается бульваръ. Градоначальникъ здѣшній, о которомъ пространно говорить буду послѣ, превеликій охотникъ до садовъ и пристрастенъ къ здѣшнимъ растеніямъ: онъ съ особливимъ тщаніемъ требуетъ, чтобъ по нѣкоторымъ улицамъ и передъ домами разсаживали деревья; многія принялись съ успѣхомъ и украшали бы очень городъ, если бы пыль не портила зелени: всѣ листья ею покрыты такъ, что трудно свѣжій цвѣтъ разглядѣть. А какъ при насъ была засуха, то деревья, кои на публичныхъ мѣстахъ не всегда поливать удобно, представляли самый плачевный и жалкій видъ. На площадяхъ средняя часть земли поднята и усажена разными деревьями, вокругъ коихъ, чтобъ не портили ихъ ни люди, ни скоты, сдѣланы балясы и ограды: эти насажденія, или кучки растеній, названы букетами. Мнѣ сказывали, что такъ водится въ Англіи: я тамъ не былъ, и правда ли это, не знаю; но гдѣ бы то ни было оно, вездѣ прекрасно, а здѣсь особенно; ибо всякое дерево въ степи—сокровенно. Дюкъ ни за что такъ не сердится, какъ за изломанное, или испорченное, дерево: я самъ такой досады былъ свидѣтель.

Вообще строенія много въ городѣ; есть дома въ два этажа, и нѣсколько зданій весьма примѣчательныхъ: всего вдругъ не перескажешь; станемъ разсматривать постепенно. Жаль только того, что не даютъ домамъ хорошихъ фасадовъ: можетъ быть, желаніе, какъ ни будь, да поскорѣй лишь застроить мѣсто, подъ городъ назначенное, было тому причиной; но видно, что о наружности домовъ частныхъ не думано, и отъ этого съ перваго взгляда на строеніе Одесса можетъ названа быть пространымъ Гаджи-беємъ.

ГЛАВА XXXV.

Торговля. Гавань. Магазины. Лавки.

Гавани въ Одессѣ, безъ сомнѣнія, первый предметъ примѣчанія. Ихъ двѣ: одна военная, другая купеческая; послѣдняя еще не отдѣлана, по тому что городъ ее строить на свои доходы, которые, хотя и велики, однако все еще по разрыву комерціи, не соответствуютъ потребностямъ, на нихъ лежащимъ. Она отстраивается изъ тутошняго камня и защищена хорошей батареей, но многіе находятъ ее непрочной отъ того, что слишкомъ открыто море. Я не могу опредѣлить своего мнѣнія на счетъ сей, и никогда не разсуждаю о томъ, чего не смыслю; но знаю достоверно то, что всякой годъ гавань размоетъ, и ее чинить.

Хотя торговля, которая одна и краситъ Одессу, и дѣлаетъ ее подлинно золотымъ дномъ, отняла у нея всѣ свои прелести, бывъ остановлена обстоятельствами; однако и при бездѣйственности ея можно видѣть пользы и красоту сего новаго края. Мы застали тутъ судовъ до 30-ти, по большей части съ Греческихъ острововъ и со всякимъ вздоромъ, какъ-то: изюмъ, винныя ягоды; этотъ припасъ называютъ общимъ именемъ бакалія. Привозятъ и вино Греческое, а отвозятъ отъ насъ ревендукъ, сало, желѣзо и разныя дозволенные статьи, кромѣ пшеницы, которая развѣ украдкой, а иначе выпускаема въ Турцію быть не можетъ. Когда входитъ въ гавань корабль съ значительнымъ грузомъ, тогда ему салютуютъ изъ пушекъ, и весь городъ по тому узнаетъ, что привезено что ни будь новое къ порту. Гавань есть пунктъ соединенія всѣхъ жителей: по вечерамъ это лучшее гулянье: всѣ тутъ встрѣчаются. Я ходилъ однажды на Греческій корабль, по имени «Константинъ и Елена,» и нашелъ въ каютѣ много нечистоты. Жизнь на морѣ не заманчива.

Все, что привозится сюда изъ за моря (разумѣя въ торговую пору), отправляется въ Москву, а внутренніе избытки, особенно же пшеница, ждетъ благопріятной минуты пропуска въ Турцію, и до тѣхъ поръ ею всѣ дома и анбары засыпаны. Годы:

1804, 1805 и 1806 были для Одессы годы жизни. Одна пшеница составляетъ здѣсь частныя фортуны. Вся Польша пріобрѣтенная торгуетъ ею чрезъ Одессу. Хлѣбъ здѣсь не дорогъ, по тому что никуда не посылается; но, впрочемъ, для самаго города здѣсь нѣтъ ни чего; ибо все проходить чрезъ Одессу туда, или сюда. Отъ этого и дороговизна во всемъ, кромѣ винъ Греческихъ, которыя продаются очень низкой цѣной, и съ той еще выгодой, что гораздо чище и непорочнѣе нашихъ винъ. Вы можете здѣсь купить на рубль его столько, сколько и на пять вамъ не дадутъ внутри Россіи.

Волы составляютъ здѣсь богатство жителя. Кто имѣетъ ихъ въ работѣ до 10, или 12-ти, все таки во время открытой торговли, тотъ можетъ, при нагрузкѣ кораблей, получить въ недѣлю отъ 7 до 8-ми сотъ рублей барыша. Но и здѣсь есть также свое неудобство: всякій корабль спѣшитъ нагрузиться; малое число воловъ скоро наполнить его не въ состояніи; надобна для сего артель: и такъ у кого одинъ волъ, или два вола, тотъ непременно долженъ ити въ работники къ тому, у кого ихъ болѣе, и часто беретъ не такой пай, какого бы хотѣлъ, но какой дастъ ему хозяинъ большаго гурта. И такъ вездѣ сильный слабого давитъ; это, кажется, порядокъ самой природы: тѣла тяжкія угнетаютъ попадающіяся подъ нихъ тѣла слабыя.

Домы и лошади также даютъ большой доходъ: первые строятся такъ, чтобъ, при удобномъ случаѣ, сохранять и пшеницу. Наемъ для нея магазиновъ приноситъ значительные прибитки, а лошади извозомъ сильныя доставляютъ выручки. Эти два предмета, какъ слышалъ я, даютъ, или при хозяйствѣ дать могутъ, сто на сто процентовъ. Домъ въ 20 тыс. построенный, очень скоро приноситъ съ найма до 4000 доходу. Лошадь, вывозя съ гавани на гору товаръ въ городъ, вырабатываетъ до 15 руб. въ сутки. Теперь же, когда и торгу не было, я платилъ за дрожки въ одну лошадь по 5 руб. въ сутки, и еще сказать долженъ, что дрожки безъ ресоръ, слѣдовательно, очень безпокойныя: что же бы стали платить за соблюденіе при томъ хотя маленькой роскоши? Всякой любитъ проѣхать лучше на такомъ экипажѣ, который не трясетъ, нежели на томъ, который душу выгонитъ на толчокъ.

Всякой обыватель долженъ здѣсь запастись всѣмъ, для него нужнымъ, иначе онъ ни чего себѣ не достанетъ, ниже сливокъ, и для путешественника это очень тягостно; телятины вовсе нѣтъ, плодовъ ни какихъ, кромѣ кислыхъ вишенъ. Оранжерей ни у кого нѣтъ: всякой ждетъ плодовъ отъ природы на вольномъ воздухѣ, и получаетъ ихъ не очень много ранѣ нашихъ садовъ, а всегда позже Сѣвернымъ оранжерей. Прошу за эту статью прощенья у всѣхъ любителей тамошнихъ насаждений, но право я ни чего въ этомъ родѣ не нашелъ, ни въ садахъ ни въ погребахъ, среди Іюля, для прихоти и вкуса; боялся даже, что уѣду изъ Одессы, не ѣвши апельсиновъ, но, къ крайнему моему счастью, какъ-то нечаянно залетѣло какое-то чужеземное судно, которое привезло въ Одессу нѣсколько тысячъ апельсиновъ, и я, черезъ знакомыхъ моихъ, досталъ ихъ до ста, кои увезъ съ собою. Они были толстокоры, не довольно еще зрѣлы, но видно было, что не лежаые, какъ тѣ, кои у Троицы подъ горой покупаемъ мы такъ часто за самыя дорогія деньги съ зелеными пятнами.

Всѣ заморскіе товары чрезвычайно дороги были. Сахаръ продавался по 2 руб. фунтъ, и кофе также. Дровъ почти нѣтъ; многіе, или лучше сказать, почти всѣ жгутъ на кухнѣ кизикъ, и тотъ почитается зажиточнымъ хозяиномъ, у кого его много. Кизикъ называется землянымъ кирпичомъ, по тому, думаю, что онъ такой же формы и мѣры рѣжется, и когда продается хуторъ, или дача, то въ описъ имѣнія входитъ и кизикъ. Мнѣ случилось однажды видѣть въ клубѣ объявленіе о продаваемомъ въ одномъ въ тѣхъ мѣстахъ имѣніи, и въ немъ, между прочимъ, написано было, что заготовлено на столько-то лѣтъ этого землянаго кирпичу: это важный предметъ въ Одессѣ; ибо и тамъ бываетъ холодно. Мы купили для себя на недѣлю, такъ называемыхъ, турбашекъ или столбовъ, какія подъ фундаментъ ставятся, до 11-ти, и заплатили за нихъ 10 руб.; изъ каждого едва вышло по 7 полѣнъ аршинныхъ.

Послѣ гавани жители города толпятся въ рядахъ. Линія ихъ вытянута большая, каменная и товаровъ разныхъ много. Лавки, въ коихъ торгуютъ, такъ называемые, Караимскіе Жиды, Цареградскіе выходцы, болѣе прочихъ славятся. Я ни какъ не

смѣю этихъ Жидовъ сравнить съ извѣстными намъ обыкновенными Жидами, кои площадь Русскую топчутъ: тѣ гораздо чище и опрятнѣе себя держатъ; съ ними негнусно быть вмѣстѣ. Нѣкто сдѣлалъ мнѣ примѣчаніе, говоря объ нихъ, что не они ли самыя потомки тѣхъ Евреевъ, кои были возлюбленный Израиль? ибо не вѣроятно, чтобъ такой поганый и прокаженный народъ былъ угоденъ Богу, каковъ Жидовскій, нынѣ намъ извѣстный въ Европѣ. Я почти согласился съ нимъ, или пожелалъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ былъ не въ ошибкѣ. Тутъ въ Караимскихъ рядахъ купилъ я множество табаку самаго лучшаго и трубокъ для заочныхъ моихъ пріятелей, диванъ для себя, духовъ для знакомыхъ барынь. Чѣмъ ихъ дарить лучше въ такіе годы можно, какъ мои, когда весь сердечный огонь уже выгорѣлъ? Намѣнялъ разныхъ Турецкихъ монетъ, и золотыхъ и серебряныхъ. Серебряныя ихъ деньги величиною въ нашъ рубль. Зовутъ ихъ левами и узлуками. Серебра въ нихъ очень мало, большая часть мѣди, чеканъ гіероглифической, и монета весьма не хороша на взглядъ, а золотая мелка и незначуща. Турецкія деньги въ Одессѣ ходятъ свободно: ихъ берутъ купецъ, разнощикъ, ямщикъ; всякой сдаетъ на нихъ нашими деньгами безъ затрудненія, не смотря на то, что торговля убита. Я не знаю, чего ѣздить покупать въ ряды, но всегда въ нихъ народу пропасть: ходятъ, тѣсняются, торгуютъ, и лавки въ Одессѣ пріятное гульбище.

Здѣсь есть Русская книжная лавка: я заглянулъ въ нее, купилъ свои сочиненія, и подарилъ любезной нашей хозяйкѣ: пусть она меня по нимъ помнитъ, а я и безъ книгъ ее не забуду. Французскими книгами торгуетъ иностранецъ въ домѣ своемъ. Я къ нему заѣзжалъ, но лавка его была заперта: онъ уѣхалъ на Бердичевскую ярмарку.

Мода вездѣ имѣетъ своихъ данниковъ: какъ ей и въ Одессѣ отказаться отъ своихъ пошлостей? Въ прекрасномъ магазинѣ подъ названіемъ: «Cesar Negri» вы найдете все, что можетъ въ мысль попасть приманчиваго. Я тутъ нашелъ и каррикатуры, коимъ по-дивился, пожалъ плечами и бросилъ: онѣ гравированы самымъ сквернымъ искусствомъ, ругательны, но ни мало не замысловаты, и, конечно, гдѣ ни будь въ чужой землѣ скуплены. Онѣ свободно

продавались по рублю серебромъ, а право лучше ихъ и острѣе можно достать на Спаскомъ мосту за 10 копѣекъ на превеликомъ листѣ. Но торговля не разбираетъ приличій: ей что ни поналось, лишь бы продать, и дорого.

ГЛАВА XXXVI.

Храмы Греческіе и иновѣрные.

Въ Одессѣ выстроены прекраснѣйшей архитектуры соборъ; онъ, по рисункамъ судя, уподобляется въ маломъ видѣ обширнымъ базиликамъ Европейскимъ, но нѣтъ при немъ соотвѣтственной колокольни; внутри церкви полъ насланъ изъ дикаго и чернаго мрамора; въ алтарѣ Цареградскіе разноцвѣтные изразцы даютъ ему видъ мозаическаго паркета; приступки между колоннъ, по коимъ входятъ въ храмъ, будутъ намощены лавой. Она уже написана и заготовлена. Что можетъ быть въ новомъ вкусѣ этого роскошнѣе? Жаль, что иконостаса нѣтъ хорошаго: онъ писанъ на ширмахъ, натынутыхъ холстомъ, на подобіе полковыхъ церквей. Утвари въ соборѣ богатой нѣтъ; видно, что заботились о наружной красотѣ зданія для города болѣе, нежели о внутреннемъ великолѣпіи дома Господня. Соборный Священникъ, по прозванію Огинскій, изъ ученыхъ Екатеринославской Академіи, человѣкъ благороднаго поведенія: онъ меня часто посѣщалъ, и я не безъ пользы съ нимъ бесѣдовалъ.

Другая церковь въ городѣ предполагалась, при началномъ его основаніи, во имя Св. Екатерины, но что же? Заложена, застроена до половины и брошена. Конечно, въ свое время все духовенство, собравшись въ ней, прославляло имя своей Монархини и, полагая камень краеугольный во основаніе новому дому Божію на новомъ мѣстѣ, среди языкъ иноплемennыхъ, конечно, благоговѣйный пастырь призывалъ Духа Божія на сей домъ молитвы. О, какъ времена, да и въ какой короткой срокъ, все истребляютъ! Нынѣ вы тутъ найдете недостроенныя стѣны открытаго со всѣхъ

сторонъ храма, которыя разрушаетъ и вѣтръ тлетворный, и морскія непогоды, и пуще еще пренебреженіе челоуѣковъ.

Вокругъ его всюду настроены казармы: тамъ живутъ солдаты; жены ихъ ходятъ выливать въ развалины храма всю домашнюю нечистоту; словомъ, воспѣтая и молитвословіемъ прославленная скинія обратилась въ мѣсто пустое и омерзительное. Древность предварила наложить на сей несовершенный храмъ печать свою, обложила его мхомъ и заросила травой, а тѣмъ почтила память соименной церкви сей Владычицы. Жаль, что я это видѣлъ, но увидѣвши, не могъ смолчать.

Церковь Греческая во всемъ подобна нашей и хорошей архитектуры, имѣетъ своихъ особыхъ священнослужителей. Дьячекъ въ нее меня водилъ и все мнѣ показывалъ; драгоцѣнностей нѣтъ ни какихъ; лишь образъ мѣстной Богородицы обвѣшенъ разными серебряными членами: ихъ дѣлаютъ и въ честь образа приносятъ тѣ, кои страдаютъ въ какомъ либо недугѣ и приписываютъ исцѣленіе свое чудотворной силѣ той иконы. Тутъ уши, глаза, персты и пр. и пр.

Католическая Римская Церковь на особомъ же дворѣ внутри города, небогата, но чисто и хорошо прибрана; при ней служатъ Капуцины. Онъ меня водилъ по всему строенію церковному: ходитъ по установленію своего Ордена, босый, въ однихъ туфляхъ, въ сѣромъ капотѣ, съ отложнымъ капишономъ, опоясанъ ремennымъ поясомъ и съ четками въ рукахъ. Онъ поминутно, ходя въ церкви, присѣдалъ предъ своимъ престоломъ. Нельзя не сказать, что этотъ знакъ почтенія очень забавенъ: я стократно предпочитаю ему земной поклонъ Христіанина; онъ означаетъ видимымъ образомъ поработеніе наше предъ Богомъ, а присядка ни чего не значить.

Раскольники (а гдѣ ихъ нѣтъ?) имѣютъ также свой особый домъ молитвы въ Одессѣ. Церковь ихъ во всемъ сходна съ нашими, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что не найдешь въ ней ни новаго письма, ни, сильнаго ихъ антагониста, Димитрія Ростовскаго.

Жи́ды также имѣютъ свою Синагогу: въ ней столько же нечисто все и гнусно, сколько сраменъ и родъ поклонниковъ. Я зашелъ слишкомъ поздно; уже служба ихъ отошла. Они ежедневно ходятъ молиться; нѣсколько лѣнливыхъ Евреевъ еще тутъ было, закутавши голову въ бѣлыя большія покрывала съ пришитыми на макушкѣ рожками, кои будто бы представлять должны чело Боговидца Моисея: они по книжкамъ своимъ славятъ Бога. Жи́ды всѣ знаютъ грамотѣ: нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы съ отроческихъ уже лѣтъ не читалъ декалога и не наученъ былъ криво, или правильно, въ своемъ Законѣ. Въ школахъ они предъ рѣзнымъ своимъ кивотомъ читаютъ псалмы, распѣваютъ ихъ самымъ дикимъ голосомъ, стараясь даже, что очень примѣтно, избѣгать всякой гармоніи въ тонѣ, не снимаютъ глазъ съ книги, оборачиваются по большей части къ стѣнѣ лицомъ, чтобы ни кого не видать, и, дабы еще меньше развлекать свои мысли, они безпрестанно кривляются, разныя дѣлаютъ безобразныя тѣлодвиженія, думая (такъ я отъ нихъ же слышалъ), что работа всѣхъ мускуловъ во время ихъ кривлянья устремляетъ согласно всѣ ихъ способности къ одному предмету, т. е., къ Богу и молитвѣ: но я въ этомъ мало удостовѣренъ. У нихъ двѣ храмины для сборища: одна для лѣта, холодная, другая зимняя, съ печами. Раввинъ ихъ человѣкъ съ виду самый плохій, и глаза его не общаются ни ума, ни смысла. А кагалъ* (такъ называется ихъ расправный судья), по нѣкоторымъ чертамъ лица и выпуклостямъ черепа, соглашаясь съ примѣчаніемъ Лафатера и Галла, долженъ быть плутъ; на табернаклѣ или престолѣ ихъ одно только имя Божіе написано: «Егова», съ изображеніемъ скрижали Завета, а въ ковчегѣ нѣсколько Библій хранятся въ свиткахъ на пергаментѣ. Передъ нимъ Раввинъ отправляетъ молитвы и кричитъ во всю силу гортани. Они щеголяютъ паникадилами: у нихъ много свѣтъ во время Субботы зажигаютъ, а еще болѣе въ праздничные дни. Жи́ды охотники до книгъ церковныхъ, и раскупаютъ ихъ въ великомъ множествѣ. При мнѣ ихъ

* Кагалъ собственно мѣсто расправы Еврейскихъ мірскихъ старѣйшинъ; далѣе община Еврейская, міръ ихъ; старшина же, въ родѣ Еврейскаго Старосты, Судьи, Головы, называется Кагалный. О. Б.

же землякъ, одинъ Жи́дъ, изъ числа такихъ, кои ѣздятъ по всему бѣлому свѣту обманывать всѣхъ безъ различія, навезъ въ эту сторону изъ Польши возъ цѣлый Еврейскихъ книгъ: и что жъ? при мнѣ почти всѣ раскупили.

Всѣ эти церкви я обходилъ въ одно и то же утро; индѣ заставлялъ службу, въ другомъ мѣстѣ нѣтъ. Сколько вошло въ умъ мой размышленій, глядя на сіе разнообразное единому существу служеніе! Не одинъ ли Богъ, думалъ я, и Творецъ всей видимой твари? Но сколько разныхъ поклонниковъ! Всѣ призываютъ Его благодать, Его одно имя имянуютъ, но всякій языкъ и племя свои вводитъ обряды и почитаетъ ихъ лучшими. Ахъ! для чего не дано человѣку отъ матери его, природы, чтобъ жертва его и возношенія къ престолу Вседержителя были одинаковы повсюду и вдохновенны въ него единственнымъ источникомъ всего добраго въ мірѣ? Для чего разумъ каждаго изъ насъ на такъ простъ, какъ самъ Богъ, какъ истина, какъ душа наша?

ГЛАВА XXXVII.

Правительства военное и гражданское.

Военный Губернаторъ, Дюкъ де Ришелье, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Градоначальникъ Одессы. Новое мѣсто сіе обязано его попеченіемъ всей своей настоящей славой. Онъ, конечно, на всѣ усилія возможные готовъ для возведенія Одессы на тотъ степень славы, какого отъ мѣстоположенія своего она ожидать можетъ. Дюкъ имѣлъ тутъ тогда 5 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ гусаръ и полкъ Казаковъ, который по берегу Днѣстра держитъ кордонъ вплоть до Херсона: есть чѣмъ оборониться. Дюкъ управляетъ, сверхъ того, Губерніями: Крымской или Таврической, Екатеринославской и Херсонской, и имѣетъ въ завѣдываніи своемъ до 15 крѣпостей. Гавани обѣ, военная и купеческая, снабдѣны большимъ числомъ орудій: прекрасная на морѣ мебель! Они всегда готовы къ дѣлу, и около ихъ не спятъ.

Уголовныя дѣла производятся или въ Магистратѣ, или въ Тираспольскомъ Уѣздномъ Судѣ; ибо въ Одессѣ самой нѣтъ ни какого Дворянскаго мѣста, и оттуда поступаютъ на ревизію въ Херсонскую Уголовную Палату. Преступники, на работы по крѣпостямъ изъ сердца Россіи присылаемые, тѣмъ же порядкомъ препровождаются, какъ и во внутренности Имперіи, не смотря на то, что здѣсь по большой дорогѣ почти нѣтъ населенія, и едва ли не отъ того боятся заселять тамошнія степи, что разныя подобныя повинности слишкомъ были бы отяготительны. Россія слишкомъ велика, чтобъ съ конца и до конца одинакой могъ дѣйствовать распорядокъ.

Полиція городская состоитъ изъ одного Полицмейстера, и нѣсколькихъ при немъ Офицеровъ; бутокъ нѣтъ; вмѣсто Сотскихъ и Десятскихъ, нанимаются Жиды и всякой вольной сбродъ, на коихъ и утверждается благочиніе города и спокойствіе обывателя. Комендантъ отправляетъ собственную свою должность. Онъ кажется быть человѣкомъ зажиточнымъ: садъ его есть лучший садъ въ городѣ; всякое дерево тамошнее вы въ немъ найдете; плодовъ и винограду множество.

Коммерческій Судъ имѣетъ ретиваго, свѣдущаго и весьма достойнаго Президента въ особѣ Графа Сентъ-При. Въ немъ отправляются всѣ торговыя дѣла, и рѣшительный его приговоръ приводится въ исполненіе, не смотря на апелляцію, разумѣется, съ утвержденія Градоначальника. Одесса по симъ дѣламъ подѣ ревизіею 8-го Департамента Правительствующаго Сената.

Учетная Контора есть мѣсто самое благотворительное для Одессы. Она желающему строиться даетъ въ займы деньги подѣ залогъ и вѣрныхъ въ городѣ поручителей. Занявъ нѣкоторый капиталъ, вы ставите домъ, и отдаете его тотчасъ въ наймы. Доходъ съ него въ нѣсколько лѣтъ выплачиваетъ долгъ вашъ, и вы вдругъ, пріѣхавши въ Одесу безъ денегъ, но съ удостовѣреніемъ порукъ, дѣлаетесь, лѣтъ черезъ пять, гражданиномъ тутошнимъ, имѣете домъ, и получаете съ него доходъ. Самое полезное заведеніе!

Страховая Контора имѣетъ свое собственное учрежденіе. Она ведетъ дѣла свои слѣдующимъ порядкомъ: отдаваемому на страхъ

судну чинится осмотръ и смѣта. Если оно дошло благополучно, хозяинъ платитъ положенную сумму; если погибло, но, разумѣется со всѣмъ экипажемъ и людьми, что весьма рѣдко случиться можетъ, тогда Страховая Контора платитъ по смѣтѣ всю сумму, которой стоило судно. Капиталъ Конторы составленъ изъ взносов отъ многихъ суммъ, кои приносятъ значительную своимъ хозяевамъ прибыль.

Почта Одесская приноситъ доходу, какъ слышалъ я, съ перевода денегъ и писемъ, всего до 7 тыс. руб. въ мѣсяцъ, и при такомъ сильномъ, можно сказать, сборѣ, ей не отпускаютъ на постройку дома, котораго нѣтъ, 12-ти тысячъ. Въ приходѣ записывать и казна любитъ больше, нежели въ расходѣ.

Главное правительство въ Одессѣ называется Комитетомъ: въ немъ первое лице самъ Градоначальникъ. Сколько я могъ дознать отъ другихъ, на означенномъ мѣстѣ лежитъ весь распорядокъ города, а паче городскихъ повинностей. Доходы Одессы, въ сравненіи съ обыкновенными другими городами, конечно, весьма велики; но какъ сравнивать и надобности сего порта съ другими внутренними городами? Государь изволилъ въ пользу ея отдать весь откупной доходъ, что составитъ, сказывали мнѣ, до 200 тыс. капитала ежегоднаго. Сверхъ того, Одесса получила отъ казны заимообразно 400 тыс. рублей, съ условіемъ, что городъ выплатитъ сію сумму въ извѣстное число лѣтъ и съ прибавкой 6 т. процентовъ на годъ. Ни чего этого не жаль!

Одесса сама собою указываетъ выгоды свои настоящія и будущія. Довольно побывать въ ней день, или два, чтобъ удостовѣриться въ пользѣ, которая отъ нея происходитъ удобна. Такъ разсуждая объ ней, не жаль ни какихъ капиталовъ, тѣмъ болѣе, что виды Градоначальника, сколько общая молва то разноситъ, совершенно устремлены на украшеніе Одессы, утвержденіе ея пользы и расширеніе ея выгодъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Богоугодныя и полезныя заведенія.

Одесса обязана своему Начальнику многими полезными и увеселительными заведеніями; начнемъ съ перваго.

Здѣсь учреждено училище подъ надзоромъ иностранца, по имени Волсей. Привилегіи сего Института состоятъ въ томъ, что обучившійся въ немъ мальчикъ черезъ 6 лѣтъ отправляется въ Резиденцію и получаетъ, при выпускѣ его отсюда, чинъ Офицерскій въ арміи; а по тому и воспитаніе дѣтей, сюда записанныхъ, основано на правилахъ, сообразныхъ воинскому назначенію. При насъ было 130 человѣкъ. Тутъ есть Молдаване, Крымскихъ Татаръ и Казачіе дѣти, безъ различія Вѣръ и сословія. Говорятъ, что надзиратель ихъ, Волсей, очень хорошо съ ними обходится. Видѣвши одинъ разъ этѣ заведенія, я основательно ни согласиться, ни опровергнуть того не могу. Но естли по афишкамъ судить, кои прибиты къ дверямъ покоевъ и гдѣ многія черты грубости Г. Волсея очень видны, то я не думаю, чтобъ онъ былъ кроткихъ нравовъ человѣкъ. Положимъ, что не мѣшаетъ ему быть съ дѣтьми благосклоннымъ и вѣжливымъ то, что онъ нѣсколько жестко, какъ слышалъ я, обходится съ родственниками и посѣтителями Пансіона, но не пускать ни кого охотно смотрѣть внутренности училища значитъ уже безнадежность въ порядкѣ.

Тѣ изъ учениковъ, кои хорошо себя ведутъ и лучше прочихъ, отличаются цѣлую недѣлю особымъ знакомъ: они носятъ на ленточкѣ въ петлѣ вензель Государевъ. Это возвышаетъ духъ, ободряетъ юношество. Черезъ недѣлю передается этотъ знакъ другому. Напротивъ, наказанія ихъ мнѣ не понравились. Когда мальчикъ не послушаетъ, его кладутъ въ постель, и онъ, какъ больной, долженъ цѣлый день пролежать въ ней. Я не думаю, чтобъ это было хорошо. Морально судя, кажется мнѣ, для ребенка лѣниваго это не штрафъ; ибо онъ лежа не учится и ни чего не дѣлаетъ; мысль его свободна отъ занятій полезныхъ, кружится въ пустякахъ и можетъ быть въ затѣяхъ не совсѣмъ безо-

рочныхъ, отъ которыхъ ни какое бдительное око досмотромъ своимъ не остережетъ, а отсюда постепенно переходъ къ физическимъ неудобствамъ: мы найдемъ, что ребенокъ, въ свободѣ лежа на постелѣ, Богъ знаетъ, какія опасныя шалости скроетъ отъ самыхъ приставниковъ; да естли и ничего тутъ не предполагать худаго, одно бездѣйствіе въ юношескомъ возрастѣ столь же можетъ быть вредно, сколько напряженныя усилія въ возрастѣ старшемъ. Надобно, чтобъ мальчикъ былъ живъ и рѣзовъ: этого требуетъ натура; но чтобъ онъ не шалилъ, и для этого не столько охранительныя штрафы, какъ неусыпность хожатыхъ.

Домъ для сего училища построенъ изъ городскихъ доходовъ. Онъ великъ, опрятенъ и хорошъ; все содержаніе дѣтей отменно рачительно со стороны пищи, одежды и прислуги. За каждаго мальчика платятъ отдающіе его по 500 руб. въ годъ. Государь изволитъ, какъ я слышалъ, за нѣсколькихъ питомцовъ вносить свои деньги. Учителей содержатъ за дорогую плату, и лучшихъ, какихъ достать можно, и все, что только прикосновенно къ воинскому состоянію, все тутъ преподается; сверхъ того не лишены они и нѣкоторыхъ пріятныхъ художествъ.

Съ перемѣной предмета, по на тѣхъ же хозяйственныхъ началахъ, основанъ и женскій Пансіонъ въ другомъ отдѣленномъ домѣ. Тамъ надзирательница—жена Господина Волсея. Дѣвушекъ было при насъ до 30-ти; каждая изъ нихъ платитъ нѣсколько поменьше 500 руб., но выше 400; ихъ обучаютъ 4-мъ языкамъ: Россійскому, Нѣмецкому, Французскому и Англійскому, музыкѣ и танцевальному искусству, и сей Пансіонъ очень хорошо устроенъ.

Одесса можетъ хвастать своимъ городскимъ Лазаретомъ: я до сихъ поръ нигдѣ не видалъ такого хорошаго. Онъ построенъ отъ города; залы для помѣщенія больныхъ превеликія, человѣкъ до ста въ одной уложить можно; всѣ средства къ очищенію воздуха приняты; за то и можно гулять по тамошней больницѣ, какъ въ самой чистой большаго барина залѣ: ни что не оскорбляетъ ни взора, ни обонянія. Распорядокъ ея основателенъ и всѣ необходимости столь полезнаго заведенія удовлетворены.

Мнѣ показывали въ больницѣ карету, сдѣланную нарочно для купанья: она закладывается въ одну лошадь сзади и спереди. Въ ней можно въѣхать въ море, и выѣхать изъ него свободно. Польза выдумки, думаю, въ томъ, что дама можетъ одѣться и раздѣться самымъ скрытнымъ образомъ. Но это недостаточно: какая женщина захочетъ въ виду всего города погрузиться въ море и нырять въ немъ, какъ Наяда? Кромѣ непристойности, зной прожжетъ черепъ; море открыто, отмели зелены и зловонны; надобно далеко объѣзжать и искать чистаго берега для плаванія. Нигдѣ купальни нѣтъ, ни ванны закрытой; слѣдовательно, всякой любопытный можетъ смотрѣть на васъ въ самую нечаянную минуту; отъ этого, думаю, и карета безъ употребленія, и дамы, да и мужчины, многіе не купаются.

Лѣкари говорятъ, будто садиться въ море очень здорово. Я въ одно утро собрался было попробовать этой пользы, и пошелъ по скаламъ узинькой тропинкой. Слуга передо мною несъ стулъ и нужныя вещи: стулъ изъ рукъ его сорвался и полетѣлъ до края моря съ высокой горы безъ остановки; я шествовалъ за нимъ по крутому камню и, взглянувши на пропасть, въ которую полетѣлъ стулъ, отложилъ намѣреніе повѣрять на себѣ докторскую систему. Долго ли потерять равновѣсіе? Тутъ можно тысячу смертей найти въ рывтинахъ между горъ прежде нежели достигнуть тѣхъ мѣстъ, гдѣ утопиться опасно.

ГЛАВА XXXIX.

Общественныя увеселенія.

Для баловъ въ домѣ зажиточнаго купца Repoudъ есть клубная зала съ гостинными покоями и бильярдами: она продолговатой фигуры. По всѣмъ стѣнамъ протянута колоннада, и надъ нею хоры. Видъ галереи сей величественъ: она искусно расписана. Принадлежащія къ ней покои для картъ и стола также хорошо убраны. Зала помѣститъ можетъ человекъ до 600, и бываетъ, сказывали мнѣ, иногда полна; лѣтомъ не съѣзжаются. Въ этомъ же

строеніи, независимо отъ клуба, кофейный домъ, и при немъ особый бильярдъ. Я тутъ очутился въ первомъ мѣстѣ съ пріѣзда въ Одессу, заходилъ и послѣ очень часто лакомился прекраснымъ мороженымъ изъ абрикосовъ: роскошь не очень обыкновенная въ Губерніяхъ.

Театръ—одно изъ прекраснѣйшихъ зданій въ городѣ и на лучшемъ мѣстѣ. Ложи расположены полукругомъ въ три этажа; надъ третьимъ раекъ, партеръ амфитеатромъ; онъ въ нѣсколько уступовъ и подъ нимъ креслы. Все устроено съ наилучшимъ размахомъ и со вкусомъ. Театръ сталъ въ 40 тыс., въ число коихъ Государь пожаловалъ изъ кабинета 20 тыс., остальные употребилъ городъ. Гардеробъ, какъ слышалъ я, очень достаточенъ, декорации нѣкоторыя видѣлъ, и нашелъ ихъ изрядными; при мнѣ, какъ я смотрѣлъ театръ, выставлена была «Тюрьма» (мнѣ пришло на мысль, что коммерція сидитъ въ ней и ждетъ развязки своей драмы); одинъ только недостатокъ: ни трупы, ни актеровъ. Иностранный спектакль не поддерживается; хотя имѣтъ Русской: выписывали разныя частныя общества актеровъ, предлагали даже Князю Шаховскому переселиться съ своими артистами изъ Нижняго въ Одессу, давали хорошія деньги, но, сказываютъ, охотниковъ не сыщутъ, ни кто не ѣдетъ.

Для публичныхъ прогулокъ лѣтомъ разведенъ садъ внутри города. Въ немъ Итальянка Марья готовитъ славное мороженое, и мы туда хаживали часто дарить ее своимъ мелкимъ серебромъ. По Воскресеньямъ жители города съѣзжаются сюда гулять и видѣться между собою. Я тому не былъ личный свидѣтель. Одно взялъ только Воскресенье, но гроза не выманила ни кого со двора. Весь садъ разбитъ не шире, какъ на 100 саж., но всѣмъ наполненъ. Вы тутъ увидите тополи, раины, всѣ тамошнія деревья. Стройный ростъ ихъ и видъ восхищаетъ. Плачущая ветла, любимое мое деревцо, всегда плѣняла взоръ мой. Какая роскошь дать можетъ то, что натура расточаетъ даромъ? Да и Марья такъ добра, такъ услужлива! Она мастерица дѣлать макароны и пуленту Итальянскую. Я въ одинъ вечеръ заказалъ оба этѣ блюда, и въ пріятельской бесѣдѣ любезнаго Сентъ-При, съ его и моимъ семействомъ, насладились Римской сей трапезой.

Кромѣ означеннаго сада, видѣли уже выше, что и у Коменданта здѣшняго есть садъ. Я объ немъ слегка упомянулъ, но нельзя не повторить, что садъ его одинъ изъ рѣдкихъ въ Россіи качествомъ деревь и вкусомъ плода. Все превосходное тамъ, но не всякой можетъ въ него входить, когда хочетъ. Потребно дозволеніе, приглашеніе, снисхожденіе, и пр. и пр. А къ Марѣ можно ходить просто, безъ зову и чиновъ; ворота отперты; ветла плакучая тутъ, мороженое готово: чего больше? Еще разъ: чего больше для прогулки въ саду.

Говоря о садахъ въ городѣ, какъ умолчать о хуторѣ самаго Дюка, гдѣ всякой свободно гуляетъ, когда хочетъ, гдѣ и я, съ нимъ и безъ него, былъ, сколько могъ. Онъ его устроилъ въ верстѣ отъ города, въ долинѣ, окруженной горами; тутъ садъ его разросся и очень густъ: онъ его самъ разводилъ. Всѣ деревья посажены только 9-ть лѣтъ тому назадъ, но они даютъ уже изрядную тѣнь. Чего тутъ нѣтъ въ растительномъ царствѣ? Здѣсь отмѣнно скоро земля выгоняетъ всякое растеніе. Тутъ я видѣлъ плодъ, называемый Французами *coing*, по здѣшнему айва, но онъ еще не поспѣлъ. Обычай не велитъ, да и жаръ препятствуетъ, прежде вечера слоняться на воздухѣ; а какъ вечеръ и сумерки очень смежны во всѣхъ градусахъ, то я, гуляя по саду Дюка, не могъ разглядѣть качество и родъ деревь. Я слѣпъ, и худо вижу, когда на дворѣ темно. Для любопытнаго день въ Одессѣ очень коротокъ, не отъ множества предметовъ, — этого я не солгу, — но отъ жару: въ зной не хочется тронуться съ мѣста; а какъ жаръ свалитъ и получишь прохладу, тотчасъ бросишься туда, сюда, но мало уже размотришь. Садъ Дюка есть совершенный образецъ того, что могутъ постоянные и пристрастные труды въ степи; да и въ самомъ палящемъ климатѣ, по крайней мѣрѣ въ Россіи (конечно, въ Африкѣ жарче: кто этого не знаетъ?). Дюкъ такой насадилъ вертоградъ, какого и въ самыхъ удобныхъ для того мѣстахъ не увидишь. Къ тому же здѣсь ключъ самой чистой воды брызжетъ изъ прекраснаго колодца, который Дюкъ отдѣлалъ и убралъ. Здѣсь онъ съ своими короткими приходитъ, или приѣзжаетъ верхомъ, забывать свои недосуги. Глядя на такое милое убѣжище, какой странникъ не пожелаетъ собственности и не вздохнетъ, если онъ ее не имѣетъ?

ГЛАВА XL.

К о л о н і и.

Быть въ Одессѣ и не посмотрѣть тамошнихъ колоній — грѣшно. И такъ я въ нихъ отправился въ компаніи Графа Сентъ-При, съ начальникомъ поселенцовъ Г. Р., который съ охотой вызвался самъ удовлетворить нашему любопытству. Лишь выйдешь изъ Одессы — опять степь: ни лѣсу, ни воды; вездѣ ветлы и вербы для тѣни. Не смотря на зной, лошади мчатъ, и по 15 верстъ въ часъ безъ принужденія уѣдешь. Въ нашихъ мѣстахъ, особливо гдѣ пески, это животное такой скачки не вынесетъ.

Первая колонія въ 20 верстахъ отъ города и названа Либенъ-Таль. Она населена Лютеранами, вышедшими изъ Швабіи, области Виртембергской и другихъ частей Германіи. Мы къ нимъ приѣхали довольно рано, лишь только отошли обѣдни, и застали тутъ свадьбу. Молодые выходили съ своей свитой изъ церкви; домашніе встрѣчали ихъ съ пальбой изъ пистолетовъ и мелкихъ фузей; у дому ихъ играла музыка, изъ тутошнихъ мужиковъ составленная; оркестръ состоялъ въ 2 скрипкахъ, 2 валторнахъ, 1 кларнетѣ, 1 фаготѣ и 1 длинномъ барабанѣ; играли не превосходно, но согласно: не драли, по крайности, ушей. Я очень любовался на эту простую сельскую картину. Какъ смѣнить натуральную веселость человѣка довольнаго съ бѣшенымъ крикомъ нашихъ пьяныхъ мужиковъ, когда они, обрадовавшись чему ни будь, перепьются на кабакѣ и валяются по улицамъ! Хмѣль во всякомъ человѣкѣ досаденъ, а веселость, напротивъ, во всякомъ пріятна.

Молодые позвали насъ къ себѣ; мы вошли въ ихъ покои: тѣсно, но дружелюбно! Тутъ ихъ родные и ближніе; столъ накрытъ приборовъ на 30 безъ тщеславнаго мотовства и непристойной роскоши, но просто, чисто и опрятно. Вотъ въ чемъ состоитъ богатство природы! Первое мѣсто между посѣтителемъ занималъ Пасторъ. Я съ нимъ нѣсколько поговорилъ, и онъ мнѣ показался человѣкомъ рѣшительнымъ и отважнымъ.

Полюбовавшись на торжество Гименей, зашли мы къ Волостному Головѣ той колоніи, и у него позавтракали. Онъ раз-

велъ у себя преизрядный садикъ, насадилъ подѣ окошками деревья Грецкихъ орѣховъ, кои послѣ 4 лѣтъ и плодъ ему давали. Хозяйка его потчивала насъ свѣжимъ хорошимъ масломъ и кофеемъ. Я вспомнилъ нашихъ колонистовъ подѣ Петербургомъ, и такъ аппетитно, или, по Русски сказать, жадно еще во всю дорогу не ѣлъ, какъ тутъ: чистота въ домахъ около очага и самовара, словомъ вездѣ, совершенная. Здѣсь есть очень хорошаго построенія мельница, которая работаетъ лошадьми и не знаетъ ни въ какое время остановки. Какая полезная механика для жителей безводныхъ!

Отсюда отправились далѣе въ другую сторону, и въ 15-ти верстахъ еще заѣхали въ колонію Іозефсталь, населенную Католиками изъ Эльзаса. Тутъ также только что отпѣли обѣдню, но, вмѣсто свадьбы, ожидалъ насъ хорошій обѣдъ, приготовленный Г. Р., который, какъ хозяинъ заведеній сихъ, имѣлъ учтивое попеченіе объ угощеніи нашемъ. Тотчасъ предсталъ къ намъ Капуцинъ, тотъ самый, о которомъ я говорилъ, описывая городъ. Онъ наѣзжаетъ сюда для требъ церковныхъ и обѣдни. Я его все также, какъ и въ городѣ, видѣлъ съ капишономъ, четками и длинной бородой, босъ и въ сандаляхъ; лице его возвѣщаетъ, что онъ вѣкъ изжилъ не безъ проказъ, хотя и духовный санъ носить. Богомолки шли на встрѣчу намъ изъ своей кирки съ церковными книжками и смиренными лицами.

Мы здѣсь прекрасно отобѣдали и пили хорошее вино; Понъ Нѣмецкій отъ своей братии мужчинъ не отставалъ; послѣ обѣда водилъ онъ насъ смотрѣть кирку, и поселяне многіе уже тутъ собраны были на вечернія молитвы не по наряду какому, а по произволу и обычаю своему. Пасторъ ни чего не служилъ, но они сами пѣли разные стихи и духовныя пѣсни; всякой кричалъ въ свою мочь. Шумъ неугомонный! Кирка небогата, но пристойна. Я бывалъ въ нихъ прежде, и очень дивился, найдя въ этой на престолѣ зеркала, передъ коими высокія горѣли свѣчи. «Для чего это?» спросилъ я?—«У насъ, сказалъ мнѣ одинъ, въ нашей землѣ этого не водится, но прежній Пасторъ завелъ.»—«А на что же, Господинъ Капуцинъ?»—«Пустыя мѣста были на престолѣ: онъ не зналъ, чѣмъ ихъ наполнить, и счелъ красивѣе всего поставить

зеркала.» Изрядная выдумка! Убирать престолъ какъ нахтышъ. Скоро мы увидимъ на немъ и духи и румяна. Къ несчастію, не ввелось ли и у насъ Царскія двери дѣлать изъ зеркалъ? Какія затѣи!

Пропѣвши свои канты, богомольцы вышли изъ церкви очень собою довольны. Я, виноватъ! подумалъ про себя, что они не столько изъ набожности туда ходили, какъ для прохлады: въ тамошнихъ мѣстахъ отграднѣй было днемъ во всякомъ нежиломъ строеніи, нежели на дворѣ и подѣ прямымъ лучемъ солнца.

Г. Р. приказалъ показать намъ овецъ, тутъ же воспитываемыхъ для одного только опыта. Мы видѣли сотъ до 7-ми ихъ въ одномъ стадѣ: смѣсь разныхъ породъ; есть, однако, и мериносы; ихъ стригутъ разъ въ годъ, въ Маѣ, а простыхъ овецъ два и три раза, но та шерсть выгоднѣй и лучше. Мериносы перерождаются одинъ разъ въ годъ, и когда овца производитъ двухъ вдругъ, то одного изъ простыхъ ягнятъ колютъ, чтобъ сосцы раздѣлить на двухъ хорошихъ, и тѣмъ умножить плодъ добрыхъ овецъ. Я говорю, что слышалъ; прибавлю къ тому, что славный содержатель овчаренъ Г. М. многихъ покупателей обманулъ, и доставлялъ имъ скверныхъ овецъ, кои въ одинъ годъ дохли. Это мнѣ сами помѣщики рассказывали. Вотъ все, что я узналъ о сей вѣтви промышленности; впрочемъ, не будучи большой знатокъ въ хозяйствѣ сельскомъ, я не распространю моихъ собственныхъ примѣчаній, кои могутъ быть ошибочны, а по тому не только безполезны, но и вредны.

Возвращаясь домой еще до заката солнечнаго, я не могъ довольно надивиться окружающимъ меня предметамъ. Что можетъ быть страннѣе, какъ воображать себя въ Россіи и въ степи у береговъ Чернаго моря, ѣздить на почтовыхъ лошадяхъ съ иностранной збруей и упряжкой, слышать разговоръ Нѣмецкой и Французской на козлахъ, и быть въ невозможности изяснить по Русски ни съ кучеромъ, ни съ форейторомъ? Это для меня очень было ново и дико послѣ нашихъ плечистыхъ ямщиковъ, кои, заткнувъ за поясъ кнутъ, попѣваютъ сквозь сонъ заунывные свои пѣсенки.

Господа Нѣмцы, однако, ѣздить не мастера: сидятъ на козлахъ чинно, покуриваютъ табакъ, сворачиваютъ круто, правятъ неосторожно, спускаются съ вершинъ быстро, и до смерти было переѣхали нашей коляской бѣдную дѣвчонку, которой едва могли помочь подать. Я отъ этой глупой неосторожности чужаго кучера плакалъ больше, нежели заплачетъ иногда отважный злодѣй отъ умышеннаго преступленія. Какъ тяжело съ удовольствіемъ своимъ хотѣть и нечаянное соединить бѣдствіе другого! Суди Богъ нашего глупаго Эльзаскаго кучера!

Въ Католицкой колоніи мы были въ 15 верстахъ отъ Овидіополя и въ 18-ти отъ Аккермана, мѣста, изобильнаго виноградомъ; не далеко ужъ и до Царьграда: эхъ насъ куда занесло!! Мнѣ хотѣлось спуститься въ Овидіополь: онъ былъ самая нижняя наша крѣпостца, пока вновь другихъ не завоевали; мнѣ вдвое по тому хотѣлось въ ней побывать, что Екатерина, вообразивъ тамъ гробъ Овидіевъ, поснѣшила дать и имя его городу; но тогда, бывши съ обществомъ, я не могъ отъ него удалиться, а одному нарочно съѣздить не удалось. Дорога туда лежитъ гладкая и прекрасная; разстоянія не больше 40 верстъ отъ Одессы. Исторія передала намъ, что Овидій точно на берегу Чернаго моря былъ сосланъ и умеръ; но не доказано ни чѣмъ, чтобы это случилось точно тамъ, гдѣ нашъ Овидіополь. Такъ точно и Ольвія, древній городъ Римскій, далъ имя свое городку Ольвіополь, но рытвины и находки древностей въ дачахъ, принадлежащихъ нынѣ Графу Безбородьку, и о которыхъ я писалъ въ своемъ мѣстѣ, удостовѣряютъ, что и въ этомъ была ошибка.

До города оставалось намъ проѣхать 28 верстъ ближайшимъ путемъ. Шампанское Господина Р. меня такъ усыпило, что я не видалъ, какъ мы ихъ проскакали. Въ вечеру я загадывалъ съѣздить въ садъ на гулянье: Воскресный день былъ, а оттуда въ клубъ; но буря, громъ, молнія и дождь ведромъ встрѣтили насъ у Одесской заставы, и мы доѣхали до нашей квартиры, глядя во весь вечеръ съ балкона на воздушную трескотню и волненіе небесной нашей видимой крышки.

На вопросъ: давно ли и на какомъ основаніи колоніи вокругъ Одессы населены? хотя я не могу дать очень удовлетво-

рительнаго отвѣта отъ многихъ причинъ, однако не могу же чего ни будь не сказать самымъ поверхностнымъ образомъ. Вотъ, какъ я слышалъ, ихъ коренное постановленіе! Вывезено до 16 тысячъ семей Лютеранскаго и Римскаго Исповѣданія изъ всей Германіи и Эльзаса. При водвореніи ихъ въ нашихъ степяхъ, давать имъ предназначено по 60 десятинъ земли и по 355 руб. деньгами на постройку хатъ, покупку рогатаго скота и збури, со льготой на 10-ть лѣтъ, т. е., съ свободой отъ всякой подушной повинности. Во все это время положено судить ихъ въ общихъ Гражданскихъ Трибуналахъ только по такимъ дѣламъ, кои ведутъ за собой каторжное наказаніе, въ прочихъ же меньшаго рода преступленіяхъ, не таская ихъ по Судамъ и разнымъ инстанціямъ, они подвергаются легкимъ наказаніямъ палками въ своихъ селеніяхъ по приговорамъ Волостныхъ ихъ Правленій, съ утвержденія главнаго начальника, котораго должность при насъ исправлялъ Г. Р. Они дѣлятся на деревни: каждая имѣетъ Выборнаго подъ названіемъ Шульца; а въ нѣсколькихъ деревняхъ установленъ одинъ общій Приказъ, и тутъ, по примѣру нашего Головы, юстиціей правитъ Оберъ-Шульцъ. О! этѣмъ людямъ очень хорошо жить: у нихъ и свѣжее масло, и кофе для гостей, и славные орѣшники Грецкіе въ садахъ растутъ. Всякой Приказъ имѣетъ Секретаря и нужное число писцовъ для производства дѣлъ.

Я не хотѣлъ дать вѣры всѣмъ тѣмъ предосудительнымъ рассказамъ, которые внушалъ мнѣ садовникъ Французъ, поселившійся въ слободѣ Лютеранъ; по тому что худому я привыкъ вѣрить гораздо позже и съ большою осторожностью, кромѣ того худа, которое увижу самъ; но говоря съ рядовыми колонистами, вникая въ ихъ распорядокъ, угадывая изъ двухъ, трехъ, словъ тѣ 20 и 30 рѣчей, коихъ они выпустить не смѣютъ, и на нѣкоторыхъ видимыхъ вещахъ основывая заключеніе, я не думаю быть ни дерзкимъ, ни безразсуднымъ, когда скажу, не распространяя моей догадки, что здѣшніе колонисты не такъ счастливы на мѣстѣ, какъ въ журналахъ нашихъ и вѣдомостяхъ, и что многіе изъ нихъ, если бы могли отдать то, что имъ казна по книгамъ будто выдала впередъ, не остались бы здѣсь и на день. Я охотно вѣрю и тому, что это должно приписать болѣе любви къ родинѣ, по которой всякому скучать естественно, нежели худому содер-

жанію въ новомъ отечествѣ. Больше я ни чего не скажу, да и не у мѣста было бы задерживать на пути моего читателя. Для догадливаго, кажется, я сказалъ довольно.

ГЛАВА XII.

Мои знакомства.

Чтобъ видѣть все то, что заслуживаетъ примѣчанія въ Одессѣ, мнѣ нужны были благосклонныя пособія тамошняго начальства. Къ достиженію оныхъ снабдился я письмами къ Дюку де Ришелье и къ Графу Сентъ-При, и тотчасъ развезъ ихъ по пріѣздѣ самъ.

Дюка еще не было въ городѣ, какъ я пріѣхалъ, но на завтра онъ воротился изъ Херсона, куда отлучался крестить у тамошняго Губернатора. Онъ меня принялъ очень просто и безъ дальнихъ чиновъ, и самъ посѣтилъ меня раза съ два; возилъ меня съ собою по заведеніямъ Одессы и все любопытное съ удовольствіемъ мнѣ показывалъ. Онъ еще не старъ; не имѣя жены, угощеніе его самое холостое. По приглашенію его я у него обѣдалъ. Домъ не обширенъ; услуга не велика; столъ хорошій безъ роскоши. Вообще живетъ очень просто и, не имѣя большаго состоянія, не много, думаю, проживаетъ; охотникъ до садовъ, что свидѣтельствуется его хуторъ, и крайне сердится, когда встрѣтитъ попорченное дерево на улицѣ, или при чемъ либо домѣ. Видно изъ всего, что очень любить тамошній край, и особливо Одессу, которая слыветъ его балованнымъ дитятей. Дамы къ нему не приглашаются, кромѣ условныхъ большихъ праздниковъ и торжественныхъ сѣздовъ. Изъ мужчинъ лучшее его общество въ городѣ и за городомъ составляютъ купцы, и не всегда самые знатные. Торговля требуетъ, чтобъ это сословіе людей было отлѣчено, и отъ этого начала происходитъ короткое его съ нимъ обращеніе. Дюкъ говорить по Русски худо и въ бесѣдѣ остороженъ. Лишняго выпустить мало, по крайней мѣрѣ, при людяхъ стороннихъ: говорятъ, что онъ съ короткими на слова свободнѣе.

Послѣ обѣда обыкновенно у него подадутъ всѣмъ гостямъ длинныя трубки, и всѣ закурятъ табакъ. Я страненъ казался, отказавшись отъ этого угощенія; а самъ видя хозяина и гостей сидѣвшихъ на широкомъ диванѣ, подогнувъ ноги подъ себя и протянувшихъ до полу длинныя чубуки, я, право, думалъ, что я въ Царѣградѣ. Дюкъ отменно живъ и скоръ; дѣятельность его неусыпна. Для него ни чего не значитъ переноситься съ мѣста на мѣсто на самыя большія разстоянія. Ему не нужны излишніе сборы: сѣлъ въ дормезъ и вдругъ узнаютъ, что онъ поскакалъ въ Херсонъ, въ Крымъ. При мнѣ онъ раза три въ 8 дней подобные дѣлалъ въ городѣ сюрпризы, но къ нимъ уже привыкли. Часто ѣздятъ верхомъ съ однимъ Казакомъ прямо по молодежи и всюду глаза свои кидаетъ. Вотъ каковъ мнѣ показался Дюкъ, когда я собственными своими глазами на него смотрѣлъ; но много ли увидишь въ 8 дней? Прибавимъ то, что я слышалъ объ немъ отъ разнаго состоянія и пола жителей:

Дюкъ по дѣламъ и правленію вообще всѣми похвывается за справедливость и безкорыстіе. Обѣ Канцеляріи его, военная и гражданская, подвержены большому злословію, и ихъ ни кто не хвалитъ. Говорятъ, что фавориты его все изъ него дѣлаютъ, и это многихъ оскорбляетъ. Дюкъ любитъ преимущественно водиться съ купечествомъ, сравниваетъ его съ собою и не рѣдко сажаетъ выше чиновника гражданского самаго незначущаго купчишку. Для чего не покровительствовать этому состоянію? Но все имѣетъ свои границы. Вотъ разсужденіе многихъ! Праздниковъ онъ не даетъ вовсе, или очень, очень рѣдко. Дамы къ нему не ѣздятъ, по тому что онъ держитъ домъ свой на самой холостой ногѣ; въ пріемахъ холоденъ и недовольно вѣжливъ. Такъ отзывается объ немъ общая молва!

Я, съ своей стороны, выѣхавъ изъ Одессы, остался очень доволенъ его благосклоннымъ со мной обращеніемъ. Онъ не ласковъ, это правда, но я не за дружбою его такъ далеко и ѣхалъ. Гдѣ найти другаго такого милаго и добροхотнаго человѣка, какъ Графъ Сентъ При, сынъ заслуженнаго Француза? Онъ по обстоятельствамъ служить въ Россіи и женатъ на Княгинѣ Голицыной. Я уже сказалъ гдѣ-то, что онъ управляетъ здѣшнимъ Коммерческимъ Су-

домъ и произведенъ изъ Камеръ-Юнкеровъ въ Д. С. С.; въ отсутствіе Дюка онъ занимаетъ его мѣсто, по званію Градоначальника. Человѣкъ молодой, любезный, умный, съ хорошими соображеніями и, что лучше всего, откровенно добрый. Въ семействѣ его находилъ я одни возможные для меня удовольствія въ Одессѣ. Жена его дама, воспитанная въ нашемъ отечествѣ и очень любезная. Они живутъ не громко, но пріятно; нанимаютъ не большой, но изрядный, домъ. Онъ у нихъ прибранъ со вкусомъ, по обычаю лучшихъ домовъ въ столицахъ. У нихъ для ужина не накрываютъ большихъ столовъ: кушанье разносятъ на тарелкахъ, и ни кто не жеманится! Свѣчъ на столѣ не ставятъ: вездѣ горятъ кенкеты. Общество у нихъ самое небольшое. Они имѣютъ одинъ въ недѣлю день для сѣздовъ, и именно Понедѣльникъ, но и въ тотъ, слышалъ отъ нихъ, что мало къ нимъ сѣзжаются. При насъ былъ Дюкъ и человѣкъ пять стороннихъ. Впрочемъ, мы, по ихъ къ намъ ласкѣ и откровенному расположенію, всякой день къ нимъ ѣздили и всегда съ ними видались: на гавань ли, въ садъ, въ клубъ всегда вмѣстѣ ѣзжали; безъ нихъ намъ становилось скучно. Они также не рѣдко и насъ посѣщали. Ихъ домъ былъ для насъ, какъ собственный нашъ. Безсовѣстно было бы мнѣ забыть когда ни будь ихъ доброхотство, и мы, смѣю ласкать себя этой надеждой, разстались съ ними на всегда хорошими пріятелями. Мнѣ не удалось съ Графомъ проститься, по тому что онъ сильно занемогъ почти горячкою въ день, для моего отъѣзда назначенный. Я было отсрочилъ на сутки, надѣясь, что ему будетъ лучше и что мы еще разъ тамъ увидимся, но болѣзнь его разсудила миноваться уже тогда, какъ насъ не было въ Одессѣ. Съ какимъ удовольствіемъ нынѣ, по возвращеніи моемъ на родину, я изъ нѣсколькихъ писемъ его вижу, что онъ постоянно сохранилъ ко мнѣ свою пріязнь, которая есть лучшее мое пріобрѣтеніе на берегахъ Чернаго моря!

Къ двумъ симъ лицамъ, Дюку и Графу Сентъ-При, прибавимъ достойную нашу хозяйку, Госпожу Турчанинову, * и подругу

* Изъ сочиненій ея извѣстны (по «Росписи Россійскимъ книгамъ библіотеки А. Смирдина. Спб. 1828») слѣдующія: 1) «Отрывки изъ сочиненій Анны Турча-

ей, Госпожу В., сверхъ того заѣзжаго сюда Екатеринославскаго Губернатора, Пр. Алексѣева, родственника сестры моей по мужѣ, и вотъ все мое знакомство въ Одессѣ; болѣе я ни съ кѣмъ не сошелся ни близко, ни далеко.

При мнѣ пріѣзжалъ Таврической Губернаторъ Г. Бор., старый мой знакомый и сослуживецъ. Его я въ новый списокъ не ставлю за тѣмъ, что мы рѣзвились, служили, влюблялись и шалили нѣкогда вмѣстѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ (Ахъ! какъ тяжело это вспомнить и видѣть такое прекрасное время жизни столь далеко позади себя!), лѣтъ 20-ть слишкомъ тому назадъ, говорю я, играли мы вмѣстѣ комедіи. Домъ матери ихъ былъ домъ удовольствія и пріятной свободы. Все это пришло мнѣ на мысль, увидѣвши его, и много напомнило старинки. Благословенно время юности: ни что ея не замѣняетъ!

ГЛАВА XII.

Публичная жизнь въ Одессѣ.

Между значущими жителями города почитаются Господа Консулы, Австрійскій и Французскій: перваго я одинъ разъ видѣлъ въ обществѣ у Графа Сентъ-При, а послѣдняго нигдѣ. Они, слышалъ я, оба мало выѣзжаютъ и занимаются одними торговыми дѣлами.

Многіе богатые купцы, особливо Греки, очень скупы, имѣютъ свои конторы, но сами рѣдко живутъ при нихъ, а насылаютъ прикащиковъ, кои не въ правѣ роскошничать, берегутъ деньги и копятъ ихъ; слѣдовательно, городъ не оживленъ, а мо-

ниновой. Спб. 1803, 8; 2) Натуральная этика или законы нравственности и проч., перевела съ Латинскаго Анна Турчанинова. Спб. 1803, 8.» О. Б.

жетъ быть онъ мнѣ показался скученъ и по тому, что въ лѣтнюю пору всѣ изъ городовъ бѣгутъ въ поле. Иные имѣютъ хуторы, и разводятъ при нихъ сады. Въ публичныхъ мѣстахъ нигдѣ при мнѣ не было ни какого сѣзда: всѣ сидятъ по домамъ, выкладываютъ, считаютъ и сулятъ жить для другихъ тогда, какъ денегъ наживутъ больше; словомъ, всякой въ Одессѣ дышетъ изъ барыша.

Правда, что въ Одессѣ самой нѣтъ еще роскоши столичныхъ городовъ, при всей изящности ея мѣстоположенія, но повторю еще разъ, и съ удовольствіемъ, что натура вокругъ ея все дала изобрѣтательному человѣку: почва плодородная, природа ни у кого не остается въ долгу; былъ бы трудъ и сѣмя для посѣяній. Хозяинъ самаго небольшого хутора можетъ величайшій пріобрѣсти доходъ землеюю работой. Солнце грѣетъ, роса живитъ, море прохладяетъ. Не нужны здѣсь садовники, ни теплицы, ни парники: на вольномъ воздухѣ всякой плодъ спѣетъ, позже искусственного, не спору; ибо натура насилій не терпитъ, а производить въ свою пору: но можно ли спорить противъ того примѣчанія, что плоды свободные гораздо вкуснѣе принужденныхъ? Оранжереи наши въ столицахъ ясно то доказываютъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нельзя: иной любитъ хоть не вовсе хорошо, изрядно, да по скорѣй, а другой позже, да въ совершенствѣ.

Не должно воображать также, что въ Одессѣ все сыскать за деньги можно, нѣтъ! Даже и за большія не даютъ многого; на примѣръ: естли нѣтъ знакомаго съ запасомъ, вы на рынокъ не достанете купить всегда ни яицъ, ни сливокъ, ниже овощей; хотя и привозятъ все это, но рѣдко, всякой поселянинъ знаетъ, что осѣдлый житель города всѣмъ запаса; а на бездомнаго не всегда на такого нападеешь, кто бы далъ дорого за дальній привозъ травъ, или овощей. Во всей Россіи, скажемъ смѣло, только два пункта, въ коихъ все и всегда для жизни животной достать можно: Петербургъ и Москва. Москва обязана древности своей и многолюдству тѣмъ, чѣмъ Петербургъ одолженъ постоянному пребыванію Двора, который, какъ солнце, все отвсюду къ себѣ тянетъ. Впрочемъ, вездѣ еще надобно жить съ запасомъ; а на базарахъ артишоковъ и шуфлеровъ долго не купишь.

Изъ рыбъ морскихъ я здѣсь ѣлъ только, такъ называемую, камбалу: она была очень хорошо приготовлена; но признаться, что для меня рѣчной судакъ гораздо вкуснѣе. Устрицъ не видалъ. Фруктовъ не было еще ни какихъ, кромѣ абрикосовъ. Ихъ множество и дешево. Апельсиновъ во всемъ городѣ только одинъ оставался десятокъ у Грека, который я купилъ и далъ 4 руб. Все, что подвезено было, еще съ Мая умчали въ Москву. Старушка эта все выкупаетъ со всего бѣла свѣта. Тѣ, кои при отъѣздѣ моемъ приплыли и о коихъ я говорю уже въ другой разъ, какъ о самой значительной рѣдкости, не совсѣмъ лучшаго были вкуса и доброты. Между конфектами искусственными въ первой разъ ѣлъ я здѣсь альву, Царегородское лакомство: очень приторно! Это не что иное, какъ битые орѣхи съ миндалемъ въ патоку, и продается довольно цѣнно въ бурачкахъ, какъ наша игра. Естли залежится, то запѣсневѣетъ, почернѣетъ и приходится кинуть.

Я удивился, что въ торговые годы капиталисты не оставляли нѣскольکو заморскихъ товаровъ въ погребахъ и магазинахъ для распродажи нынѣ въ тѣсные годы, но нашелъ отъ многихъ правильныя возраженія. Въ самой вещи, для кого оставлять такіе запасы? Цѣна, въ которую они, лежа въ амбарахъ, обошлись бы по времени самому хозяину, слишкомъ возвысилась бы, чтобъ выручиться въ городѣ: кто дорого въ состояніи, или, лучше сказать, живучи изъ выгодъ, кто захочетъ дорого заплатить за что либо необходимое? И такъ все, что изъ за моря въ хорошіе годы было доставлено къ Одесскому порту, все услао внутрь Россіи, и теперь вы въ Одессѣ ни чего не найдете купить иностраннаго, кромѣ бездѣлушекъ, залежавшихся нечаянно и не составляющихъ счета капиталисту. Повторимъ еще разъ всѣ выгоды этого прославленнаго края: ни какого общества, всѣ сидятъ по домамъ и живутъ изъ барыша. Съ расчетомъ жить во время торговли—найдешь себя въ обѣтованной землѣ; но для удовольствія еще рано сюда переселяться: скверная квартира 50 руб. въ мѣсяцъ; четверня лошадей 10 руб. въ сутки; ни полѣна дровъ, топи кизикомъ, отъ котораго воняетъ; пыль, мухи, зной, или холодный вѣтеръ: какая мука!

И такъ, отложивъ всякое пристрастіе, не станемъ заблуждаться и согласимся, что Одесса, по недавнему своему образованію, очень

хороша, но что она еще ни въ сотую долю не доведена до того степени превосходства во всѣхъ частяхъ, до какого назначаетъ ей сама натура и ея точка во вселенной, и долго еще объ ней хвастать надобно будетъ въ журналахъ, чтобъ заманить туда любопытнаго.

ГЛАВА XIII.

Прогулка на морѣ въ шлябкѣ.

Вѣжливому Дюку разсудилось предложить мнѣ гулянье: я никогда этой забавы не забуду. Получилъ однажды я отъ него зовную записку строчкахъ въ трехъ, и явился въ пять часовъ по полудни, какъ сказано въ ней было; не видя, впрочемъ, изъ нея ни съ кѣмъ, ни гдѣ, ни какъ будемъ мы забавляться, я не взялъ ни какихъ предосторожностей отъ непогоды. Я воображалъ, что бури и ненастья только для сѣвера, а что въ Одессѣ нѣтъ ни грозъ, ни дождей проливныхъ, ни безпокойной сырости; словомъ, думалъ я, тутъ небо и всѣ преимущества небожителей.

Къ Дюку собралось насъ человѣкъ съ 6, въ томъ числѣ забѣзжій Губернаторъ и Губернскій Предводитель, и пошли мы всѣ за нимъ на пристань, а тамъ и въ шлябку. Я люблю смотрѣть на море въ окошко, и то тогда только, когда оно очень смирно, а плавать по немъ въ лодочкѣ не пробовалъ еще, и пробовать нынче рѣшительно не взлюбилъ на вѣкъ. Разсѣлись мы по лавочкамъ, и гребцы помчали насъ въ чистое море. Что говорить о шлябкѣ? Разумѣется, прекрасная, но на морѣ, на этой пространной и зыбкой стихіи, взмилится ли не бывалому человѣку и корабль, не довольно шлябка? Она же не совсѣмъ тихо струи раздѣляла, вѣтерокъ обуревалъ поверхность моря; волны раздражались и поигрывали съ нашей лодкой, которая перекидывалась изрядно изъ стороны въ сторону. Такое плаванье наше продолжалось съ часъ, и цѣль прогулки еще далека была отъ нашихъ взоровъ. Алексѣевъ не терпѣть моря, хотя и былъ въ Англіи; ему стало

тошниться и мнѣ приходило около того. Но тошнота, самъ обморокъ—бездѣлица въ сравненіи съ боязнью. Кто знакомъ съ этѣмъ сильнымъ трепетомъ, который мы зовемъ страхомъ, тотъ, читая настоящую повѣсть нашей прогулки, войдетъ въ мое состояніе и почувствуетъ, каково было мнѣ глядѣть на бездонное море.

Но наконецъ Дюкъ приказалъ пристать къ матерому берегу; но разъ мы попали на мель, въ другой ударились о камень, и этѣ припятствія продолжали наше водоходное странствіе; а между тѣмъ облака стучались, чернѣли въ воздухѣ тучи, скрывался за ними сводъ небесный, и сильный дождь висѣлъ надъ нами. Какой-то Чиновникъ, стоя на краю моря, манилъ насъ въ свою сторону. На полугорѣ раскинута была ставка, и я ожидалъ тутъ послѣ нашего похода вѣнковъ лавровыхъ, но еще не конецъ; однако причадили мы къ огромной скалѣ и, выскочивъ изъ шлябкѣ, не успѣвъ я обрадоваться сухому берегу, какъ хляби небесныя отверзлись и пошелъ на насъ проливной дождь. Безъ капота въ одномъ фракѣ мокнуть незабавно!

Отважный человѣкъ на моемъ мѣстѣ описалъ бы всѣ прелести того берега, мимо котораго мы крейсировали. Какія горы, ущелины, овраги! Но я занятъ былъ только двумя предметами—собой и моремъ; ни чего не видалъ, кромѣ моря, и мало глазѣлъ на красоты природы по сторонамъ.

Дюкъ въ одномъ мундирѣ велъ насъ въ гору подъ сильнымъ дождемъ, и иногда останавливался, чтобъ заставить меня примѣтить прекраснѣйшіе абрикосы на открытомъ воздухѣ; но я все еще озирался на Черное море и смотрѣлъ, далеко ли мы отъ него ушли, и чувствовалъ себя часть отъ часу мокрѣе.

Палатка, обольстившая взоръ мой, была тутъ приготовлена въ предположеніи ведра для одного роздыха послѣ морскаго путешествія; ненастье насъ въ нее не манило: всякому хотѣлось дойти до чего ни будь прочнаго и не сквознаго; всѣ шли на угадъ впередъ; самъ Дюкъ не зналъ прямой дороги до того мѣста, куда съѣздъ былъ назначенъ. Алексѣевъ отсталъ; трое шли мы только: Губернаторъ, Бор. и я, по узенькой тропинкѣ вдоль горнаго хреб-

та, природой тутъ поставленнаго для огражденія бездны. У ногъ его сокрушались волны Чернаго моря. Дождь лилъ безъ чиновъ и уже промочилъ насъ до костей, какъ Дюкъ попотчивалъ меня переждать тучу подъ какимъ-то густымъ деревомъ; присѣли мы подъ нимъ, но вода съ листьевъ еще сильнѣ насъ мочила, и мы скоро, какъ зайцы, поднялись на ноги опять и пустились впередъ.

Наскутило нашему вождю ити все той же травой, гдѣ съ помощію его не одну я уже перескакивалъ морскую промоину, и, по мѣстнымъ догадкамъ, свернулъ онъ на право, за нимъ Бор. и я. Новая печаль, да и не шуточная! Мы попали въ камышъ по самую грудь и уперлись ногами въ глинистый кряжъ земли. Во первыхъ, тутъ вода насъ промочила какъ губку, по тому что камышъ, наполненный ею, смочилъ на насъ вдругъ всю одежду; во вторыхъ, глина, приставая къ ногамъ, отягощала шагъ нашъ чрезвычайно и мѣшала скоро ити. Сверхъ того, пусть вообразить, каково въ мокромъ платьѣ, увязнувъ въ тростникъ и глину, вырывать то ту, то другую, ногу и шагать впередъ, налегая всею массой тѣла на самые нѣжные грудные органы. Такимъ ходомъ мы еще шествовали съ добрый полчаса, и увидѣвши чей-то хуторъ, я очень обрадовался.

Нѣтъ! не тутъ еще рокъ судилъ намъ пѣсню побѣдную. Отъ этого жилья было уже недалеко до пункта мнимаго увеселенія. Мы бросились сквозь полисадникъ, и очень непріятно встрѣчены были тремя угрюмыми псами, кои, не зная шутокъ, намѣревались насъ принять за фалды. Дюкъ и Бор. имѣли при себѣ шпаги и могли подъ часть ими оборониться; но у кого нѣтъ защиты, тому одно средство бѣжать, что я и сдѣлалъ. Приѣхавъ въ Одессу за тѣмъ, чтобъ дать себя изувѣчить чимъ-то неугомоннымъ псамъ, не самой славной кончиной мнѣ казалось. Товарищи мои скоро отъ нихъ также освободились и, соединясь опять всѣ трое, снова замаршировали!

О несказанный восторгъ! Намъ слышится музыка: такъ точно! Мы близки къ удовольствію, къ теплу, къ огню и къ роздыху. Вѣрно, думаю я, домъ, куда мы придемъ, хорошо прибранъ, скутанъ отъ непогодъ; тамъ мы обогрѣемся, напьемся, чаю, высушимся у очага, а можетъ быть, найдемъ и другое платье,

пока мокрое обсохнетъ. Ахъ, какая ошибка! Г. Рено, зажиточный купецъ, ожидалъ Дюка въ своемъ новостроющемся хуторѣ. Домикъ прекрасный, съ хорошимъ выпускомъ на берегу Чернаго моря; виды волшебныя, мѣстоположеніе божественное; высоко, величественно все, правда: но увы! ни дверей еще, ни оконницъ: насъ ждали въ хорошую погоду, а мы налетѣли въ сильное ненастье, продрогли до костей, переодѣться не во что, согрѣться негдѣ: музыка огромная, шумъ и звонъ страшный, но что въ ней мокрому пѣшеходу? Очагъ съ хорошимъ пыломъ отъ сосновыхъ сухихъ плахъ превосходнѣ былъ бы для меня всѣхъ прочихъ богатствъ природы на томъ мѣстѣ. Дѣлать было не чего; надлежало всю вечеринку вытерпѣть. Столъ отягощенъ былъ фруктами, но ни что не шло въ душу. Я не выпилъ, а проглотилъ, чашки три чаю съ виномъ, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Компанія, кромѣ насъ, состояла изъ пяти, или шести, купцовъ и трехъ какихъ-то Молдаванокъ. Дюкъ, не задумываясь ни мало, началъ вальсировать съ одной, Бор. съ другой, третья наждала; думаю, меня, но я, обогащенный глиною, какъ золотомъ, не могъ съ такимъ грузомъ пошевелить ногъ и рѣшился лучше показаться невѣжливымъ мужчиной, нежели кружиться, упасть и уронить.

Вечеръ уже приближался. Мы отъ города были въ трехъ верстахъ: пора было подумать о возвращеніи домой. Жена моя, конечно, не могла придумать, гдѣ я дѣвался. Какъ и на чемъ ѣхать: моремъ ни кому уже не хотѣлось, а сухимъ путемъ предстояла крутая гора. Людей съ нами было мало; вести подъ руки нѣкому; ити по размытой глини скользко, и такъ я нѣсколько разъ упалъ и, благодаря одному солдату, маралъ не фракъ свой, а его шинель, которую возвратилъ ему всю въ грязи. Всякой думая, какъ водится, самъ о себѣ, шелъ своей дорожкой, а на горѣ всѣ мы сошлись вмѣстѣ. Въ суетѣ такой я, право, не видалъ, куда дѣвались наши дамы: ни съ кѣмъ въ свѣтъ такъ скоростижно я не знакомился, какъ съ ними; видѣлъ тутъ одну минуту, не встрѣчалъ послѣ нигдѣ въ Одессѣ, и, чаятельно, нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не съѣдусь съ ними опять.

Взойдя на гору, я ожидалъ коляски, кареты, линѣйки, словомъ, какого ни будь спокойнаго экипажа, чтобы доѣхать въ го-

родъ: опять ошибка! Ни чего не было, кромѣ таратайки парой, въ которой съ нуждой усьлись бы два человѣка, но необходимость вселила туда троихъ: Дюка, Бор. и меня. Дюкъ самымъ услужливымъ образомъ уступилъ мнѣ свой плащъ, далъ намъ двоимъ угольные мѣста, а самъ между нами сѣлъ въ серединѣ. Такъ ѣхали мы по чистому и неровному полю три версты. На дворѣ зачинало темнѣть; скакать парой, да и съ такимъ грузомъ, было неспособно; дождь продолжался и по маленьку поливалъ насъ. Голландцы не тѣснѣ набиваютъ сельдей въ боченки, какъ сжало насъ въ этой одноколкѣ; но кое-какъ въ сумерки вѣхали мы въ городъ, и я домой къ себѣ явился, какъ послѣ кораблекрушенія матросъ: сухой не было на мнѣ нитки; я трясся лихорадочною дрожью, и съ трудомъ исправилъ мои силы послѣ горячаго вина и въ сухой одеждѣ. Домашніе мои не могли отгадать, гдѣ я такъ позабавился.

Отдохнувъ съ ними и пошутя довольно на собственный свой счетъ, поѣхали мы въ тотъ же день ужинать къ Графу Сентъ-При. Это былъ его вечеръ. Тамъ застали мы уже и Дюка. Хозяинъ тихомолкой пошутилъ надо мной; оба мы дали неудачной прогулкѣ настоящую ея цѣну. Столь сильное безпокойство скоро позабыли въ любезномъ обществѣ добрыхъ хозяевъ. Хорошая бесѣда, остроумныя, но пріятельскія, шутки и откровенность мыслей, сто разъ пріятнѣе для сердца, привязаннаго къ жизни, чѣмъ всѣ потѣхи безпокойнаго любопытства. Вотъ какъ я думалъ тогда, думаю теперь, когда пишу, и думать буду вѣчно. Замѣтимъ теперь вообще, безъ всякаго кому либо предосужденія, что есть чины и лѣта, въ которыя не должно ни жить, ни забавляться такъ, какъ позволяется и пристойно мальчику въ 20 лѣтъ.

ГЛАВА XLIV.

Нечаянное безпокойство.

Проживъ дней съ пять въ Одессѣ и осмотрѣвъ все, что въ ней было любопытнаго, я уже задумывалъ о нашемъ отъѣздѣ, и совсѣмъ собрался уѣхать 12-го числа; простился съ Дюкомъ, объявя, что ѣду въ Крымъ, къ чему и онъ меня подстрекалъ не мало и на сей конецъ былъ у меня самъ, по крайнему снисхожденію, начертилъ маршрутъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, кои тамъ примѣчательнѣе: любить Крымъ значило приласкать самого Дюка. Всѣ пособія въ пути отъ него мнѣ доставлены были; всѣ ордера и подорожныя даны, словомъ, за однимъ только собственнымъ моимъ произволомъ могло остановиться такое предпріятіе. Тамопшій Губернаторъ, старый пріятель, звалъ къ себѣ прямо на мызу. Все привлекательное соединялось съ моимъ любопытнымъ намѣреніемъ, какъ встрѣтило его вдругъ нечаянное препятствіе.

Проведя день по обыкновенію почти на улицѣ, уже я легъ спать съ тѣмъ, чтобъ на завтра ѣхать, какъ жена меня будить и отдастъ мнѣ записку. Я протираю глаза, дивлюсь необычайной перепискѣ; ибо я давно уже почтовыхъ записокъ не получаю; узнаю руку Сентъ-При, читаю въ ней дружеское увѣдомленіе, что флотъ Турецкій въ виду Севастополя и, можетъ быть, высадить войска на Крымскіе берега, или придетъ показать себя въ Одессу, и что Дюкъ, получивъ съ симъ извѣстіемъ нарочнаго, поскакалъ въ Херсонъ; далѣе просить меня предохранить жену мою отъ всякаго страха и безпокойства, которое дамамъ столь свойственно имѣть и безъ основательныхъ причинъ, отъ однихъ слуховъ; а ими Одесса вся уже наполнена была, по случаю внезапнаго отъѣзда Дюка опять въ Херсонъ, изъ котораго онъ такъ недавно прибылъ.

Я сообщилъ женѣ вѣсточку, закутался въ одѣяло и легъ опять спать въ твердомъ намѣреніи еще на сутки остаться въ Одессѣ, дабы видѣть, чѣмъ кончится вся эта суматоха. «Ну, пусть придутъ, думалъ я, Турки къ Одессѣ: что они сдѣлаютъ? Ни чего!

А я, между тѣмъ, погляжу на нихъ и потолкую объ этомъ въ Москвѣ.» Сонъ скоро замѣнилъ своими грезами мечты воображенія; я уснулъ и проспалъ долго. На завтра, т. е., 13 числа побѣжалъ къ Сентъ-При. Онъ, бѣдный, отъ простуды разнемогался горячкой, и я его не могъ видѣть: это меня еще болѣе Турокъ на сутки задержало. «Нѣтъ, сказалъ я женѣ, не уѣду отсюда, не видавшись съ Сентъ-При, и не увѣрся, что ему лучше: я слишкомъ полюбилъ его, чтобъ съ нимъ разстаться равнодушно.»

Однако жена моя, наслушавшись о Туркахъ, колебалась въ намѣреніи ѣхать въ Крымъ; пробывъ цѣлыя сутки почти одни, мы имѣли все время одумать наше предпріятіе. Крымъ хорошъ, любопытенъ, не спорю; тамъ, говорятъ, царствовалъ Митридатъ; тамъ крестился Владиміръ; тамъ Ифигенія принесена была на жертву; а чего стоитъ Чатырдагъ, гора, просѣкающая облака? Все это очень заманчиво; но ѣздить въ одну лошадь верхомъ, по скаламъ и утесамъ между пропастей, и ѣздить, потерявъ такъ, какъ я, совершенно привычку къ верховой ѣздѣ, это также имѣло большой вѣсъ въ нашей думѣ. Въ коляскѣ всѣхъ прелестей Крыма не увидишь, срокъ отпуска недалекъ. Надобно будетъ торопиться, глядѣть безъ примѣчанія и все потомъ забыть. Сколько сильныхъ причинъ приводили меня въ недоумѣніе, а на жену, какъ женщину, дѣйствовалъ одинъ страхъ и Турки; къ тому же одинъ изъ нашихъ товарищей отправился, не доѣзжая Одессы изъ Николаева, въ Крымъ; и такъ онъ намъ все объ немъ разскажетъ, будто какъ видѣли, говорила мнѣ жена. Я молчалъ, ни кто не противорѣчилъ, и мы рѣшились оставить Крымъ въ сторонѣ, а возвращаться по прежнему плану, прямо изъ Одессы въ Кіевъ. Какъ быть съ бумагами, выпрошенными у Дюка: извиниться и оставить ихъ у Графа. «Такъ, точно такъ!» закричала вся компанія. И пославши за лошадьми, уложили все съ тѣмъ, чтобъ 14 числа уѣхать. Не судила мнѣ судьба видѣть природу во ужасѣ въ нашей Россійской Португаліи; и чего смотрѣть? Руины древностей! Развѣ не вездѣ онѣ одинаковы болѣе или менѣе? Онѣ же и молчатъ; а исторія, какъ сказка: не разберешь, что было въ правду, что къ стати солгала. О! передъ исторіей виновать я, какъ Ома передъ Мессією: вѣрю тому, что слышалъ отъ само-видца; а далѣе что было, Богъ то вѣдаетъ. Что лежитъ до на-

туры, то гдѣ она не равна? У нея нѣтъ пасынковъ: рѣже, или чаще, но ясный день также хорошъ и въ Колѣ, какъ и въ Судацкой долині; солнце вездѣ одно и то же, и захожденіе его лучезарное также восхищаетъ Вотяка, какъ и Абиссинца, скажите, Господа, скажите, я прощаю: «Вотъ какъ невѣжество ищетъ найти предлогъ, когда чего сдѣлать не хочется!»

Въ самую меланхолическую минуту моего о томъ размышленія подають мнѣ письма: откуда? Не еще ли Турки? Ахъ! нѣтъ, я узнаю руку моихъ домашнихъ: это изъ Москвы. Слава Богу! Они живы и насъ помнятъ: свычка первое чувство въ природѣ. Тотчасъ пакетъ растерзанъ; съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ я почеркъ каждаго изъ дѣтей, изъ ближнихъ! Такъ, милые моему сердцу, надобно быть розно съ вами, чтобъ умѣть цѣнить добро быть неразлучно вмѣстѣ. Что дѣлать? Такая противоположность въ естествѣ нашемъ. Я тщетно искалъ тутъ же извѣстія изъ Володимира: ни слова! Нѣтъ полной радости; я опять унылъ. И такъ у меня есть друзья, которыхъ память жизнь мою красить.

ГЛАВА XLV.

Отъѣздъ изъ Одессы.

На канунъ отъѣзда нашего день былъ не хорошъ, дождливъ, пасмуренъ. Одесскіе жители такъ привыкли къ солнцу, что они грустятъ, когда его не видятъ: это имъ въ диковинку, а мы, Сѣверные бродяги, къ непостоянству этого свѣтила привыкли. Не смотря на непогоду, мы весь день то тамъ, то сямъ, прошатались и ходили на военную гавань. Приятно было видѣть, что тамъ всѣ пушки вычищены, приготовлены, какъ полы въ церквахъ на Свѣтлый День Христовъ, все на мази; только покажись Чалма, то и батцъ изъ нѣсколькихъ сотъ орудій; а все, однако, это прикрито скромностію, будто не нарочно, будто такъ и всегда. Надобно было вглядываться, чтобъ увидѣть, что подлинно на батареяхъ было что-то суетище прочихъ дней. Впрочемъ, отдадимъ это и на счетъ предубѣжденія.

Наштались мы еще до полного удовольствія по рядамъ, театру и клубной залѣ, въ которой тогда встрѣтились намъ Графъ Раз.... и Апраксинъ какой-то: первый лѣжится, какъ слышалъ я, отъ мотовства и глухости, а послѣдній страждетъ нервическими болѣзнями. Подъ вечеръ любовались съ купеческой гавани на отходящій корабль. Вѣтеръ воздымалъ море, и корабль, какъ наша шлюбка онамеднишная, очень высоко прыгалъ, не смотря на свою величавую фигуру, когда онъ прикованъ якорями къ матерой землѣ. О! вода, раскачавшись отъ бури, научить вальсировать всякое человѣческое строеніе, хотя бы тысячи лѣтъ на созиданіе его употребили. Что выше натуры? Кто сладить съ разъяренными ея стихіями?

Когда мы не обѣдывали и не вечеряли у Графа, или у нашей доброй и любезной хозяйки, которая такъ мило насъ угощала въ своемъ уединеніи, то намъ носили ѣсть изъ трактира, и кормили довольно хорошо, разумѣется, за хорошую плату. Здѣсь все дорого, кромѣ натуры, которая прекрасна и ни кому ни чего не стоитъ: богачъ и нищій равно ею наслаждаются!

Г. Р. общался со мною захватъ по дорогѣ изъ Одессы въ Болгарскую колонію и показать славныя заведенія овецъ Г. Пиктета, къ чему я и готовился, но съ утра рано прислалъ извиниться и сказать, что плотину прорвало отъ дождя и доѣхать туда нельзя. Не изыскивая прямой причины такого отъѣзда, я мало тужилъ, что не видалъ овчарни, а Болгарскія населенія имѣлъ еще въ надеждѣ видѣть подъ Николаевымъ.

14 числа побѣжалъ я къ Графу, но онъ еще былъ въ жару въ постелѣ; и такъ я принужденъ былъ, не простясь съ нимъ, уѣхать изъ Одессы. Сердце мое, эта самая привязчивая часть всего меня, стократно о томъ сътовало. Я неоднократно прочитывалъ тѣ прекрасныя стихи, кои онъ мнѣ вписалъ въ мои «Сумерки.» У всѣхъ есть альбомъ; а я, какъ странный человѣкъ, во-жу, вмѣсто того, съ собою «Сумерки» мои съ бѣлыми листами и прозвалъ ихъ: «Nigum.»

Пора, пора оставить край волшебный, пріятный, непостижимый въ скорости своего созиданія. Простясь съ Графиней,

поблагодаря ее за всѣ ласки и пріязнь, простясь съ почтенною Госпожею Турчаниновой, я еще разъ сходилъ на балконъ взглянуть, и можетъ быть въ послѣдній разъ въ жизни, на Черное море, отъ котораго столько имѣлъ отрады по вечерамъ и страха въ прогулку. Оно меня учило тогда не быть дерзкимъ. Поскакалъ еще въ крѣпость, окинулъ глазами море съ самой высокой точки горы, откуда ужъ оно не кажется ни какихъ границъ, а въ городѣ видны еще Очаковской области берега. Тамъ, воздавъ хвалу Творцу, показавшему мнѣ прелести новаго міра, я воротился домой. Дрожки меня разтрясли до смерти; я тихонько побранилъ ихъ хозяина, который вѣрно охотище потратитъ свой доходъ на покупку лишняго вола, чѣмъ на ресоры. Есть люди, для коихъ барышъ драгоцѣннѣе покоя.

Лошади были уже готовы. Мы сѣли въ наши коляски и поскакали въ Россію. Такъ изъясняются всѣ, говоря здѣсь о нашей сторонѣ, когда въ нее собираются ѣхать. Прости, Одесса! Можно тебя не полюбить, и по причинамъ, мнѣ собственно свойственнымъ; но не дивиться тебѣ, не похвалить тебя, не возможно. Правда, что ты предметъ хвастовства многихъ журналистовъ; объ тебѣ, какъ и о красавицахъ, хорошіе наши писатели много пишутъ лишняго, но прости ихъ маленькую крайность: она плодъ восхищенія отъ истинныхъ твоихъ добротъ и лѣстивыхъ о тебѣ наслышекъ.

Изъяснимъ, однако, отъ чего собственно мнѣ не совсѣмъ полюбилась Одесса. Я признаюсь въ моемъ свойствѣ. Мнѣ милы тѣ удовольствія и разсѣянія, которыя не требуютъ рекомендательныхъ писемъ и знакомствъ. Они хороши для пріязни и дружества, но для забавы хорошо жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ даромъ, или за деньги, можно видѣться со всякимъ въ саду, въ трактирѣ, на площади, словомъ, въ публичномъ мѣстѣ, а не безпрестанно въ гости ѣздить, рекомендоваться, знакомиться съ скучнымъ иногда хозяиномъ, съ вертопрашной хозяйкой, для того только, что они богаты и у нихъ можно видѣть то, чего публично нигдѣ не увидишь, по тому что оно слишкомъ дорого для частнаго содержателя. А этѣ принужденія нестерпимы! Я люблю всѣхъ видѣть, но видѣться только съ тѣми, съ кѣмъ я знакомъ.

Я надѣюсь, что читатель захочетъ различить силу, которую я даю слову видѣть просто и видѣться. Гдѣ есть такія общія увеселенія, я называю ихъ публичною жизнію; а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ неволя и, ея несносныя послѣдствія, скука, тоска. Но можно ли требовать того общаго разсѣянія въ Одессѣ, какого мы еще и въ столицѣ нашей, въ моей родинѣ, которая столько вѣковъ живетъ на свѣтѣ, не имѣемъ? Прошу здѣсь припомнить начало моей книжки: «Уѣхалъ бы въ Парижъ,» и проч., и проч., и проч.

ГЛАВА XLVI.

Ночлегъ въ Анчекрагѣ.

Погода вдругъ переѣнилась: дождь проливной лилъ два дни сряду. Стало вѣтрено и холодно; понадобился капотъ, а жена закуталась въ ватку. И въ Одессѣ также холодно, какъ въ нашемъ градусѣ! Въ 10 часовъ утра 14 числа отправились мы въ любимый Николаевъ. Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали мимо маленькихъ морскихъ заливовъ, кои называются балками и вдаются въ матерую землю, видѣли воду зеленую. Она цвѣтетъ и очень тяжело пахнетъ. На самомъ Черномъ морѣ отмели его такъ зелены, что издали кажутся лугомъ. Мы ѣхали шибко; въ Дофинѣ остановясь мѣнять лошадей, взглянули еще разъ на Одессу. Отсюда она очень видна: обѣдали худо на станціи Г. Коменданта Коблева, по тому что поваръ нашъ занемогъ, и я весь день ѣхалъ сердить. Но всей дорогѣ ни чего примѣчательнаго не нашли, кромѣ могилы и камня надъ какимъ-то Маіоромъ, котораго люди свои убили. Видно, хотѣлъ похозяйничать прилежно и скорѣй набогатиться.

До города не успѣли доѣхать; ночь застигла насъ въ Анчекрагѣ: * послѣдняя станція въ 28 верстахъ отъ Николаева. Нужно указать пристанище. Здѣсь жила сама помѣщица того мѣста, Госпожа Генеральша Гаксъ. Она случилась дома, приняла насъ, позволила у себя ночевать, угостила вкуснымъ ужиномъ; спасибо

* Анчокракъ или Янчокракъ при колодцахъ на балкѣ того же имени, въ 93 верстахъ отъ Уѣзднаго города (Одессы), съ 82 дворами и церковью. О. Б.

ей, много разъ спасибо! Эта заслуженнаго Офицера вдова поселилась здѣсь по необходимости. Не имѣя достатка жить въ Россіи, она купила тутъ 130 душъ. счетомъ, а нашла только 30; на работу выходитъ 15; остальные всѣ въ ревизскихъ сказкахъ, а въ натурѣ разбѣжались. Что мудренаго? Сторона новая, завоеванная, вся заселена бѣглыми и бродягами. Въ самой Одессѣ ихъ 20 тысячъ слишкомъ душъ, кои только числятся по окладу; у многихъ нѣтъ ни какого виду, и откуда взялись, ни кто не знаетъ; всякой поселянинъ бѣжить, куда глаза глядятъ и гдѣ нахвастаютъ ему, что лучше. Границы близки: одинъ скрывается въ Молдавію, другой въ Турцію; и такъ нѣтъ у помѣщика ни чего надежнаго. Съ одной стороны это очень хорошо и спокойно для полиціи кроткой: помѣщики мягче обходятся съ своими вассалами, чтобъ не растерять ихъ. Сверхъ такого непрочнаго состоянія хлѣбопашца, погода имѣетъ свои непостоянства: засухи часто лишаютъ вовсе жатвы; пожары истребляютъ въ степяхъ сѣнокосы. Всякой помѣщикъ подверженъ большимъ потерямъ въ замѣну большихъ иногда барышей. Здѣшняя хозяйка увѣряла меня, что для прибытка въ самой торговлѣ нужны часто протекція и хитрость; иначе ни чего не достанешь. Кизику у нея наставлено пропасть. Странно видѣть Русскому человѣку такія огромныя кучи жесткаго навозу. Столь ея чистъ и вкусенъ. Черезъ ея селеніе гоняютъ рекрутскія партіи, и она очень этимъ распорядкомъ скучаетъ.

Семейство ея состоитъ изъ нея съ замужней дочерью, зятя, и двухъ родственницъ, съ ней въ сосѣдствѣ живущихъ. Всѣ они очень не худо говорятъ по Французски. въ домѣ водятся клави-корды и, натурально, очень разстроены. Тѣмъ больше этого жаль, что меньшая изъ барышень имѣетъ склонность къ музыкѣ и довольно твердо уже играетъ; въ степи слышать фортепіано необыкновенно. Мы, по благосклонности Госпожи Генеральши, у нея переночивали и проспали до 10 часовъ, между тѣмъ какъ Дюкъ уже возвращался мимо насъ изъ Херсона, а Графъ Безбородько, преслѣдуемый свитой своей; спѣшилъ въ свои Римскія развалины. Довольно было услышать, что Дюкъ пріѣхалъ, чтобъ всякому на догадкѣ своей основать причину отъѣзда его туда. Вотъ что при насъ объ этомъ сказывали сторонніе въ Анчекрагѣ:

Турки потерялись, де, около нашихъ судовъ съ хлѣбомъ, посечились маленько и ушли. Видно, что голодъ ихъ пронялъ не на шутку.

На завтра Юля 15 предстоялъ намъ великій подвигъ: надлежало переѣхать Бугъ прежде, нежели насладиться роскошнымъ покоемъ въ Николаевѣ, а буря рѣку сильно трясла. Напившись чаю въ Анчекрагѣ, поблагодаря, какъ умѣли лучше, благодѣтельную Генеральшу, скоро переѣжали мы лоскутокъ степи до Буга; но тутъ какъ бытъ! Кромѣ бѣднаго хутора ни какого жила; не допросишься ни яиць, ни молока, нѣтъ ни чего: убожество пустынное! Вотъ бы гдѣ хорошо жить монахамъ! Поварня наша была уже въ Николаевѣ, слѣдовательно, и пища тамъ. Бугъ разгоряченъ былъ волнами; одна другую пробивала и берега во кругъ его взмылились отъ пѣны; легкая лодка давала по три и по четыре оборота изъ края въ край и не могла прибѣться къ пристани. На большихъ баркахъ поднять паруса не можно: вѣтеръ изорветъ, какъ паутину, да и противъ вѣтра ити тяжело. Мы выжидали часъ, два и три: буря не утоляется. Какое зрѣлище ужасное: разъяренная рѣка! Бугъ же по натурѣ своей беспокоенъ. Мощное дѣтище бѣшеннаго моря! Между тѣмъ голодъ насъ пошевеливалъ; ночи дожидаться тутъ еще болѣе боялись: надобно было рѣшиться. Сперва послали мы слугу въ городъ за чѣмъ ни будь съѣстнымъ, чтобъ надежиѣ располагать остатками дня, естли вихрь на ту сторону ни какъ не перепустить. Поѣхала лодка и зачала съ слугой нашимъ нырять такъ сильно, что мы ее изъ глазъ теряли.

Это насъ остановило опять на полчаса; межъ тѣмъ день склонялся къ вечеру, и мы рѣшились пустить впередъ нашу карету порожнюю на баркасѣ по канату, чтобъ видѣть ея движеніе и по оному ввѣрить себя волнамъ. Колымагу нашу сильно било, однако она шла, и уже мы начинали ей завидовать. Взглянули другъ на дружку, чтобъ занять взаимно храбрости—и пустились. Баркасѣ былъ великъ, обширенъ, но канатъ не весьма надеженъ. Однако сѣли, поставили тутъ же нашу коляску; кинулись къ намъ на судно еще Казакъ и Офицеръ Казацкій; отчалили, потянули насъ матросы по канату поперекъ рѣки: вода реѣла подъ

нами и подымала насъ очень высоко; вспомнилъ я тутъ 9-й вальсъ надъ которымъ такъ смѣялся въ несчастной оперѣ своей: «Любовное волшебство», которой ни кто не покупаетъ; отмстилъ мой насмѣшки мнѣ этотъ вальс и внутренность вся во мнѣ мutilась: одному изъ нашихъ товарищей Казаковъ сдѣлалось такъ дурно, что онъ бросился на полъ и метался, какъ угорѣлый. «Казакъ вашъ братъ, говорилъ я другому, велико дѣло на конѣ, а на водѣ дрыны!»

Лодка съ пищей шла къ намъ на встрѣчу и перекинула на баркасѣ хлѣба, мяса кусокъ, вина. Добрый нашъ Кл. пекся объ нашемъ благосостояніи. Онъ насъ ожидалъ на томъ берегу. Мы плавали съ часъ и, не смотря на страхъ и ужасъ, среди качки ѣли и пили. По мѣрѣ приближенія вечера, сталъ стихать и вѣтеръ, рѣка по немножку успокоилась; поверхность ея снова получила кристальный свой блескъ и гладкую струю. Весело было приставать къ тому берегу, и я издали восклицалъ уже Николаеву:

Утихло на Бугѣ волненье;
Отъ сердца прочь отходить страхъ;
Гостепріимно утѣшенье
Вблизи насъ ждетъ на берегахъ.
Бѣгутъ пріатели на встрѣчу,
Несутъ всѣхъ радостей предтечу,
Край хлѣба, пищу и вино.
Хвала тебѣ, Творецъ вселенной,
Что насъ стихіи разъяренной,
Еще не погрузили на дно!

Вотъ доказательство, что и страхъ не мѣшаетъ стиховъ сочинять! Къ счастью нашему, уцѣлѣлъ канатъ: порвись—и бѣда! Баркасѣ унесетъ къ чорту; онъ же и худъ былъ. «Великъ Богъ Русской!» справедливая пословица: Онъ одинъ охраняетъ насъ отъ нашей неосторожности. Естли бѣ изъ каждой минуты нашей безопасности должна была родиться новая бѣда, какъ бы жить нашему бѣдливому народу! Скажемъ еще: «Подлинно великъ Богъ Русской!» Съ Нимъ все и прочно и надежно.

На берегу нашли мы Кл., который провожалъ въ Одессу Г. Ф. Дук., главнаго товарища или повѣреннаго Господина

Пертца. Особа толстая, пышная, богатая и, слѣдовательно, рѣдко учтивая! Я думаю, что я съ нимъ тутъ увидѣлся и простился вдругъ. Не на чемъ было еще всѣ наши экипажи довести въ городъ; намъ хотѣлось всѣмъ поскорѣй до мѣста. Въ нетерпѣніи сѣли мы двое, жена и я, на дрожки къ нему. Ахъ, какъ мы обрадовались его комнатамъ, какъ будто бы своимъ собственнымъ! Тотчасъ насъ напоили чаемъ, скоро мы отдохнули, согрѣлись; все насъ занимало, веселило, пошли разсказы, появились шутки. Кто изъ путешествовавшихъ въ свой вѣкъ не признается, что отрады искренняго гостепріимства въ краяхъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ нашей хижины обольщать и заставлять подумывать, что ты дома? Виновать добрый нашъ хозяинъ!

Г Л А В А XLVIII.

Валъ на берегахъ Буга.

Какъ скоро свѣдали о нашемъ пріѣздѣ въ Николаевъ Господа морскіе Офицеры и тѣ, кои болѣе прочихъ намъ были знакомы, тотчасъ насъ посѣтили. Недавно воротясь изъ чужихъ краевъ, имѣли они чѣмъ наполнить бесѣду. Всякой хвасталъ своими диковинками: кто хвалилъ Триестъ, кто Корфу, а домосѣды восхищались Крымомъ. На это я одному пустилъ свою шутку: конечно, Богъ изъ 7 дней цѣлые сутки употребилъ на то только, чтобъ отдѣлать Крымъ и удивить міръ своимъ искусствомъ, а прочія части свѣта слѣпилъ, за недосугомъ, на скорую руку, и отъ того на нихъ смотрѣть не такъ пріятно. Мы всѣ посмѣялись этой мысли. Она насъ завела въ другія: поохотали и надъ Страховой Одесской Конторой, которая все беретъ на страхъ и сама всего боится, и заключили день нашего пріѣзда тѣмъ опредѣленіемъ, что торговля есть банкъ, въ который не всякой играетъ съ увѣренностію выиграть. Безпокойства путевыя мнѣ дали почувствовать ночью лихорадочный пароксизмъ; одолѣли меня грехи одна другой чернѣе. Сильный потъ разорвалъ жаръ, и я проснулся здоровъ и бодръ по прежнему.

Въ планѣ моемъ было ѣхать смотрѣть окрестностей города; но разшумѣлись небеса: громъ былъ большой во все утро и вечеромъ пошелъ дождикъ. Мы остались на весь день въ стѣнахъ. Утромъ я заходилъ съ моимъ почтеніемъ къ Адмиралу: нашелъ его, какъ и всегда, одного, совсѣмъ одного. Уединеніе не моя страсть; я ее даже понять не могу и въ другихъ. А у насъ, разумѣется, что цѣлый день были люди. Спасибо добрымъ и вѣжливымъ мореходамъ: они насъ не покидали. Отецъ Ефимій потчивалъ своими абрикосами. Бостонъ и бесѣда скоро промчались, и набѣжалъ вечеръ: къ ужину разговоръ всегда бываетъ отважнѣй, зашелъ споръ; кто вступается за Французовъ, кто за Англичанъ. Виновать! я послѣднихъ не люблю: этотъ народъ все продаетъ за гиней, и всему измѣнить. Что намъ до чужихъ народовъ? Поговоримъ лучше, Господа, объ нашихъ. Какъ вы проживали въ Корфу? Дешево ли тамъ, дорого ли? «Изрядно! Хлѣбъ ставили туда мукой; она сюда обходилась въ 10 руб. четверть подрядомъ, а туда становилась въ 20 руб.; завезли ее до 40 тысячъ четвертей, и когда флотъ нашъ, снявъ людей, былъ отланъ и съ орудіями Французамъ, то все сіе количество хлѣба въ Триестѣ брошено: предметъ, составляющій до милліона рублей убытка. Сюда теперь въ Николаевъ Г. Перетцъ порядилъ ставить хлѣба въ Черноморское Адмиралтейство по 6 руб. четверть слишкомъ.»

Между прочими баснями, Господа наши путешественники Средиземнаго моря разсказали мнѣ анекдотъ, очень пріятный для имени Русскаго. Французы, принимая наши корабли, низко цѣнили мачты, и хотѣли принять ихъ въ качествѣ дровъ и по той же самой оцѣнкѣ. Отважный начальникъ эскадры обидѣлся такимъ пренебреженіемъ. «Коль такъ, сказалъ онъ, пусть берутъ дрова, а не мачты!» велѣлъ ихъ изрубить въ полѣнья и сдавалъ дровами, а не уронилъ чести кораблей униженіемъ мачтъ. Прямая Скнѣская гордость! Естли это и выдуманно, скажемъ Италіанскимъ выходцамъ тамошнюю пословицу!

«Si non è vero, è ben trovato.»

17 числа Іюля время поправилось; утро было прекрасное, и мы въ селѣ Божьемъ слушали обѣдню: отправлялъ ее отецъ Ефимій, пѣли морскіе пѣвчіе. Послѣ обѣдни старый и добрый Іерей

убѣдилъ насъ посѣтить его зятя, у котораго въ саду мы нашли пропасть плодовъ и винограду, но еще зеленого. Самыя малыя усадьбы тамъ разрабатываются съ большимъ тщаніемъ, и на сады въ этой сторонѣ залюбуется всякой путешественникъ. Обѣдали дома въ семействѣ Черноморскихъ Офицеровъ, и я прибавилъ знакомство Флотскаго монаха изъ Черногоровъ: хворый человекъ, замученный въ походахъ, но довольно интересный. Странно слышать Италіанскій языкъ въ устахъ монаха: уши наши къ тому не приготовлены; впрочемъ, этотъ монахъ въ одежѣ только и похожъ на нашихъ черноризцевъ: я говорю о самыхъ послѣднихъ, о тѣхъ, кои въ церквахъ носятъ поясъ усменъ, а въ кельяхъ пьютъ крѣпкую брагу.

Я рѣдко проводилъ такъ пріятно вечеръ, какъ сегодня! По Воскресеньямъ бываетъ сѣздъ въ Спаскомъ. Я уже объ немъ говорилъ, ѣхавши въ Одессу. Пусть позволятъ мнѣ повториться въ послѣдній разъ. Спаское стоитъ того, чтобъ остаться въ памяти. Мы поѣхали туда на гулянье. Ахъ, какое очаровательное мѣсто! Какой божественный уголокъ въ природѣ! Натура! Гдѣ ты взяла свои замыслы и планы, кои образовала на этой благословенной почвѣ земнаго шара? Надъ горой, изчерченной садовыми дорожками, усаженной плодоносными деревьями, скрывающей овраги невинные, откуда не хищные выбѣгаютъ звѣри, но, какъ изъ курильницъ огромныхъ, вылетаютъ на воздухъ благоуханія тысячи разныхъ ароматическихъ растений и окуриваютъ вокругъ васъ весь воздухъ, надъ этой горой нѣкогда великой человекъ, Потемкинъ, построилъ залу, пожилъ въ ней и бросилъ. Преемники его поддерживали строеніе и открыли въ немъ публичные сѣзды. Маркизъ де Траверсе, полубогъ Николаева, давалъ тутъ балы и приохочивалъ публику къ прогулкамъ; привычка увѣнчала благія его намѣренія успѣхомъ. Сюда сѣзжается весь городъ, а кто не имѣетъ коня, тотъ бѣжитъ пѣшкомъ: это не далеко.

По склоненію горы, которую не надобно представлять крутой, рассыпаны для отдохновенія лавки и убѣжища, а сойдя весь покать до низу, вы находитесь на пологомъ берегу рѣки Буга. Обдѣланный родникъ на подобіе фонтана четырьмя краями выливаетъ воду въ воду и возвратно ее получаетъ. По краямъ зем-

ли гладкая тропинка помогаетъ идеямъ и развертываетъ тѣ картины, которыми пылкое воображеніе всегда обогащается. Тутъ-то мы пріѣхали погулять среди 300 человекъ свободныхъ и веселыхъ людей. Морскіе Офицеры, одушевленные самой тонкой и прихотливой вѣжливостью, безпрестанно въ залѣ танцовали, и каждая дѣвушка почитала этотъ день особымъ праздникомъ въ ихъ сторонѣ: никогда здѣсь такого множества кавалеровъ не собиралось. Все шутило, смѣялось и плясало. Роговая музыка раздавала по рѣкѣ свои унылыя звуки; духовая въ кущѣ, утаенной отъ общества, наигрывала меланхолическія пѣсенки; а скрипки, бубны, барабаны гремѣли Польскіе и вальсы на широкомъ предверьѣ залы. Въ ней было душно и тѣсно; я протанцовалъ одинъ Польской, и бросился дышать въ садъ. О, какая величественная картина! Сколько нѣги для глазъ и ушей!

Въ обществѣ Черноморскихъ краевъ я забывалъ, что я въ Россіи, гдѣ такъ часто молодые люди безъ извиненія толкаютъ дамъ и дѣвушекъ, мараютъ ихъ нѣжныя платья грубыми своими сапогами, дерутъ ихъ шпорами безбожно. Я думалъ, что я въ какой ни будь иностранной пристани Средиземнаго моря: всѣ говорятъ чужеземными языками, или своего природнаго не коверкаютъ.

Гулявши по саду, я скоро задумался и, очутившись нечувствительно одинъ, дошелъ до любимой моей стихіи: я такъ люблю смотрѣть на воду; ходя по берегу Буга, размышленія мои увлекли далеко мое воображеніе. Я мечталъ, не умѣя дать самому себѣ ни въ одной мысли отчета. Бугъ zaczynaеть здѣсь стремиться въ Лиманъ и обдѣлывать его; суда по нему плаваютъ, и мореходы прислушиваются къ музыкѣ, на горѣ все пляшетъ; я слышу топотъ ногъ, нестройную смѣсь голосовъ, гулъ страшный сверху катится по воздуху къ ушамъ моимъ; а рядомъ со мной шумятъ быстрыя струи Буга, бьютъ въ берегъ и сливаютъ звукъ свой со звономъ струнъ. Пещаный берегъ ноги не беспокоитъ; густой рядъ деревъ служитъ вамъ оградой; чистый родникъ въ разные смыслы бѣжитъ изъ каменной колонны и даетъ животворную прохладу жаждущему. Царь міра, Фаетонъ, кончаетъ бѣгъ свой и въ глазахъ моихъ скрывается въ антиподы. О, какъ я тутъ наслаждался! Здѣсь не Крымскія одни прелести натуры,

нѣтъ; здѣсь подлѣ меня, среди неописанныхъ красоть той же натуры, люди, миръ, забавы, нѣга, роскошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь видъ дикаго уединенія и шумной водопадъ; хочу я,—одинъ, хочу я—въ кучѣ непринужденныхъ весельчаковъ. Вотъ, гдѣ можно писать романы, пылать страстью, и дать ее почувствовать другому! Но что я говорю? Мое воображеніе уже вездѣ погасло; старость остудила восторги ума и сердца.

Долго любовался я берегомъ, небомъ и водой. Между тѣмъ сумерки опустошили залу; собранье, которое никому ни чего не стоитъ, по тому что музыка казенная, оканчивается подъ вечеръ за тѣмъ, что зала не освѣщается. И такъ надобно было и намъ ѣхать домой; но прежде чѣмъ уѣду, долженъ дать читателю идею еще объ одной ruinѣ на этомъ же самомъ мѣстѣ. На нижней площади горы представляется развалившаяся хижина. «Что такое?» спросилъ—я. «Баня Потемкина.» Онъ властвовалъ надъ самой натурой: вода, поднятая насосами вверхъ до нарочитой высоты, сбѣгала къ нему подъ крышку, и сквозь потолокъ, уподобленный сити, упала въ его купальню и орошала его внезапно съ головы до ногъ: какая сладострастная выдумка! Подумайте, что былъ Николаевъ при немъ: конечно, Царство радостей мірскихъ въ Россіи! Когда Екатерина набивала сванъ въ Петербургскія болота и творила каналы, Потемкинъ на другомъ краю свѣта нашелъ дѣйственную природу и въ степи насаждалъ вертограды! Посадите колъ, и черезъ годъ онъ, какъ жезлъ Аарановъ, покрывается зеленью и даетъ плодъ. Роскошь столько же чудотворна въ затѣяхъ богатаго владыки, какъ натура въ десницѣ премудраго своего Творца.

Еще поговоримъ о Снаскомъ. За симъ отдѣленіемъ сада для прогулки онъ простирается еще далеко чрезъ оврагъ: я и тамъ былъ. Какая дичь! Густой лѣсъ скрываетъ почти сводъ небесный и сквозить мѣстами одинъ Бугъ: но тамъ онъ позволяетъ шутить съ собой и играть своей волной; а здѣсь онъ кажется свои одни ужасы; вездѣ около его стремнины, ущелины и взглянуть на него страшно. Одна узенькая тропа доводитъ къ прозрачному источнику. Утомяшся, ходя по горамъ и оврагамъ. О милый вечеръ въ Николаевѣ! Я тебя никогда не забуду: ты много

дорожныхъ безпокойствъ вознаградила мнѣ собою. Дышать всегда и вездѣ возможно: преимущество не важное! Но жить, какъ жилъ я часа два сегодня на берегу Буга, и именно въ Снаскомъ, это такой даръ неба, котораго ни чѣмъ оцѣнить нельзя.

ГЛАВА ХІІІ.

Описаніе Богоявленскаго.

Поживи Потемкинъ, и Николаевъ сталъ бы шире Москвы: отъ города до Богоявленскаго считается 12 верстъ, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежитъ по берегамъ Буга, подобно Петергофской; на ней розданы были мѣста подъ загородные домики многимъ приближеннымъ. Иной строился для своего, иной для его, удовольствія! Мѣста безлѣсныя, но быстрый токъ воды утѣшаетъ зрѣніе. Вельможа умеръ, и все исчезло!

Въ самомъ Богоявленскомъ прелесть: я туда ѣздивъ и не могъ довольно налюбоваться этимъ мѣстомъ. Я нигдѣ не видалъ такого соединенія вдругъ богатства природы, роскоши искусственной и нищеты. Потемкинъ любилъ это мѣсто, и разводилъ тутъ сады. Всякое растеніе и дерево, какое только въ томъ климатѣ достать можно около Крыма, все сюда превезено было на подводахъ и посажено безъ пощады человѣческаго поту; все принялось и пустилось, а послѣ все поросло тростникомъ и облеклось въ пустыню. Тутъ уже не садъ теперь пышный и пространный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она изъ дикаго камня на 8 столбахъ. Нѣсколько ступеней сводятъ вась въ чистую и прохладную воду; подъ сводомъ гранитнымъ вась солице не печетъ. Тутъ орошался нѣкогда исполинъ, и ни кто, кромѣ нимфъ, приблизиться къ нему не смѣлъ. Дабы сохранить и нынѣ, сколько возможно, сей памятникъ роскоши его отъ суровости погоды, а

паче соблюсти источникъ въ чистотѣ, поставлена бѣдная избушка, не стоящая ни чего, изъ хворосту и тростника: одинъ широкій шагъ поставить васъ на ея кровлю; но взгляните вокругъ этого убогаго шалаша, въ которомъ старичекъ стражъ плететъ лапти и курить табакъ, взгляните: около его разрослись не рябина, или черемуха, нѣтъ; тутъ отягченныя вѣтки абрикосами, бергамотами, осѣняютъ верхъ его и обвиваютъ столбы его ограды. Высокій кустъ Грецкихъ орѣховъ царствуетъ надъ прочими плодами; съ нимъ сближила природа и каштановое дерево. Старикъ глядѣлъ на насъ съ изумленіемъ; онъ не понималъ, отъ чего мы такъ дивимся: столь для него сіе зрѣлище было обыкновенно! Гдѣ жъ вы такъ тѣсно найдете вмѣстѣ рѣдкія прозябенія лучшихъ странъ свѣта, нищету хижины, вросшей въ землю, и великолѣпную купальню? О деревьяхъ обыкновенныхъ, какъ-то: грушъ и яблони, говорить ужъ нечего: пропасть!

Сердце ноетъ, когда видишь въ такомъ все запущеніи. Садъ этотъ отданъ одному фабриканту, который тутъ содержитъ сукодную фабрику и все мѣсто получилъ изъ казны въ аренду. Онъ печется о своемъ промыслѣ и, конечно, мало думаетъ о садѣ. Я весь его исходилъ съ конца до другого, неоднократно возвращаясь къ банѣ, близъ которой обрывалъ бергамоты, запивалъ хорошимъ виномъ и задумывался о скоромъ теченіи случаевъ и всей жизни нашей.

Я сидѣлъ на самой той скамейкѣ, на которой Потемкинъ смотрѣлъ рано по утру, какъ возятъ въ садъ щебень, песокъ, деревья, какъ все шевелится для прихоти его и ищетъ его благосклоннаго взора. Натура, думалъ я, все та же, но снятъ съ нея нарядъ; душа сихъ мѣстъ удалась въ другія селенія: все мертво было около меня.

Садъ при немъ назывался Витовкой. Въ то время, какъ онъ убиралъ его, Госпожа Витъ кружила ему голову. О, я въ томъ стою, умру съ тѣмъ, что въ жизни нашей то только время и можно счесть блаженнымъ, въ которое любовь сводитъ насъ съ ума.

Меня водилъ по дорожкамъ, кои трудно отыскать уже въ густой травѣ, одинъ современникъ Потемкина и тѣхъ самыхъ

дней, когда Богоявленское во всей краѣ своей сіяло: одинъ морской Офицеръ былъ въ нашемъ обществѣ, который видѣлъ здѣшнее мѣсто въ 89 году. Онъ намъ казалъ тамъ сухіе рвы и болотистыя тинныя мѣста, гдѣ я ни какъ не повѣрилъ бы, что были когда либо токи свѣжей воды, естли бъ онъ не засвидѣтельствовалъ намъ, что тутъ прорыты были вездѣ каналы и столько наполнены водою, что Князь разѣзжалъ на нихъ въ раззолоченныхъ лодочкахъ. Гребцы пѣли, кричали, весла отражали лучи яркаго дневнаго свѣтила; вода сливала съ нихъ крупные свои перлы, а Князь не вмѣщалъ своихъ восторговъ. Вездѣ тутъ нынѣ иль, камышъ и на каждомъ шагу увязнешъ. Вмѣсто торжественныхъ пѣсенъ и кликовъ народныхъ, одинъ слышенъ крикъ неугомонныхъ лягушекъ. Ахъ, что печальнѣй сей картины!

Домъ Княжой сломанъ, но онъ былъ такъ великъ, что изъ матеріаловъ его вышелъ прекраснѣйшій лазаретъ для морскихъ силъ. Онъ тутъ же расположенъ; ни что не заслуживаетъ такого прилежнаго вниманія; его построилъ Маркизь, и къ зимней огромной больницѣ присоединилъ лагерный гошпиталь, какого я еще нигдѣ не видывалъ: самое спасительное изобрѣтеніе для недужныхъ, истинный, а не тщеславный только, опытъ человеколюбія! Сказывали мнѣ, что и во всѣхъ портахъ настроены такіе же. Вотъ его расположеніе:

Все строеніе состоитъ изъ стѣны деревянной не выше 1½ аршина, и съ самой крутой и высокой крышкой, которая уподобляется полотняному намету. Эта кровля не доходитъ до земли, слѣдовательно, воздухъ не стѣсненъ и проходитъ между ею и стѣнъ чрезъ всю галерею. Кровать больнаго поставлена головами къ стѣнѣ и въ крышкѣ надъ каждой слуховое окошко, которое занавѣсомъ защищаетъ больнаго отъ солнца. Полъ земляной, но крѣпко убитъ, усыпанъ зеленью и всегда свѣжъ, чистъ и сухъ: больному покойно, прохладно и пространно: выгодная замѣна зимнимъ лазаретамъ, въ коихъ лѣтомъ такъ сгущается воздухъ; а между тѣмъ двоякая польза: ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимнія казармы больничныя провѣтриваются и дѣлаются въ нихъ необходимыя починки; самая перемѣна мѣста столь часто для больнаго служить отрадой. При насъ было

ихъ здѣсь до 100 человѣкъ, а иногда накапливается до 400. При больницѣ бѣлькарей, докторъ одинъ и сверхъ того Инспекторъ. Все содержаніе этого лазарета, относительно пищи, бѣлья, опрятства и чистоты окрѣ постелей, отиѣнную честь дѣлаетъ надзирателямъ. Рѣдко немощное человѣчество видитъ подобныя о себѣ попеченія.

И такъ, кромѣ сада есть въ Богоявленскомъ и полезныя заведенія. Я упомянулъ о больницѣ. Скажу нѣчто и о фабрикѣ. Арендаторъ на многихъ станахъ точетъ здѣсь сукно изъ тонкой шерсти въ свою пользу. Чтобъ доказать, домой пріѣхавши, что можно уже обходиться и безъ иностранныхъ суконъ, я сдѣсь купилъ на фракъ, по 6 руб. аршинъ, сукно, которое выткано было изъ шерсти не совсѣмъ Испанской, но снятой съ породы отъ смѣси Крымскихъ нашихъ овецъ съ мериносами, т. е., отъ *metis* присшедшей. Оно нѣсколько сурово, но носить можно; за то какая же разница въ цѣнѣ съ ввозимыми сукнами! Передъ нашими щеголями тѣмъ-то оно и виновато, что дешево. Хозяинъ фабрики работаетъ съ усердіемъ и успѣхомъ: становъ много, заведеніе обширное, строеніе казенное, работники вольные. Есть тутъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачъ очень легко отдѣлываетъ сукно въ 3 аршина слишкомъ ширины, но онъ не ломается, какъ тотъ, о которомъ я говорилъ, бывши въ Полтавѣ; этотъ, просто одной кистью руки шевеля рукоятку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростію чрезъ всю основу съ края стана на другой. Главный предметъ этой фабрики — выдѣлка солдатскихъ суконъ. Бывъ въ Богоявленскомъ, надобно зайти и ее посмотреть, какъ заведенія достойнаго примѣчанія.

Ноя, не будучи смышленъ въ этой промышленности, все обращалъ глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько разъ я обошелъ ее вокругъ, сколько пилъ тутъ воду и подставлялъ черепъ подъ фонтанъ и, подъ тѣнью пожилаго орѣшника, оплакивалъ мысленно разрушеніе такихъ драгоценныхъ прелестей! Изъ саду пошедши къ коляскѣ, я еще наполненъ былъ тѣми идеями, кои мѣстоположеніе и исторія его въ нестройной кучѣ вселяли въ мое воображеніе, какъ наступилъ на мягкое и жирное тѣло. «Ай!» закричала жена. «Что такое?» — «Убитая змѣя.»

Онѣ часто, говорятъ, изъ густыхъ травъ вытягиваются и шипятъ. Согласимся, сказалъ я своимъ товарищамъ, что вездѣ есть добро и зло: прекрасенъ садъ, но змѣя не хороша.

Гдѣ чиже поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ травѣ,
Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хвалитъ.
Червь точитъ алый цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде, чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

«Правда, правда!» закричали мои товарищи: сѣли въ коляску и поскакали въ Николаевъ. Отѣхавъ съ версту, я кинулъ еще взоръ на вѣтвистый орѣшникъ и на куполь великолѣпной ванны. Витовка! мѣста безподобныхъ очарованій! Естли ты и нынѣ дивишь любопытныхъ, что жъ была ты тогда, какъ вельможа сыпалъ въ тебя всѣ свои сокровища! Конечно, рай земной!

ГЛАВА XLIX.

Потемкинъ.

Естли кто хочетъ имѣть прямое понятіе о Потемкинѣ, нигдѣ такъ не успѣетъ, какъ здѣсь. Мнѣ удавалось объ немъ слышать въ свѣтѣ разныя разсужденія: иные чли его лѣнливцемъ, другіе человѣкомъ немилосерднымъ, большая часть порицали гордостію. Здѣсь скоро я нашелъ доказательство, что все то болѣе изъ предубѣжденія и ненависти разглашали, чѣмъ по любви къ истинѣ и справедливости. Лстить ему теперь мудрено: онъ умеръ и никому ни на что не надобенъ; и такъ естли можно что похвальное объ немъ сказать, то теперь самая пора.

Начальники морекіе, изъ любви и особенной ко мнѣ довѣренности, позволили мнѣ прочесть двѣ большія книги въ хорошемъ переплетѣ, въ которыхъ съ большимъ тщаніемъ собраны разныя Князя Потемкина Ордера къ Фалѣеву и предложенія Черноморскому Адмиралтейству. Я ихъ всѣ прочелъ, и не одинъ разъ, нѣкоторыя изъ нихъ выписалъ, и думаю, что сообщу публикѣ, принесу ей

удовольствіе: каждое слово чрезвычайнаго человѣка, каковъ былъ Потемкинъ, и которому, если не вовсе можно дать титула великаго, по крайней мѣрѣ, ни кто не отниметъ у него названія чрезвычайнаго, каждое его, говорю, слово, мысль, строка, должны быть предметомъ общаго вниманія.

Повѣрятъ ли, что этотъ лѣнивый Князь въ состояніи былъ исписывать, когда прямая нужда и польза того требовали, цѣлыя страницы своей рукой, и давать самыя подробныя предписанія, не только на счетъ отличныхъ работъ и распоряженій, но даже въ иныхъ мѣстахъ упоминалъ, какой фрегатъ течетъ, отъ чего именно, и что къ исправленію его потребно: приказанія его иногда доходили до самыхъ крайнихъ мелочей. Повѣрятъ ли, что этотъ вельможа, котораго донынѣ едва не тираномъ ли своего времени многіе почитаютъ, былъ столько сострадателенъ, сколько то увидятъ въ письмѣ его къ Фалѣеву, отъ 6-го Іюля изъ Колотени?

Извѣстно, что онъ не щеголялъ перомъ, и по тому въ его бумагахъ не надобно искать ни слога, ни красоты. Онъ писалъ просто, но вразумительно, бранился не рѣдко подлыми выраженіями и на письмѣ, въ бумагахъ официальныхъ. Кто поспорить, что это не прилично? Конечно, нѣтъ. Но гдѣ жъ мы находили человѣка чрезвычайнаго въ его дѣяніяхъ, который бы вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ чрезвычайныхъ странностей и навыковъ своевольныхъ? Этѣ люди уже не подходятъ подъ общія правила. Они сами себѣ законъ. Довольно, были въ нихъ душа, умъ и сердце расположены къ благу; впрочемъ, Потемкинъ былъ, что мы называемъ, чудакомъ.

Онъ особенно любилъ здѣшнее мѣсто: Николаевъ, Богоявленскъ, Спаское были его утѣшеніе и отрада! Изъ самой переписки его видно, сколько онъ пекся о малѣйшемъ украшеніи своихъ садовъ, какъ часто отвлекался онъ отъ своихъ занятій, чтобъ объ нихъ подумать. Многіе иностранцы живыми красками описали его портретъ, и дали объ немъ понятіе всему свѣту. Я не умѣю дать преимущества ни которому изъ тѣхъ двухъ, коихъ читалъ и въ самое даже мое путешествіе около Николаева. Хо-

рошо обрисовалъ его Сегюръ, но живо изобразилъ также и де Линь. Кто не читалъ ни того, ни другого, тотъ, конечно, не осердится на меня, прочтя обоихъ, что я у него выпросилъ на этотъ трудъ полчаса времени: оба стоятъ вниманія и каждый приличной ему похвалы.

Наслушавшись здѣсь отъ всѣхъ очень много о Потемкинѣ, я пожелалъ видѣть гробъ его, и для этого только съѣздила въ Херсонъ. Тамъ онъ похороненъ въ Соборѣ, который отстроенъ иждивеніемъ Екатерины и представляетъ на фронтонѣ своемъ слѣдующую надпись: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ.» Коротко, но чувствительно и красно! Тутъ подъ церковью былъ сдѣланъ погребъ и поставленъ гробъ исполина. Передъ нимъ горѣлъ неугасаемый елей въ золотой лампѣ; окружали мертвенность его и собраніе сухихъ костей богатыя подсвѣчники со свѣчами. Все возвыщало въ преисподнемъ и мрачномъ томъ жилищѣ, что скрытъ тутъ въ землю прахъ знаменитаго вождя Екатерининныхъ храбрыхъ воевъ. И все засыпано землею. Нѣтъ уже нынѣ туда ни входа, ни отверстія. Я любопытствовалъ узнать хотя снаружи то мѣсто, подъ коимъ онъ погребенъ былъ: не хотѣли, или не умѣли, мнѣ и того причетники указать. Я, выходя изъ Собора, вспомнилъ столь извѣстныя слова псаломника: «Мимо идохъ, и се не бѣ, и не обрѣтется мѣсто его.» Подлинно правда! Многіе нашлись съ готовыми доказательствами о правѣ своемъ на раздѣлъ оставшагося послѣ Князя имѣнія, — и кто тогда, какъ онъ былъ въ силѣ, не прилепывался ему въ родственники? — а нынѣ, когда дѣло идетъ о томъ только, чтобъ открыть гробъ его, оживить его памятникъ, воспрославить, воскресить, такъ сказать, имя его въ потомствѣ, нѣтъ ни друга, ни сродника, ни благодѣтельствованнаго, кто бы похлопоталъ о томъ. Учитесь, вельможи, читать глубже и яснѣе въ сердца вашихъ тварей!

Я ни чего еще здѣсь не говорю о Херсонѣ, хотя упоминаю уже о самой первой тамошней рѣдкости; но, начавъ рѣчь мою о Потемкинѣ, мнѣ хотѣлось все то сказать вдругъ, что лично до него относилось. За симъ слѣдуютъ списки нѣкоторыхъ его писемъ. Они не изъ самыхъ уважительныхъ по его начальству и

Получено 10 Іюля.

«Колотени. 6 Іюля.

Лучше въ десятеро заплачу, нежели отдать жида Гильму поставку. Пора отстать отъ мошенниковъ подрядчиковъ, кои истощили сумму и все недостатками потчивали; чрезъ нихъ разворовали много. Прикажи въ Чутѣ заготовлять больше тѣхъ членовъ, какихъ тамъ найти можно, прочее въ Смѣлѣ.

Канатному заводу въ Херсонѣ быть, или нѣтъ, посмотрю самъ. На прочія донесенія дамъ резолюцію, пріѣхавши въ Богоявленское, а теперь только скажу о числѣ умершихъ, которыхъ не могло бы больше и въ чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели ихъ морятъ, какъ нарочно? Вамъ бы надлежало мнѣ доносить правду, и я не знаю, какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину! Я опредѣлялъ людей въ работу, да еще и съ заплакою, а изъ сего сдѣлали каторгу, и по нещастію, какъ вездѣ мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто того мучатъ другіе, а потакаете вы.

К. Потемкинъ Таврической.»

ГЛАВА I.

Херсонъ.

Отъ Николаева Херсонъ очень близко, только 60 верстъ: дорога ровная и степная. Мы двое съ женой послѣ обѣда туда поѣхали, и ранѣе вечера прибыли. На пути нѣтъ ни какого жила, кромѣ почтоваго сарая, въ которомъ, на половинѣ дороги, мѣняють лошадей. Полиція тутошная позаботилась о нашей квартирѣ, и отвела намъ ее въ лѣсной конторѣ Г. Перетца, у одного Жиды: вездѣ намъ судьба судила стоять въ его домахъ, но не вездѣ такіе у него хозяева, какъ въ Николаевѣ. Поздно было ходить по городу; тотчасъ съ пріѣзда мы отъужинали и легли спать, но разныя твари, коихъ пыль и нечистота производятъ, не дали намъ заснуть хорошенько.

На завтра пріѣзда нашего, 19 числа, дождь пошелъ пресильный и безъ экипажу нельзя было выйти изъ дому; окошки наши на дворъ: и такъ, сидя въ четырехъ стѣнахъ въ скукѣ, я имѣлъ досугъ одумать все состояніе неволи, которой подвержены заключенные въ тюрьму, какъ въ кѣтку, и не имѣющіе передъ глазами ни какого предмета. Я только могъ замѣтить, не выходя изъ горницы, что здѣсь пронасть Жидовъ и комаровъ: либо перваго увидишь, либо послѣдняго убьешь. Я старался прогонять скуку пріятнѣйшимъ для сердца упражненіемъ: я писалъ письма къ домашнимъ, къ друзьямъ, готовилъ ихъ заранѣе къ отсылкѣ, при случаѣ удобномъ.

Около полудня улыбнулось небо: стало ясно, тихо, хорошо, и здѣшній Г. Губернаторъ посѣтилъ меня. По приглашенію его, я у него обѣдалъ, ужиналъ и весь день пробылъ. Онъ молодъ, но наполненъ усердіемъ къ своей должности; супруга его — барыня прелюбезная и мастерица играть на фортепіано. Цѣлый вечеръ слушалъ я ее безъ устали. Съ ними жили тогда, по случаю родинѣ ея, нѣсколько ихъ родственниковъ. Они дома въ городѣ не имѣютъ: онъ еще строится, а между тѣмъ занимаютъ домъ Военнаго Губернатора, верстахъ въ двухъ отъ города, въ крѣпости: это удаляетъ отъ нихъ общество городское, особливо въ осенніе длинные вечера, въ которые такъ нуженъ всякому кто ни будь; они по большей части одни въ своей семьѣ. Кабинетъ его наполненъ бумагами: — обыкновенная роскошь и убранство внутреннихъ покоевъ дѣловыхъ людей! Боже мой! Какая куча пакетовъ, и когда это все читать! Я одни сутки провелъ въ ихъ бесѣдѣ довольно пріятно; сожалѣлъ только объ ихъ собственной скукѣ, которую, кажется, ни кто изъ цѣлаго ихъ дома скрыть не можетъ. И правда, что Херсонъ мѣсто не прекрасное. Губернаторъ далъ мнѣ свой экипажъ, и самъ безъ принужденія возилъ меня по всѣмъ занимательнымъ мѣстамъ города. Станемъ говорить объ немъ.

Городъ разбитъ на Дибрѣ, но очень непріятенъ: улицы нечисты, строеніе скверное, ни одного нѣтъ хорошаго дома, кромѣ, такъ называемаго, обжорнаго ряду, который выстроенъ изъ городскихъ доходовъ. Надобно знать, что Херсонъ имѣлъ въ пользу свою весь собираемый съ него въ тогдашнее 4-хлѣтіе отъ

купный доходъ. Онъ населенъ бродягами, бѣглыми, всякимъ сбродомъ. Крѣпость, хотя еще не стара, однако требуетъ уже значительныхъ поправокъ и только что поддерживается отъ совершеннаго разрушенія. Внутри много разныхъ каменныхъ строеній, какъ-то: домъ Военнаго Губернатора, Комендантскій и Ордонансъ-Гаузъ, тутъ же и Соборъ. Я объ немъ говорилъ прежде, а теперь добавлю то только, что въ этомъ великолѣнномъ и огромномъ храмѣ нѣтъ ни какой примѣчательной утвари. Иконостасъ сведенъ круглымъ куполомъ на 8 столпахъ голубаго цвѣта; ризница неважная; показывали мнѣ ризы и стихарь, кои приложены Екатериной, но безъ отличнаго богатства, и естъли бъ не снабдила здѣшній Соборъ многими драгоценными вещами Госпожа Мартынова, у коей сынъ, убитый на ратномъ полѣ, похороненъ здѣсь, то бы и похвастать не чѣмъ было; ся приклады всѣ роскошны и со вкусомъ въ отдѣлкѣ.

Сколько знаменитыхъ гробницъ около Собора! Тутъ увидите вы храбраго Миллера. Я остановился у его мавзолея: шишакъ надъ нимъ столько жъ чистъ еще понынѣ, какъ и слава его. Она сохранилась безъ пятна: рѣдкое счастье для воина. Тамъ подалѣе былъ его сынъ, достойный такового отца. Тутъ Князь Волконскій. Кто не знаетъ его кончины подъ Очаковымъ? Кто не оплакалъ отважности его геройской: я первые тогда почувствовалъ восторги славы; смерть его восхитила мою душу, еще прикованную къ школьнымъ теоріямъ; я развернулся и осмѣлился первые мои стихи выдать въ свѣтъ на смерть его. Здѣсь предана землѣ нѣжная отрасль Царскаго Дома. Въ молодости сущей Принцъ Виртембергскій позналъ нетлѣнной жизни сокровище. Камень надгробный его великъ, огроменъ, но безъ всякой красоты.

Корабельная верфь любопытна; при насъ отстроивался тутъ одинъ корабль 74 пушечный; такого же размѣра дѣлались еще два и одинъ 100 пушечный былъ уже заложенъ. Капитанъ надъ портомъ, Г. Миз.—Газ. всѣ работы намъ показывалъ. При насъ корабль обивали мѣдью: предосторожность необходимая отъ морскихъ червей, кои, какъ говорятъ, въ Черномъ морѣ очень скоро проѣдаютъ корабль. Какое страшное зданіе на берегу, а на морѣ—лукошко; подъ него готовятся уже и катели для спуска его

къ тому мѣсту, гдѣ онъ оснащиваться будетъ. Говорили, что онъ полетитъ въ Дибиръ 8-го Августа. На лѣвой сторонѣ рѣки весь берегъ усыпанъ корабельными лѣсами: они лежатъ на открытомъ мѣстѣ, отъ чего удобно и повреждаются. Видно, что или еще лѣсу много, что нѣтъ нужды его бережъ, или издержки для предохраненія его болѣе важны, нежели сама цѣна вещи; въ такомъ случаѣ жаль, что не оставили тамъ множества дубовъ и соснъ на корнѣ: они бы еще пожили и не опоздали стать на своемъ мѣстѣ въ кораблѣ.

Гавань купеческая очень хороша: въ ней строится много транспортныхъ судовъ по самымъ прекраснымъ образцамъ. Многие изъ нихъ при насъ были въ отдѣлкѣ. Торговля животворитъ совершенно берега Дибирь при скучномъ Херсонѣ. Лѣсная пристань обогащена бревнами и досками. Дибиръ приноситъ сюда все богатство лѣсовъ Бѣлорусскихъ: на немъ чрезъ Кременчугъ приплыло сюда въ 1810 году до 150 тысячъ деревьевъ. Какое важное пособіе для Крыма и Николаевской стени! Дибиръ по берегу убить сваями, и отъ пристани сажень на сто убавили его широты.

Чего не дѣлаютъ искусство и труды?

Каналь, Азовъ и Понть вѣчаютъ, какъ пруды.

И древній Бористень, теряя здѣсь свободу,

Сто сажень отступилъ для пристани народу.

Канатная фабрика помѣщается въ огромномъ строеніи на 240 саженьхъ длины. Внизу крутятъ веревки, а вверху подъ крышкой, на чердакѣ съ просторомъ, прядется пенька. Народъ употребляется ссылочный, осуждаемый по приговорамъ къ каторжнымъ и крѣпостнымъ работамъ. Ни на одно лицо взглянуть нельзя равнодушно: всякаго черты ужасны; печать злодѣйства отражаетъ всякое состраданіе. То ли бы было, подумалъ я, ходя по этой пространной галерей и прислушиваясь къ нестройному звону желѣзъ, естъли бъ по обоимъ концамъ поставили громкіе оркестры и вдоль строенія вытянуть въ два фрунта экосесь? Всякой, думаю, воленъ дѣлать въ себѣ и про себя, какія хочетъ, примѣчанія. Волтеръ гдѣ-то сказалъ: «*Les volontés sont libres.*» Кажется, онъ ошибся: а тому, кто скажетъ: «*Les pensées sont libres,*» не чѣмъ возразить.

Много здѣсь хорошаго и полезнаго вздумала Екатерина; скажемъ же и то, что Потемкинъ многое и исполнилъ хорошо. Память Херсонской Царицы здѣсь незабвенна; цѣлы еще стѣны того строенія, въ которомъ нѣкогда она ужинать изволила; говорить, что на столѣ, вмѣсто обыкновеннаго убранства, въ модели изображенъ былъ искусственнымъ образомъ весь ея флотъ, и что какъ скоро она сѣла кушать, то на немъ поднялись флаги. Скажемъ это тысячу разъ: «Вѣкъ ея былъ вѣкъ очарованія.»

Здѣсь я опять настигъ нитку политическихъ происшествій: нѣсколько прочелъ № «Сѣверной Почты,» узналъ о новой монетной системѣ. Удалясь нѣсколько отъ центра новостей, всякой листочикъ свѣженкой печати займетъ чрезвычайно. Я часто это испытывалъ дорогой. Здѣшнему Губернатору нѣкогда лишній часъ проспать. Дюкъ опять сегодня проскакалъ въ Крымъ: видно, флотъ Турецкой хоть не страшень, да и не забавень.

Вездѣ есть диковинки: почтеть ли читатель мой ею то, что я готовлюсь ему сказать, не знаю; но для меня весьма удивительно было услышать, что въ Херсонѣ Городской Голова—Французъ, поселившійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Чудо!

Въ день отъѣзда нашего отсюда, 20 числа, я, съ дозволенія Господина Губернатора, ходилъ купаться въ Днѣпръ: у него закрытая и пловучая ванна. Прохлада не совсѣмъ пріятная; вода мутна и съ зеленью. Въ Володимірской Губерніи Нерль не Днѣпръ, но какая разница для этого наслажденія! Мы позавтракали у Губернатора, простились съ нимъ, съ его семействомъ, и поѣхали, какъ будто домой, въ Николаевъ. Въ четыре часа съ половиною мы проскакали 60 верстъ: лошади не бѣгутъ, летятъ, и ихъ дикія лошади у насъ не отпрягали. Я долженъ эту строчку объяснить: иначе она будетъ казаться непонятною.

Одинъ путешественникъ, напечатавъ многое объ Одессѣ и здѣшнихъ мѣстахъ, между прочимъ, помѣстилъ слѣдующее извѣстіе:*

* Пр. «Письма о Крымѣ,» переводъ съ Французскаго сочиненія, съ которымъ рядомъ выпечатанъ и оригиналъ.—1810. Полное заглавіе его таково: «Письма о

«Сія степь сколь ни худа, однако питаетъ дикихъ лошадей, которыя и имѣютъ странный инстинктъ освобождать лошадей, если увидятъ запряженными: онѣ нападаютъ иногда толпами на запряженныхъ лошадей, разбивая повозки, перерываютъ збрую, потомъ убѣгаютъ съ новыми товарищами, если удастся имъ освободить ихъ.»

Я Херсонскую степь, т. е., разстояніе между Херсономъ и Николаевымъ, проѣхалъ два раза, и по утру и въ вечеру, но ни отъ кого этого не слыхалъ, нигдѣ этого не видалъ. Замысловатые лошади! Видно, и въ ихъ родѣ водятся республиканскія головки, кои узды не терпятъ. Благодаря Бога, или лучше сказать Херсонскую фею, это, все ея, видно, превращенія! Наши кони очень смирно довели насъ до Николаева, гдѣ мы нашли всю свою домашнюю бесѣду, и въ ней отстатокъ дня весьма пріятно проводили.

ГЛАВА II.

Отъѣздъ изъ Николаева.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Николаевѣ расхарчился нашъ хозяинъ, зазвалъ много гостей и не пожалѣлъ хорошей бутылки вина. По утру я таскался по рядамъ, по базару: купилъ, во первыхъ, сукно, но ошибся въ выборѣ, сукно гнило; однако фракъ стоилъ 30 рублей: изрядныя бы деньги и не для фрака лѣтъ 20-ть ранѣе. Арбузовъ и дынь въ Николаевѣ пропасть и дешевы. Купя за 40 копѣекъ двѣ штуки, я на силу ихъ съѣлъ въ моей компаніи, которая была не мала въ тотъ день.

Откланявшись Господину Адмиралу, зашелъ проститься къ отцу Ефимію: засталъ благоговѣйнаго Іерея, читающаго Соломона.

Крымъ, Одессѣ и Азовскомъ морѣ; соч. Г-жи Гутри, перевелъ съ Французскаго П. Снегиревъ, на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ. М. Въ типографіи Всеволожскаго. 1810. 8.» О. Б.

Поговорили мы съ нимъ о многихъ предметахъ суеты человѣческой. Онъ, провожая меня, кричалъ: «Всяческая суета!» а я ему отвѣчалъ: «Безъ нея нельзя!» и съ этимъ мы разстались.

Господа морскіе пожаловали къ намъ на вечеръ и привезли всю свою роговую музыку. Какое прекрасное изобрѣтеніе! Оно питаетъ унылыя мысли, развертываетъ ихъ и даетъ душу меланхолин. Я не могъ равнодушно слушать звуковъ этихъ мѣдныхъ, разноголосныхъ трубъ. Лакримальные сосуды мои напряжались, и я потихоньку плакалъ, ходя одинъ въ саду. Есть такія минуты, въ которыя печаль, одна печаль, овладѣя всѣми нашими чувствами, среди самыхъ шумныхъ бесѣдъ и роскошныхъ вечеринокъ, даетъ намъ чувствовать всю свою тягость. Это было на канунъ 22-го Іюля, дня именинъ покойной дочери моей. Я вспомнилъ Машу, которая, когда я слушалъ искусственные мусикійскіе звуки, пѣялась уже далеко отъ меня согласіемъ превосходной небесной гармоніи. Хорошо дѣлаетъ Русской человѣкъ, что пѣтъ, когда ему грустно: самое вѣрное лѣкарство отъ печали! Я изъ саду вышелъ въ комнаты; всѣ пили пуншъ, давайте-ка и мнѣ! Выпилъ очередную чашу, голова закружилась, и я скоро забылъ, что радость и что печаль. Въ такомъ расположеніи чувствъ мы отужинали и ѣли много. Всякой рассказывалъ свое, кто былъ, кто небылицу. Помѣстите, куда вамъ угодно, слѣдующее:

Въ Триестѣ, сказывалъ намъ нѣкто изъ собесѣдниковъ нашихъ, содержатель Театра обязанъ платить очень дорого за привилегію свою Французскому Двору. Какъ-то сборъ началъ упадать и содержатель сдѣлался неисправнымъ. Правительство не шутитъ: давай деньги! Содержатель жалуется, что многіе богатые жители не ѣздить въ Театръ, не берутъ ложъ изъ одного ругательства Французамъ. Правительство, чтобъ выручить свои деньги, принуждаетъ богачей брать мѣста годовыя. Они ихъ откупаютъ, насильно ѣздить забавляться, а содержатель оплачиваетъ долгъ свой, и всѣ довольны. Славная контрибуція! Вотъ что называется прекраснымъ насосомъ выжимать изъ чужихъ кармановъ деньги. Вѣдь, можегъ быть, это и вздоръ!

Распростиаясь со всѣми, мы расположились на другой день, 22 числа, рано по утру, выѣхать, и намѣреніе наше исполнилось. Въ

минуту нашихъ сборовъ узнали мы, что часть Россійской эскадры заняла Сухумъ-Кале, крѣпостцу на матеромъ берегу Мингрелии. Ею управлялъ отцеубійца. Кого пощадить тотъ, кто не чтитъ родителя? Народъ взволновался, звалъ Русскихъ на помощь, увидѣлъ флаги ихъ и покорился.

Прости, Николаевъ! Я тебя вспомню всегда и вездѣ въ радости и въ печали. Настоящія наши наслажденія суть рода удовольствій нашихъ въ будущемъ. Если бы воспоминанія не оживотворяли души человѣческой, она бы отходила къ своему Создателю, не испытавъ ни какой радости въ свѣтѣ. Такъ, такъ мы живемъ въ прошедшемъ стократно болѣе, чѣмъ въ настоящемъ: это нашъ удѣлъ, это участь человѣка чувствительнаго! Простите, Спаское, Богоявленское, мѣста славы знаменитаго вельможи, мѣста изнѣженныя самой природой! Вы всегда привлечете къ себѣ восторги тѣхъ, кои любятъ жить въ натурѣ, по натурѣ и не разлучно съ нею; равно обратятся къ вамъ и мысль и взоры тѣхъ, коихъ изумляло когда ни будь и изумитъ впредь, въ лѣтописяхъ нашихъ, величество Потемкиныхъ:

Таврической! Тебѣ въ твой вѣкъ дивился Питеръ:
Но въ немъ ты былъ лишь Князь, а здѣсь ты былъ Юпитеръ.

Съ этимъ восклицаніемъ я уѣхалъ, и скоро скрылся отъ глазъ моихъ Бугъ. Съ великолѣпными его берегами пропали высокія Ингульскія трости. Опять я скачу въ степи и возвращаюсь въ Елисавету.

4 версты отъ Николаева есть селеніе Терновки. Сюда проводили насъ хозяинъ нашъ и Бобъ. Прежде тутъ была Турецкая слободка; въ ней видны и поднесъ разоренный домъ Паши и маленькая рощица, подъ которой бѣжитъ чистый ключъ воды. Здѣсь въ уединеніи онъ, чаю, исповѣдывался въ тайнѣ своему Пророку и лобызалъ раболѣпныхъ наложницъ; а нынѣ тутъ обитаютъ Болгары, выгнанные Турками изъ Адрианополя и прибѣгшіе подъ покровительство Россіи. Здѣсь они забываютъ смутныя времена своего отечества и живутъ спокойно. Вотъ прямо полезная колонія! Болгары трудолюбивы, любятъ хлѣбопашество

и разумѣютъ искусство воздѣлывать землю: у нихъ ни одна черта земли не теряется, все засѣяно и воспитано. По загороднымъ своимъ усадьбамъ они еще разводятъ и шелковичныя деревья. Я долго радовался, глядя на ихъ сельскія упражненія.

Старая мечеть обращена въ Греческую церковь; башни ея однако сохранены, какъ памятникъ, и эти два различныя по началу своему зданія странное представляютъ соединеніе язычества съ Православіемъ. На одной изъ нихъ повѣшены колокола. Я ходилъ на самый верхъ ея, по видовъ пріятныхъ она не открываетъ. При храмѣ семь Священникъ изъ Болгаръ; иконостасъ въ Греческомъ вкусѣ, но безъ всякихъ украшеній, рѣзного нѣтъ ни чего. Утварь пожалована Государемъ не богатая, но полная.

Здѣсь послѣднюю рюмку вина выпилъ я съ добрымъ моимъ хозяиномъ и съ Черноморскимъ пріятелемъ Б. и, разцѣловавши обоихъ, прижавши крѣпко къ сердцу, нагнувъ шляпу на сырые очи и усакалъ во всю конскую скачку.

Доѣхавъ со мною до первой станціи, читатель вспомнилъ, что ее зовутъ Кандыбино, что тутъ славный источникъ въ горѣ. Я подошелъ къ ней, выпилъ стаканъ воды изъ ключей ея, освѣжилъ осеннюю свою голову и, перемѣня лошадей, удалился отъ Николаева. На пути встрѣтился намъ какой-то Ливонецъ Бар., ѣдетъ въ Крымъ искать ужасовъ и развалинъ. Счастливый ему путь! Право я ему не позавидовалъ. Крымъ, признаюсь, ни сколько не раздражалъ моего любопытства.

Въ Виландовой мызѣ или, по здѣшнему, трактирѣ (пустомъ, однако) мы потерпѣли задержку въ лошадяхъ, по тому что день былъ почтовый и лошади въ оба конца въ разгонѣ; объ обѣдѣ въ суетахъ мы не подумали; поварня ѣхала съ нами и успѣла дать намъ только яичницу, которую очень скоро сварили и вдвое скорѣе мы съѣли. Лежа на травѣ, похлебали молока, и за трапезой простой натуры насытившись, поспѣшали на ночлегъ, который судьба, случай, печальность, такъ часто гораздо лучше о насъ промышляющія, нежели самыя заботливыя наши суеты, приготовили намъ на пути, въ мызѣ доброй Госпожи Лореновой, гдѣ мы уже очутились въ 64 верстахъ отъ Николаева.

ГЛАВА III.

Ночлегъ у Госпожи Лореновой. Путь до Новоміргорода и пріѣздъ туда.

Послѣ такой ночи, какую провели мы, естли вспомнить читатель, въ Громоклеѣ, въ степи, на сырой землѣ, нѣпѣшнѣй ночлегъ нашъ казался Божественнымъ угощеніемъ; въ самомъ дѣлѣ, случай намъ очень благопріятствовалъ. Помѣщица здѣшняго хутора, Госпожа Лоренова охотно насъ къ себѣ приняла, не смотря на тѣсноту своихъ комнатъ; и какое было мое удивленіе, когда въ самыхъ маленькихъ ея горенкахъ, по нашему даже убогихъ, ибо въ нихъ не было дощатыхъ половъ, а набитая земля вымазана желтой глиной и подкрашена, нашелъ я красного дерева мебель, т. е., зеркала, столы, Турецкій диванъ, хорошіе клавикорды, на которыхъ нѣкогда играла, вышедшая за мужъ, дочь нашей хозяйки, и шкапъ съ книгами: тутъ были романы Госпожи Сталь и Жанлисъ на оригинальномъ ихъ языкѣ; все это мнѣ такъ было странно, что я думалъ быть въ области какой ни будь феи. Въ степи находить книги, музыку, нѣкоторую роскошь не только просвѣщенныхъ, но уже и испорченныхъ отъ излишнихъ наслажденій, городовъ, все это меня очень удивляло; а къ удивленію мало по малу присоединилось и уныніе. Вотъ причина:

Все, что мы видѣли, занимало любопытство; намъ хотѣлось узнать, у кого мы. Госпожа Лоренова, добрая и гостепріимная наша хозяйка, сестра родная извѣстному по Москвѣ (что пужды, впрочемъ, съ какой стороны!) К. П., котораго жена, любезная и достойная барыня, нѣкогда въ Москвѣ, бывъ случайно очень съ домомъ отца моего знакома, крестила дочь мою, Машу. Крестницы ея уже нѣтъ на свѣтѣ, а мать ея крестную мнѣ не случилось видѣть съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она милое мое дитя въ Москвѣ принимала отъ купели. Надобно было мнѣ самымъ неожиданнымъ образомъ попасть на ночлегъ въ такой домъ, который живѣйшее представить могъ мнѣ напоминаніе о Машинкѣ въ самый день ея именинъ, чтобъ умножить тѣмъ сердечную

болѣзнь. Какое странное стеченіе случаевъ! Непостижимая судьба! Для чего я именно сего дня, а не вчера, не въ другой день, попалъ къ Госпожѣ Лореновой, съ которой никогда болѣе, можетъ быть, не увижусь? Тщетно я тебя спрашиваю: ты смертнымъ никогда ни на что не отвѣчаешь.

Госпожа Лоренова не удовольствовалась однимъ нашимъ помѣщеніемъ: при недостаткахъ своихъ она дала намъ хорошій ужинъ. Комнатки ея тѣсны, но опрятны. Видно изъ книгъ и инструментовъ, что она о воспитаніи дочери своей пеклась съ усердіемъ и разумомъ. Мы тутъ спокойно провели ночь въ верхней свѣтелкѣ, и на завтра отправились въ путь, осыпавъ ее признательнѣйшими ласками. Мы не могли ни чѣмъ, кромѣ благодарности, платить за благосклонность къ намъ тутошнихъ жителей. Тѣмъ цѣннѣе были въ глазахъ нашихъ малѣйшія ихъ услуги.

Проѣзжая Громоклею, мы порадовались за будущихъ путешественниковъ: тутъ уже строится чей-то довольно огромный домъ деревянный; и такъ здѣсь можно будетъ года черезъ три ночевать, и не на голой землѣ.

Въ Судоклѣ хотѣли обѣдать, но только поѣли. На столъ поставить было нечего: ни лицъ, ни молока, ни масла. Привелъ бы сюда главнаго ресторатора Аіме, далъ бы ему сто рублей и велѣлъ показать свое искусство. Изъ ни чего выходитъ ни чего: самая вѣрная посылка. Мы поглодали старыхъ засушенныхъ запасовъ и поскакали. Отдыхалъ съ нами тутъ же проѣзжіи церковникъ: онъ пробираясь домой верстъ за 20-ть отсюда. На досугъ и онъ собесѣдникъ, вошли мы въ рѣчь: гдѣ и чему учился, давно ли славить Всепѣтаго? Каково жить, дорого ли, дешево ли? Что дають за молебень и пр. и пр.? Добился только того, что онъ Дьяконъ, ходилъ пѣшкомъ верстъ за 500 ставиться въ чинъ. Это, подумалъ я, тяжелѣе старой нашей Герольдіи. Бѣдные люди! Здѣсь есть мѣста, за 1000 верстъ отъ Владыки отстояція, и Дьячекъ долженъ пройти весь Крымъ до Екатеринославля, чтобъ получить право, воротясь домой, надѣть изорванный стихарь. Вотъ, хоть и не прилично, да къ стати вспомнить пословицу иностранную: игра свѣчи не стоитъ! Дьяконъ мой, однако, здоровъ и

дужъ; голосъ у него прекрасный; мы съ нимъ проѣли: «О паче ума,» въ честь Богородицы, и распростились. Я думаю, что онъ съ восторгомъ, а можетъ быть и съ насмѣшкой, рассказывалъ, пришедъ къ себѣ, домашнимъ, что проѣзжіи заставилъ его пѣть, любовался его голосомъ, самъ съ нимъ подтягивалъ, и знаетъ также, какъ онъ, съ конца до другого, Осмогласникъ.

Въ Елисаветѣ мы долго слонялись по городу безъ квартиры; старая была заперта: хозяинъ куда-то отѣхалъ, а хозяйка пьяна, и мы толку не добились; на силу нашли мы какого-то добродухота купца, который изъ тщеславія растворилъ для насъ огромную залу съ картинами, эстампами и прочими красотами купеческихъ домовъ въ провинціяхъ. Кони насъ сюда очень скоро поставили, мы проѣхали 100 верстъ; погода была въ степномъ климатѣ прекрасная, не жарко и не пыльно: сильный дождь выпалъ за сутки до насъ, и избавилъ отъ этого безпокойства. Надлежало за то вытерпѣть другое, т. е., посѣщеніе Молдаванскаго Князя, который у насъ посидѣлъ и помолчалъ.

Весь вечеръ мы освѣдомлялись, отъ кого могли, какъ доѣхать до Кіева и гдѣ лучше выбрать туда дорогу. Переночевавъ тутъ, я имѣлъ еще время, прежде нежели привели намъ лошадей, коихъ мы и не очень торопили, сходить въ Соборъ къ обѣднѣ. Храмъ просторный и хорошъ, письмо старинное. Народу было много для Воскресенья, и опять появились здѣсь около паперти нищіе: мы давно ихъ не видали. Пѣвчіе кричали во весь голосъ, басы ревѣли безъ всякаго вкуса; обѣдня шла до полудня, и, къ несказанному отягощенію Православныхъ, Пресвитеръ разсудилъ пощеголять проповѣдь. Я ушелъ, не дослушавши конца, и онъ вѣрно принялъ меня за невѣжу.

Изъ Собора ѣздивъ я съ визитомъ къ Молдаванамъ въ ихъ экипажѣ. Опять тоже великолѣпіе, цугъ въ шорахъ, а кучеръ съ широкими усами въ Турецкомъ своемъ одѣяніи. У нихъ не много посидѣвши (ибо они уже были мнѣ не въ диковинку), пріѣхалъ домой, отобѣдалъ, сѣлъ въ коляску, взглянулъ раза два еще на Елисаветградъ, и пустился въ Кіевъ.

ГЛАВА III.

Новоміргородъ и Златополь.

Отъ Елисаветы сюда 60 только верстъ, хотя словарь и утверждаетъ, что 150. Дорога прекрасная: мы проѣхали ее очень скоро. Стенъ продолжается, но не такъ уже гола; появились пріятные виды; показались мѣстами кустарникъ; вездѣ золотыя пшвы радуютъ взоръ путешественника. Жатва, сѣнокосъ, все въ своей порѣ и народъ въ движеніи. Разнообразіе предметовъ украсило для насъ этотъ путь совершенно. Я съ удовольствіемъ любовался на сарафанъ нашего покроя, какого уже давно не видалъ. Подъ самымъ Новоміргородомъ селились при насъ Обоянскіе крестьяне, душъ до 100.

Недалеко отъ города встрѣтились намъ кучи Турокъ плѣнныхъ, коихъ везутъ на волахъ также селить подалѣе отъ своей родины. Война гоняетъ людей съ мѣста на мѣсто, какъ садовникъ пересаживаетъ деревья. И къ стати вспомнилъ: у самой заставы увидите вы старинный садъ; и также, какъ и я, вѣрно объ немъ потужите. Нѣкогда владѣлъ имъ Архіерей; потомъ, по стеченію случаевъ, обратился въ оброчную статью и поступилъ въ казенное вѣдомство, а тамъ, разумѣется, и брошенъ; всѣ плодовые деревья погибли; осталась одна только густая зелень, которая свидѣтельствуешь, что человѣкъ столько удобенъ все воздвигнуть и создать, столько же и разорить все можетъ: однако и этотъ печальный мѣсокъ, что былъ прежде садъ, здѣсь для глазъ пріятенъ.

Вѣхавши въ городъ довольно рано, мы остановились у Г. Пот..., тутошняго Гор., который прямо принялъ насъ въ свой домъ и позволилъ у себя ночевать. Съ нимъ жены не было, онъ хозяйничалъ одинъ. Домикъ у него маленькой, но крайне опрятенъ; впрочемъ, лучшей квартиры въ городѣ нѣтъ, хотя тутъ до 2000 душъ считается народу. Время было прекрасное, и мы имъ воспользовались, просидя на крыльцѣ весь вечеръ. Я осторожно напустилъ на груши: ихъ здѣсь очень много.

Природа никогда насиліемъ не прощаетъ:

Невоздержаніе педуги привлекаетъ.

И подлинно: натура, чтобъ доказать мнѣ справедливость моихъ стиховъ, потѣшила меня индигестіей и сильной мигреной, отъ которой я самую худую ночь провелъ. Это мнѣ не помѣшало, оставляя Новоміргородъ, на завтра взять грушъ съ собою хорошихъ въ дорогу запастъ, и на упреки жены моей, что я неумѣренъ въ прихотяхъ своихъ, или короче и яснѣе сказать, жаждень, я ей отвѣчалъ слѣдующими стихами:

Безъ груши нѣтъ въ саду хорошаго плода;

Безъ груши земляной нѣтъ вкуснаго стола;

Безъ груши для невѣсты серегъ нѣтъ драгоценныхъ,

Безъ груши для меня нѣтъ въ жизни дней блаженныхъ.

Жену мою зовутъ Аграфеной: что ей оставалось сдѣлать, какъ улыбнуться, замолчать и дать мнѣ волю набѣдаться грушъ?

Виноваты! Я ужъ собрался изъ Новоміргорода, не сказавъ ни чего объ немъ самомъ. Городъ не важный; домовъ хорошихъ деревянныхъ въ немъ очень мало, все мазанки. Онъ заштатный и безъ уѣзда: въ немъ нѣтъ только Магистратъ, Городничій, два частныхъ Пристава, и нѣсколько Десятскихъ: вотъ все его правительство! Нѣтъ ни Ст. Ком., ни Казначейства, и обыватель бѣдитъ судиться судомъ и расправой въ Елисавету; и когда доводится Уѣздному Суду съ Магистратомъ держать общее присутствіе, то членъ Уѣзднаго Суда изъ Елисаветы набѣзжаетъ въ Новоміргородъ.

Въ Россіи все дѣлается творческимъ духомъ: да будетъ то, — и быстъ! Здѣсь нѣкогда была граница наша къ Польшѣ и жили иностранные Консулы, цвѣла торговля. Вдругъ потомъ поставленъ былъ здѣсь же престолъ Вознесенской Губерніи. Губернскій ея городъ хотя и назначенъ былъ въ Вознесенскъ, посреди области Бугскихъ Казаковъ, но, до отстройки того мѣста, все гражданское его сословіе поселилось въ Новоміргородѣ. Немного это такъ побывало; наконецъ Новоміргородъ, обратясь въ посадь, удостоенъ остаться безуѣзднымъ городомъ, и теперь весь составленъ изъ развалинъ: судьба многихъ нашихъ городов!

Я полюбостовалъ видѣть здѣшнее рекрутское депо. Командиръ его, Г. С., принялъ меня очень учтиво и дозволилъ весь свой лагерь видѣть. Шалаши ихъ лѣтніе, кои повсемѣстно уже зовутъ биваками, хотя, думаю, Французское слово *bivac* совсѣмъ не то значитъ: сдѣланы изъ прутника и обмазаны глиною; на строеніе ихъ матеріалъ отводятъ имъ изъ казеннаго лѣсу. Пекарни очень хороши, и здѣсь уже топятъ дровами: мы по маленьку расстаемся съ кизикомъ. Лазаретъ въ особомъ домѣ, который отводитъ купеческое общество. Сюда собираются рекруты Харьковской и Симбирской Губерній.

Чтобъ договорить о Новомірогородѣ, скажу еще нѣчто на счетъ здѣшняго мѣста весьма странное. Городъ этотъ принадлежитъ къ Херсонской Губерніи; отъ него въ верстѣ мѣстечко Златополье въ Кіевской уже Губерніи. Мірогородскіе жители сами покупаютъ хлѣбъ въ Златопольѣ, однако проходящія команды обыватель Златопольскій обязанъ кормить за 8-мь, а въ Мірогородѣ за 5-ть копѣекъ.

Златополье не что иное, какъ очень не важная полоса земли подъ городомъ. Мы тутъ, продолжая путь свой, остановились: я не знаю, кому оно принадлежитъ. Тутъ выстроены ряды, по наружности своей ни чего не обѣщающіе; въ нихъ торгуютъ Жида всѣмъ, что только вздумать можно. Вы найдете въ нихъ прекраснѣйшія сукна, казимиръ, бархатъ, дамскіе уборы и старые богатые придворные кафтаны, совсѣмъ сшитые, которые распродала, конечно, съ плеча 18-го вѣка Господа Камергеры, когда увидѣли, что сдѣлать ихъ и шитые кафтаны уже не красятъ. Нынѣ такое платье обратилось въ театральный костюмъ, и въ немъ увидишь только Урасова въ оперномъ домѣ въ Москвѣ; признаюсь, что я не могъ надивиться той обширной торговлѣ, какую я здѣсь нашелъ, въ разныхъ предметахъ роскоши, почти на чистомъ полѣ. Кому купить, кому продать? однако, все это идетъ своимъ чередомъ, а Жида еще долго будутъ здѣсь Польскія злотыя притягивать въ свои запачканные карманы.

ГЛАВА LIV.

Путь до Звенигородки.

Проѣхавши Златополь, мы впали въ предѣлы Кіевской Губерніи. Ахъ! какая разница со степью! По всѣмъ сторонамъ открылись плѣнительныя зрѣлища плодородной земли и благосклонной къ мѣстамъ спмъ природы: изобильная жатва вездѣ, наметаны огромныя скирды хлѣба. Дорога хуже степной тѣмъ, что гориста, но отъ того-то самаго она кажется разныя пріятныя картины; селенія встрѣчаются чаще; во всякомъ изъ нихъ увидишь ручей, чего глаза наши лишены были уже такъ давно. По нѣкоторымъ мѣстамъ сохранились отъ бурь и лѣсныхъ надзирателей дубовыя и кленовыя рощи, но весьма уже рѣдки: дубъ одинъ отъ другого въ большой разлукѣ. При всемъ томъ каждое дерево густотою своею окружаетъ около себя довольно большую тѣнь. Я не примѣтилъ валежника въ прозрачныхъ сихъ лѣснахъ, въ коихъ болѣе площадей, нежели живыхъ деревьевъ; все очень выметено: не валяется ни пруть, ни кустъ. По такой примѣтѣ можно бы думать, что пугающійся въ дровахъ обыватель, для тепла своей хижины, бережливо вычищаетъ свою дачу; но видѣлъ же я и сухостою пропасть, который сохраняется, не знаю для чего, а между тѣмъ печалитъ взоръ самаго веселаго странника. Для меня нѣтъ ни чего способнѣе къ возбужденію меланхоліи самой мрачной, какъ видъ сухаго дерева: мертвецъ обнаженный на ногахъ — такая страшная идея для воображенія! Безъ того этѣ рощи могли бы показаться садами.

Вообще можно залюбоваться всѣмъ этѣмъ лоскуткомъ старой Польши,* который имѣетъ разнообразныя прелести. Въ селеніяхъ роскошь; Жида вездѣ торгуютъ и копышата, какъ пчелы въ ульяхъ; на поляхъ трудники собираютъ дары природы и города ставятъ хлѣба.

* По понятіямъ Польскимъ, собственно же это часть исконной Южной Руси или Украины, Малой Россіи. О. Б.

У самой почти большой дороги, у подошвы небольшой горы, при чистомъ источникѣ, омывающемъ нѣсколько жилъ крестьянскихъ, разсѣянныхъ на зеленой лужайкѣ, увидѣли мы часовню. «Вотъ нѣчто наше, Россійское!» закричалъ я, и мы остановились. Подошелъ къ намъ старецъ съ крестомъ: онъ изъ монастыря, который въ 5-ти верстахъ отсюда во имя Георгія поставленъ. Здѣсь молятся о Митрополитѣ Кіевскомъ, и мы уже приближаемся къ селеніямъ святымъ, гдѣ Провидѣнію угодно было воздвигнуть вѣчные памятники своей славы.

Лошадей мѣняли мы въ Шполѣ. Это мѣсто принадлежитъ, по наслѣдству, послѣ Князя Потемкина, племянникъ его, Господѣ Лопухиной. Село огромное, но ни чего не значущее ни по мѣстоположенію, ни по строенію, а съ перваго взгляда оно общаетъ очень много, по тому, что въѣдешь какъ бы въ заставу городскую: двѣ колонны и рогатки. Лошадей даютъ тутъ прескверныхъ, не смотря на большой перегонъ, и мы съ большимъ трудомъ доѣхали до Звенигородки, гдѣ и остановились ночевать.*

За нѣсколько верстъ отъ нея проѣхали мы сквозь большое имѣніе Потоцкаго, по имени Богачево.** Здѣсь должно замѣтить, и съ большимъ вниманіемъ, огромные камни, кои природа раскидала по берегамъ умѣренной рѣки. Издали и при упадающемъ свѣтѣ дня они наводятъ ужасъ разнообразіемъ своихъ фигуръ. Нѣтъ! Изъ такихъ каменьевъ не выдолбить того, что въ Одесскихъ каменоломняхъ надѣлать можно. Тотъ снисходительнѣе гораздо этого. Я очень долго дивился на дикіе хребты камней, кои опоясуютъ, кажется, большое пространство здѣшнихъ земель.

* Она напоминаетъ намъ городъ Звенигородъ, близъ Кіева, на р. Ветѣ, упоминаемый не разъ въ Исторіи, и другой Звенигородъ, Уѣздный городъ Московской Губерніи, въ 50 верстахъ отъ столицы. Звенигородка теперь Уѣздный городъ, на лѣвомъ берегу рѣки Гнилаго Тѣкича, впадающаго въ Синюху, съ 21,000 жителей, въ 188 верстахъ отъ Губернскаго города. Въ концѣ прошлаго вѣка Звенигородка была мѣстечкомъ Екатеринославскаго Уѣзда Вознесенскаго Намѣстничества. О. Б.

** Теперь Богачевка. О. Б.

Съ большимъ сожалѣніемъ принужденъ я былъ проскакать подъ городомъ самую пріятную долину, но сумерки не позволили мнѣ мѣшкать въ дорогѣ. Днемъ коляска—прекрасная квартира, но не ночью. Самая худая изба для меня ея лучше. Извѣстно тѣмъ, кто меня читывалъ, что

Я ночью не ѣздохъ, хоть дай почтовыхъ даромъ.

Спустился съ горы, лежитъ путь между холмами, въ долину, покрытомъ зеленою, какъ эмалью, и усыпанномъ благоуханными цвѣтами. Никто ихъ не разсаживалъ: вѣтеръ ихъ сюда занесъ; солнце пригрѣло, выросли и курятъ воздухъ. Отъ долины версты на три пошелъ небольшой дубовый лѣсокъ: тѣнь повсюду вокругъ его разстилается. Уходить сюда въ жаръ—безподобно. Пріятно и вечеркомъ полежать на травѣ, отдохнуть и поблагодарить натуру. Еще я все это придумывалъ и загадывалъ, какъ ужъ кони наши подвезли къ Звенигородкѣ. И мы очутились на квартирѣ, —уже темно было.

Звенигородка, Повѣтовый или Уѣздный городъ Кіевской Губерніи, населенъ Жидами и Козаками. Квартиръ хорошихъ нѣтъ, все мазанки, или Жидовскія корчмы; и въ тѣхъ, и въ другихъ не чисто; во всемъ городѣ одинъ только каменный домъ, занимаемый Присутственными Мѣстами, можетъ быть названъ зданіемъ. За недостаткомъ жилъ удобныхъ, Городничій принужденъ былъ пустить насъ къ себѣ, и изрядно потѣшилъ: безъ театра комедія! Этотъ добрый, заслуженный Офицеръ, молодецъ на штурмѣ, становится; но въ гражданскомъ состояніи, увы! Мы почти насильно къ нему въѣхали и заняли одну только комнату. На бѣду нашу Господинъ Маіоръ, лѣтъ до 60-ти дожившій, судя по лицу, за три передъ симъ мѣсяца, разсудилъ жениться, и тѣмъ сдѣлалъ домъ свой еще тѣснѣе для услугъ гостямъ.

Поелику мы не прямо еще ѣхали въ Кіевъ, а хотѣлось взглянуть на славную въ томъ краю Софіевку, садъ Графа Потоцкаго, куда, по слухамъ, дорога сворачивала отсюда въ сторону, то мы и просили нашего Городничаго наставить насъ, какъ держать путь въ Умань, той же Губерніи и такой же Уѣздный городъ, какъ и здѣш-

ній; но онъ, какъ человѣкъ не романическій, до диковинокъ природы не охотникъ, и не умѣлъ намъ дать совѣта. Мы послали спросить у Почтового Смотрителя, и тотъ ни чего не знаетъ, и кабы насъ, просто сказать по Русски, не надоумилъ одинъ добрый обыватель, то бы мы толку не нашли, а, кажется, рѣчь шла не о Китаѣ. Смѣшно было видѣть, какъ они, всѣ трое, заспорили между собою: одинъ шлетъ на сѣверъ, другой на югъ, третій ни туда, ни сюда; наконецъ перебрались и ушли. Я давно такъ не хохоталъ.

Вспыльчивый нашъ хозяинъ, отдохнувши на постелѣ, зашелъ къ намъ опять, чтобъ снова разсердиться, но уже не на Экспедитора, а на всѣхъ насъ. Между рѣзкостями, какими онъ въ домѣ своемъ хвасталъ, показывалъ намъ Г. Маіоръ картину, висящую у него надъ дверьми. Она представляла страннаго виду урода каріатиду, произленную отсюда стрѣлами и въ безобразномъ положеніи. На спросъ: «Что это такое?» Отвѣтъ, что въ «прошедшую Прусскую войну было такое явленіе на небѣ,» и онъ называлъ эту малевку оказіей. Подлинно оказія и онъ и картина. Ему подарилъ какой-то пріятель и сослуживецъ, и онъ чтитъ ее гораздо больше, нежели Жиды свой Декалогъ. Мы всѣ хохотали; и какъ иначе? Онъ разсердился, надвинулъ усы, раза два харкнулъ и ушелъ. У него же мы поучились бить гвоздемъ въ кольцо; это упражненіе въ его гостиницѣ; кольцо воткнуто въ стѣну, а гвоздь на ниткѣ: искусство въ томъ, что, раскачавши гвоздь, отступя нѣсколько шаговъ отъ стѣны, попасть мѣтко въ кольцо и не дать промаху. «Забава не простая и очень увеселительное времяпровожденіе,» сказалъ я ему, какъ онъ сталъ мнѣ свое мастерство показывать и смѣялся надъ моею неудачей. «Тото же!» возразилъ онъ, улыбнувшись, и ретировался во внутренній свой чуланъ: много еще проказниковъ на свѣтѣ! Вы можете вообразить, какія въ этой головѣ соображенія, умозрѣнія, системы, планы, идеалы и пр. Кто имѣетъ теоретическое только понятіе о дурачествѣ, тотъ можетъ пріѣхать въ Звенигородку разсмотрѣть его на практикѣ.

ГЛАВА LV.

Дорога до Умани.

Отъ Звенигородки до Умани 78 верстъ, но хуже ста въ другомъ мѣстѣ;—добрый день ѣзды по тому, что дорога боковая, а не широкая; горъ множество, особливо въ послѣдней станціи; лошади обывательскія самыя тощія и на силу насъ довели. Къ тому же повсюду за ними остановки. Мы выѣхали въ 8 часовъ утра, а пріѣхали въ 10-ть, и очень уже было темно.

Но для глазъ по пути пріятнаго много: горы вездѣ рисуютъ ландшафты; селенія очень часты: въ нихъ костелы и церкви издали видны; травы и хлѣбы вездѣ прекрасные: сладкая надежда для обывателя и примащивая картина для путешественника! На поляхъ жнутъ и косятъ, а на перекресткахъ Жидовскія корчмы, въ которыхъ запахъ горѣлки привлекаетъ проѣзжихъ и прохожихъ: тутъ всегда людно.

Мы обѣдали въ селеніи, по названію Талія; въ ней бѣжитъ рѣчка Якичъ*—мѣсто прекрасное. По берегу ея тянется хребетъ каменныхъ высокихъ горъ и такія видны скалы, которыя ужаснѣе гораздо самыхъ береговъ Чернаго моря. Источникъ неширокъ и перерѣзанъ частыми островками; за каменной его оградой лѣсокъ убираетъ вдали этотъ пріятной рисунокъ природы. Мы здѣсь съ часъ помѣшкали на почтовомъ дворѣ и безпрестанно то въ ту, то въ другую, сторону на мѣстоположеніе глядѣли.

Не меньше пріятно было взглянуть среди полей, украшенныхъ безчисленными копнами, на полосу земли, засѣянную гречей. Она, какъ лента, на полверсты протянута. Греча тогда была въ самомъ сильномъ цвѣтѣ, и ее проросли какіе-то еще другіе желтые цвѣты: соединеніе сихъ двухъ красокъ такой производило къ солнцу прекрасный отливъ, что я, имѣвъ привычку въ

* Горный Тякичъ? О. Б.

коляскѣ читать и рѣдко отрываясь отъ книги, тутъ, не смотря на самое занимательное сочиненіе, закрыть книгу, велѣлъ ѣхать шагомъ и все глядѣлъ на двуличневую гречу. Ни какой живописецъ, конечно, не подобралъ бы искусною кистію на холстѣ столь живыхъ тѣней, ни самъ Рафаель, хотя онъ для живописи былъ то, что Богъ для естества.

Подъ самой Уманью прекрасная роща. Остановитесь тутъ погулять, если вы рано пріѣдете, а мы торопились на квартиру: вечеръ страшалъ своей темнотой. Что ближе къ Умани, то горы круче и чаще, лошади наши утомились и насилу везли. Облака спрятали мѣсяцъ, зги не видать: поскорѣй хотѣлось вонъ изъ коляски въ комнату и напиться чаю въ комнатѣ; повозки отъ насъ все отстали: ни поварни съ нами, ни постели; все надобно было брать чужое. Пріѣхавши въ Умань, мы заняли квартиру у богатаго и семейнистаго Жида. Онъ снабдилъ насъ своими постелями; отъужинавши очень дурно, мы на нихъ повалились, и ночь провели безпокойно. На разсвѣтъ собрались наши люди и повозки.

Къ умноженію досады съѣхался здѣсь со мной человекъ, котораго оставлялъ я въ Николаевѣ для доставленія мнѣ писемъ изъ дому; но онъ, доставя мнѣ разныя извѣстія тамошняго края, по отъѣздѣ моемъ оттуда дошедшія, ни строчки не привезъ отъ родныхъ и друзей. Какъ я разсердился! Топалъ ногами, бѣгалъ по широкимъ комнатамъ стараго Еврея, который думалъ, что я въ бѣлой горячкѣ; но что ни дѣлай, писемъ нѣтъ. Ахъ! Сколько бываетъ неудачъ на нашей пакостной планетѣ. Признаюсь, что этотъ день былъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ въ нашемъ путешествіи. «Увидимъ, увидимъ,» ворчалъ я про себя, «что за прелести такія необыкновенныя въ хваленомъ саду Потоцкаго, и стоятъ ли они такихъ сильныхъ безпокойствъ, какія для него мы терпимъ.» Скоро увидя Софіевку, согласился, что подлинно для такого зрѣлища много труда перенести возможно, и пакостная планета обратилась въ прекраснѣйшій міръ во всемъ твореньи. Это стоитъ Иониной тыквы.

ГЛАВА LVI.

Умань и разные въ ней предметы.

Умань есть Повѣтовый городъ Кіевской Губерніи, и какъ онъ, такъ и весь его Уѣздъ, составленъ изъ имѣнія Потоцкаго, и до нынѣ ему принадлежитъ. Казна имѣетъ здѣсь своего Полицеймейстера и Уѣздный Судъ. Городъ сидитъ на горѣ, но не хорошъ: строеніе тѣсно и безъ правильности, а вкуса и совѣтъ нѣтъ. Каменныхъ зданій важныхъ не найдете, по большей части все Жидовскія корчмы. Наша квартира была изъ лучшихъ въ цѣломъ городѣ.

Среди большой улицы выстроены каменный тюремный домъ по обѣ стороны и связанъ двумя колоннами со сводомъ, кои издали кажутъ видъ торжественныхъ воротъ; но какъ удивисься, когда, подойдя къ нимъ, услышишь жалостный стонъ колодничій. Я не думаю, чтобъ это было хорошо, во первыхъ, по тому, что заключенные въ тѣсномъ сообщеніи съ народомъ и прохожими, а во вторыхъ, и для того, что имъ на воздухъ выйти некуда: они окружены строеніемъ и улицами.

При насъ тутъ стоялъ Гусарской полкъ и содержалъ караулъ въ городѣ: прекрасные люди, одѣты щегольски, мастера своего дѣла. Каждое утро разводъ съ музыкой; каждый вечеръ зоря отправляется съ музыкой; а народъ, какъ и вездѣ, около гауптвахты толпится, слушаетъ и дивуется.

Церковь Россійская бѣдна, но велика; иконостасъ въ ней круглый на столбахъ и съ куполомъ. Храмъ строенъ еще во время Польскаго владѣнія Потоцкимъ, и въ немъ стоятъ портреты его и женнинъ. Священникъ старъ, и 30 уже лѣтъ поетъ тутъ своему Господу. Онъ съ большимъ тщеславіемъ хвалился мнѣ тѣмъ, что приводилъ въ этой церкви къ присягѣ Князя Прозоровскаго на чинѣ Фельдмаршала. Рядомъ съ большимъ или главнымъ престоломъ, на поворотѣ въ другую сторону, и по нашему совѣту не на востокъ, поставленъ тутъ же подвижный храмъ полковный, въ которомъ иногда для полку поется и обѣдня. Духовные люди пусть разсудятъ, прилично ли такое несходство съ

правилами. Для меня собственно, когда дѣло идетъ о призваніи Бога, Востокъ и Западъ, Югъ и Сѣверъ, все равно. Лучшій домъ молитвы предъ Вышнимъ есть сердце праведнаго.

Я ходилъ въ костелъ и слушалъ тутъ Уніятскую обѣдню: мнѣ очень пріятно было видѣть образъ ея отправленія. Смѣсь Католическаго съ нашимъ. Двѣ важныя разницы, кои я нашелъ противъ нашей обѣдни, состоятъ въ томъ, что поминаютъ Папу на ектеніяхъ и на выносѣ даровъ, и въ Символѣ Вѣры исповѣдуютъ происхожденіе Духа Святаго не по Гречески. Впрочемъ, существо литургіи тоже, но образъ совсѣмъ различенъ. Подобно Католикамъ, Уніаты не имѣютъ иконостаса и трехъ вратъ, къ нему принадлежащихъ. Престолъ ихъ наружи; Священникъ служитъ предъ нимъ, открытъ отсюда; выходитъ изъ особой комнаты боковой въ полномъ облаченіи, какъ наши Іереи, выносить утвари церковныя, ставить ихъ на престолъ и начинается обѣда; ектеніи всѣ читаются и крылосы поютъ по Русски. Причетъ тутошній похвастаться хотѣлъ пѣвчими. Они отправляли при мнѣ службу и многое довольно хорошо пѣли по нотѣ; одѣты всѣ 6 человекъ въ стихаряхъ бѣлыхъ.

Во время отправленія сей службы предъ главнымъ престоломъ въ слухъ, вышелъ другой Священникъ изъ другой комнатки со всѣми церковными принадлежностями и въ облаченіи, уставилъ ихъ на особомъ престолѣ въ боковой стѣнѣ и въ одно и то же время съ первымъ отправлялъ свою обѣдню, но все читалъ про себя. Самая молчаливая и сокровенная молитва! Странно было весьма слышать и видѣть этѣ двѣ обѣдни въ одно время и въ томъ же храмѣ, особливо на нашемъ природномъ языкѣ. Если дозволено о вкусахъ разсуждать и въ этомъ предметѣ, то признаюсь, что мнѣ Уніятскіе обряды не показались. Скажемъ просто: ни то, ни се — немножко нашего, немножко Папскаго. Согласимся, что все можетъ имѣть двойкой видъ въ свѣтѣ, и даже въ самой природѣ, кромѣ Вѣры, которая вездѣ, всегда, для всѣхъ одна, и обряды ея должны въ сложеніи своемъ быть началу сему совершенно подобны, т. е., одно и тоже вездѣ.*

* Известно, что Уніаты первоначально отличались отъ Православныхъ только од-

Костелъ весь вообще огромное строеніе; въ немъ нѣсколько престоловъ по сторонамъ, кромѣ главнаго въ срединѣ. Стѣны зданія внутри убраны колоннадой: это даетъ храму видъ величольпный. При этомъ домѣ учреждена и школа: строеніе большое, уважительное. Здѣсь преподаютъ науки, Философію и Богословію. По случаю вакаціи въ настоящее время, мы ни кого не видали изъ учащихся. Замѣйте, что почти вездѣ, при всѣхъ отличныхъ костелахъ или Католическихъ и Уніятскихъ храмахъ, заведены училища: отъ этого величайшая происходитъ польза для духовенства и прихожанъ; первое не терпитъ унынія и скуки, обыкновеннаго плода праздности; ибо всякой болѣе или менѣе занятъ и не имѣетъ времени удовлетворять подлымъ страстямъ низкаго человѣка; а послѣдніе, приходя въ церковь слушать внятныя поученія, не все выпускаютъ въ другое ухо, что въ одно приходитъ. Общая выгода!

ГЛАВА LVII.

О Жидахъ вообще, ихъ промыслѣ и Богослуженіи.

Городъ наполненъ Жидами; много и Хохловъ. Русскаго и Поляка мало примѣтишь. При насъ былъ въ Умани торговый день, и народу собралось пропасть; я цѣлое утро шатался въ рядахъ. Торговля обширная, и все найдете, что вамъ угодно. Товары привозятся прямо изъ чужихъ краевъ; о цѣнѣ ихъ нечего и говорить: все отменно дорого. Сверхъ того, безъ большой потери трудно за что ни будь платить бумажками. Лучшая монета здѣсь червонныя; ихъ много, и они очень ходки; потомъ серебро, и тѣмъ старѣе, тѣмъ выгоднѣе. Жида въ лавкахъ обступятъ проѣзжаго, какъ мухи, и, не купя чего отъ нихъ, не отобьешься: я самъ это

нимъ признаніемъ главенства Папы надъ собою въ дѣлахъ духовныхъ, но въ послѣдствіи, мало по малу, Езуиты и ихъ воспитанники стали привносить много изъ Католическаго въ Православное Богослуженіе, и тѣмъ показали, что Унія есть для признающихъ ее просто ступенькой къ Католичеству. О. Б.

испыталъ: одинъ ухватился за фалду, другой держитъ за другую; всякой хочетъ заманить къ себѣ въ лавку и, подѣ благовиднымъ словомъ продажи, ищетъ обмануть.

Я въ лавкѣ своего хозяина купилъ сукна на фракъ, и не успѣлъ выйти изъ гостиннаго ряду, какъ человекъ 5 портныхъ Жидовъ меня окружили; и всякому хотѣлось меня одѣть. Пока я договаривался съ однимъ, остальные съ мѣрками своими около меня прыгали и требовали преимущества; наконецъ спялъ ее одинъ, и въ тотъ же вечеръ принесъ мнѣ фракъ совѣтъ готовый. «Ну! что за работу (прикладъ его)?» — «Три червонныхъ.» По тамошней цѣнѣ это составляло 27 рублей. Бѣшеная ряда! Но дѣлать нечего; надобно было заплатить. Пошумѣлъ я напередъ немножко, и Жидъ, чтобъ смягчить мою досаду и уловить меня другимъ образомъ, повинился мнѣ коротко и ясно, что онъ взялъ лишняго половину: «Но съ кого же, прибавилъ, мнѣ и взять? Свой братъ не даетъ. Вы путешествуете по доброй волѣ, тратите деньги на то и на другое: для чего же не кинуть лишній пѣнязъ и въ мою кису? Вѣдь и все, что вы расточаете дорогой, лишнее: сидя дома, ни кто бы съ васъ ни чего не взялъ.» — «Резонъ! Спасибо, Жидъ, за правду; по крайней мѣрѣ ты не льстивъ, и вотъ тебѣ за то твои червонныя!»

Около рядовъ мѣняловъ пропасть, и вы на многихъ столахъ увидите кучи огромныя серебра и мѣди. Здѣсь-то, я думаю, они черезъ разные обороты и плавятся и выбѣгаютъ за границу. Жиды—великіе мастера повертывать деньги, и въ ихъ рукахъ червонной прытко вальсируетъ.

Между ими есть особые услужники, кои называются факторы. Совѣтую ихъ остерегаться: это, по Русски сказать, сводчикъ; онъ вамъ достанетъ все, что вамъ нужно и не нужно; чтобы вамъ на мысль ни пришло, одно слово фактору, — и готово. Онъ вамъ натаскаетъ хлѣба, вина, мяса, пригонитъ четверню и цугъ лошадей въ коляску, или карету, отнесетъ письма, исправитъ комиссію, заманитъ рядовича съ товаромъ, размѣняетъ деньги; словомъ, для фактора нѣтъ не возможнаго, но ужъ не плачьте, какъ дѣло дойдетъ съ нимъ до счету. Ни какой аптекаръ вамъ

такого не подастъ, и мой портной противъ этого—бездѣлка. Мало того, что онъ за все съ васъ возьметъ двойную цѣну и прибавитъ къ тому плату себѣ за труды, онъ еще на каждый рубль бумажный возьметъ лагъ, приводя его въ равную цѣну съ мѣднымъ рублемъ; да, разочтается съ вами, еще возьметъ и съ того, у кого забираетъ для васъ припасы, или товары, за то только, что онъ у него, а не у другого, для васъ ихъ бралъ. О! факторы—люди отмычкой чести и доброты души, а при всемъ томъ и голы и босы. Если увидите Жиду въ отрепьяхъ, не спрашивайте, кто такой—факторъ!

Едва успѣли мы попасть въ Умань, какъ къ намъ набѣжало ихъ нѣсколько, и я принужденъ былъ на угадъ ввѣриться изъ нихъ любому. Поживши дни съ три, благочестивый мой Еврей подаль мнѣ свой счетъ, самое трогательное сочиненіе для всякаго Православнаго кармана; я сокрушенно вздохнулъ, оросилъ итогъ чувствительными слезами и расплатился, съ намѣреніемъ крѣпкимъ бѣгать впередъ отъ фактора, какъ отъ пивки: одна лишаетъ крови естественной, а тотъ высосетъ всю сущность живота.

И здѣсь я былъ въ ихъ Синагогѣ. При мнѣ случилось обрѣзаніе—отвратительной обрядъ Ветхозаконной Церкви. Младенца внесутъ въ преддверіе ихъ сборища: оно уже наполнено Жидами. Ближній къ дверямъ беретъ его у бабки, а прочіе всѣ по очереди принимаютъ его одинъ отъ другого, и такъ передаютъ въ пеленкахъ до Раввина, который въ клѣткѣ, сидя подѣ столярнымъ зонтомъ, наживаетъ его съ ланцетомъ. Принявъ его, кладетъ на колѣни, возводитъ глаза горѣ, кричитъ какъ бѣснуемый, и всѣ Жиды за нимъ: ребенокъ испуганъ, пищитъ; операція скоро: все кончено въ минуту; младенецъ обрѣзанъ; среди шуму и крику вопль его не слышатъ. Раввинъ потомъ подноситъ его къ табернаклу, гдѣ Декалогъ у нихъ хранится, нарицаетъ ему имя и, падъ стаканомъ пива прокричавъ еще нѣсколько стиховъ, омываетъ имъ уста младенца и отдаетъ его принесшей женщинѣ; тѣмъ все и оканчивается. Сколько я любопытствовалъ это видѣть, столько потомъ унесъ съ собою изъ храмины ихъ непріятныхъ впечатлѣній. Врачи говорятъ, будто въ горячихъ климатахъ обрѣзаніе

необходимо, для сохраненія мужескаго пола отъ разныхъ болѣзней. Я этого не знаю, но только знаю то, что это очень не милостивно. Я спрашивалъ ученыхъ Жидовъ, для чего всѣ они берутъ младенца и на перерывъ его изъ рукъ въ руки передаютъ. «Мы это дѣлаемъ, отвѣчали они мнѣ, въ увѣренности такой, что тѣмъ болѣе людей занимается въ это время младенцемъ, тѣмъ для него будто бы спасительнѣе; равно и тотъ для души своей получаетъ пользу, кто услугой своей способствуетъ сему дѣйствию.» Вотъ какъ всякой самъ себя сочиняетъ законъ и Вѣру!

Въ тотъ самый день, когда происходила у нихъ эта церемонія, Жиды постились и воспоминали разореніе храма во Іерусалимѣ. Этотъ постъ называется у нихъ констернація Іерусалимская и продолжается весь день: они не должны ѣсть до заката солнечнаго и не обуваются, сходятся въ Синагогу и по обыкновению въ шляпахъ: такъ имъ велитъ ихъ заповѣдь; тутъ они тужатъ о своемъ храмѣ, сѣтуютъ, поютъ жалобнымъ напѣвомъ «Плачь Іереміи,» и этотъ превосходный псаломъ, вдохновенный Царю Давыду любовью къ родинѣ: «На рѣкахъ Вавилонскихъ» оканчиваетъ ихъ унылое Богослуженіе. Нигдѣ такъ сильно не выражено чувство любви къ отечеству, какъ въ этомъ прекрасномъ стихѣ: «Аще забуду тебе, Іерусалиме.» Сколь ни омерзительно настоящее положеніе Жидовъ, ихъ обряды, службы и сходбища, я не могъ, однако, не тронуться, видя кучку людей, сошедшихся оплакивать свое отечество, свою церковь, свою землю, гонимую повсюду, посѣщенную гнѣвомъ Божиимъ, не имущую ни алтаря, ни кадила, ни всесоженія. Въ эту трогательную минуту я забывалъ всѣ предубѣжденія разсудка и, по внушенію сердца одного, глядѣлъ на послѣдняго Жида, какъ на брата своего по человечеству.

ГЛАВА LVIII.

О семействѣ нашего хозяина.

Послѣ описанія не весьма обольстительнаго, которое я сдѣлалъ Жидамъ вообще, справедливость требуетъ, чтобъ я ознакомилъ нѣсколько читателя съ моимъ хозяиномъ. Мы квартировали въ Умани, въ домѣ богатаго Еврея, имѣющаго знатный торгъ во всей Кіевской Губерніи, по имени Гуровича. Онъ имѣлъ сына 24 лѣтъ, съ которымъ я проводилъ вечера въ самой пріятной бесѣдѣ. Онъ никуда, кромѣ Лейпцига, не ѣзжалъ, и нигдѣ не былъ, воспитанъ дома, но, какъ видно, съ большимъ тѣніемъ: очень хорошо знаетъ по Нѣмецки, по Французски и по Русски, а еще лучше на каждомъ изъ сихъ языковъ пишетъ, нежели говоритъ. Упражнялся съ охотой и даже съ жаромъ въ Словесности, онъ перевелъ на Еврейскій языкъ Французское сочиненіе подъ именемъ: — «La découverte de l' Amerique.» Образъ мыслей его гораздо выше его сферы: онъ разсуждаетъ о вещахъ здраво, понятія остраго и въ разговорахъ со мною о разныхъ нравственныхъ предметахъ удивилъ меня качествомъ своего сердца. Этотъ молодой человѣкъ очень занимателенъ. Онъ сидитъ въ лавкѣ у своего отца, торгуетъ, ѣздитъ за товаромъ иногда въ Прусскія области, и сѣтуетъ только о разныхъ глупыхъ обычаяхъ своей собратіи, отъ которой онъ отличается умомъ, поведеніемъ, благопристойностью и чистотой. Чтобъ лучше еще дать объ немъ понятіе, я передамъ публикѣ здѣсь одинъ разговоръ мой съ нимъ, который, по рѣзкимъ чертамъ его характера, тогда же записалъ въ свою книжку; онъ со мной говорилъ всегда по Французски. Вотъ переводъ нашей бесѣды:

«Чего недостаетъ къ вашему счастью?»

— «Я бы желалъ, чтобъ намъ запретили прежде всего носить наше шутовское платье, по тому что оно кладетъ на насъ печать безчестія и срамоты. Кто презрѣнъ, тотъ теряетъ духъ, теряетъ уваженіе къ самому себѣ и впадаетъ въ слабость: вотъ отъ чего нашъ народъ нынѣ такъ сраменъ, глупъ и невѣжественъ. Всякой, кто

меня увидить въ моей скуфѣ, указываетъ пальцемъ и говорить: «Это Жидъ!» а я слишкомъ человекъ, чтобъ плюнуть на этотъ несправедливый позоръ, который всегда запираетъ мнѣ входъ и отчуждаетъ меня отъ свѣта.»

«Для чего же вы не перемѣните вашей одежды?»

—«Когда бы на это послѣдовалъ Указъ: о! ни кто скорѣй бы меня его не исполнилъ; но самъ собою не смѣю, не могу.»

«Да для чего?»

—«У меня мать старуха и суевѣрна: перемѣня платье, я былъ ее огорчилъ, а я лучше вынесу униженіе ста Христіанъ правовѣрныхъ, нежели допущу мать свою отъ меня уронить одну слезу.»

О! какое превосходное чувство! Скажи мнѣ, читатель-философъ, а я тебя спрошу на ушко, много ли нашей братьи Православныхъ такъ чувствуютъ и разсуждаютъ? Я забылъ въ ту минуту, что онъ Жидъ, вскочилъ ему на шею и расцѣловалъ его.

«Любите ли вы чтеніе?»

—«Очень! Я читалъ неоднократно вашъ Новый Завѣтъ. У меня онъ есть, и я хочу его перевести на Еврейскій языкъ. За то вся моя братья почитаетъ меня атеистомъ, или еретикомъ.»

«Какъ вы не боитесь читать Евангелистовъ?»

—«А что жъ такое! Развѣ это запрещенная переписка? (очень остро!) Рано, или поздно, насъ надобно насильно осчастливить. Мораль Евангельская превосходитъ всего въ нравственномъ мірѣ. Я хочу съ ней ознакомить моихъ соотчичей, хочу, чтобъ они ее читали. Мы властны вѣрить, или нѣтъ, Евангелію, но вкушать изящное всегда пріятно. Пора сжечь нашъ Талмудъ, который не что иное, какъ книга, наполненная дурачествами, обезобразившая совсѣмъ истинный законъ Моисеевъ. Пусть намъ оставятъ одни его книги въ неприкосновенномъ ихъ видѣ: его правила суть наилучшія для насъ.»

«Правятся ли вамъ Христіане?»

—«Безъ нихъ намъ обойтись нельзя. Мы погибли бы въ Палестинѣ, если бы насъ туда послали. Когда у насъ празднуютъ шабашъ, мы не смѣемъ даже пожара домашняго потушить безъ пособія Христіанскаго: намъ ни за что не велятъ тогда приниматься, и въ этой глупой нѣгѣ мы бы въ несчастную минуту въ гробъ вселились.»

«За то у васъ въ эти дни гораздо свѣтлѣе!»

«Напротивъ: мы зажжемъ пропасть свѣтъ, это правда; а у васъ одна, или двѣ; но наши нагораютъ, мы ихъ не смѣемъ снять, и отъ того вѣчная темнота въ шабашѣ у Жида. Для чего не уничтожить всѣхъ этихъ глупостей? Народъ Еврейскій не посмѣетъ тому воспротивиться; а если кто изъ невѣждъ и покусился бы на то, пусть его ѣдетъ, куда знаетъ; какая польза отъ шалуновъ? Всѣ дурачества, какъ цѣпь, связываются между собою звеньями. Сорвите первое кольцо, подъ которымъ разумъ Талмудъ, всѣ прочіе вздоры разсыплются сами собою, и этимъ только способомъ прервутся всѣ узы нашихъ глупыхъ предубѣжденій, отъ которыхъ мы столько бѣдствуемъ въ свѣтѣ. Когда отъ насъ приглашали депутатовъ, для участія въ образованіи нашего народа, старики послали глупцовъ, которые ни за что болѣе не стояли, какъ за свою одежду, и снисходительное Правительство насъ оставило въ этомъ поганомъ нашемъ рубищѣ.»

Вотъ каковъ былъ сынъ Жида, нашего хозяина. Онъ много читалъ, обогатилъ память свою разными историческими произшествіями, и умѣетъ въ разговорѣ приложить познаніе свое къ стати, никогда не забывается, всегда скромнѣе, вѣжливѣе, не уступчивѣе, когда торгуется, и счета не теритъ. Я рѣдко видалъ подлѣ Еврейскимъ саваномъ такого воспитаннаго человека. Жаль, что суевѣріе его ближнихъ препятствуетъ ему открыть себѣ дорогу къ лучшему состоянію! Онъ горячо любитъ свой народъ, жарко защищаетъ его выгоды и, кажется, готовъ жизни лишиться, чтобъ только возспособствовать благоденствію своей собратіи.

И такъ мы дни съ три провели въ Умани очень пріятно: утромъ шатались въ рядахъ и мотали, днемъ бѣжали гулять въ Софіевку, а по вечерамъ, воротясь домой, толковали съ нашими молодымъ хозяиномъ. Хвала и честь родителямъ его, что они такъ пеклись объ его воспитаніи! Можетъ быть, далеко доведенное понятіе о сравнительномъ добрѣ прочихъ народовъ съ его племенемъ приготовить ему многія злоключенія въ свѣтѣ; ибо не всѣ еще его сотоварищи могутъ вмѣстить истинное просвѣщеніе и не расположены къ оному; но лучше, я такъ думаю, по крайней мѣрѣ, кончить вѣкъ непрочный, но пережить его въ наслажденіяхъ любомудрія и чувствительности, нежели очень глубоко состарѣться и умереть, не вкусивъ прямыхъ отрадъ ума и сердца въ жизни.

Естьли ты пойдешь, читатель, въ Умань, смотрѣть на торжество природы, въ Софіевку, то заверни поговорить съ Гуровичемъ, и вѣрно имъ будешь доволенъ.

ГЛАВА IX.

Предисловіе къ описанію Софіевки.

Кто читалъ «Вѣстникъ Европы,» тотъ, конечно, кинулъ взоръ и на описаніе этого мѣста: оно помѣщено въ № 6-мъ. * Здѣсь, въ слѣдъ за симъ повторится. Кто не видалъ Софіевки, тотъ еще не имѣетъ полнаго понятія о томъ, что можетъ искусство на природу. Камни, вода—вотъ здѣсь все ея сокровище. Потоцкій купилъ эту усадьбу у своего вассала и, какъ слышалъ я, только за 300 руб. серебромъ; но оцѣнить, чего она стоила въ отдѣлкѣ, ни какой бухгалтеръ не будетъ въ состояніи. Онъ самъ, сказываютъ, никогда не сматривалъ своихъ счетовъ и не любилъ, чтобъ спрашивали его, чего ему стоитъ Софіевка.

* 1811 года, стр. 123, въ переводѣ съ Французскаго Поспѣлова. Подъ описаніемъ выставлена подпись: «К. И. М. Д.—ій (Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукий.)» О. Б.

Милліоны сыпались на камни безъ расчёту,
И въ ужасахъ скалы воздвигнуть храмъ Эроту.

Жалѣлъ я о томъ, что многихъ надписей Польскихъ на усыпанныхъ по саду памятникахъ не понималъ.

Эта прогулка въ двухъ верстахъ отъ Умани. Странно, что вельможа ни чего не успѣлъ для жилища построить: негдѣ пріютиться, а жить подавно нѣтъ средства. И такъ одинъ садъ, и не весьма пространный, не подаетъ издали ни какой надежды, чтобъ въ немъ была какая ни будь прелесть. Войдешь,—и не вышешь бы вѣчно: все прекрасно, превосходно, божественно. Вездѣ видѣнъ геній вкуса. О! что можетъ быть равно во вселенной съ Софіевкой? Одинъ Едемъ, естьли онъ есть и на небѣ.

Не знаю, всѣмъ ли ее кажутъ во всей ея красотѣ и пышности. Предупредить надобно, что этотъ садъ не имѣетъ и половины своихъ прикрасъ, когда воды не шумятъ. При насъ всѣ фонтаны брызнули, каскады зашумѣли, смирные ручьи потекли, и всякая капля воды заиграла. Мы симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ обязаны были благосклонному письму Песарскаго Консула, проживающаго въ Одессѣ. Онъ, по знакомству съ Графомъ Сент-При, далъ намъ открытую рекомендацію къ надзирателю садовъ Графа Потоцкаго, котораго хотя мы тутъ и не застали, но старшій подъ нимъ всѣ чудеса Софіевки намъ показалъ, и садовникъ съ отличнымъ снисхожденіемъ подчивалъ насъ плодами.

Оранжереи съ садомъ сравниться не могутъ: онѣ не велики и не богаты плодами и деревьями, совсѣмъ не отвѣчаютъ дикимъ камнямъ, изъ коихъ каждый дорожке въ обдѣлкѣ многихъ алмазовъ. Оранжерей такихъ, какъ въ Умани у Потоцкаго, много въ Россіи; Софійки другой нѣтъ въ мірѣ; она стоитъ этой пословицы:

Кто хочетъ видѣть рай,
Въ Софію поѣзжай.

Въ одну изъ моихъ тутъ прогулокъ, сидя противъ большой каскады, подъ навѣсомъ обширнаго камня, на лавочкѣ, занялся

я чтеніемъ домашнихъ писемъ, которыя, садясь въ коляску, въ городъ получилъ. Я въ нихъ углубился и забылъ на минуту развернутую предо мной картину. Что милѣе свѣчки? Родные мои, дѣти, друзья, скучали о моей съ ними разлукѣ. О! если бы вы видѣли, милые обыватели моего сердца, гдѣ я, что вижу, чѣмъ наслаждаюсь: какъ бы (восклицалъ я къ нимъ мысленно) потужили вы, что вась здѣсь нѣтъ со мной! Вы воображаете меня въ дорожныхъ безпокойствахъ, въ пыли, въ усталости несносной. Какая разница! Я живу въ прекраснѣйшей природѣ, вкушаю дары Творца непостижимаго въ дѣлѣ рукъ своихъ; вижу торжество естества и люблюсь чѣмъ ни будь на каждомъ шагѣ; повѣрьте, что жить для вась и съ вами есть одно счастье, съ которымъ Софievка теряетъ равновѣсіе. Впрочемъ, чему не предпочту сихъ селеній райскихъ?

Описаніе Софievки слѣдуетъ за симъ на обоихъ языкахъ; я имъ занимался въ деревнѣ, у сестры моей, на свободѣ, писалъ его по Французски, а напечаталъ переводъ его; я имъ доволенъ, но отнюдь не смѣю хвалиться живописью словесной: отдадимъ эту кисть ея Творцу на нашемъ языкѣ.

О рай земной! дерзнулъ твои красы писать?
Державинъ пусть придетъ здѣсь списокъ съ неба спать.

СОПНЕИКА.

Si vous voulez vous faire une juste idée de ce qu'on nomme vulgairement jardin d'Edem, champs Elysées, paradis; venez à Sopheika et admirez y un génie Créateur. Là, la nature et l'art ont confondu tous leurs moyens pour produire un chef d'oeuvre éclatant. Quelle belle harmonie dans l'ensemble miraculeux de leurs combinaisons! Riche d'une simplicité majestueuse, ce local efface tout souvenir d'Armide et de Babylone; rien n'est à comparer à ce qu'on y voit; tout séduit et tout enchante. Ne croyez pas, que ce soit un beau idéal ou romanesque, dont je veuille vous offrir la peinture; bien au contraire! c'est un de ces heureux résultats de l'industrie humaine, lesquels n'ont pas toujours réussi même à la providence, qui lorsqu'elle a travaillé toute seule s'est plu à négliger les attraits du luxe, et de la somptuosité.

Figurez-vous d'abord une chaîne de montagnes appuyée et soutenue par des rocs immenses, un tas de pierres accumulées sans ordre l'une sur l'autre, depuis la création du monde, et dont la moindre n'a pu être ni taillée ni dérangée sans le secours de la poudre à canon. Celle-ci comme vous savez, quand un habile ingénieur s'en sert, feroit sauter jusqu'au crâne de l'Olympe. Quelques sources, qui filtrent leurs eaux fraîches dans la cavité de ces mêmes rochers, qui les distillent; une centaine d'arbres isolés ça et là et que rien n'abrite contre le souffle du Nord. Tels sont ici les dons du ciel sur un terrain de trois à quatre verstes en diamètre. L'art toujours émule de la nature, jaloux de la surpasser, se mit en frais pour embellir ces horreurs; mais il lui falloit de l'or; sans lui tout périt dans la planète terraquee des hommes.

СОФІЕВКА.

Если вы хотите получить справедливое понятие о томъ, что обыкновенно называютъ полями Елисейскими, земнымъ раемъ, придите въ Софievку, и подивитесь въ ней гению Творческому. Тамъ природа и искусство, соединя всѣ силы свои, произвели превосходнѣйшее твореніе. Какое стройное согласіе въ чудномъ слияніи ихъ взаимныхъ работъ! Величественная своею простотою Софievка приводитъ въ забвеніе сады Армиды и Вавилонскіе; ни что не можетъ сравниться съ тѣмъ, что здѣсь видишь; все плѣняетъ и приводитъ въ восторгъ. Не думайте, однако жъ, чтобы я хотѣлъ представить вамъ красоту вымышленную! Садъ сей есть одно изъ счастливыхъ и непремѣнныхъ послѣдствій искусства человѣческаго, послѣдствій, кои не всегда заканчивало и самое Провидѣніе, которое когда трудится, то не обращаетъ вниманія на чары роскоши и пышности.

Представьте себѣ рядъ горъ, опершихся на скалахъ ужасной величины и ими поддерживаемыхъ: громады камней, съ начала міра въ безпорядкѣ одинъ на другомъ лежащихъ, изъ которыхъ и самой меньшій безъ подрыва пороховъ не могъ бы быть ни разсѣченъ, ни съ мѣста сдвинутъ. Известно, что пороховъ, когда направляетъ его искусный инженеръ, можетъ сполною своей потрясти и самые верхи Олимпа; представьте еще нѣсколько источниковъ, лиющихъ свѣтлая воды свои въ разбѣлкахъ тѣхъ самыхъ утесовъ, изъ вѣдръ коихъ они выходятъ, и совершенно разбросанныхъ деревъ, ни чѣмъ не защищаемыхъ отъ дуновеній Сѣвера. Таковы были здѣсь дары Неба, на пространствѣ трехъ, или четырехъ, верстъ. Искусство, всегдашній соперникъ природы, ревнуя превзойти ее, взялось сдѣлать прекрасными самые ея ужасы. Но что искусство безъ денегъ? Безъ нихъ все гибнетъ на земноводной людской планетѣ.

Arrive un millionnaire, Grand de Pologne Pototzky. Un coup d'oeil juste le séduit et l'anime; une pluie d'or inonde ce roc aride et stérile, et bientôt la nature fatiguée d'un aussi long repos, tourmentée de produire, offre à la vue la végétation la plus belle et la plus rapide. Tout s'élance, se meut et se colore. Après quinze années d'un travail opiniâtre et dur, le propriétaire enfin lui-même ne s'y retrouve plus; étonné dans son paradis, il ne sait si le Tout-puissant s'est donné la peine de débrouiller un nouveau cahos dans ses domaines, ou si las de créer l'Architecte du monde a arraché un morceau de son dôme azuré pour le lancer dans son jardin.

C'est là, que j'aurois désiré un Thomson, un Virgile, un Delille pour en éterniser une image fidèle. Essayons de vous en tracer quelques traits principaux. Prenez un fil pour ne pas vous y perdre et suivez-moi dans ce jardin plus magique cent fois, que celui des Hespérides.

À peine entré, qu'une Cascade vous frappe et vous étonne; elle est magnifique. Un torrent, dont on ne voit ni ne devine la source, s'élance avec la rapidité des éclairs du haut d'un roc sourcilleux, couvre d'écume comme de neige, un granit escarpé. Dans ses sinuosités admirables l'art a découpé des échelons tors, aigus, angulaires. Chaque gradin produit mille nouveaux jets d'eau. La vague se brise à tout moment, mugit et vient enfin crever à vos pieds; des lors plus tranquille elle forme un lac transparent; vous voyez dans l'onde un tas de petits poissons, qui serpentent, se jouent aux rayons du soleil, sautent par dessus votre badine sans crainte et sans défiance, sûrs que vous n'en saurez attraper un seul. Au milieu de ce fluide condensé, une belle corbeille de porphyre, remplie de fleurs odoriférantes embaume l'air autour de vous des parfums les plus suaves. Un peu plus loin du sein d'une pierre gauchement enfoncée

Является Потоцкий, владѣлецъ миллионъ, вельможа Польши. Первый взглядъ здѣсь его оушевляетъ. Золотой дождь упадаетъ на каменные безплодные горы, и природа, утомленная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, мучимая производить, открываетъ взору прекрасное и самое быстрое прозябаніе. Все прорастаетъ, движется и получаетъ цвѣтъ. Послѣ пятнадцати лѣтъ непрерывной и трудной работы, владѣлецъ самъ наконецъ не узнаетъ болѣе сихъ мѣстъ. Удивляясь въ своемъ раѣ, онъ думаетъ: не взялъ ли Всемогущій на себя трудъ привести въ стройность хаосъ его владѣній, или Звждатель міра, переставъ творить, отторгнувъ клочекъ небеснаго жилища и бросилъ его среди сада.

Сюда желалъ бы я привести Томсона, Виргилія, Делила, чтобы увѣковѣчить изображение Софьевки. Постараюсь обрисовать хотя главныя только черты ея. Возьмите нить, чтобы не заблудиться, и слѣдуйте за мною въ этомъ саду, сто разъ болѣе волшебномъ, нежели Гесперидской.

Едва вошли, какъ взоръ вашъ пораженъ каскадою. Что ея величественнѣе? Потокъ, котораго источника нельзя ни видѣть, ни угадать, съ быстротою молніи низвергается съ верху высокой скалы и покрывается пѣною, какъ снѣгомъ, утесистой гранитъ. Въ его удивительныхъ крутизнахъ искусство высѣкло излучины, углы и повороты. На каждомъ уступѣ вода получаетъ тысячу новыхъ отысковъ; волна дробится ежеминутно, шумитъ, реветъ и падаетъ у ногъ вашихъ. Здѣсь тише, тише, она образуетъ прозрачное озеро; въ немъ видите вы множество маленькихъ рыбъ; онѣ плаваютъ туда и сюда, ныряютъ на солнцѣ, прыгаютъ на поверхность безъ страха и безъ опасенія, зная, что вы ни одной изъ нихъ не тронете. Передъ сей затвердѣлой влагой, прекрасная порфировая корзина, наполненная душистыми цвѣтами, окутываетъ вокругъ васъ воздухъ пріятнѣйшими благоуханіями. Нѣсколько далѣе изъ камня съ лѣ-

dans le lit d'un étang et qu'on voudroit en arracher, une autre fontaine fait jaillir son eau à quatre ou cinq toises de hauteur et arrose un gazon frais qui borde son enceinte.

Osez escalader ce roc, arrêtez—vous sur un pont, vous y verrez la chute de la première cascade, roulant ses eaux du plus loin qu'on puisse en apercevoir, la source prenant à chaque échelon de la montagne un nouvel essort. Ombragé à droite et à gauche par des saules pleureurs, qui semblent à l'envie vouloir se baigner dans son onde, elle semble être prête à submerger la galerie du pont qui vous soutient; mais bientôt comme si elle avoit craint de vous jeter une rosée indiscreète, elle va se cacher sous la digue, blanchit, travaille et enfante un nouveau torrent, qui fait culbute dans le bassin, auprès duquel vous admirerez un moment avant sa chute inconcevable. Un seul coup d'oeil embrasse à la fois toutes ces variétés pittoresques. Qui n'en seroit enthousiasmé? On verroit cette cascade avec le plus grand plaisir, même après s'être extasié sur la chute du Rhin à Schaf-hause.

Avançons! vous voilà dans un caveau, dont la voute est masquée de verdure; l'issue n'en est pas à comprendre, le bruit, des vagues dans cette profonde obscurité vous fait pressentir le voisinage d'un moulin. Quelle est votre surprise, quand vous entrez dans un temple, dont le dôme soutenu par quatre colonnes de granit, tout d'une pièce, vous offre le plus doux asyle! Chacun vous voit, personne ne peut pénétrer jusqu'à vous, au dessus du temple une nouvelle cascade fidèle à la loi de la gravité et cherchant à tomber quelque part, vient devant vous dérouler son rideau; vous croyez voir une gaze transparente; point du tout c'est de l'eau; elle seule garantit le sanctuaire des grâces et vous met à l'abri d'un abord indiscret; la mobilité continuelle de ce store ondoyant, les draperies variées à chaque clin d'oeil,

вой стороны нескладно вдавшагося въ прудъ, и который хотѣлось бы оттуда вырвать, бѣтъ фонтанъ на четыре или на пять сажень вверхъ и орошаетъ свѣжій лугъ, его остѣвляющій.

Вы все смотрѣли съ низу, отважьтесь теперь взойти на черепъ самаго утеса, и остановитесь на мосту, вы откроете тамъ начало перваго водопада; вамъ не видно ключей его, они бѣгутъ гораздо далѣе, и по крутизнамъ покатої горы получаютъ на каждомъ переломѣ новое усиліе. Съ обѣихъ сторонъ обвиваютъ его плакучія ветлы, которыя на перерывѣ другъ передъ другомъ хотятъ, кажется, погрузиться въ волнахъ его. Они готовы уже затопить перилы, васъ охраняющія; но вдругъ, какъ будто боясь омочить васъ своими брызгами, вода скрывается подъ плотину, клубится и prorвавшись составляетъ новый потокъ, низвергающійся съ бассейна, подлѣ котораго за минуту предъ этимъ вы удивлялись сильному той же воды стремленію. Одинъ взоръ вдругъ обнимаетъ всѣ эти живописныя прелести. Кто бы отказалъ имъ въ своемъ восхищеніи? На такое зрѣлище природы съ величайшимъ удовольствіемъ взглянули бы и тѣ, которые въ восторгѣ видали паденіе Рейна при Шафгаузенѣ.

Далѣе! вы вдругъ въ темной пещерѣ, которой сводъ заровненъ зеленою. То, что ожидаетъ васъ при выходѣ, непостижимо: шумъ волнъ, которой слышите вы среди этого глубокаго мрака, не много чего заставляетъ васъ ожидать, какъ приближенія къ плотинѣ; но сколь велико ваше удивленіе, когда, вмѣсто того, входите вы въ храмъ, котораго верхъ, поддерживаемый четырьмя гранитными колоннами, высѣченными изъ одного камня, открываетъ вамъ пріятнѣйшее уединеніе. Всякой можетъ тутъ васъ видѣть, но никто къ вамъ проникнуть; надъ куполомъ новая каскада, слѣдуя законамъ тяготѣнія и стремясь куда ни будь утѣсть, развиваетъ предъ вами свой завѣсъ; вы думаете видѣть дымку—совсѣмъ нѣтъ; это вода: она одна охраняетъ это святилище Грацій и удалитъ отъ васъ приступъ нескром-

le murmure des flots, et cet élan rapide, qui aidé par les reflets du soleil donne à chaque goutte d'eau l'éclat du crystal ou du diamant; toute cette magie vous étonne et vous éblouit au point, que vous vous croyez transporté au troisième ciel. Quel réduit pour la volupté!

Vous n'êtes pas plutôt dehors, que vous perdez la trace, l'indice le plus léger de cet enchantement: vous voilà sur un sol uni émaillé des dons de Flore. Avancez, nouveau spectacle! dans un rocher de grosseur énorme ou la poudre à canon a du faire sentir toute sa force, on a pratiqué une grotte auguste et sombre. Cette masse de pierres, qu'à la voix de l'Eternel quelque athlète d'un bras nerveux aura lancé en tout sens, joints et resserrés par les siècles, ne fait plus qu'un seul bloc, dont le volume vous épouvante. Tous les meubles y sont excavés dans la pierre. Admirez dans le coin cette source d'eau vive, qui scintille par quatre ou cinq crevasses et vous désaltère en profusion. La nature n'en a pas été avare. Tout ce creux a été excavé dans le roc vif. Une caverne aussi menaçante repose sur une seule colonne elle est taillée d'une pierre; Hercule est venu la poser, sans doute c'est Atlas, qui soutient le monde et se courbe sous sa sphère. Vos yeux rencontrent plus d'un reposoir dessus, dessous, dans le rocher; je me suis assis moi-même sur des banquettes, dont les pavillons ont été si artistement suspendus et l'illusion si frappante, qu'en vérité on a quelque raison de craindre en s'asseyant dessous, que quelque fragment de caillou ne se détache du rocher et ne vienne vous écraser dans la minute. C'est d'ici qu'une Radcliff épouvantée la première au clair de la lune, auroit donné au monde mille nouveaux sujets de terreur.

Allons plus loin sur la côte. Une chaloupe élégante et commode vous invite à vous promener par eau. Nous al-

lons. Безпрестанное движеніе водянаго стора, перемѣняющійся каждый мигъ видъ его, шумъ потока и тотъ быстрый порывъ, который, вмѣстѣ съ отраженіемъ солнечныхъ лучей въ каждой каплѣ, производить блескъ кристалла или діаманта, всѣ эти очарованія изумляютъ васъ столько, что вы мните себя восхищенными до третьяго неба. Какое убѣжище для сладострастія!

Вышедъ отсюда, тропинка, служившая для васъ проводникомъ къ этому волшебному мѣсту, исчезаетъ: вы видите себя на открытомъ лугу, украшенномъ дарами флоры. Подойдите сюда, новое зрѣлище! въ преогромной горѣ, гдѣ пороха, конечно, далъ почувствовать всю свою силу, выдѣланъ гротъ величественный и мрачный. Эта громада камня, которую по глазу Вѣчнаго какой ни будь атлетъ могучею своей рукою повергъ на землю, гдѣ вѣки еще болѣе связали и укрѣпили ее, образуетъ одну скалу, поражающую величіемъ своею. Всѣ украшенія въ гротѣ нарисованы на томъ же камнѣ. Не чудно ли видѣть, какъ въ этомъ углу рѣзавый источникъ воды пробивается, сквозь пять, или шесть, рашелинъ; онъ съ избыткомъ можетъ утолить вашу жажду, природа была здѣсь не скупа. Вся эта пещера, изрытая въ каменной твердынѣ, и столь ужасная пещера, держится на одномъ столпѣ, тѣмъ же кремнемъ окруженнымъ. Геркулесъ, никто больше, его тутъ поставилъ: это атлантъ, поддерживающій міръ и изнемогающій подъ его бременемъ. Между тѣмъ взоръ вашъ находитъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько прилавокъ. Я самъ сяду на нихъ, надъ коими навѣсы столь искусно опущены и обстроены здѣсь такъ сильно, что по истинѣ имѣешь причину бояться, не оторвался бы камень отъ горы и не расшибъ бы тебя въ одну минуту. Здѣсь, здѣсь какая ну будь Радклиффъ первая при свѣтѣ луны, испытываъ ужасъ ночи, доставила бы свѣту тысячу новыхъ предметовъ страха.

Сверните въ сторону. Красивая и покойная шлюбка ждетъ васъ для прогулки по водѣ, на стеклянной ея поверх-

lons dans la plage et cotoyons d'abord une isle déserte; deux avenues de peupliers superbes en dessinent le contour; au milieu c'est un petit monument, il vous rappelle le tombeau du citoyen de Genève! Qui peut lui refuser son tribut? Sa mémoire vous arrache un soupir, et deux trois larmes; puis votre pensée se livre toute entière à ses méditations mélancoliques; vous cherchez la trace d'un doux souvenir, seule ressource habituelle et triste d'un coeur, qui a joui, qui malgré soi palpite encore sous sa frêle enveloppe et s'accroche à l'illusion du sentiment. Soudain vous entendez du bruit; les rameurs quittent leurs rames; cela vous rend à vous même; la barque au gré du courant se jette avec vous dans un souterrain de cent toises de longueur recouvert de gazon. On n'y voit goutte, on se sent seulement bercé sur un corps fluide; sa fraîcheur à midi aide à la respiration. Vous ne savez, où vous allez, mais vous en avez déjà assez ou pour démêler le prestige du danger et pour voguer sans crainte. Non, nous ne descendons pas dans les Enfers. Quelques lucarnes pratiquées d'en haut jettent un rayon de lumière dans cet aqueduc ténébreux pour servir de fanal au pilote. Quel moment pour l'amour chaste et discret! A l'aide de cette lueur pâle vous parvenez à une écluse, entrant dedans, deux portes cochères se ferment sur vous; tout à coup le canal disparaît; on fait jouer les machines hydrauliques, qui remplissent le bassin d'eau; les flots soulevant la nacelle, elle monte et petit à petit se trouve au niveau du terrain. Vous en sortez tout émerveillé et vous vous promenez un peu sur une superbe pelouse, qui aboutit à un grand lac; ici ce n'est plus une chaloupe, c'est un bâtiment plus sûr et plus grand, qui est à votre service. Grand mât, mât de misaine, cordages, voiles, ancres, on n'a rien négligé pour rendre l'illusion d'un vaisseau complete; imitez Vespuce, cherchons un nouveau monde. Vous verrez le grand réservoir, qui fournit l'eau à toutes ces fontaines et cascades, dont vous avez admiré le jeu, c'est là, que vous prenez la nature sur le fait, que se développe à vos yeux le grand secret

ности. Мы плывемъ мимо пустаго острова, два ряда прекрасныхъ тополей замыкаютъ окружность береговъ его, въ срединѣ небольшой памятникъ: онъ напоминаетъ вамъ гробницу гражданина Женевскаго. Кто откажетъ въ даннѣ ему должной? память его вырвала вздохъ; за нимъ у васъ катятся слезы; мысль ваша предается вполнѣ печальной своей думѣ. Вы ищите стези пріятныхъ воспоминаній: единственное и обыкновенное прибѣжище уязвленнаго сердца, которое нѣкогда наслаждалось, которое противъ волн своей тоскѣ трепещетъ еще подъ брэнною своею оболочкою и прилѣпляется къ обольщенію чувства! Вдругъ слышенъ шумъ: грѣбцы бросаютъ весла; это приводитъ васъ въ себя. Шлюбка по теченію воды несетъ васъ въ подземной проводъ сажень во сто длинны и сверху закрытый лутами; въ немъ ни чего не видно, чувствуешь только, что зыблешься на влажной стихіи, которой прохлада въ полдень способствуетъ дыханію. Вы не знаете, гдѣ вы, но довольно уже видѣли, чтобъ не подозрѣвать тутъ ни какой опасности и плыть безъ боязни. Нѣтъ, мы не въ царство тѣней опускаемся; нѣсколько отверстій, сдѣланныхъ въ сводѣ, бросаютъ блѣдные лучи свѣта въ этотъ мрачный водоводъ, чтобъ служить маякомъ для кормщика. О какая минута для любви скромной и непорочной! При этомъ слабому озаренію вы достигаете шлюзъ; тутъ двое воротъ тихо опускаются. Приводятся въ движеніе машины, которыя наполняютъ бассейны водою. Волны поднимаютъ лодку мало по малу выше, и она становится паровнѣ съ землею. Вы выходите изъ нея въ изумленіи, и прогуливаетесь нѣсколько на прекрасномъ лугу, который ведетъ къ озеру. Здѣсь не лодка уже, но строеніе, гораздо ея большее и безопаснѣйшее для васъ, готово. Мачты, снасти, парусы, якоря, ни что не забыто, чтобъ обмануть васъ картинной корабля. Перейдемъ у Веспуччи, станемъ искать новаго міра. Вы увидите большое водохранилище, доставляющее воду для всѣхъ фонтановъ и каскада, которыхъ игръ вы удивлялись. Здѣсь-то находите вы натуру въ ея работѣ; глазамъ нашимъ открываются всѣ чудотворенія искусства

de l'art et le système hydraulique au moyen duquel, dès le commencement de l'année, l'eau s'accumule dans des citernes, et donne au jardin son superflu nécessaire. La digue et les pompes sont ici tout ce qu'on connoît de plus achevé dans ce genre d'ouvrage. Mais nous avons assez vogué; abordons, il en est tems.

Entrons dans cette allée oblique, jonchée de fleurs à droite et enrichie à gauche de toutes les plantes exotiques, dont vous avez jamais lu la nomenclature. Quel mélange d'odeurs suaves et délicieuses! Quel air on y respire. Je vous amène à un banc de pierre, où il faut enfin vous asseoir. Vous voyez devant vous un bloc de granit, qui après 7 mille ans d'existence passive se prête au ciseau d'un artiste habile; et pour vous être utile, prend la forme d'une table; l'hospitalité toujours aimable la combla des trésors de Pomone; vous savourez des fruits exquis. Accoudé sur une colonne de marbre, vous flottez encore, d'idée dans cette série de toutes sortes d'extases, dont votre ame fut émue pendant la promenade et dont elle n'a pu suivre les gradations infinies. Un doux murmure à côté de vous éveille et vous fait apercevoir dans un bassin de porphyre un courant d'eau limpide; jamais vous n'en avez bu et n'en boirez d'aussi fraîche. Egale dans sa chute et son mouvement elle tombe d'un robinet comme une glace de miroir et remplit son assiette. Un bel arbre à perruque s'incline au dessus d'elle et fait voute; il semble, que la nature l'a placé là exprès afin qu'ébrantée par un doux zéphir son feuillage rosé éloigne de là tout insecte vénénéux ou les moucheron, si incommodes dans les climats chauds. Ici vous vous détecterez, vous faites vos libations au dieu du plaisir. Fixez encore cette source bienfaisante; la fontaine de Vauluse n'est pas plus belle; celle de Salgire en Crimée n'est pas plus pure.

и опытъ системы гидравлической, посредствомъ которой сначала весны вода собирается въ водоемъ и доставляетъ саду необходимое ей изобиліе. Плотны и насосъ здѣсь суть совершеннѣйшія произведенія въ искусствѣ сего рода. Но довольно плавать; пристанемъ; пора.

Войдемъ теперь въ эту косвенную дорогу, съ обѣихъ сторонъ пестрящую цвѣтами и обогащенную чужеземными растеніями, какихъ только названія вамъ извѣстны. Какое смѣшеніе пріятнѣйшихъ ароматъ! Какой воздухъ для дыханія! Мы доходимъ до каменной скамьи, гдѣ наконецъ надобно присѣсть. Тутъ неподвижный гранитъ, который, послѣ семи тысячъ лѣтъ ни чѣмъ немощаемаго бытія, покорился рѣзку искуснаго художника, и чтобъ быть вамъ полезнымъ, припаялъ видъ стола. Гостепріимство, всегда любезное, обременило его сокровищами Помоны, и вы наслаждаетесь прекраснѣйшими плодами. Опершись на мраморную колонну, вы переходите мысленно всю связь многоразличныхъ восторговъ, которыми душа ваша была тронута во время прогулки и которыхъ за безчисленными измѣненіями едва могла она слѣдовать. Тихое журчаніе вась пробуждаетъ; его проповодитъ паденіе воды въ порфировой бассейнъ. Никогда не пили вы и никогда не будете пить столь свѣжей. Ровна въ своемъ движеніи, она упавшая кажетъ видъ зеркальнаго стекла и потомъ наполняетъ свою лаханъ. Прекраснѣйшее дерево перуть освѣляетъ ее и дѣлаетъ изъ листьевъ своихъ сводъ. Кажется, что природа нарочно здѣсь его возрастила, чтобы розовыя и пуховыя его вѣтви, колеблемыя вѣяніемъ Зефира, отгоняли отсюда всѣхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и столь безпокойныхъ въ жарномъ климатѣ. Здѣсь вы утоляете жажду свою, здѣсь совершаете изліаніе въ жертву богу удовольствій. Остановитесь еще на минуту у этихъ водъ благотворныхъ. Право, потокъ Петрарковъ въ Воклюзѣ не прекраснѣе, и не свѣтлѣе источникъ Саадыра на полуостровѣ Крымскомъ.

Quittons pourtant puisqu'il le faut, la vie de ces lieux enchanteurs, produit d'une féerie sans exemple. Agenouillons nous devant le père des hommes et rendons grace à la Nature, qui a bien voulu nous donner ici le plus merveilleux spectacle. Heureux celui, dont le sort conduit ici les pas.

Voilà Sopheika! j'ai tâché de vous en décrire la mille millième partie peut être; suppléez y par votre imagination: vous n'avez pas à craindre d'excès; on ne sauroit exagérer, en traçant le portrait de ce jardin; moi, qui l'ai vu je sens toutes les defectuosités de mon tableau. Mais tous les chantres du vieux et du nouveau monde y seroient en défaut. Je ne vous parle plus de cette quantité prodigieuse de colonnes, statues, cariatides, vases et monuments symboliques, que le luxe a répandu par ci par là dans ce jardin. Celui, qui parmi ces derniers doit le plus arrêter votre attention, c'est une colonne à moitié brisée; elle base sur trois gradins de granit ombragée de deux jeunes tilleuls, qu'on a soin de ne pas laisser croître jusqu'à maturité d'âge et adossée à une muraille de gazon. Elle rappelloit au propriétaire un souvenir douloureux. Polotzky dépouillé de son faste ordinaire venoit pleurer ici la perte de deux jeunes enfans. Quel endroit touchant! j'ai cru voir aussi absorbé dans mes rêveries les ombres de Marie et d'Hélène, douce illusion d'un coeur ulcéré de sa perte! Eugénie du haut du ciel ajoutoit au tableau qu'inventoit mon idée

Наконецъ должно оставить эту волшебную страну. Преклонимъ колѣна предъ отцемъ земнородныхъ и дадимъ хвалу природѣ, приготовившей здѣсь зрѣлище только чудесное. Счастливъ тотъ, когото стопы судьба сюда направятъ!

Вотъ Софевка! Я описалъ вамъ, можетъ быть, только тысячную часть ея. Дополните прочее вашимъ воображеніемъ, не опасаясь вѣдаться въ крайности. Изображая красоты ея, нельзя сказать ни чего лишняго. Я, который видѣлъ этотъ садъ, глядя на свою картину, я лучше прочихъ чувствую недостатки моей кисти; но ни одинъ бы изъ пѣвцовъ древняго и новаго міра не избѣжалъ ихъ. Не говорю уже вамъ о множествѣ пирамидъ, статуй, каріатидъ, вазъ и таинственныхъ памятниковъ, которые роскошью разбросала по всему саду. Между ними послѣдними болѣе всего должна привлекать ваше вниманіе не долѣнная колонна: она приклонена къ дерновой стѣнѣ; основаніемъ ей служатъ три дикаго камня уступа. Освѣяемый двумя молодыми липами, которымъ съ умыслу не даютъ достигнуть полного ихъ возраста, обелискъ сей служитъ владѣльцу горестнымъ напоминаніемъ. Потокѣй, освобождаясь отъ пышности, его вездѣ окружавшей, приходилъ сюда грустить о потерѣ двухъ юныхъ дѣтей своихъ. Какое трогательное мѣсто! Погрузившись тутъ въ глубокую задумчивость, и я самъ, какъ мнѣ казалось, видѣлъ тѣни Маріи и Елены; сладостное обольщеніе сердца, потерю своею сокрушеннаго! Видѣ Евгений, улыбающійся съ высоты небесъ, умножалъ унылость моего воображенія.

Il faut, qu'avant de partir vous aperceviez encore un léger filet d'eau; ce n'est qu'un puits creusé sous une voute de pierre molle, on peut s'asseoir vis-à-vis sur une couchette dont le marbre, par une élasticité surnaturelle, semble avoir gardé l'empreinte incrustée du coude de quelque voyageur fatigué, qui étoit venu s'y reposer. Effet étonnant de

Прежде нежели выйдете отсюда, я вась остановлю у небольшого ключа воды: это не что иное, какъ колодезь, покрытый сводомъ изъ мягкаго камня; въ соотвѣстіе ему на мраморной скамьѣ сверхъестественною какою-то силою сохранился отпечатокъ руки одного странника, пришедшаго сюда отдохнуть; локоть его какъ будто вдав-

l'art, dont la recherche a été si ingénieuse! c'est ici, qu'on se rappelle de Pythagore et qu'on veut s'écrier avec lui: Quoi! tout est sensible.

Encore un mot, il est indispensable; ne vous attendez pas à trouver dans ce jardin des buchers artificiels, kiosques, pagodes, chaumières et toutes ces freles masures, dont on charge les palais de nos grands seigneurs et qu'un luxe mal entendu, pour mieux éblouir le vulgaire, qui ne veut qu'un éclat mesquin recouvre de clinquant, coquilles, vitrages et tant de misères semblables. Non, tout ici a été travaillé dans le grand genre; le créateur a versé de l'eau et jeté par terre des pierres énormes; la nature et le tems en ont façonné des montagnes. L'artiste après, mais bien tard est venu y poser ses chefs d'oeuvre. Ce n'est que marbre, granit et porphyre; tout y résiste au tems et au climat; rien n'est fragile et ne craint la vicissitude des saisons.

Pototzky, fils aîné du bonheur, enfant gâté de la fortune fut heureux d'en jouir. Je le suis davantage si mon récit vous a plu.

лень въ мраморъ. Удивительное дѣйствіе искусства и утонченнаго его вымысла. глядя на это вспомнишь Пизагора и вмѣстѣ съ нимъ скажешь: «Такъ! Все имѣетъ чувство.»

Еще одно слово: оно необходимо. Примѣйте, что вы не нашли въ этомъ саду искусственныхъ стоговъ сѣна, костровъ, Китайскихъ и Индѣйскихъ домиковъ, хижинъ, подбѣльныхъ развалинъ, которыми напознены сады нашихъ вельможъ и которые обманчивая роскошь, чтобъ лучше ослабить чернь, ищущую одного только пустаго блеска, украшаетъ мишурою, ракушками, стеклами и подобными бездѣлками. Нѣтъ, здѣсь все прямо великолѣпно. Творецъ пролилъ воду на землю, и бросилъ въ нее страшные камни; природа и время составили изъ нихъ горы; Послѣ, гораздо послѣ, пришелъ художникъ и разставилъ свои работы. Всюду здѣсь гранитъ, порфиръ и мраморъ; все въ состояніи противиться погодѣ и прихотямъ климата, все твердо и не боится перемены времени года.

Потоцкій, старшій сынъ фортуны, любимецъ счастья, блаженъ былъ здѣсь въ своихъ наслажденіяхъ: но я ему не позавидую, если мое описаніе вамъ понравилось.

ГЛАВА LX.

Отъѣздъ изъ Умани. Продолженіе пути.

29-го числа Іюля мы поѣхали изъ Умани; на силу добились лошадей: почту держать Евреи и по наряду возить не ототники; у нихъ ни шлей, ни хомутовъ, збруя негодная и все рвется. Ихъ надобно вездѣ остерегаться на пути, и на мѣстѣ у нихъ свой вѣсъ, мѣра и счетъ; они въ то употребляютъ остроту ума своего, чтобъ обмануть: не вѣрьте имъ ни въ чемъ!

Возвращаясь въ Звенигородку, мы обѣдали на томъ же мѣстѣ, гдѣ и прежде, т. е., въ Тальной, но послѣ Уманскихъ са-

довъ здѣшніе каменные утесы намъ уже не такъ прелестны казались. Въ Звенигородку мы довольно рано пріѣхали, и опять пристали у нашего балагура. Онъ увѣдомилъ насъ, что тутъ расположенъ новопроизводящійся Уланскій полкъ изъ Татаръ, котораго я ни въ сборѣ, ни порознь, не видалъ. Городъ намъ показался сегодня въ самомъ торжественномъ видѣ: вездѣ иллюминація; подумать можно было, что у всякаго хозяина радостный пиръ; что жъ? Это шабашъ: Жида имѣютъ привычку въ своихъ корчмахъ съ навечерія Субботы все заготавливать къ завтраму такъ, чтобъ можно было уже ни руками, ни ногами не дѣйствовать, сидѣть, лѣниться и славить день Субботній, въ ожиданіи котораго вездѣ зажгутъ пропастъ свѣтъ; свѣтъ въ комнатахъ превеликой, а хозяинъ лежитъ и ни за что не принимается.

Переночевавши въ этомъ мѣстечкѣ, мы поторопились ѣхать далѣе, имѣя въ предметѣ деревню сестры моей, куда намъ хотѣлось пріѣхать на почлегъ. Дорога наша лежала на Ольшанку.* отъ Звенигородки 26-ть верстъ. Горъ много, однако ѣхали изрядно. Это селеніе большое. Оно принадлежитъ В. В. Енг. Тутъ господской домъ, двѣ богатыя мельницы и для Жидовъ построенно, по обѣ стороны широкой улицы, множество домовъ; они еще пусты, но со временемъ, конечно, и здѣсь этотъ досужій и хитрый народъ расторгнется. Здѣсь намъ показалось рано обѣдать, и мы въ 12 часовъ поѣхали въ Корсунь. Какъ прекрасно воздержаніе наше было наказано! До Корсуни 32 версты: долго ли бы до ѣхать? Но лошадей намъ въ Ольшанкѣ впрягли тощихъ: горы стали увеличиваться, и цѣпь ихъ далѣе сдѣлалась почти непрерывной; послѣ полдень усилился жаръ; лошади везли насъ по пескамъ шагомъ, а иногда вовсе становились, и я, для облегченія ихъ, версты по двѣ мѣстами шелъ пѣшкомъ.

Непріятные походы! Тутъ между многими забавными воспоминаніями, пришелъ мнѣ на мысль проектъ, однимъ пожилымъ градодержателемъ сочиненный, подъ названіемъ: «Объ учрежденіи конной почты по образу пѣшаго хожденія.» Я этотъ проектъ

* Ольшана. О. Б.

испытывать на самомъ дѣлѣ. Если ли позволяется иногда сказать правду и не совсѣмъ льстивую, то можно ли обвинить того путешественника, который сѣтуетъ и ропщетъ, когда, заплатя за дорожную пошлину впередъ, заплатя за лошадей всѣ прогоны впередъ, принужденъ ити пѣшкомъ, по тому что лошади стали, и думать, не смотря на то, что онъ по почтѣ ѣдетъ? Мы 32 версты ѣхали 6 часовъ, и пріѣхали обѣдать въ Корсунъ въ 7 часу по полудни. Жаръ насъ истомилъ, а голодъ выучилъ впередъ быть умнѣй и обѣда не откладывать.

По всему этому тракту виды прекраснѣйшіе; но они меня не веселили, по тому что я спѣшилъ къ сестрѣ, а почта, которая шла тише пѣшехода и, признаюсь, голодъ, все вмѣстѣ наносило мнѣ большую досаду.

Корсунъ—мѣстечко, принадлежащее Князю Лопухину: онъ имѣетъ тутъ славный винокуренный заводъ, и селеніе большое, однако ни путнаго ночлега, ни припасовъ съѣстныхъ хорошихъ отыскать не можно. Евреевъ пропасть, да гдѣ ихъ нѣтъ? Камня дикаго громады. Натура та же, что и въ Умани, но, дѣйствуя здѣсь одна, не произвела Софѣвки. На большой дорогѣ черезъ рѣку, задержанную вездѣ въ потокѣ своемъ камнями, воздвигнуть широкій и прекрасный мостъ, но не помѣщикъ его строилъ: онъ имѣетъ только участіе въ общей складкѣ, которую для него собирали со всего Уѣзда.

Исправникъ здѣшній, будучи знакомъ зятю, уже дожидался насъ здѣсь, чтобъ указать къ нимъ дорогу. Онъ съ нами отобѣдалъ на скорую руку, и мы, въ слѣдъ за нимъ, отправились. Онъ считалъ отсюда до ихъ деревни 45 верстъ; мы очень скоро ѣхали, дорога началась ровнѣе, но сколько я самъ себя ни дѣлалъ насилій, не могъ до нея добраться. Скоро постигли насъ сумерки и сама ночь; темнота ея отъ тучъ еще сдѣлалась ужаснѣе; молнія разсѣкала облака и гулъ отдаленнаго грома безпокоилъ сердце. Хотя мѣсяцъ изъ за тучъ иногда и показывалъ бѣлый зракъ свой, но что въ его свѣтѣ, когда отражаемые имъ предметы неприятны? Поля, пустыня, неизвѣстность разстоянія, проселочная дорога, на которую мы еще засвѣтло съ большой своротили, все это дѣйствовало на наши чувства.

Я зачалъ проситься на ночлегъ, какъ малое дитя послѣ школы рѣзвиться, но гдѣ пристать? Жилъ другихъ нѣтъ, кромѣ Жидовскихъ сараевъ, въ которыхъ гаду и свѣчъ много, а покою ни какого. Наконецъ въ 6 верстахъ отъ сестры увидѣли мы деревню. Какое счастье! Она принадлежала Госпожѣ Турчаниновой, матери той самой, у которой мы гостили въ Одессѣ. Благодарность требовала отъ насъ, чтобъ мы къ ней заѣхали, а желаніе поскорѣй быть подъ крышкою, представило намъ эту обязанность въ самомъ большомъ видѣ, и мы рѣшились тутъ остановиться.

ГЛАВА LXI.

Пріѣздъ и пребываніе мое у зятя.

Съ какой радостью на завтра моего пріѣзда къ Госпожѣ Турчаниновой увидѣлъ я въ своей комнатѣ Бедрина, стараго прикащика отца моего, который, бывъ отданъ сестрѣ моей при ея замужествѣ, пріѣхалъ отъ нея поздравить насъ съ пріѣздомъ въ ихъ край и привелъ лошадей насъ довести до зятинной деревни. Старый слуга нашего дома, посѣдѣвшій отъ лѣтъ и всякихъ трудовъ, поклонился мнѣ, по старинному, до земли, ударилъ въ полъ челомъ и прочелъ длинную свою поздравительную проповѣдь. Я вспомнилъ, глядя на него, мое ребячество, забылъ неравенство состояній и обнялъ ветхаго служителя родительской моей семьи. Съ нимъ, къ умноженію моей радости, получилъ я и письма изъ Москвы. Тамъ адресовали ихъ сюда, зная, что я въ эту пору уже буду около сихъ мѣстъ. Все соединилось къ моему удовольствію. Содержаніе писемъ было сходно съ моимъ желаніемъ, всѣ у меня были здоровы: чего больше!

Но какъ согласить нетерпѣливость видѣться съ сестрой съ благопристойностію противъ хозяйки дома. Госпожа Турчанинова, воротясь домой, просила насъ у нея отобѣдать. Совѣстно было отказать послѣ всѣхъ одолженій, сдѣланныхъ намъ ея любезною дочерью въ Одессѣ; съ другой стороны и неприятно было

въ 6 верстахъ остановиться и показать такую безнечность на счетъ свиданія. Сестра и зять не могли по зву хозяйки нашей къ ней прѣхать, по тому что, узнавъ о нашемъ прѣздѣ отъ Исправника, назвали всѣхъ своихъ сосѣдей къ себѣ въ тотъ же день для насъ въ гости. Надобно было пожертвовать пріязню благодарности, и мы остались обѣдать дома, и угощены были со всею ласковою старинныхъ людей: былъ чиновъ больше, а пріязни ни чего!

Помѣстье Госпожи Турчаниновой прекрасно. Она имѣетъ домъ изрядной величины и на хорошемъ мѣстѣ; видъ изъ ея саду пріятенъ: отсюда разглядѣть уже можно дачи зятя моего и его мельницы. Здѣсь церковь и маленькія ярмарки бывають, а гдѣ ярмарки, тамъ и Жидовъ какъ мухъ.

Отобѣдавши, поспѣшили мы къ сестрѣ, а хозяйка наша насъ туда же проводила. На границѣ ихъ земель встрѣтилъ насъ племянникъ мой съ няней своей—милой ребенокъ! Онъ на силу держалъ превеликой хлѣбъ съ солью, и поднесъ намъ, сказавши: «Я обыватель здѣшній.» Мы взяли его къ себѣ въ коляску, посадили на колѣни. Жаръ былъ несносный. Дитя не умѣлъ понять, что около его дѣлается; все было для него ново: въ три года отъ роду что не удивляетъ человека! Отѣхали съ версту еще, и родные мои уже прижимали меня къ своему сердцу. Слезы, смѣхъ, радость, все смѣшалось, и ни кто не умѣлъ разобрать ни чувствъ своихъ, ни мыслей. Всѣ мы бѣгали, суетились, вопросъ за вопросомъ; намъ въ одну минуту хотѣлось другъ другу все то разсказать, что мы, нѣсколько лѣтъ не видавшись, видѣли, слышали, испытали. Какое множество происшествій разныхъ мы вспомнили и опять постарались спрятать подалѣе въ памяти: сколько потерь и вознагражденій! Сестра обнимала жену мою, я зятя, и мы долго не могли прійти въ себя; между тѣмъ, какъ Миша уже спокойно, принявшись за свою игрушку, спускалъ волчка и говорилъ нянѣ: «Посмотри!» Сосѣди зятнины занимались нашими путешественниками и ознакомились съ ними, а мнѣ было не до нихъ.

Войдя въ гостинную и увидя въ ней портреты моего отца, матери, первой жены, всѣхъ родныхъ моихъ, я не буду изъ-

яснять, что я почувствовалъ: это выше всякаго выраженія. Я въ чужой сторонѣ, за тысячу слишкомъ верстъ отъ своей, находилъ домъ свой и свою родину. Черты людей, вѣчно въ памяти моей поселившіяся, мнѣ представляли тѣ же покои, въ коихъ я живу обыкновенно дома, тѣ же тутъ видѣлъ лица и, казалось, живую на нихъ видѣлъ улыбку. Такъ! пріятно обольщаться и думать, что разлучившіеся съ нами по закону естества, не разлучены по закону любви и по связи животной въ природѣ. О! безподобное искусство живописи! Этими живыми впечатлѣніями, этой сущностью восторговъ нашихъ, даже и по смерти тѣхъ, кои намъ были милы, мы обязаны тебѣ, тебѣ единственно; ты питаешь нашу меланхолію и даешь чувство вещамъ неодушевленнымъ.

Я прожилъ здѣсь въ деревнѣ у зятя * отъ 1-го Августа до 5-го числа, и провелъ все это время въ неограниченной свободѣ

* О немъ вотъ что сказано сочинителемъ сего путешествія въ его «Канинѣ моего сердца.»—20 Февраля. Василій Лаврентьевичъ Селецкій, зять мой родной, мужъ сестры моей, человекъ, обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но не имѣя возможности на ней жениться, по тому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину, Малороссію, и тамъ прожилъ лѣтъ двѣнадцать, не давая о себѣ ни какой вѣсти. Съ той же скоропостижною, съ какой оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ Чернигова сестрѣ моей письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея. Сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ: раздулся прежній огонь. Онъ прѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкой примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ, какъ мать моя скончалась и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ родной, выдѣлать ей часть изъ имѣнія, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ съ оной въ пользу дочерей моихъ, и, взявъ съ меня векселя, передалъ право получения денегъ по опымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступилъ столь нѣжно и благородно? Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правилами его, нежели родству, и по тому-то онъ и превосходитъ въ глазахъ моихъ; ибо здѣсь побудительною причиною былъ не случай, не пристрастіе, но пословица старинной: «Свой своему по неволѣ другъ,» а характеръ, готовый на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число (20-го Февраля) родила сестра сына. Онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость! В. А. Селецкій умеръ 1831 года. О. Б.

и увраженіяхъ прямо пріятныхъ для сердца. Здѣсь я вставалъ и ложился спать, когда хотѣлъ, бѣгалъ, читалъ, писалъ, рѣзвился, и все по произволу, безъ роскоши и безъ принужденія; какъ Царь въ своемъ дворцѣ, я приготовлялъ себѣ забавы; здѣсь я писалъ мою Софьевку, и заочно еще восхищался ея райскими прелестями; здѣсь я ко всѣмъ моимъ роднымъ писалъ о себѣ, о нашемъ путешествіи, бесѣдовалъ съ друзьями и занимался уже заранее тою радостью, которую они, увидѣвши меня, почувствуютъ; или, оставя перо, бумагу, забывъ и умъ и сердце, машинально съ Мишей * кубари каталъ и смѣялся съ нимъ въ запуски, когда волчекъ засвищетъ.

Временемъ мы ѣзжали по сосѣдямъ ихъ, а по вечерамъ, сидя дома, говаривали о всякой старинкѣ: тотъ свое вспомнить, другой свое. Подъ кровомъ чистаго неба, въ ясную погоду, на лавкѣ у воротъ дома, иногда любовались на хоробы, иногда на возвратѣ съ поля тучныхъ овецъ и коровъ: все въ полѣ лѣтомъ занимательно, все прекрасно. День великъ, а не увидишь, какъ пройдетъ въ обществѣ пріятномъ и непринужденномъ.

Въ первый день пріѣзда нашего зять мой велѣлъ попарить у себя въ погребѣ, и такимъ прекраснымъ подпоилъ насъ Венгерскимъ, что я на силу нашелъ дверь къ себѣ въ спальню. Скажемъ къ извиненію сего семейственнаго пиршества, вмѣстѣ съ хорошимъ переводчикомъ затѣйливой Французской пѣсенки:

Вина употребленіе
Самъ Богъ не запретилъ,
Зримъ Его въ томъ изволеніи,
Что врно сладко сотворилъ.

* Михайлъ Васильевичъ Селецкій, единственный сынъ Василія Лаврентьевича, въ послѣдствіи служилъ въ Полтавѣ, и, будучи Надворнымъ Совѣтникомъ и Вице-Губернаторомъ, между прочимъ, съ 14-го Октября, 1843 года, исправлялъ должность Полтавскаго Гражданскаго Губернатора послѣ Д. С. С. Александра Егоровича Аверкіева, до Іюня 1845 года, когда былъ назначенъ въ

ГЛАВА LXII.

Мѣстоположеніе. Сосѣдство. Здѣшнее хозяйство.

Деревня Селецкихъ называется Ковали. Церкви здѣсь нѣтъ, ярмарокъ также, а по тому и Жиды не такъ часто бродятъ. Приходъ ихъ въ 4 верстахъ отсюда. Зять отстроиваетъ большой и прекрасный домъ, однако со всякимъ хозяйствомъ и умѣренностію. Мы застали его отдѣланнымъ въ чернѣ: но они жили, и мы съ ними вмѣстѣ расположились, въ старомъ низенькомъ домикѣ, весьма помѣстительнымъ для ихъ семейства: комнаты не высоки, но теплы, крышка соломенная.

Мѣстоположеніе прекрасное Садъ разбитъ въ ущелинахъ и оврагахъ; горъ пропасть, и я, какъ вепрь, прыгалъ поминутно съ холма на другой. Со временемъ здѣсь красотъ будетъ много, и тѣ, кои любятъ, что называется *pittoresque*, найдутъ въ прогулкахъ своихъ большое удовольствіе.

Зять—искусный хлѣбопашецъ; у него не одинъ садъ въ предметѣ; онъ мастеръ обрабатывать поля свои; обѣзжая ихъ вмѣстѣ съ нимъ, я дивился его дѣятельности и предусмотрѣнію; ни одно зерно не пропадаетъ: все обдуманно, сбережено, приказано; за то какія огромныя у него скирды хлѣба поставлены! Какъ весело смотрѣть на эти кучи богатыхъ сноповъ, которые сама патура золотомъ покрыва! Зимой все это обратится въ горѣлки; горѣлка даетъ деньги, а на деньги, когда ихъ много, покупай, что изволишь!

Селецкій имѣетъ около 500 душъ, кои даютъ ему до 20 тысячъ дохода посредствомъ винокуренія: отнимите эту вѣтвь промышленности (говоря по модѣ) у здѣшнихъ обывателей, они обнищаютъ и не получаютъ ни чего, по тому что съ хлѣбомъ некуда будетъ дѣваться: здѣшніе шинки многихъ обогатили.

Губернаторы Д. С. С. Николай Ильичъ Ознобишинъ. Теперь Михайлъ Васильевичъ въ отставкѣ Д. С. С. и живетъ въ своемъ помѣстьѣ, Коваляхъ. О. Б.

Когда этотъ край былъ присоединенъ къ Россіи, то Князь Понятовскій, имѣвшій здѣсь до 40 тысячъ душъ, знатную часть владѣній своихъ распродалъ. Многіе посѣщали покупать здѣшнія земли, населенныя Хохлами, которыми вся эта страна наполнена, по тому что она отъ самой древности составляла одну область съ Малороссіей и отнюдь не болѣе принадлежала Польшѣ, нежели намъ. Тогда душа продавалась по 80 и 70 руб., а нынѣ ни кто не возьметъ и по 250 руб.; ибо узнали, какъ они доходны и какъ велику пользу приносятъ. Безъ труда же, извѣстно, что нигдѣ нѣтъ ни чего.

По многимъ селеніямъ ярмарки, т. е., торговые съѣзды ежедневно, хлѣба у всякаго помѣщика пропасть, мельницы прекрасныя; Жида развѣзжаютъ съ товарами, продаютъ, мѣняють, обманываютъ; вездѣ ихъ встрѣтишь, такъ какъ въ нашей Россіи разнощиковъ, кои на возахъ по деревнямъ развозятъ всякую всячину.

Деревень правильныхъ и вытянутыхъ въ улицу здѣсь не найдешь; всякой строится, какъ вздумалъ. Усадьбы у крестьянъ обширны. Они по большей части въ оврагахъ и строятся при подшвахъ горъ. Лѣсу у обывателей немного, однако на нужду есть. Рѣкъ проточныхъ мало, но ключей и родниковъ вездѣ много; помѣщики поднимаютъ плотины и роютъ пруды.

Хохолъ по природѣ, кажется, сотворенъ на то, чтобы пахать землю, потѣть, горѣть на солнцѣ и весь свой вѣкъ жить съ бронзовымъ лицомъ. Лучи солнца его смуглятъ до того, что онъ свѣтится, какъ лакомъ покрытъ, и весь черепъ его изъ желта позеленѣтъ; однако онъ о такомъ порабощенномъ состояніи не тужитъ: онъ не умѣетъ понять ни чего лучше. * Я съ ними говорилъ. Онъ знаетъ плугъ, вола, скирдъ, горѣлку, и вотъ весь его лексиконъ. Если бы гдѣ Хохолъ пожаловался на свое состояніе, то тамъ надобно искать причину его негодования въ кѣкой либо жестокости хозяина, по тому что онъ охотно сноситъ вся-

* Естественно, въ томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ находится. О. Б.

кую судьбу и всякой трудъ, только нужно его погонять безпрестанно; ибо онъ очень лѣнивъ: на одной минутѣ пять разъ и воль и онъ заснуетъ и проснется; такъ, по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ его въ моихъ наблюденіяхъ, и, смѣе думать, что естли бы весь этотъ народъ не былъ обязанъ помѣщикамъ добронравнымъ за ихъ къ себѣ доброхотство и уваженіе къ челоуѣчеству, то бы Хохла трудно было отдѣлать отъ Негра во всѣхъ отношеніяхъ: одинъ прѣветъ около сахару, другой около хлѣба. Дай Богъ здоровья и тѣмъ и другимъ!

ГЛАВА LXIII.

Каневъ. Монастырь.

Зять возилъ меня, за 9 верстъ отъ деревни, смотрѣть мѣстечко, называемое Каневъ. Мы много горъ переѣхали, и очутились въ близи Днѣпра, который тѣшитъ своими излучинами. Говоря согласно съ тамошними преданіями, я скажу вотъ что. Нѣкогда, и очень, очень давно, была тутъ складка всѣхъ Азіятскихъ товаровъ, кои отсюда развозились въ Польшу, Молдавію, Украину, Малую и Великую Россію. Нынѣ Каневъ только безуѣздный городокъ и принадлежитъ къ Богуславскому Уѣзду. Населенъ Жидами и Хохлами: есть нѣсколько и Шляхты, но мало. Во времена Польши тутъ было Староство, въ которомъ считалось отъ 12 до 14 тысячъ душъ. *

* Каневъ, при рѣкѣ Каневкѣ, впадающей въ Днѣпръ, упоминается уже въ XI-мъ столѣтіи; онъ одинъ изъ крайнихъ Русскихъ городовъ на югъ Кіева и Переяслава по Днѣпру, и по тому былъ не разъ мѣстомъ съѣзда Русскихъ Князей съ Половцами по разнымъ дѣламъ. Въ 1239 г. онъ былъ взятъ Батыемъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлался было пребываніемъ Татарскихъ Баскаковъ, управлявшихъ оттуда окрестною страню. Во время Польскаго владѣнія онъ составлялъ Староство, изъ Старостъ коего въ послѣднее время выдается въ особенности Николай-Василій Потоцкій, извѣстный въ Заднѣпровьѣ своими забубенными похождениями. О. Б.

Самаго городка я не видалъ, а ѣздилъ смотрѣть близъ лежащаго кlostера или монастыря, который заслуживаетъ, по древности своей, особенное любопытство. Въ немъ старая церковь деревянная, а новую выстроили изъ кирпича, и уже освященіе ея при насъ назначено было къ 1-му Октября; думаю, что совершилось. Обѣ эти церкви, разумѣется, Уніятскаго Исповѣданія. * Во всякомъ храмѣ по два и по три престола на всѣ стороны безъ разбора. Въ деревянномъ иконостасѣ былъ отдѣланъ по нашему, а въ каменномъ не было еще ни какого внутренняго убранства. Первоначально церковь эта основана тутъ въ 1145 году, и тогда поставленъ былъ въ ней престолъ Греческій; въ послѣдствіи времени, когда Поляки восхитили и присвоили себѣ всю по обѣ стороны Днѣпра Малороссію, храмъ этотъ превращенъ въ Уніятской.

До того времени правилъ монастыремъ симъ Архимандритъ Макарій, котораго нынѣ церковь наша чтитъ святымъ Чудотворцемъ Переяславскимъ, гдѣ и мощи его почиваютъ. Наконецъ храмъ сей со 160 лѣтъ былъ пустъ и забытъ; нынѣ возобновленъ тщаніемъ, и усердіемъ одного Русскаго Дворянина Г. Казаринова, который женился на Полячкѣ и здѣсь сдѣлался помѣщикомъ. Въ обители 6 монаховъ Базиліанскаго (Св. Василія) Ордена, т. е., Уніаты. Одинъ изъ нихъ ожидалъ себѣ скоро посвященія по ихъ въ Опаты (Аббаты), по нашему въ Архимандриты. Уже и Указъ объ немъ въ наше время полученъ былъ.

На церкви фронтонъ съ слѣдующею подписью: «Богу въ Святой Троицѣ Единому, Справедливому. Твоя отъ твоихъ Тебѣ приношу 1810.» Простое выраженіе благодарной твари предъ своимъ Создателемъ.

Монахи здѣсь не тунеядцы и лѣнтяги: они обучаютъ разнымъ языкамъ юношество и получаютъ за то жалованье. При костелѣ

* А прежде были Православнаго. Въ этомъ монастырѣ похороненъ славный Малороссійскій Гетьманъ, Иванъ Серпига, въ народѣ извѣстный подъ именемъ Подковы, измѣнически убитый 1878 года въ Львовѣ. Въ Каневѣ тѣло его принесъ товарищъ и другъ его, Гетьманъ Жакъ (или Шахъ), который тутъ же и постригся черезъ годъ въ монахи. Дорога, по которой везли мертвого

выстроенъ каменный большой домъ, въ которомъ учреждены школы. Поляки отдаютъ сюда дѣтей своихъ учиться разнымъ наукамъ; это заведеніе подобно Академіи. Оно подъ главнымъ вѣдомствомъ Министерства Просвѣщенія и Католическаго Духовнаго Правленія, а на мѣстѣ управляетъ въ подробности Митрополитъ Уніятскій. Я не утаю примѣчанія, общаго между помѣщиками Русскими, что Поляки дѣтей своихъ не учатъ по Русски и, кажется, будто мѣстоначальники на это смотрятъ очень равнодушно. Мы ни кого изъ школьниковъ не видали: время было вакантное; всѣ по домамъ, а Настоятель на ту пору отлучился отъ монастыря въ городъ Каневъ. По правамъ Польскимъ, туда пріѣзжалъ въ этотъ день Повѣтовый Богуславскій Судъ учреждать конкурсъ надъ имѣніемъ одного Жида, объявившаго себя банкротомъ; а какъ онъ долженъ былъ и монастырю, то Архимандритъ выѣзжалъ въ Судъ защищать свое право; ибо и черноризцы хотятъ жить, а для этого потребны деньги.

Мѣстоположеніе монастыря прекрасно: когда монахи селятся на худыхъ мѣстахъ? Вездѣ лучшія усадьбы подъ ними, отдадимъ имъ эту справедливость. Обитель на горѣ, въ низу ея, въ небольшомъ разстояніи, видѣнъ Днѣпръ, и я, глядя на его быстрыя

Серпягу до Канева, называлась долгое время Серпяжинымъ шляхомъ (трактомъ). О смерти этого Гетьмана упоминаютъ двѣ Малороссійскія думы:

1-ая:

«Охъ и сила, сила, сила, силу подогѣла,
Серпягови да у Львовѣ сподѣлась могила.»

2-ая:

«Ой зъ города изъ Пѣтавы выѣзжали Козаки,
Усѣхъ було три таборы, да всѣ три однаки.»

Въ послѣдней поется также:

«А въ городѣ у Каневѣ да й заголосили,
Що Серпягу у могилу тихо положили!»

См. Украинскія народныя пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. Москва, 1834, стр. 78—80. А о походѣ Серпиги по Черному морю см. Думу въ Сборникѣ Украинскихъ пѣсней, изд. тоже М. А. Максимовичемъ. Кіевъ, 1849, стр. 27—30. О. Б.

ГЛАВА LXIV.

Балъ у зятя, прощанье и отъѣздъ.

4 Августа зять мой бываетъ именинникъ: достаточная причина для роскоши и мотовства; нашъ пріѣздъ увеличивалъ праздникъ; и такъ явились сюда всѣ сосѣди Польскіе, Малороссійскіе, Русскіе, привезли съ собой женъ и дѣтей: собраніе сдѣлалось большое; съ утра до вечера день прошелъ въ пляскѣ и удовольствіи. Сперва, какъ водится за обѣдами, хозяева зачали пить здоровье гостей, а гости хозяйское. Вино развязываетъ языки и у самыхъ скромныхъ: пошли поговорки. На мою долю пришлось бокаловъ съ 10: отказъ не пріемлется. Какъ скоро сказано: «Въ ренцѣ!» надо бѣжать къ сигналу, брать бокалъ въ руки и осушивать его до дна. Поляки, не знаю, всѣ и вездѣ ли, по крайней мѣрѣ, здѣшніе, выпивъ чье ни будь здоровье, вызывали того, кому хотѣли передать рюмку, говори: «Въ ренцѣ, панъ» такой-то! Слово «въ ренцѣ» значитъ въ руки, слѣдовательно, вызванный на этотъ прекрасный поединокъ гость бѣжитъ къ тому, который пьетъ, и за нимъ дѣлаетъ тоже. «Въ ренцѣ» чаще всѣхъ словъ было у нихъ слышно. Замѣтить еще надобно, что Поляки иначе не называютъ другъ друга, какъ «панъ», прибавляя его чинъ, или званіе, на пр.: панъ Хорунжій, или панъ Подкоморій, и такъ далѣе.*

Выпивши здоровье всѣхъ тетусекъ, матушекъ и бабушекъ, всѣ между собой застучали рюмками, не пустыми, однако, и кричали въ одинъ голосъ: «Виватъ! Кохаймось!» Это уже крайнее выраженіе согласія и любви. Всѣ стаканы чокъ, чокъ! а гости чмокъ, чмокъ! и радость во всѣ чувства полилась рѣкой. Славное Венгерское вино, какого, кромѣ Польши, нѣтъ нигдѣ, цѣльное, безъ обмана, вскружило всѣ умы, и въ честь Бахусу часть большая зятиннаго погребѣ осушилась. Простительно въ праздничный день, въ хорошей семьѣ, въ пріятной бесѣдѣ, забыть мѣру

* Съ Итальянскаго обычая. О. Б..

струи, мечталъ о Кіевѣ, о томъ препрославленномъ градѣ въ лѣтописяхъ нашихъ, куда стремились нетерпѣливо мой духъ и мысли.

Дачи въ окрестности сихъ мѣстъ вездѣ пріятны; я ѣздивъ съ зятемъ къ сосѣду его, тому самому Казаринову, который украшаетъ Каневскую церковь, былъ имъ обласканъ чрезвычайно, и видѣлъ всѣ его заведенія. Садъ попечительною рукой разведенъ и воспитанъ: какъ онъ лелѣетъ каждое дерево! Какія возвышенныя тополы, какія стройныя раины осѣняютъ не богатый, но со вкусомъ прибранный, его домики! Онъ въ немъ живетъ просто, безъ чиновъ, гостямъ радъ безъ принужденія. Мы у него посидѣли часа съ два. Хлѣбопашество его въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ богатъ, по тому что кажется доволенъ, и у него можно найти маленькой отбѣнокъ патриархальныхъ нравовъ.

Жена его изъ Полячекъ, барыня скромная, вѣжливая и любезная: ихъ ни что не раздѣляетъ, кромѣ Вѣры; все у нихъ за одно, но церкви разныя. Она Уніятка, а онъ—нашъ братъ Католикъ Греческаго Исповѣданія. Любя свою подругу, онъ для нея выстроилъ при домѣ маленькую Католицкую церковь: въ ней отправляется служба по Польски, а книги церковныя тѣ же, что и наши, да и на нашемъ языкѣ. Сколько я ни всматривался въ Унію, находилъ въ ней ядро Панистовъ подъ скорлупою Греко-Восточной Церкви. Я ни какой смѣси не терплю: она хороша въ одной поварѣ, а въ нравственности, наипаче же въ Религіи, Химія никуда не годится. Но что до этого? У Казаринова много пріятнаго и хорошаго; онъ добрый и ласковый панъ; такъ и спасибо ему, что полюбилъ насъ!

У зятя я находилъ себя ближе къ своему дому, ко своимъ пенатамъ; онъ окруженъ добрыми сосѣдами, и со всѣми ими меня ознакомилъ; ласки ихъ меня трогали, искренность привлекала: какъ не любить того, что любезно? Сверхъ того, сестра, живучи здѣсь постояннымъ образомъ, установила ходъ переписки своей съ нашими общими домашними и, получая отъ нихъ порядочно каждую недѣлю извѣстія, снабжала меня ими; и такъ я отвыкъ отъ ангиподовъ и чувствовалъ, что приближаюсь по маленьку къ тому краю, гдѣ Богъ велѣлъ мнѣ родиться и первые лучи солнца увидѣть.

въ наслажденіяхъ. У пьяныхъ, какъ и у трезвыхъ, своя логика, умствованіе и вкусъ. Послѣ стола я говорилъ сосѣду:

По чести, можетъ ли что быть
Хмѣльныхъ пріятіе напнтковъ?
Не надо золота мнѣ спитковъ,
Когда могу такой я пить.

Что думалъ тогда, то теперь написалъ: «In vino veritas.»

Молодымъ дѣвушкамъ хотѣлось поплясать: ихъ было довольно, молодцовъ также, а музыка готова. Начался балъ, и панъ Подкоморій въ Польскомъ своемъ платьѣ, подпоясавъ богатымъ кушакомъ, открылъ его своимъ отечественнымъ танцомъ. Что можетъ быть прелестнѣе для глазъ въ искусствѣ Терпсихоры, какъ Польской, когда его водить Полякъ? Какіе изгибы во всѣхъ мускулахъ, какой изворотъ въ ходьбѣ, какъ онъ рисуетъ путь свой, какъ прекрасно водить даму; на всякомъ переломѣ новое паденіе до ногъ; съ какою ловкостью Полякъ закидываетъ свои рукава назадъ, бросаетъ шапку подъ мышку и поглаживаетъ усы; какъ живъ у него взоръ, когда онъ танцуетъ: все его лице изъясняетъ его чувства! Нѣтъ ни чего любострастнѣе этого танца; но что можетъ быть усыпительнѣе его же, когда мы, по своему, по Русски, называя Польскимъ какой-то прескучный ходъ изъ угла въ уголъ по большой залѣ, шагаемъ просто, безъ сноровки съ музыкой, тащимъ дѣвушку, которая бѣжитъ во весь духъ, или дремлетъ, естли передняя пара остановилась: тутъ нѣтъ ни какого выраженія, мертво. Я вспомню при этомъ шутку одного моего пріятеля, который, танцуя паръ въ сорокъ предлинный Польскій въ клубѣ и съ трудомъ продираясь сквозь кучу людей, говорилъ мнѣ: «Nous allons à la terre promise, мы шествуемъ въ обѣтованную землю.»

Послѣ пана Подкоморія и панъ Совѣтникъ Казариновъ отдернулъ Польской. Потомъ начались Мазурка, Краковякъ и прочія Польскія же пляски. Какъ мило отличались проворствомъ, искусствомъ и прелестями многія здѣшнія барышни! Какъ много давали чувствовать тоненькіе ихъ каблучки, когда они, избоченяся, ими постукивали! Межъ ими нашелъ я родню свою, Княжну Долгорукую:

она воспитывается у родной своей бабушки, Генеральши Бандеръ, которая изъ ближней своей деревни на это время пріѣхала къ сестрѣ и у нея погостила. Съ какимъ вниманіемъ и сердечнымъ удовольствіемъ она любовалась, глядя на свою внучку, а та обучилась иностраннымъ языкамъ съ прилежностію, мастерски говоритъ по Польски и вообще приготовлена воспитаніемъ своимъ къ счастью семейному. Веселый панъ Викуловскій, острая и пригожая пани Хорунжева, жена Хорунжаго, учувствовали безъ принужденія во всѣхъ нашихъ забавахъ. Всѣ играли, смѣялись, искали удовольствія, и находили его безъ хлопотъ и труда. Можно забыть мѣста, воды, прохладный источникъ, тѣнистый лѣсъ и всѣ красоты природы; но гдѣ тотъ смертный равнодушный, который забудетъ пріязнь, искренность, ласку? Нѣтъ, я васъ не забуду, удостоившіе меня вашей ласки, новые мои соотчичи: всѣ вы въ мысляхъ моихъ и теперь!

Однако на всякомъ сраженіи бываютъ раненные: какъ безъ того? И здѣсь кого запалилъ Бахусовъ огонь, тотъ простывалъ на мягкой перинѣ; а коихъ стрѣлы Венераины пронзили, тѣ вздыхали ходя, сидя и лежа. Бѣдный мой Алексѣй до того допрыгалъ мазурку, что не зналъ, куда дѣвать свое сердце: оно подымалось у него, какъ волны морскія, «Ахъ, папинька! Естли бъ вы знали, какъ мила монъ Плезирушка!»—«Вѣрю, мой другъ: такіе припадки и меня схватывали часто. Умные люди считаютъ то время счастливымъ, когда отъ нихъ совсѣмъ выльчишься: что въ этомъ здоровѣе? Съ нимъ жизнь хуже смерти:

О юноша любезный!
Дней красныхъ не теряй;
Стижи совѣтъ полезный—
И чувства разбей!
Желать и наслаждаться,
Есть дѣйство естества;
Любить и восхищаться, —
Внушенъе Божества.

Вотъ какъ мы проводили время у зятя, и отпраздновали его именины въ новомъ его домѣ, хотя и не совсѣмъ еще готовомъ; но лѣтомъ вездѣ крышка и покой. На зватра расположились

ѣхать къ Казаринову позавтракать, и отъ него въ путь. До Кіева намъ оставалось не съ большимъ 100 верстъ. Сестра и зять общались и туда пріѣхать раздѣлить съ нами время; и такъ прощанья наше еще не рѣшительны, и мы, отдохнувши отъ имянинъ, разцѣловавши Мишу, поѣхали и хозяевъ съ собой увезли къ Казаринову.

ГЛАВА LXV.

Пиръ у Казаринова. Отъѣздъ и путь до Кіева.

Нашедши у Казаринова на завтра всю ту же компанію, которая была на канунъ у зятя, нетрудно было догадаться, что мы тутъ пробудемъ весь день и почуемъ. Немного для сего потребно было убѣжденія: два слова съ пріязнію, — и мы остались. Возобновилась вечерняя потѣха, хозяинъ не пощадилъ своего погреба; полилось Венгерское, и самое превосходное. Какъ отказаться отъ рюмки хорошаго вина? А вторая, третья и такъ далѣе, тѣ сами текутъ въ душу. Немножко головѣ накладно, но ума съ друзьями не надо, были бы искренни чувства; а вино такъ очищаетъ сердце, какъ бѣлка облупить орѣхъ.

Мы пили, ѣли, играли, рѣзвились и всѣ были молоды; хозяева люди добрые, зажиточные и не скупы. Еще прогостили день съ родными, отдохнули, и по утру рано, 6 числа, простясь со всѣми на долго, естли не навсегда, а съ родными еще только на недѣлю, скрылись отъ дальнихъ проводовъ, и на зятинныхъ лошадяхъ поѣхали въ Богуславъ обѣдать.

Лошади рабочія и на силу насъ туда довели: ѣхать скоро было нельзя, верстъ 40 слишкомъ, а дорога еще гориста и тяжела. Окрестности по пути хороши, много деревень разныхъ пановъ Польскихъ и вездѣ пропасть гусей: ни какой птицы такъ много не увидишь, и ни какихъ фруктовъ въ такомъ изобиліи не найдешь, какъ абрикосовъ: мы переставали даже находить вкусъ

въ нихъ. Вездѣ разныя хозяйственныя заведенія, огромныя скирды хлѣба, прекрасныя и очень частыя мельницы, также винокурни. Погоду мы имѣли сухую и самую жаркую

Городъ Богуславъ* самъ по себѣ не завиденъ: онъ имѣетъ свой Уѣздъ; въ немъ есть и Городничій. Въ этотъ самый день, т. е., въ Преображеніе, тутъ бываетъ ярмарка; но такъ какъ это былъ шабашъ, то Жида не торговали, и отъ того она была очень пуста. Подъѣзжая къ городу, спуститься надобно въ долину, которая обросла дубнякомъ и очень хороша положеніемъ своимъ и тѣнью.

На счетъ Жидовъ мнѣ къ стати помѣстить пресмѣшное приключеніе. Лошади наши шли худо; меня беспокоило нетерпѣнье доѣхать до мѣста. Увидѣлъ я у Жидовской корчмы лошадей; Жида выпрягли ихъ изъ повозки, пустили по лугу, а сами сѣли на лавки, сложили руки и, какъ мертвые, не дохнутъ: шабашъ! — Я къ нимъ подослалъ нанимать лошадей, чтобъ перемѣнить своихъ: еще оставалось до города бѣжать 10 верстъ. Нѣтъ, Жида не согласились, самимъ надобно. «Да вѣдь, у васъ шабашъ, а къ завтраму воротятся.» — «Ни подь какимъ видомъ.» Желая посмотрѣть, что отъ нихъ будетъ, естли лошадей впрячь насильно, я послалъ ихъ переловить, опутать и привести. Жида все это видѣли. Стали ихъ впрягать, — ни одинъ ни слова, какъ прикованы были къ лавкѣ. Мнѣ жаль стало ихъ дурачества, я лошадей ихъ отпустилъ и дотащился на своихъ. Вотъ каковъ шабашъ! Жида хоть запали, онъ сгоритъ, и не тронется. Отъѣхавъ отъ Богуслава 30 верстъ съ небольшимъ, мы остановились почевать въ имѣніи Графа Браницкаго; дорога сюда ровнѣе, горъ меньше, мѣстами степь, но корчмы Жидовскія очень часто настроены. Винцентовка — вотчина большая; о ней можно сказать, какъ о градѣ Ниневіи: «и скоти его мнози;» ибо стада огромныя, а сливокъ за червонной не достанешь: не продадутъ и не дадутъ. Прикащика не было дома, а жена его, женщина прегрубая, надѣлала намъ множество неучтивостей, и не только отказала въ порядочной квар-

* Богуславъ, съ 8-го Декабря, 1796 года, Уѣздный городъ, на рѣкѣ Росѣ. О. Б.

тиръ на своемъ дворѣ, гдѣ бы мы, не стѣняя ее, могли помѣститься; даже была такъ невѣжлива, что не хотѣла дать ни какого свѣдѣнія о разстояніяхъ и окрестностяхъ этого мѣста: во все путешествіе не случилось намъ встрѣтить другой такой грубіянки; прямая Горгона, и видомъ и нравомъ. Я въ тотъ день, читая какую-то книжку въ коляскѣ, нашелъ два стиха Латинскіе, которые очень идутъ къ ней и къ ея сестрамъ, бѣшеннымъ бабамъ:

Aspidi quid pejus?—Tigris.

Quid tigride?—Demon.

Quid Demone?—Mulier.

Quid muliere?—Nihil.

Намъ хотѣлось съѣздить въ Бердичевъ, мѣсто въ здѣшней сторонѣ знаменитое, по его ярмаркѣ, монастырю и торговлѣ: это Польскій Парижъ. Естли молодой человекъ, окончивъ воспитаніе, не былъ въ Бердичевѣ, то онъ сто процентовъ въ большомъ свѣтѣ теряетъ. Узнавши, что туда 100 верстъ крюку и что, въ разсужденіи военнаго тракта, прогоны должно платить вдвое, я раздумалъ въ Бердичевѣ ѣхать: жаль стало денегъ, а при томъ признаюсь, что очень спѣшилъ поскорѣй доѣхать до Кіева.

7 числа былъ Воскресный день. Какъ въ большомъ селеніи не быть большому храму и крупному благовѣсту? Я услышалъ звонъ и пошелъ къ обѣднѣ, но ея не было: иконостасъ весь выломанъ и дѣлается новой. Дьячекъ прочелъ Часы, а Попъ прочелъ на престолѣ Евангеліе того дня, вотъ и вся служба! Народу собралось много. Одинъ Хохолъ или Козакъ, вымѣнявши самую большую свѣчу, разсудилъ съ ней стоять во время службы. Одинъ съ такою тягостію, онъ былъ очень примѣтенъ въ толпѣ прочихъ смиренныхъ овецъ. Я хотѣлъ узнать отличности такой причины, спросилъ: «На что ты держишь такое бремя?»—«Такъ!» Миѣ очень подюбился этотъ резонъ. Я прежде его вышелъ изъ церкви, и не знаю, отдалъ ли онъ ее, или еще и теперь стоитъ съ нею въ церкви.

День былъ вѣтренъ, дорога безпокойна, въ 20 верстахъ мѣняли лошадей въ селеніи Проскуры; тутъ почтовый домъ дере-

вянный, обмазанъ; далѣе 20 верстъ селеніе Гребенки, * почтовый домъ по общему фасаду съ прочими Малороссійскими, каменный, выстроенъ отъ казны; здѣсь мы обѣдали, и еще проѣхавши 28 верстъ, увидѣли Васильковъ, и колебались, остаться тутъ, или нѣтъ; еще было рано; до Кіева отсюда только 33 версты; но устроили насъ пески; сверхъ того, мы не хотѣли пріѣхать туда ночью, чтобъ не потерять перваго взгляда издали на Лавру. Услужливый Жидъ держитъ тутъ хорошій трактиръ; онъ обольстил насъ своею уклончивостію, зазвалъ къ себѣ, и мы, хотя уже съ тонкими ѣхали на богомолье карманами, однако склонились одинъ вечеръ въ жизни подарить Василькову, и расположились тутъ на ночлегъ.

Васильковъ прежде былъ пограничный городъ. Тутъ учрежденъ былъ карантинъ и таможенная застава; теперь въ немъ стоялъ какой-то пѣхотный баталіонъ, который оживотворялъ нѣсколько сей запустѣвшій городокъ. Въ немъ есть по немногу каменнаго строенія. Онъ разбросанъ по холмамъ и долинамъ, издали видъ его хорошъ; двѣ церкви каменные, одна деревянная; я въ нихъ былъ: нѣтъ ни чего особенно примѣчательнаго. Соборъ на самой высокой точкѣ города, и отъ него видъ долу очень красивъ. За Васильковомъ, приближаясь къ Кіеву, мы опять въѣхали въ старую свою Россію и оставили бывшія за Польшею земли. **

Отъ Василькова до Кіева пески утомительны, на силу лошади насъ дотащили. Верстахъ въ 10 отъ города видна уже Лаврская колокольня, и я отъ радости затрепеталъ. Уже Богъ благословлялъ давнишнее мое намѣреніе, и я достигалъ главнаго предмета моего путешествія. Въѣхавши въ городъ, пустились, не заходя на квартиру, прямо въ Лавру: тамъ, изнуренныя трудомъ, молитвою и напастями, почивали кости почтенной прародительницы моеи, схимонахини Нектаріи. Сердце мое, приближаясь къ

* Гребенка. О. Б. (Гребенки).

** Въ древности Василевъ, построенный Великимъ Княземъ Владиміромъ Святославичемъ; съ 1795 года Уздний городъ. О. Б. (Василевъ).

мертвеннымъ ея остаткамъ, готово было выскочить; въ пыли, въ поту, въ слезахъ, я воздѣлъ руки къ небу, воздалъ хвалу Богу, палъ ницъ на гробъ, толико знаменитый въ родѣ нашемъ; онъ въ самыхъ вратахъ Лавры, накрытъ простой доскою безъ надписи: я угадалъ его по предчувствію, и вспомнилъ тутъ глаголь Іакова, пробудившагося отъ сна своего на пути въ Харранъ: «Страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.» *

ГЛАВА LXVI.

О Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой.

Гробъ схимонахини Нектаріи былъ главный предметъ моего путешествія и давнишняго цѣль моего желанія. Достигнувши его, начну тѣмъ, что сообщу публикѣ нѣкоторыя черты исторіи сей знаменитой Россіянки.

Родилась она 1714 года, Генваря 17 дня, и наречена при крещеніи Наталіей. Послѣ отца своего, Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, осталась она 4 лѣтъ, а послѣ матери 14, и сію эпоху она въ Запискахъ ** своихъ сама называетъ началомъ

* Быт. XXVIII, 17. О. Б.

** Записки этѣ первоначально напечатаны были въ журналѣ: «Другъ юношества», издававшемся Максимомъ Невзоровымъ, 1810 года, въ Генварской книжкѣ, стр. 8—69, за тѣмъ въ: «Сказаніяхъ о родѣ Князей Долгорукихъ», составленныхъ Княземъ Петромъ Владимировичемъ Долгорукимъ. Спб.. 1840, стр. 128—156, но не вполне и съ поновленіемъ слога; вполне же, по подлиннику, принадлежащему семейству покойнаго Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, правнука ея, а сына Князя Ивана Михайловича, изданы въ 1-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1867 г., и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Памятныя записки Княгини Натальи Борисовны Долгорукой;» рукопись въ 4-ку, на 48 листахъ, въ старинной, тисненой черной кожѣ; коегдѣ на листахъ, на одной сторонѣ рукопись, а на другой изображенія благочестиваго и иносказательнаго значенія, сдѣ-

вѣхъ своихъ бѣдъ. Въ 1730 году, Апрѣля 5, вышла она замужъ за дѣда моего роднаго, Князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Кто читалъ Россійскую Исторію, тотъ знаетъ, что онъ былъ ближайшій любимецъ Петра II-го. По кончинѣ сего порфириноснаго покровителя всѣхъ Долгорукихъ, перемѣнились обстоятельства нашего рода. Императрица Анна искала крови каждаго изъ нашихъ; Биронъ гналъ все наше племя. Дѣдъ мой сосланъ, и Княгиня Наталья Борисовна поѣхала съ нимъ въ Сибирь, на третій день послѣ вѣнца. Тамъ, въ Березовѣ, за крѣпкой стражей, прожили они, со всѣми ихъ родными, 8 лѣтъ; никуда, кромѣ церкви, ихъ не выпускали, да и Богу молились подѣ карауломъ.

По прошествіи 8 лѣтъ, разлучили ее съ мужемъ, и вотъ какъ она сама о семъ изъясняется: «Отняли у меня жизнь мою, безпримѣрнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить и въ тюрьмѣ ему была товарищъ; эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе Царскихъ палатъ, но попущеніемъ Божиимъ, за грѣхи мои, его лишилась.»

Въ 38 году дѣдъ мой заключенъ въ особый покой. Сіи опыты новыхъ мученій начались Апрѣля 10 дня; приставленъ удвоенный караулъ; не велѣно допускать къ нему жены. Любя его страстно, она избрѣла одно средство видѣть его по одной минутѣ въ сутки тогда, какъ сама носила ему ѣсть; но и кушанье передавала ему не она, а часовой; такое страдательство продолжалось для нея до 4 Августа.

ланный тушью; въ началѣ раскрашенное изображеніе Св. Великомученицы Варвары, а въ концѣ приписка сына Княгини, Князя Михаила Ивановича, сына Ивана Михайловича, слѣдующаго содержанія: «Получилъ сію книгу изъ Кіева, по кончинѣ несчастной матери моей въ 1773 году, Января 17 дня, въ день ея рожденія.» Къ Запискамъ присоединено нѣсколько писемъ Княгини и эта статья объ пей внука ея, Князя Ивана Михайловича. Записки въ этомъ изданіи сопровождаемы многими подстрочными примѣчаніями. Кромѣ того, переводъ Записокъ изданъ по Французски Княземъ П. В. Долгорукимъ, въ Парижѣ, озаглавленныхъ такъ: «Souvenirs de la princesse Natalie Borisovna Dolgoroukow, née comtesse Schérémétew.» О. Б.

Прискакалъ гвардіи Капитанъ съ командой, разорвалъ двухъ супруговъ, не далъ имъ проститься и увезъ дѣда моего въ Новгородъ. Здѣсь опять дамъ говорить ей самой: «Я не знала, что его уже нѣтъ; пришла къ той комнатѣ, вижу, что караулъ сведенъ; я такъ спѣшно туда вошла, — его тутъ нѣтъ; мнѣ сказываютъ, что его, де, увезли. Что я дѣлала? Кричала, билась, волосы на себѣ драла. Кто ни попадетъ на встрѣчу, всѣмъ валялась въ ноги, прошу со слезами: «Помилуйте, когда вы Христіане: дайте только взглянуть на него и проститься!» Не было милосердаго человѣка, кто бы словомъ меня утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницѣ, и часового, примкнувши штыкъ, поставили.»

По разлукѣ съ мужемъ, оставшись въ Сибири съ двумя сыновьями, отцомъ моимъ и дядей, она тутъ жила еще годъ и 10 мѣсяцевъ. Какая мука для души нѣжной и чувствительной! Тогда мучить была система правленія. 1739 года, Ноября 8 дня, дѣдъ мой казненъ въ Новгородѣ, а въ 40 году, по повелѣнію кроткой Самодержицы, Елисаветы, бабка моя, съ малолѣтними сыновьями своими, изъ коихъ старшему, отцу моему, было 8 лѣтъ, вывезена изъ Сибири въ Россію Юня 17 дня, а въ Москву пріѣхала Октября 17.

И здѣсь не въ радостяхъ текли дни ея: сперва странствовала по чужимъ домамъ, со слезами и всякимъ трудомъ воспитывала дѣтей своихъ, сносила нападки, тѣсноту, нужду и разныя домашнія нестроенія. Богатый Лазарь (такъ назову брата ея роднаго, Графа Петра Борисовича), не рѣдко допускалъ отца моего ходить безъ обуви у него въ домъ и просить сапоговъ у глупаго его Библіотекаря, Воробьевскаго: да, такъ, это правда! На судъ Божьей онъ истяжется съ нами, а здѣсь, по словамъ Царя Соломона: «Кто съ богатымъ поборется и на сильнаго вознесетъ глаголь?»

Для тѣхъ, кои захотятъ осужденіе мое почестъ клеветой (ибо нѣтъ нечестиваго, который бы кому ни будь не сдѣлалъ иногда добра), для нихъ скажу два слова: Графъ Петръ Борисовичъ остался наслѣдникомъ 60 тысячъ душъ не одинъ: у него было два брата и нѣсколько сестръ, въ томъ числѣ и бабка моя, о коей рѣчь идетъ; она выдана послѣ отца братомъ; слѣдовательно, раз-

суждая о порядкѣ наслѣдства по настоящимъ временамъ, она имѣла право на 14 часть, которая составляла болѣе, нежели 500 душъ, ей братомъ почти Христа ради данныя изъ ругательства къ ея злосчастію; ибо, ѣхавши въ ссылку, она могла бы и тѣхъ не получить; подъ штыками въ Сибири апелляціи нѣтъ. Поворотимъ теперь въ другую сторону законъ наслѣдства и опредѣлимъ такъ. Все слѣдуетъ, по старымъ узаконеніямъ, старшему сыну, и тогда не Петръ Борисовъ, но Михайло, у котораго были малолѣтнія дѣти, путившія потомъ свое племя, имѣлъ право на все родительское достояніе. И такъ ясно, что Графъ Петръ Борисовичъ отнялъ все у безсильнаго и сдѣлался могучъ на чужихъ развалинахъ. Но обратимся къ небесному существу, къ схимонахинѣ Нектаріи. Наконецъ Княгиня Наталья Борисовна, женивъ отца моего, въ 1758 году, въ Мартѣ, прибыла въ Кіевъ, а Сентября 27 постриглась и приняла имя Нектаріи. Тутъ она посвятила всю себя Богу и въ уныніи зывала: «Кто дастъ главѣ моей воду и глазамъ моимъ слезы? Недостаетъ силъ ни плакать, ни вздыхать.» Но гдѣ уйдетъ человѣкъ отъ злоключеній? Бѣды въ горахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды и въ пропастьхъ земныхъ. Въ 1767 году, Марта 18 дня, приняла схиму и въ умиленіи Христіанскомъ писала къ отцу моему: «Господь совершилъ всѣ мои намѣренія: сподобилась и схиму принять; теперь только осталось ожидать повелѣнія Господня, когда душѣ моей выйти изъ тѣла и стать предъ Судьей къ отвѣту.»

Но не у приде часть кончины; еще житейскія бури волновали праведную ея душу: въ 1768 году, Генваря 30, лишилась она брата своего, Графа, Сергія Борисовича, о которомъ такъ изъясняется въ своей перепискѣ: «Скончался любезный мой братъ, отецъ и другъ, Графъ Сергій Борисовичъ.» Казалось, истощило небо всѣ свои удары. О! нѣтъ, еще остался одинъ, сильнѣйшій, и который отверзъ ей самой двери гроба. Скончался сынъ ея меньшій, Князь Дмитрій Ивановичъ: поврежденный умъ вселилъ его въ молодости сущей въ монастырь; тамъ, бывъ въ разныхъ трудахъ и послушаніяхъ, онъ долго хворалъ и не могъ ни чѣмъ исправить своего воображенія, умеръ наконецъ въ монашескомъ рубищѣ и погребенъ въ глазахъ матери своей, въ Лаврѣ. Что могло быть еще чувствительнѣе для нея сей послѣдней потери? Жизнь станови-

лась для нея тягостнѣйшимъ бременемъ; одна вѣчность могла представлять ей отрады. И въ самыхъ послѣднихъ дняхъ бытія своего Нектарія, испытать всѣ ужасы моровой язвы въ Кіевѣ, изливала кровью послѣднія свои жизненные силы. Наконецъ, судьба тихой смертью праведныхъ прекратила бѣніе утомленнаго ея сердца и перенесла ее въ одно мгновеніе изъ ада въ рай.

Въ Запискахъ ея, предъ кончиной, какъ думать надобно, оставленныхъ, видно слѣдующее увѣщаніе: «Оставшіе по смерти моей, пролейте слезы, вспомни мою бѣдственную жизнь; всякаго Христіанина прошу сказать, вспомни меня: «Слава Богу, что окончалась ея жизнь; не льются уже токи слезъ и не вздыхаетъ сердце ея!» Я васъ Богу вручаю; онъ васъ наградитъ за всѣ ваши успокоенія въ моемъ странствіи и усугубитъ вамъ небесныхъ и земныхъ благъ. Отецъ мой милосердый помилуетъ и доведетъ меня къ тихому пристанищу.»

Такъ умирала, такъ умерла, схимонахиня Нектарія, вдова Князя Долгорукаго, дочь Графа Шереметева. По собственному ея изволенію, тѣло ея погребено при самомъ входѣ въ Кіево-Печерскую Лавру, рядомъ съ гробомъ сына ея, котораго потеря растворилась всѣ ея раны душевныя. Надъ сими остатками положены были, наровнѣ съ чугуннымъ поломъ, двѣ чугунныя же плиты съ надписями; но какъ шествовалъ чрезъ Кіевъ Государь Павелъ въ чужіе края, тогдашній Митрополитъ Кіевской * разсудилъ прика-
зать доски повернуть гладью вверхъ; причина этого не извѣстна. Съ тѣхъ поръ надгробныя доски такъ и остались; надписей не видно, всѣ черезъ нихъ ходятъ. ** И мнѣ, когда я подошелъ ко вратамъ собора, какое-то внутреннее предчувствіе сказало: «Падай! Это та, кого ты ищешь.»

* Гавріилъ Кременецкій. О. Б.

** Въ «Описаніи Кіевопечерской Лавры, Преосвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевского, изданномъ въ Кіевѣ 1826 года,» въ «Прибавленіи,» на стр. 178 и 179, въ статьѣ: «Списокъ разныхъ надписей въ Кіевопечерской Лаврѣ, внутри Со-

ГЛАВА LXVII.

Общій взглядъ на Кіевъ.

Кіевъ поставленъ на горахъ: подъ ними течетъ быстрый Днѣпръ и краситъ картину города. Нѣтъ ни чего пріятнѣе, какъ видъ изъ за рѣки отъ самыхъ Броварей; за 18 верстъ шницъ колокольни Лаврской кинется вамъ въ глаза.

Мѣстоположеніе самой Лавры безподобно: ни чего я лучше не видывалъ. Владиміръ, какъ говорятъ многіе, маленькой рисунокъ Кіева: я на это согласенъ. Крѣпость и Печерскій монастырь стоятъ на срединѣ горы; тутъ земля, какъ будто уступающая свято-

борной великой Успенской Церкви, и видъ оной,» подъ № 25 и 26 сказано, именно № 25: «На преддверіи Великой Лаврской Успенской Соборной церкви, на двухъ чугунныхъ доскахъ, лежащихъ на землѣ одна подлѣ другой, вылиты слова съ надписью, на правой: «Подъ сей доской положено тѣло Княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой, дочери Генераль-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, супруги Оберъ-Камергера Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которая родилась въ Лубнахъ въ 1714 году, Января 17 числа, въ супружество вступила въ 1730 году, Апрѣля 5, а овдовѣла въ 1739 году, Ноября 8 числа, постриглась въ монахини въ Кіево-Флоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ 1738 году, Сентября 28, и наименована при постриженіи Нектарія, и въ томъ имени приняла схиму въ 1767 году, Марта 18 числа, и поживе честно и богоугодно по чину своему, скончалась въ 1771 году, Іюля 3 дня.» На второй: «На семъ мѣстѣ погребенъ тѣломъ Князь Димитрій Ивановичъ Долгоруковъ, внукъ Генераль-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, сынъ Генераль-Аншефа, Князя Ивана Алексѣевича, родился 1738 года, мѣсяца Октяб-
бря, служилъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку отъ 1751 году по 1761 годъ, и за болѣзнію отставленъ съ рангомъ Армейскаго Поручика; 1763 года, Іюня 26, пріѣхалъ въ Кіевъ, имѣлъ желаніе постригтися въ монахи Кіевопечерской Лавры, имѣлъ жителство на пещерахъ Преподобнаго Оеодосія по 1767 годъ, Апрѣля 8 день, потомъ, по обѣщанію, жилъ въ Кіево-Николаевскомъ Пустыннымъ монастырѣ по 1769 годъ, гдѣ и заболѣлъ Апрѣля 24 дня, на Свѣтлой Недѣлѣ, въ Четвертокъ, и, будучи въ болѣзни, шесть разъ причащался Святыхъ Таинъ и Елеемъ Святыхъ Соборомъ помазанъ, и на исходъ души Канонъ читалъ, и Маія въ 26 день, во Вторникъ по полудни, въ 5 часу въ 50 минутъ, на канунѣ отданія Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ вечерній благовѣстъ, отъиде съ сего свѣта, и 29 погребенъ Архимандритомъ той же Лавры, Зосимою

сти мѣста, дала впадину; отъ монастыря внизъ до Дръпра тянется хребетъ горъ, и въ нихъ двѣ пещеры, ближняя и дальняя. При каждой есть каменный соборъ, и все это вмѣстѣ несказанно плѣняетъ взоръ.

Подъ всѣми этѣми горами, какъ будто изъ самаго Дръпра, выходитъ пространный городокъ, наполненный монастырями, прекрасными зданіями, населенный множествомъ обитателей; тутъ рынки, торги, лавки, магазины, и это только часть Кіева, называющаяся Подолъ.

Колокольня Печерская огромна и высока, архитектуры нерегулярной, но для меня она меньше великолѣпна Ивановской въ Москвѣ, и не такъ красива, какъ Троицкая въ Лаврѣ.

Городъ дѣлится на три части: Старый Кіевъ, Печерская Сторона и Подолъ. Въ Старомъ Кіевѣ Соборъ * и Михайловскій монастырь, на Печерской сторонѣ крѣпость, построенная Петромъ Великимъ, и дворецъ, въ которомъ изволила ожидать весны въ 1787 году Екатерина II, на Подолѣ Братскій монастырь, и въ немъ Академія.

Вообще городъ великъ и хорошо устроенъ; онъ имѣетъ 15 верстъ длины и много домовъ со вкусомъ. Безпрестанно надобно всходить, или сходить, съ горы; до сихъ поръ ихъ обрабатываютъ и углаживаютъ. Улицы не мощены. Недавно разломаны ворота, такъ называемыя, Золотыя, какъ и во Владимірѣ, для употребленія матеріаловъ съ большою пользою въ другомъ мѣстѣ. Трактировъ нѣсколько, модныхъ лавокъ болѣе 10, музыкальные

Валкевичемъ, по душа его со Святыми да упокоится, и вси видящій гробъ сей и чтущіи, поминая свою смерть, молятся объ немъ, да подворитъ его Господь въ царствіи своемъ.» Говорятъ, Императрица Екатерина II, будучи въ Кіевѣ 1787 года, велѣла поставить рѣшетку вокругъ надгробной плиты Княгини. Въ нынѣшнее время могилы матери и сына означены боковыми надписями на стѣнахъ трапезы, справа и слѣва при входѣ въ Успенскую Соборную Лаврскую церковь. О. Б.

* Кіево-Софійскій. О. Б.

магазины и книжныя лавки; одна изъ нихъ съ надписью: «Cabinet de lecture.»

Дворецъ—строеніе огромное, залы большія и прекрасный садъ; въ немъ живетъ Военный Губернаторъ и часто даетъ роскошные праздники. Музыка почти ежедневно забавляетъ публику въ его саду, и онъ всегдѣ наполненъ.

Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ великъ, но меньше Владимірскаго корпуса, также каменный съ колоннами и строенъ по новѣйшей архитектурѣ; для Губернатора Гражданскаго каменный же домъ построенъ отъ казны. Идучи отъ дворца къ монастырю, отдѣлываютъ бульваръ, и деревья при насъ садили.

Въ крѣпости Комендантъ, и для караула стоятъ въ Кіевѣ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты.

Ремесленниковъ въ городѣ очень много; все нужное есть; на каждомъ домѣ увидишь вывѣски три, четыре, разнаго мастерства: жить здѣсь въ свободѣ пріятно, я очень этому вѣрю; но по обязанностямъ службы, думаю, что очень тягостно, по тому что Губернія наполнена всякимъ народомъ: въ ней Полаки, Малороссы (Хохлы) и Россіяне; разность правъ, правовъ и обычаевъ каждаго изъ нихъ наносятъ служащимъ большія хлопоты и затрудненія.

На Подолѣ выгорѣли ряды и строятся новыя; между тѣмъ купцы торгуютъ по домамъ. Ни что такъ не удивляетъ, какъ магазинъ Губарева, у котораго вы найдете все, что можетъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца; все выписное: стекло, фарфоръ, золотыя вещи, бронзы; о мелочахъ уже и говорить нечего—сюрпризы, какихъ лучше нѣтъ и въ Москвѣ; все это завелось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сюда перенесены Контракты. * Это очень возвысило красоту города и возсобило его отстройкѣ.

* Контракты этѣ первоначально были въ Львовѣ, изъ котораго, по присоединеніи Галиціи къ Австріи, перешли, въ 1774 году, въ Дубно, а изъ него уже, по Указу 27-го Сентября, 1797 года, переведены въ Кіевъ. О. Б.

Домъ для Контрактовъ выстроенъ превеликой на Подолѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жила мои родители, когда они со мною, сущимъ младенцемъ, пріѣзжали видѣться съ Княгиней Натальей Борисовной; нынѣ этого мѣста и тотъ бы не узналъ, кто здѣсь бывалъ послѣ ребячества. Всѣ знаютъ, что такое Контракты: они начинаются въ Генварѣ и продолжаются недѣли три. Въ эту бѣшеную пору всѣ магазины и лавки опустошаются, все раскупаютъ. Поляки наѣзжаютъ кучами отвсюда для своихъ продажъ, размѣновъ, арендъ и откуповъ. Изъ кармановъ ихъ посыплются кучи золота, и я видѣлъ такіе дома, которые невѣроятный даютъ хозяину доходъ, на примѣръ, домъ Г-на Сперъ, въ которомъ жилъ тамошній Прокуроръ, занимается уже нѣсколько лѣтъ сряду во время Контрактовъ какой-то Графиней Потоцкой, которая за двѣ недѣли найма платитъ до 4 тысячъ рублей; а домъ деревянной и далека отъ того, чтобъ быть очень обширнымъ; мнѣ самъ постоялецъ это сказывалъ.

На спросъ мой и съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «Для кого такъ много вещей, прямо драгоцѣнныхъ и ломкихъ, выписываетъ въ свою лавку Губаревъ?» сидѣлецъ его мнѣ отвѣчалъ: «Ни чего не останется: въ Контракты все раскупаютъ Поляки;» а конечно, по продажной цѣнѣ судя, которая и въ Кіевѣ нынѣ, благодаря общему стѣсненію торговли, на все поднялась страшнымъ образомъ, конечно, Губаревъ имѣлъ тогда въ своемъ магазинѣ на нѣсколько сотъ тысячъ товару.

Театръ хотя и есть въ Кіевѣ, и снаружи хорошъ и великъ, но, за недостаткомъ актеровъ, въ немъ игры нѣтъ. На одни только Контракты наѣзжаетъ какое-то иноплеменное сборище скомоховъ и что-то представляетъ; роскошь и мотовство болѣе, нежели вкусъ къ театру, его наполняютъ.

Вотъ крупныя черты города. Кіевъ старъ, но древность его не такъ видна, не такъ осязательна, какъ Новгородская. Тамъ столѣтія на всякомъ церковномъ зданіи, на всякомъ шпигѣ колокольни, явственно изображены и свидѣлствуютъ долговременность того города; здѣсь все что-то новое, больше моды, меньше старины.

Нигдѣ, однако, думаю, во всей Россіи, нѣтъ столько предметовъ, возбуждающихъ любопытство, какъ въ Кіевѣ. Я постепенно буду говорить о всемъ томъ, что меня занимало, и начну съ Печерской Лавры, но скажу напередъ, что мы, по особенному добротству Госпожи Турчаниновой, у которой гостили въ деревнѣ, заняли собственный ея въ Кіевѣ домъ. Онъ хорошо построенъ, прибранъ со вкусомъ, на лучшемъ самомъ мѣстѣ, противъ Лавры. Не проходило дня, чтобъ я, проснувшись, не устремилъ на нее первый мой взглядъ; не проходило ночи, чтобъ я не засыпалъ подъ томную и унылую гармонию Печерскаго звона. Прерывистый его благовѣстъ, рѣдкое удареніе колокола и протяженный звукъ, все душу мою располагало къ меланхоліи. Хозяйка дома намъ дозволила занять всѣ его покои. Къ намъ подѣхали сестра съ зятемъ, и мы препріятно провели еще здѣсь дней 10 вмѣстѣ.

ГЛАВА LXVIII.

Кіево-Печерская Лавра.

Печерская Лавра есть первый предметъ любопытства въ Кіевѣ; она внутри крѣпости. Кто здѣсь бывалъ, тотъ вѣрно имѣетъ, или читалъ, книжку, въ которой помѣщено подробное описаніе всѣхъ ея памятниковъ и красотъ. * Всякой на все глядитъ своими глазами. Описывая Лавру, я коснусь только того, что преимущественно заняло меня.

При самомъ входѣ въ ограду, по стѣнамъ написаны всѣ Святые, въ Лаврѣ почивающіе. На одной сторонѣ Антоній, на другой Феодосій, знаменитые основатели пещеръ, держа въ рукахъ

* Краткое историческое описаніе Кіевопечерскія Лавры, соч. Митрополита Самуила (Миславскаго). Кіевъ, въ типографіи Академіи Кіевской, 1795, 98, 1801 года, въ 8 д. л. О. Б.

икону Успенія Богородицы, предшествуютъ сонму набранныхъ Божіихъ и, кажется, идутъ въ срѣтеніе богомольцамъ, отсюда въ Кіевъ приходящимъ. Я не говорю о живописи: она не хороша, однако дѣйствуетъ на воображеніе, и первый сей взглядъ уже располагаетъ душу вашу къ умиленію.

У вратъ церковныхъ представится вамъ также много наружной живописи и лѣпной работы. Всѣ стѣны въ краскахъ, а главы, коихъ нѣсколько разной величины, всѣ въ золотѣ, какъ огнемъ горятъ: преддверіе храма отменно богато.

Въ самомъ соборномъ храмѣ вотще искалъ я того великолѣпія, какое мечталъ по славі сего мѣста въ Россіи. Архитектура старинная, но на чего чрезвычайно величественнаго въ ней нѣтъ; богатства большого, которое бы кинулось въ глаза, я вовсе не примѣтилъ, хотя, конечно, въ Успеневъ день, во время обѣдни, Лавра щеголяетъ всѣмъ тѣмъ, что только есть въ ней превосходнаго.

Монаховъ мало, или они лѣнивѣе, или, можетъ быть, безкорыстїе прочихъ извѣстныхъ обитателей: въ иныхъ по два, по три, бѣгутъ за богомольцемъ, чтобъ убѣдить его отслужить молебенъ и получить что ни будь за то; а здѣсь на силу добьешься съ большими поклонами, чтобъ монахъ отправилъ службу: это случилось со мной. Обрядъ церковный установилъ поминовеніе надъ усопшими; я хотѣлъ отправить его надъ гробомъ моей бабки, и съ большимъ трудомъ склонилъ какого-то старичка удовлетворить моей просьбѣ: всѣ мимо меня шли, говоря: «Не время, недосугъ!» хотя еще къ обѣднямъ не было и приготовленія.

Хуже всего то, что въ самой церкви, позади столбовъ, въ трапезѣ, сидятъ монахи за столомъ, записываютъ подаяніе, ведутъ бухгалтерію и рассчитывается съ Православными въ копѣйку, въ денежку; весь этотъ порядокъ могъ бы быть соблюденъ внѣ храма, а не въ немъ: канцелярія въ церкви есть что-то отвратительное. А на паперти старички монахи продаютъ крестики и образа; народъ около ихъ шевелится: тотъ передалъ и проситъ сдачи, другой переплатилъ, монахъ ловитъ за платье; часто шумъ, брань, а чаю, и драка: какое безчинство!

Иконостасъ при насъ былъ выломанъ и отданъ въ починку; одинъ нижній рядъ иконъ оставался. Надъ Царскими дверьми есть образъ Успенія Богородицы, который спускаютъ внизъ, когда кто хочетъ прикладываться. Онъ очень хорошо убранъ Госпожею Опочининой. По примѣру Лавры, и во многихъ другихъ церквахъ въ Кіевѣ спускаются образа съ Царскихъ дверей. Мнѣ случилось спросить одну духовную особу: «Съ чего завели это въ Кіевѣ?» Умный монахъ отвѣчалъ мнѣ: «Все то, что удалено отъ прикосновенія человѣческаго, кажется ему священнѣе тѣхъ вещей, кои онъ всегда удобно осязаетъ можетъ; особливо же сошествіе образа сверху внизъ поражаетъ сильно воображеніе простолудиновъ.» Согласился я на эту причину, но проворчалъ ему тихонько и свою: «Если бы образъ лежалъ на налоѣ, всякая бѣдная старушка, сирота, или недужный, могъ бы дотащиться до него и поцѣловать икону; но когда ее надобно спустить, то напередъ слѣдуетъ попросить о томъ монаха, и за трудъ его потомъ дать денегъ, не такъ ли, святой отецъ?» Преподобный замолчалъ.

На правой сторонѣ церкви выставлена въ раку, со многими частями разныхъ мощей, глава Св. Князя Владиміра: рака бѣдна; я не могъ довольно пожалѣть о томъ. Уже ли, думалъ я, Владиміръ менѣе заслужилъ признательности Христіанской, чѣмъ Сергій у Троицы, Димитрій въ Ростовѣ? Не онъ ли начальникъ и основатель въ Россіи Вѣры Греческой? Не ему ли обязаны мы боговдохновеннымъ нашимъ крещеніемъ? И какъ могла одна голова его отыскаться? Сомнѣнія нѣтъ, что онъ схороненъ въ Кіевѣ; когда голову его нашли, найдены гробъ и весь человѣкъ: для чего же не вырыты изъ земли всѣ его остатки? Для чего не сдѣлано ему памятника, сообразно славі его и дѣяніямъ? * Такъ ли почитаютъ въ отечествѣ нашего мужа, вѣчной славы достойнаго? Кому приличнѣе во всѣхъ храмахъ воспѣть можно: «Вѣчная память!» какъ не Владиміру? Однако при всемъ томъ онъ разрушенъ; тѣло оставлено въ могилѣ, и гдѣ? Ни кто не знаетъ, не умѣетъ сказать, ни указать; ни кто не любопытствовалъ до нынѣ открыть его

* Извѣстно, однако, что памятникъ Владиміру имѣется нынѣ уже въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, новый, хотя, правда, не совсѣмъ соответствующій славі и дѣяніямъ его. О. Б.

гроба: одна глава паружи, и то въ ракъ простой, ни чѣмъ не украшенной: и стыдно, и жалко!

Противу сихъ мощей выстроенъ гробъ Св Михаила Епископа, который, вмѣстѣ съ Владиміромъ, крестилъ Россіянъ. *

Сверхъ Соборной церкви множество придѣловъ, но, судя объ нихъ по описанію общему, нѣтъ ни чего отмѣнно любопытнаго, кромѣ двухъ, изъ которыхъ въ одномъ погребенъ Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ, въ другомъ Фельдмаршалъ Князь Прозоровскій.

Монументъ Графа Петра Александровича поставленъ не на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ его тѣло: расположеніе церкви какъ-то помѣшалось. Бюстъ его изъ бѣлаго мрамора изображаетъ грозный видъ постоянного побѣдителя; онъ держитъ въ рукѣ булаву, подѣ нимъ золотыми литерами: «Внемли, Россі! Предъ тобою гробъ Задунайскаго.» Какая жалкая суета въ храмѣ Божьемъ и противъ алтаря! Задунайской весь здѣсь умеръ: предъ Богомъ нѣтъ Гетмановъ: всѣ рабы Господни.

Надъ Прозоровскимъ еще нѣтъ ни какого памятника: подождемъ! Можетъ быть и онъ будетъ грозить небесамъ мечемъ булатнымъ.

Со входа въ Соборную церковь, на лѣвой сторонѣ, мраморный мавзолей надъ Княземъ Литовскимъ. ** Темнота тѣней, по тому что онъ вдаль въ стѣну, представляетъ его въ ужасномъ видѣ:

* Память его 30-го Сентября, а скончался 992 года. Онъ былъ родомъ Сиринъ, и прислалъ изъ Царьграда Великому Князю въ Корсунь; онъ погребенъ былъ въ Десятинной церкви, гдѣ мощи его въ послѣдствіи обрѣтены и перенесены, въ началѣ XII столѣтія, въ Антоніевскую пещеру, а оттуда, въ 1730 году, въ Соборную Успенскую Лаврскую церковь. О. Б.

** То есть, надъ знаменитымъ Княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, Гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, извѣстнымъ «защитникомъ Восточнаго Благочестія, многія церкви Божія, ради отроковъ училища, вторую Геосиманію, Пресвятая Богородицы Печерскія домъ, уцѣлрившимъ пребогато, въ немъ же, яко ктиторъ именитый по преставленіи своемъ, сподобился положенъ быти 1533 года,» какъ сказано въ надписи золотыми буквами на гробѣ, поставленномъ на сдѣланномъ изъ гипса монументѣ. О. Б.

онъ изображенъ изнемогающимъ на одрѣ смерти; одръ сей поддерживается тремя львами на огромномъ катафалкѣ. Трудно разглядѣть искусство художества, по тому что въ эту впадину свѣтъ дневный мало даетъ ударенія.

Въ Ризницѣ нѣтъ ни какихъ достопамятныхъ рѣдкостей, или отмѣнныхъ сокровищъ. Нельзя сравнить ее ни мало съ Троицкой. Хорошъ прикладъ Екатерины II: лампада золотая къ мощамъ Князя Владиміра, но она спрятана и, подѣ предлогомъ боязни, чтобъ ея не украли, ее кажутъ въ ризницѣ тѣмъ посѣтителемъ, кои могутъ заплатить что ни будь за такое снисхожденіе, и все это отъ той же причины, отъ которой, какъ выше изъяснено, спускаются иконы сверху внизъ. Если бы лампада висѣла, ее всякой видѣлъ бы даромъ; но она заперта, и безъ денегъ ея не покажутъ. Другая причина также не болѣе извинительна: «Если, де, ее повѣсить передъ образомъ, или мощи, она затускнеть, замараеся, чистка чаще.»—«Лѣнивый! Это твое дѣло.»—«Но оно, де, требуетъ труда.» И такъ, лучше спрятать? Между нѣкоторыми портретами видѣлъ я портретъ дяди моего, Князя Дмитрія Ивановича, во весь ростъ; въ монашескомъ одѣяніи; со дня кончины его онъ тутъ сохранился; въ собраніи церковныхъ одеждъ кажутъ также любопытнымъ три ризы, кои приложила Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, бабка моя, живши въ Кіевѣ. Она, конечно, не съ тѣмъ дала ихъ въ Лавру, чтобъ ихъ показывали. Я прошу прощенія у всѣхъ духовныхъ властей; но для меня всегда казаться будетъ неприличнымъ, что изъ ризницъ сдѣлались ломбарды, гдѣ собраны разныя драгоценности, кои показываются за деньги. Всякой вкладчикъ приноситъ свой даръ для церкви, для ея употребленія. Изломается ли вещь, издерется ли риза, другіе вкладчики явятся и обновятъ ветхое, а недостатокъ наполняютъ. Церковь не должна разсчитывать, упрочивать, беречь: пусть она носитъ, употребляетъ, расточаетъ; Вѣра Христіанъ никогда богатствъ ея не умалитъ; но накласть полны кладовыя золота, серебра, каменьевъ, чтобъ хвастать ими, — оставимъ это суетѣ челоуѣческой.

При Лаврѣ учреждена Типографія; въ ней печатаются церковныя книги, и тутъ же продаютъ ихъ: я нѣсколько купилъ и

съ собой привезъ. Буквы, форматъ, бумага, переплеть ихъ, все различествуетъ отъ гражданскихъ сего рода заведеній. Тутъ вы найдете и планъ Печерской печатный на атласъ.

Любопытство завело меня одинъ разъ къ схимникамъ въ кельи. Ихъ двое. Я не помню, когда бы я видѣлъ монаха подъ такимъ нарядомъ: одинъ простъ и слѣпъ, а по тому трогаетъ чувствительныя фибры сердца; на него глядя, тронешься по неволѣ: онъ живое носитъ изображеніе того, что все на свѣтѣ тлѣнъ, и что старость въ недугахъ есть натуральная и неизбѣжная схема. Другой всѣ этѣ печальныя воображенія разсѣетъ: онъ еще не слишкомъ старъ, пьетъ и ѣстъ исправно, любитъ своимъ нарядомъ, надѣваетъ его для всякаго, кто къ нему ни войдетъ, дурачится въ немъ. Сколько одинъ сожалѣнія, столько другой негодования, возбудитъ. И такъ платье, все платье: сатана можетъ быть подъ митрой такъ, какъ Ангелъ въ шитомъ кафтанѣ.

Тутъ же познакомился я съ отставнымъ, бывымъ Вологодскимъ, Епископомъ Теофилактомъ: онъ въ кельяхъ живетъ на общинѣ, человѣкъ пожилой, добродушный и, кажется, не хитрый. Бесѣда его для меня была занимательна, не смотря на его простоту, по тому что онъ зналъ мою бабу, рассказывалъ мнѣ многое объ ней. Онъ тогда еще былъ Дьякономъ и служилъ при погребеніи дяди моего; онъ мнѣ и указалъ удостовѣрительно, гдѣ гробы ихъ похоронены. Я съ удовольствіемъ принималъ всякое впечатлѣніе сего современника двухъ лицъ, толико для меня драгоцѣнныхъ.

ГЛАВА XIX.

Пещеры.

Праведные два мужа, Антоній и Θεодосій, нѣкогда посвятили жизнь свою Богу на семь обѣтованномъ мѣстѣ, создали обитель, утрудились въ ней, какъ говорить Царь Давидъ, воздыханіемъ сердечнымъ и скончали жизнь, исполненную поста и доб-

рыхъ дѣлъ. Примѣръ ихъ привлекалъ многихъ къ Христіанскому поученію; собралася братія, ископали для остатковъ своихъ могилы при Днѣпрѣ, и тутъ положили кости свои; все спаслось около ихъ; земля исполнилась благовонія; святость убогихъ труженниковъ возсіяла во всемъ мірѣ Христіанскомъ. Вотъ исторія Кіевскихъ пещеръ!

По времени стекаться стали отсюда богомольцы. Обогащалась казна монастырская, и роскошь украсила пустыню дикую и непроходимую. Нынѣ уже надобенъ большой запасъ духовной приверженности къ Вѣрѣ, чтобъ не соблазниться велелѣпною наружностію Печерской Лавры, которая, украсивъ соборы, иконы и утвари церковныя, оставила вездѣ знаки внутренняго пренебреженія къ святынямъ и дому Божію. * Удалились отъ насъ тѣ дни, когда блаженные старцы, Духомъ Божіимъ ежеминутно тутъ водимые, силились утвердить корень Вѣры въ сердцахъ благодушныхъ Христіанъ. Посмотримъ на пещеры нынѣ въ такое время, когда богатые и пресыщенные прикрыли золотомъ кровы церквей и обнищали въ усердіи къ Богу.

У обѣихъ пещеръ выстроены пятиглавыя соборы, въ коихъ свѣтло, просторно и хорошо; отъ нихъ по лѣстницамъ спускъ въ самые подземныя жилища Святыхъ, лѣстницы не круты, а при томъ нѣсколько на нихъ сдѣлано площадокъ для отдохновенія. Днѣпръ въ весеннее время близко подтекаетъ къ пещерамъ, и для охраненія ихъ отъ разрушенія, Правительство занимается укрѣпленіями, на кои казна не щадитъ ни чего.

Прежде нежели вы на лѣстницу ступите, вы найдете у воротъ множество булушницъ съ кренделями и сайками: тутъ торгъ и рынокъ настоящій; безпорядокъ сей прикрытъ благовидной причиною: по лѣстницѣ разложены недужные, разслабленные и всякіе уроды; не будучи въ силахъ молиться Богу, они лежатъ, стонутъ и просятъ куска хлѣба у проходящихъ. Не всякой въ состояніи кинуть въ эту Силоамскую купель столько денегъ, чтобъ

* Слишкомъ строгъ приговоръ, и потому односторонень. О. Б.

надѣлать ими ужасное множество странныхъ; и для того богомолецъ закупить сухарей и хлѣбовъ, и ими снабжаетъ лежащихъ.

Какое трогательное зрѣлище и какъ оно приготовляетъ къ ожидающему предмету! Вдругъ въ подземное жилище растворяются чугунныя двери; престарѣлый монахъ даетъ вамъ свѣчу; ибо безъ огня ни чего тамъ не видно, и, идучи передъ вами, онъ вамъ называетъ имена почивающихъ праведниковъ. Ихъ сонъ тихъ и безмятеженъ; для нихъ утро прекраснѣйшаго и вѣчнаго дня уже наступило; каждый изъ нихъ, кажется, говоритъ вамъ: «Тако тецѣте, да постигнете!» (1 Кор. 9, 24). Мысль о пещерахъ страшна, приближаешься съ ужасомъ, но войдешь въ нихъ, и спокойнымъ окомъ, безъ малѣйшаго смятенія, видишь гробы по обѣ стороны себя; воздухъ чистъ, свѣтъ и прохладенъ, нѣтъ ни какого зловонія. Безъ проводника ходить ни какъ нельзя: потеряешься въ изворотахъ. Монахи, особо приставленные къ тому дѣлу, очень навѣчны и пещеры для нихъ не лабиринтъ: все покажутъ и выведутъ осторожно.

Въ одной изъ соборныхъ церквей надъ пещерами всѣ приклады отъ Мазепы, а въ самыхъ пещерахъ, т. е., въ землѣ, до 6 придѣловъ настроено. Темнота мѣшаетъ рассмотреть работу рѣзную и по золоту, которая въ иныхъ съ отмѣннымъ тцаніемъ отдѣлана; мы спросили факеловъ, и видѣли много художества. Жаль, что оно здѣсь безъ всякой пользы употреблено.

Между множествомъ мощей, къ коимъ мы прикладывались, идучи другъ за дружкой ниткой, я осмѣлюсь особенно отличить нѣкоторыя: инныя поразили мое воображеніе, инныя подѣйствовали на сердце.

Учредители обители, Антоній и Оеодосій; во имена ихъ устроены придѣлы, но сами они подъ спудомъ.

Несторъ лѣтописецъ: при названіи его я невольно палъ и прикоснулся ко гробу его съ благоговѣніемъ. Отлагая святость, которой Богъ одинъ только можетъ опредѣлить сущность и достоинство, Несторъ былъ первый нашъ лѣтописецъ, вождь Рос-

сійскихъ дѣписателей, источникъ историческихъ событій своего вѣка: какъ не поклониться ему и не уважить его гроба! но онъ малымъ чѣмъ отличенъ отъ прочихъ. Для чего не вынести его въ соборъ, не поставить предъ очами каждаго? Несторъ ли такого торжества не стоитъ? Или же мы не уразумѣли, что онъ его достоинъ? *

Св. Іоанна Многострадальнаго: снимаютъ шапочку и надѣваютъ на голову, чтобъ она не болѣла; онъ вкопанъ въ землю.

У Марка Гробоконателя подносятъ святую воду въ крестѣ, изъ котораго самъ онъ пивалъ: этотъ крестъ былъ мѣра его дневнаго питья.

Нѣсколько муроточивыхъ главъ: у одной изъ нихъ, гдѣ мажутъ приходящихъ, муро ни какого запаха не имѣетъ.

Много затворниковъ, конхъ видѣть можно въ круглыя маленькія окошки. Я съ большимъ трудомъ вижу и днемъ, когда тѣни много, а въ пещерахъ при свѣчѣхъ ни одного не разглядѣлъ.

Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ, изволила къ каждаму мощамъ приложить парчевое покрывало: но они всѣ прибраны, лежатъ въ ризницѣ, ихъ кажутъ за деньги, а праведники лежатъ въ ракахъ простыхъ, не пышныхъ, и прикрыты ризами бѣднѣйшими. При насъ одно только богатое покрывало видѣли мы на гробѣ Евфросиніи Полотской.

Пещеры очень узки и тѣсны: двумъ пройти рядомъ не возможно. Одинъ голосъ монаха раздается въ уединеннымъ сихъ стѣнахъ; набожные Христіане идутъ молча за нимъ, прикладываются и не отстаютъ отъ товарищей, чтобъ не потеряться.

Среди самыхъ искреннихъ ощущеній Христіанской религіи часто мнѣ приходило здѣсь на мысль, что весь видимый нашъ

* По крайней мѣрѣ, рака его мощей окована серебромъ (см. «Описаніе Кіевопечерской Лавры. Кіевъ, 1826, стр. 86), и надъ ними серебряная доска съ надписью: «Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.» О. Б.

міръ не что иное, какъ плачевная картина человѣческой бѣдности, и ежели бы сонъ вѣчнаго упокоенія, какое ожидаетъ насъ въ могилѣ, было даже началомъ вѣчнаго ничтожества, то и тогда умереть лучше, нежели жить.

Близъ пещеръ примѣтилъ я памятникъ свѣтской: мѣдная доска съ литерами, и прочелъ имя Княгини Екатерины Петровны Хованской, * вспомнилъ ее и принесъ ей обыкновенную жертву человѣческаго сожалѣнія—нѣсколько слезъ.

Мнѣ разсудилось отслушать обѣдню въ самыхъ пещерахъ. Добрый старецъ, и почти уже мертвый, отслужилъ ее для насъ 17 числа въ придѣлѣ Св. Антонія. Церковь такъ мала, что вокругъ престола даже обхода не дано: онъ прислоненъ къ стѣнѣ; въ алтарѣ и въ церкви вездѣ свѣчки горѣли, и тусклый ихъ огонь удваивалъ мрачный видъ плачевнаго сего жилища: душно, темно, тѣсно, нѣмнѣе нестройное и непривлекательное. Позволятъ ли мнѣ сказать мысль мою? Я не нашелъ, чтобъ прилично было возсылать Богу жертву хвалы и восклицовенія въ нѣдрахъ земли, гдѣ ни какой лучъ дневнаго свѣта не проходитъ. Какое сообщеніе свѣта со тьмою! Не мертвые восхвалятъ тя, Господи, но мы, живые. Спаситись можно вездѣ. Богъ и червей въ преисподнихъ земли согрѣваетъ такъ же, какъ и живущихъ на прекрасной ея поверхности; рука Божія вездѣ, и мы отъ неи нигдѣ не скроемся. Такъ, конечно! Но когда мы слушаемъ обѣдню, когда купно съ служителемъ Вѣры говоримъ: «Горѣ имѣемъ сердца,» тогда къ небесамъ и взоръ нашъ обращаться хочетъ. Мы всегда невольнымъ движеніемъ глядимъ вверхъ, когда призываемъ Бога; мы Его ищемъ выше звѣздъ, а не посреди тѣлннхъ гробовъ человѣческихъ. Если бы можно было, я бы желалъ, чтобъ литургія отправляема была, какъ можно выше, какъ можно ближе къ небесному кругу, коего славится въ нѣбсопѣніяхъ нашихъ непостижимый верховотворецъ. По мнѣнію моему, гораздо бы лучше сдѣ-

* Урожденной Нарышкиной, а по матери Репниной, р. 1757 г., Іюля 3, супруги Кіевскаго Вицегубернатора, Бригадира Князя Василя Алексѣевича Хованскаго; умерла 1795 г., Октября 22 дня. О. Б.

лали, если бы деньги, употребленные на иконостасы и храмы внутри пещеръ, обратили на то, чтобъ одѣть гробъ Нестора, обогатить его, и тѣмъ память въ исторіи духовной и ученой воспрославить; но суевѣріе долго еще питаться будетъ вещественностію. Пусть мое разсужденіе назовутъ энтузіазмомъ пылкаго воображенія. * Согласенъ. Но что же и Религія? Восторгъ въ самой высшей степени. **

ГЛАВА ІХХ.

Михайловскій монастырь. Софійской соборъ. Леванда.

Въ старомъ Кіевѣ есть мужескій монастырь, Михайловскимъ именуемый. Въ немъ лежатъ мощи Великомученицы Варвары. Кто ихъ не знаетъ? Кто не слышалъ объ ея Христіанскихъ подвигахъ? Слушавши у гроба ея обѣдню и молебенъ, мы прикладывались къ рукѣ ея, обогащенной алмазами: на каждомъ пальцѣ нѣсколько перстней; въ ногахъ тарелка съ кольцами; послѣ умиленныхъ вздоховъ и молитвословій, ихъ выбираютъ въ самомъ гробѣ, какъ въ ящикѣ: монахи торгуются и просятъ подороже, а богомольцы, не теряя голову, хотятъ достать ихъ подешевле: шумъ да крикъ. Какая неблагопристойности!

По исторіи Святой извѣстно, что у нея отрублена голова; слѣдовательно, рака скрываетъ обезглавленный трупъ мученицы. Нынѣ уже вмѣсто головы накладываютъ живописное изображеніе лица ея: оно представляетъ ея страдальчество и хорошо для картины. Но на что такое дополненіе къ натурѣ, да еще и къ мощамъ? Увы!

Намъ показывали тотъ самый образъ, съ котораго снять этотъ рисунокъ. На немъ написанъ и золотомъ обложенъ ликъ

* Оно такъ то и есть и при томъ напрасный и неумѣстный. О. Б.

** Это не совсѣмъ точно и сбивчиво! О. Б.

Великомученицы Варвары. Монахъ сказывалъ, что это натуральная копія съ нея, присланная въ Кіевъ изъ Рима лѣтъ десять назадъ. «Да гдѣ же настоящая?» спросилъ я. — «Въ Македоніи.» Вѣрьте, или нѣтъ, какъ вамъ угодно.

Рака, въ которой мощи лежатъ, богата, обита серебромъ и украшена рѣзными позолоченными убранствами вокругъ всего балдахина. Она въ лѣвой сторонѣ стоитъ отъ входа въ соборную церковь, въ особомъ своемъ придѣлѣ. Настоящій храмъ довольно великъ; стѣнное письмо хорошо; иконостасы въ немъ и придѣлахъ стариннаго вкуса и немного значать. Екатерина посвятила гробницѣ Великомученицы Варвары лампаду золотую съ кисточкой изъ жемчужныхъ нитокъ и алмазныхъ по поламъ; ее кажутъ въ ризницѣ, а у мощей виситъ простая, въ ризницѣ видѣлъ я и замѣтилъ Часословъ, печатанный въ Краковѣ въ 1491 году и сохранился въ ней доселѣ: рѣдкость настоящая!

Въ этомъ монастырѣ живетъ Викарій Митрополита Кіевского, Епископъ Чигиринскій, Иринеи: я любопытствовалъ видѣть его въ служеніи. Онъ уже немолодъ и отправляетъ званіе свое безъ всякой сановитости; нѣтъ въ немъ ни величія, ни пріятной простоты. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенія его всѣ отменно скоры; рѣдко смотритъ вверхъ, или по сторонамъ, всегда взоръ его потупленъ въ землю, даже и тогда, какъ осѣняетъ свѣчами. Всякое Воскресенье онъ поетъ обѣдню и, вмѣсто проповѣди, онъ толкуетъ Апостольскія Посланія съ амвона всенародно. Ни слово его, ни обращеніе, не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келью: пріемъ принужденный, бесѣда пустая. Говорятъ, что онъ очень ученъ; и такъ видно, что онъ не хотѣлъ предъ нами разсыпать умственныхъ своихъ сокровищъ.*

* Фальковский, происхожденіемъ изъ села Бѣлоцерковки или Бѣлоцерковецъ Лохвицкаго Уѣзда Полтавской Губерніи, 2-го стана, при рѣкѣ Многѣ (въ нынѣшнее время съ 344 дворами), въ 42 верстахъ отъ Лохвицы (отнюдь же не изъ Бѣлоцерковки близъ Кіева), родился 1762 года, Мая 28 дня, отъ Священника, и названъ былъ Иваномъ. По смерти жены, отецъ отправился съ нимъ въ Кіевъ, постригся, 1774 года, подъ именемъ Іустина (съ мѣръ Іоакимъ) въ чернецы въ Братскомъ монастырѣ, чтобы самому наблюдать за ученіемъ единственнаго сво-

Между разными въ Кіевѣ древностями нигдѣ я такой не видалъ, какъ въ Софійскомъ соборѣ: онъ въ старомъ Кіевѣ. Въ немъ множество предметовъ вдругъ бросятся въ глаза и остановить ихъ:

его сына. Отправляясь, въ Генварѣ 1773 г., въ Угрію Настоятелемъ Русской церкви въ городѣ Токаѣ, онъ взялъ съ собою и сына, обучавшагося тогда уже въ Академіи до класса Поззіи (съ 1773 г.); сдѣсь онъ, исправляя причетническую должность, посѣщалъ тамошнія школы Піаровъ, гдѣ усвоилъ себѣ окончательно языки Латинскій и Нѣмецкій; отсюда отосланъ былъ отцомъ въ Пресбургскую Гимназію, для слушанія Риторки, а въ 1779 г., по кончинѣ отца, отправился въ Пештъ, и въ Гимназіи его 7 мѣсяцевъ слушалъ Философію, Исторію и Математику, въ слѣдующемъ 1780 годѣ Физику въ Будинскомъ (Офенскомъ) Университетѣ, въ Мартѣ 1781 опредѣлился въ Канцелярію Русскаго Посольства въ Вѣнѣ, но черезъ 3 мѣсяца (въ Маѣ) возвратился въ Токаѣ и поступилъ въ Канцелярію же Русской Коммисіи, бывшей тогда тамъ, и продолжалъ заниматься Философскими науками. Въ началѣ 1783 г. поѣхалъ въ отечество, и прибывъ, въ Апрѣлѣ, въ Кіевъ, поступилъ въ Академію, для изученія Богословія и языковъ Еврейскаго и Французскаго, а въ Декабрѣ, бывши еще Студентомъ, опредѣленъ Учителемъ Арифметики, по окончаніи же ученія, преподавалъ тамъ языки Латинскій и Нѣмецкій, Математику, Архитектуру и Философію. Онъ былъ для Академіи того времени незамѣнимымъ, какъ обладавшій самой многосторонней ученостію, и по тому, гдѣ только недоставао преподавателя, его употребляли, и онъ порученное ему излагалъ, по свѣдѣтельству современниковъ, въ самомъ лучшемъ видѣ по тому времени. Въ 1786 году, продолжая преподаваніе, принялъ монашество и нареченъ Иринеємъ; 1789 Архимандритъ Гамаліевскаго монастыря (Черниговской Губ. Глуховскаго Уѣзда, близъ слободки Гамаліевки, на рѣкѣ Шосткѣ), 1803 Кіевообратскаго и Ректоръ Академіи; 8-го Сентября переведенъ въ Кіево-Николаевскій, а Февраля 25, 1804 г., оставилъ Ректорство; 1807, Генваря 25, Епископъ Чигиринскій и Викарій Кіевскій, 1811 г. получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени, а Февраля 7, 1812 года, перемѣщенъ на Смоленскую Епархію, на коей находился и во время осады Французами Смоленска и удалился изъ него въ самый день приступа (4-го Августа), получивъ приказаніе на то отъ высшаго Начальства, за 30 верстъ, гдѣ припалъ чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи (Путеводительницы), взятый изъ Успенскаго Собора духовенствомъ, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, и отправился съ нимъ въ Москву, въ коей и прежде укрывалась она отъ непріятелей (въ XV и XVII стол.), а изъ Москвы въ Ярославль, откуда возвращена въ Смоленскъ 24 Декабря по изгнаніи враговъ и поставлена на прежнемъ мѣстѣ. Что до другой иконы той же чудотворной Смоленской Божіей Матери, то она—сплоскъ съ первой, сдѣланный во время возвращенія ея изъ Москвы при Вел. Московскомъ Князѣ, Василѣй Васильевичѣ въ 1455 г., повелѣвшемъ отпустить принесенный въ Москву образъ за 50 лѣтъ предъ тѣмъ (во время напа-

1. Весь куполъ церкви отдѣланъ мозаической работой. Апостолы во весь ростъ донныѣ почти невредимы; правда, что уже мѣстами наборка портится, и жалъ, что ни кто не умѣетъ, или не печется, возобновлять его; но удивительно навсегда останется, что такое изящное художество сохранилось до дней нашихъ. Кто не знаетъ, что въ самомъ этомъ соборѣ нѣкогда враждебные полки лошадей своихъ ставили?

денія Вел. Кн. Литовскаго, Витовта, на Смоленскѣ, Князь тамошній, Юрій, удался съ онымъ къ Вел. Кн. Вислицію Дмитріевичу и оставилъ у него). Смолене, получивъ отъ Москвитей свою чудотворную икону, несли ее на рукахъ до самаго города, и тамъ, гдѣ остановился торжественный ходъ, воздвигли послѣ храмъ во имя Божіей Матери Одигитріи, и въ немъ поставили одну изъ иконъ, полученныхъ въ Москвѣ, именно списокъ съ чудотворной. По рассказамъ эта икона первоначально поставлена въ крѣпости (построенной въ началѣ XVII в.), надъ одними изъ воротъ ея, откуда уже перенесена въ воздвигнутый для нея особый храмъ, а изъ него перемѣщена временно въ Благовѣщенскій, такъ какъ, по распоряженію Епископа Серафима (въ послѣдствіи Митрополита) новостроившійся для нея болѣе обширный не былъ еще оконченъ; изъ Благовѣщенской-то церкви, по приказанію Генерала А. П. Ермолова (см. его «Записки,» въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1864, кн. 4, отд. II, стр. 170, и отдѣльно), вынесена была эта надворотная Одигитріи икона, послѣ всенощнаго служенія, вечеромъ 5-го Августа, за городъ и оставила Смоленскъ вмѣстѣ съ Русскими. Она, по приказанію Князя Кутузова, обнесена была, на капищѣ страшнаго побойща при Бородинѣ, по всей линіи войска, при чемъ самъ Кутузовъ встрѣтилъ ее и поклонился ей до самой земли, а воины, больше ста тысячъ, падали на колѣна, касаясь тоже челомъ оной, крестьянъ и восклицая: «Помоги, Пресвятая Мать Богородица, постоять за родную Русь!» Послѣ истребленія Французовъ и очищенія сообщеній, икона сія, взятая Артиллерійскою ротою Полковника Глухова и находившаяся при 3-й пѣхотной дивизіи, возвращена была, по волѣ Главнначальствующаго, обратно въ Смоленскъ, 6-го Ноября, и сдана 10-го Ноября гвардіи Поручикомъ Шембелемъ, при письмѣ Генерала П. П. Коновницина къ старшему духовному лицу, съ разными вкладыми и приношеніями (между коими одного серебра, отбитаго у непріятеля, въ зому было пудъ). Объ этомъ свѣдѣтельствуется самая надпись, сдѣланная на одной (2-ой) изъ досочекъ сей иконы (см. «Историко-статистическое описаніе Смоленской Епархіи,» Преосвященнаго Антонія (нынѣ Казанскаго Архіепископа). Спб. 1864). Это случилось черезъ 3 мѣсяца, какъ бы въ оправданіе словъ: «пробыть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой» (Лук. 1, 36). Съ этого времени въ Смоленскѣ празднуется изгнаніе враговъ ежегодно всенощнымъ служеніемъ 5-го Ноября предъ образомъ Путеводительницы. Ириней же освятилъ надворотный храмъ, по возвращеніи своемъ въ Смоленскъ, назвавъ его Одигитреев-

2. Мощи Святаго Макарія,* для которыхъ приготовлена серебряная гробница съ приличнымъ убранствомъ.

скимъ; но самъ, не видя возможности въ разоренной Епархіи оставаться, и испытывая безпрестанно нѣкоторыя огорченія при приведеніи въ порядокъ Епархіи, переносился, Іюля 6-го, 1813 года, на прежнее мѣсто, съ званіемъ Кoadь-пюра Кіевскаго Митрополита. Черезъ десять лѣтъ, 29 Апрѣля, 1823 года, онъ скончался въ Кіево-Золото-Верхо-Михайловскомъ монастырѣ, на 61-мъ году отъ рожденія, и погребенъ въ немъ, съ лѣвой стороны придѣла Св. Великомученицы. Между исправленіемъ своей должности и благочестивыми размышленіями, онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ научныхъ занятій, изъ коихъ нѣкоторыя только напечатаны, большая же часть остается въ рукописяхъ и хранится въ семъ монастырѣ, Софійскомъ Соборѣ и Лаврѣ. Изъ печатныхъ извѣстны: 1. Orthodoxae Theologiae dogmaticae compendium. М. 1802, 2 тома въ 8-ку, «хотя (какъ замѣчаетъ «Обзоръ Русской духовной литературы. Черниговъ, 1863, стр. 210) по плану Оеофановой догматики, но далеко лучше ея по содержанию и по изложенію. Это—лучшая догматика изъ писанныхъ дотоле въ Россіи, по ея ясности, отчетливости и систематической строгости.» Она была довольно время классической книгой въ Семинаріяхъ. 2. Толкованіе на посланія Апостола Павла къ Римляномъ и Галатамъ. Кіевъ, 1806, 1807. 3. Сокращеніе Церковной Хронологіи или науки о Пасхалии. К. 1797, 8. 4. Два Календаря на 1797 и 1798, въ 8, съ историческими статьями. К. въ 4. А изъ рукописныхъ: 1. Изъясненія на всѣ посланія Павловы. 2. Словъ и бесѣдъ нѣсколько книгъ. 3. Рѣчи и стихи на Рускомъ и Латинскомъ. 4. Сокращеніе церковныхъ Прологовъ на весь годъ, въ 12 книгахъ, съ краткими поученіями на каждый день. 5. Мартирологъ, т. 1, неоконченный. 6. Ежедневныя размышленія. 7. Сокращеніе смѣшенной Математики Вольфовой. 8. Записка о своей жизни до прибытія въ Кіевъ: извлеченіе изъ нея, сдѣланное Протоіереемъ и Профессоромъ Кіевскихъ Академіи и Университета, П. М. Скворцовымъ, помѣщено въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1862 года. Ириней пользовался большою славой въ Академіи и любовью своихъ слушателей, которые до того приязнены были къ нему, что очень многіе старались усвоить себѣ даже почеркъ его, который очень красивъ и четокъ, хотя и сжатъ. Замѣчательно также, что почти всякій изъ его воспитанниковъ отличался Математическими познаніями. Это былъ (по словамъ Филарета, Архіепископа Черниговскаго) человекъ съ дарованіями необыкновенными и свѣдѣніями разнообразными. Оставшаяся по немъ бібліотека хранится въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, но принадлежитъ не мнѣ, по поступной моихъ двоюродныхъ и роднаго братьевъ отъ лица ихъ родителей, какъ единственныхъ законныхъ наслѣдниковъ имущества сего Архіерея. О. Б.

* Онъ былъ Архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря и Митрополитымъ Намѣстникомъ, въ Митрополиты же избранъ и посвященъ въ Вильнѣ 1495 года, гдѣ онъ и пребывалъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, при Великихъ Кня-

3. Два древніе образа Богородицъ, явившихся въ Польшѣ и сохранившихъ тамошнія наименованія, кои, думать надобно, еп-решли къ намъ отъ Католиковъ.

4. Надгробный камень, скрывающій гробъ Ярослава, сына Владимірова, который, раздѣля дѣтей своихъ, далъ имъ удѣлы и написалъ Русскую Правду. Памятникъ сей въ придѣльномъ алтарѣ; на немъ высѣчены разные эмблеммы: сухія деревья и рыбы; довольно взглянуть на него, чтобъ, безъ сомнѣнія, удостовѣриться въ его древности.

5. Иконостасъ старинный, украшенъ рѣзнымъ искусствомъ и роскошной позолотой. Въ храмѣ есть каедрa: ее ли не назовемъ первой въ нашей Россійской Церкви? Здѣсь Леванда проповѣдуетъ.

Митрополитъ живетъ въ Архіерейскомъ домѣ по зимамъ, при соборѣ, а на лѣто переезжаетъ въ Печерскую Лавру, и тамъ для него огромныя есть покои; видъ на Днѣпръ безподобенъ, и всѣ прелести природы для него готовы.

Нѣкогда былъ здѣсь пастыремъ и скончался Самуилъ, мужъ скромный, благоразумный, набожный. Я имѣлъ счастье изъ дѣтства быть отличенъ его благосклонностью, до смерти моей сохранилъ письмо его Латинское и книгу, которую онъ мнѣ еще въ 70-тыхъ годахъ подарилъ. Онъ похороненъ въ соборѣ; я отыскалъ гробъ его и поклонился великому сему человѣку въ исторіи нашей Церкви, великому, говорю, по разуму, какой я даю сему слову. Пусть Самуилъ не былъ громокъ, но сколько мы видимъ мелкихъ людей, о коихъ міръ шумитъ непрестанно и сколько прямо великихъ мужей, коихъ прославить вѣчность, а современники объ нихъ и не шепчутъ! *

злыхъ Литовско-Русскихъ, такъ какъ въ Кіевѣ, безпокоемъ частыми нападеніями Татаръ, нельзя было проживать. Желая посѣтить свою паству, онъ, въ 1497 году, Мая 1-го дня, въ нее отправился, но былъ убитъ на пути своемъ въ Кіевъ, въ деревнѣ Стриголовѣ, при рѣкѣ Припети, а по Кіевскому лѣтописцу при рѣкѣ Впачи, въ пяти миляхъ отъ Мозыря. О. Б.

* Родился въ селѣ Полошпахъ Глуховскаго полка, 1731 г., Мая 24, и названъ Симеономъ, отъ Священника Григорія, учился въ Кіевской Академіи и училъ въ

Говоря о великихъ и въ Кіевѣ, мысль представляетъ тотчасъ Леванду: какой выродокъ во дняхъ нашихъ! Потомки позабываютъ такому современнику предковъ своихъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его, ѣздилъ слушать его бесѣды, учиться у него, думать, чувствовать и жить. Почтенный старецъ не скучаетъ своими сѣдинами; онъ бодръ еще и съ перомъ въ рукахъ паритъ, какъ юный орелъ. Какой сладкій органъ! Какая скромность въ выборѣ предметовъ разговора! Какая нѣжность въ произношеніи! Для чего Небо мало такихъ людей ниспосылаетъ на землю? Я не смѣлъ говорить при немъ, слушалъ, молчалъ, благоговѣлъ. Видъ его всякому благопріятенъ и вѣжливъ въ обхожденіи. Кажется, будто память ему не всегда вѣрно служить, однако жъ онъ еще говорить проповѣди и сочиняетъ. Давно ли похоронилъ онъ тамошняго Губернатора и съ такою рѣчью вселилъ его въ гробъ, какой ни самые наши молодые духовные витіи не сочинятъ и не скажутъ? Въ словахъ его, а паче въ надгробныхъ, неизчерпаемая руда чувствительности. Гдѣ онъ возьметъ свои мысли и выраженія? Откуда родятся чувствованія? Но онъ цѣлнитъ, изумитъ, восхититъ; ему-то прилично, идучи на каедру, сказать: «Отверзу уста моя,—и наполнятся духа!»

Проповѣдникъ слова Божія болѣе всѣхъ заимствовать премудрость свою долженъ отъ самаго Бога; онъ всегда долженъ быть вдохновенъ: такимъ показался мнѣ Леванда. При этой глу-

ней съ низшихъ классовъ до высшихъ; 1754 кончивши курсъ и принявши монашество съ именемъ Самуила, 1757 Профессоръ Философіи и Префектъ, 1759 Профессоръ Богословія, съ исправленіемъ Ректорской должности, 1761 Архимандритъ Братскій, Ректоръ и Членъ Дикастеріи по 1764, а въ 1766 оставилъ Академію по болѣзни, но съ 1768 вторично поступилъ въ нее, съ переводомъ, въ Августѣ, въ Кіево-Николаевскій монастырь, и вскорѣ вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ, гдѣ рукоположенъ тогда же въ Бѣлгородскаго Епископа, въ 1771 (24 Сентября) поступилъ на Крутицкую Епархію, съ пожалованіемъ въ Члены Синадальной Конторы и порученіемъ надзора по обновленію Московскихъ соборовъ, за что сдѣланъ Членовъ Синода (1775), 1776 (Марта 17) Ростовскій Епископъ, 1777 Архіепископъ (22 Сентября), а 1783 (Сентября же 22) Митрополитъ Кіевскій, куда прибылъ въ концѣ Ноября; ум. 1796, Января 5. Онъ издалъ отысканные имъ Богословскіе трактаты Феодана Прокоповича (въ Кенигсбергѣ и Москвѣ 1773—1776) въ VII частяхъ, продолжилъ ихъ,

бокой старости, ибо ему болѣе 70 лѣтъ, онъ, живучи на Подолѣ для выгодъ своихъ, по тому что ближе и къ рѣкѣ и къ рынку, для всякой закупки нужнаго домашняго запаса, не лѣнится ѣздить въ соборъ, подниматься на крутую гору въ старый Кіевъ, и тамъ отправлять службу. Сколько его ни награждаютъ, свѣтскія почести никогда не войдутъ въ соразмѣрность съ его дарованіями; духъ его не ослабѣваетъ еще и сердце не увядаетъ. Образъ жизни его простъ. Окруженъ книгами, рукописями, читаетъ, пишетъ, или очищаетъ въ саду деревья и наслаждается природою. Леванда любимое дитя натуры и небесъ; я ласку его и пріязнь почитаю пріобрѣтеніемъ. *

также исправилъ и напечаталъ въ видѣ Богословія (въ Лейпцигѣ) 1782, въ 3-хъ частяхъ въ 8 д. л., издававшася не разъ для Семинарій; исправилъ и разсужденіе Адама Зерникова о происхожденіи Св. Духа и издалъ (въ Кенигсбергѣ) 1774, въ 4 д. л., въ 2-хъ томахъ. Слова и рѣчи его печатались въ Петербургѣ и Москвѣ и нѣкоторыя переводились на Греческій, Латинскій и Нѣмецкій: онъ отличается чистотою языка и правильностію изложенія. Имъ составлено также Краткое описаніе Кіевской Лавры, и Наказъ о преподаваніи въ Академіи, въ которую, равнобѣрно и въ Переяславскую Семинарію, завистишю отъ оной, ввелъ Математику (чистую и смѣшенную), Всеобщую и Естественную исторію, Географію, равно какъ преподаваніе языковъ Нѣмецкаго и Французскаго, въ особенности жо чистаго Русскаго языка (по Велико-Русскому выговору), изученіе которыхъ пренебрегалось, какъ извѣстно, изъ за древнихъ языковъ, къ большому вреду вообще образованности и въ частности развитія Словесныхъ наукъ, этой основы всякой грамотности; посылалъ также способнѣйшихъ Студентовъ въ Московскій Университетъ и за границу; имъ же введено и преподаваніе въ Академіи нѣкоторыхъ искусствъ, на пр., рисованія и т. п., а при Лаврѣ завелъ для Академіи гражданскую типографію, въ коей и напечатана была, 1787 г., первая книга его «Поздравительныя рѣчи» Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-ой, сказанныя въ пребываніе ея тогда въ Кіевѣ. При Самуилѣ послѣдовало подведеніе и Кіевской Іерархіи подъ штатъ паровѣ съ прочими Русскими. О. Б.

* Иванъ Васильевичъ, р. 1736 г., въ Кіевѣ, сынъ ремесленника (сапожника) Спачки, помѣщеннаго въ Академію Священникомъ Кіевской Воскресенской церкви Іоанномъ Левандою, полюбившимъ его за его проворство и ловкость и позволившимъ принять его и фамилію. По окончаніи ученія, онъ былъ, съ 1759 г., самъ въ ней учителемъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, 1763 Священникъ Успенской Со-

ГЛАВА ЕХХІ.

Разные духовные предметы.

Пустынно-Николаевскій мужеской монастырь стоитъ на горѣ, и съ нея видѣнъ Днѣпръ. Мѣстоположеніе прекрасное, съ верху до низу густой садъ и много тѣни. Храмъ старинный. Строенъ Мазеной. Иконостасъ высокъ и очень хорошей работы; стѣнное письмо аллегорическое. Противъ алтаря хоры и подъ ними во всю ихъ величину картина, изображающая Никейскій Соборъ; лицъ написано множество. Въ задней стѣнѣ соборной церкви, по обѣ стороны входныхъ дверей, два шкапа съ книгами; на одномъ написано по Русски: «Для ума и сердца.» На другомъ въ томъ же духѣ Латинская надпись—затѣя въ монастыряхъ нашихъ необыкновенная! Ризница небогата и отъѣннаго нѣтъ ни чего. Настоятель обители Архимандритъ Кипріянь, человекъ немолодой, по сни-

борной церкви Подола, 1783 Протоіерей, а 1786 первый Протоіерей Софійскаго Собора, по переименованіи его изъ монастыря въ Соборъ, гдѣ ревностно проповѣдывалъ почти при каждомъ служеніи съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, и по тому пользовался большою извѣстностію; въ особенности слова его отличаются теплою чувствъ и картинностію выраженій, что, при богатыхъ вышнихъ качествахъ, производило на слушающихъ необыкновенное дѣйствіе. Собраніе его словъ и рѣчей издано въ Петербургѣ 1821 г., въ 3-хъ частяхъ, но, по замѣчанію Преосвященнаго Евгенія (Словарь писателей духовнаго чина, ч. 1-ая, стр. 289), изданы по невѣрному и неполному списку, и при томъ неисправно напечатаны. Другіе замѣчаютъ въ нихъ до 1769 года словосочиненіе болѣею частью Латинское и не совсѣмъ чистый языкъ, но послѣ того времени онъ у него легокъ, бодръ и совершенно Русскій. Награды сыпались на него щедро: Императрица Екатерина II-я, въ бытность свою въ Кіевѣ, подзавъ его послѣ замовной молитвы во время Преосвященнаго въ Андреевской церкви, на 5-й недѣлѣ Великаго Поста, въ Четвертъ, сама возложила на него кабинетный крестъ съ брилліантами на алой лентѣ, а 13 Марта повелѣла ему употреблять при священнослуженіи жезлъ, присвоенный только Архимандритамъ и Архіереямъ; 1798, Октября 7-го, получилъ онъ митру; 1806, Ноября 19 орденъ Анны 2-й степени, а 12 Декабря, 1810 года, и 1-ой: отличія, до которыхъ ни кто изъ благаго духовенства не достигалъ прежде; скончался въ глубокой старости, Іюня 25, 1814 года, и погребенъ въ своемъ Софійскомъ Соборѣ, въ Благовѣщенскомъ предѣлѣ, въ углу, при южной стѣнѣ. О. Б.

сходительный; онъ насъ принялъ очень ласково, угостилъ дружелюбно; кельи его не просторны, но патура поставила въ каждомъ окошкѣ прекраснѣйшіе виды. Это лучше золота и серебра, особливо въ климатѣ тепломъ, гдѣ ранняя весна прелестями своими не скучится.

Говорятъ, что на самомъ этомъ мѣстѣ Оскольдова была могила: живыхъ и достовѣрныхъ знаковъ нѣтъ, одно увѣряетъ преданіе, или общія сказка. Но кто знаетъ истину? Что Оскольдъ кости свои оставилъ въ Кіевѣ, это вѣрно, но тутъ ли, гдѣ Никольскій монастырь, позволено усомниться: можетъ быть и полверсты выше, или ниже. Но какъ бы то ни было, ветхая церковь, здѣсь существовавшая, разломана, и, вмѣсто ея, на полугорѣ поставленъ круглый храмъ каменный съ куполомъ въ новомъ вкусѣ. Онъ обведенъ колоннадой. Вмѣсто обыкновеннаго яблока на главѣ поставлена вызолоченная корона и надъ ней большой крестъ. Все это построено коштомъ Воронежскаго откупщика, котораго жена, пріѣхавъ въ Кіевъ на богомолье, умерла и завѣщала себя здѣсь похоронить. Вотъ причина обновленія Оскольдовой могилы, отъ которой она новую славу получила!

Подъ церковью въ землѣ сдѣланы кругообразныя пещеры и для погребенія тѣлъ заготовлены въ стѣнахъ мѣста. По мѣрѣ, какъ впадины сіи будутъ наполняться каждая своимъ гробомъ, она снаружи замажется и въ церкви видна будетъ только надпись, кто похороненъ въ этомъ гнѣздѣ (Спустя лѣтъ триста, пять сотъ, и здѣсь, можетъ быть, будутъ нѣтъ молебны, естли Днѣпръ, неугомонное дитя Нептуна, не предварить человѣческихъ замысловъ и не подмоетъ каменныхъ оградъ новаго зданія). Подземная церковь построится во имя Ольги, а верхняя посвящена Святителю Николаю. Освященіе ея предназначено было 20 Августа, 1810 года.

Исторія дала намъ знать, что Владиміръ построилъ первую здѣсь Христіанскую церковь, которая донинѣ называется Десятинною, по тому что Князь сей велѣлъ въ нее собирать десятую долю всякаго отъ земли пріобрѣтенія. Сія церковь, или на томъ мѣстѣ другая, еще существуетъ. Я ее видѣлъ и воздохнулъ, глядя

на ея опустошеніе и бѣдность; нѣтъ еще ни чего приманчиваго для глазъ, все опущено; одно воображеніе даетъ цѣну и мѣсту тому и храму. Неоспоримо, что съ такого отдаленнаго времени и Татары, и Поляки, и пожары, все подѣйствовало на Десятинную церковь, и изъ великолѣпнѣйшей привело ее въ убогое состояніе. Но никогда бы я не подумалъ, что она такъ брошена и презрѣна, какъ я ее нашелъ. Чудно ли, что храмъ Владиміра въ такомъ низверженномъ состояніи, когда самъ онъ безъ пощады растерзанъ? Голова его въ Лаврѣ, часть его мощей въ Соборѣ, а весь онъ гдѣ? Ни кто не знаетъ, не искалъ, не любопытствовалъ. Мы скорѣй пустимся добывать кусокъ лавы изъ подъ Римскихъ развалинъ, нежели похлопочемъ о славѣ собственной нашей древности.

Недалеко отъ Десятинной увидите вы церковь Трехъ Святителей: она, сказываютъ, основана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ идолъ Зевесовъ кинутъ въ Днѣпръ и напоминаетъ старое преданіе, будто бы язычники, видя его утопающа въ волнахъ, кричали: «Выдыбай же намъ, Боже!» т. е., выплыви на берегъ! Иконостасъ въ ней изрядный; церковь стара, но не старинная. Вѣроятно, что всѣ сіи знаменитые по исторіи храмы уже нѣсколько разъ были по разореніи Кіева поновляемы и иные совсѣмъ перестроены: довольно, естли, по крайней мѣрѣ, сохранили тѣ самые пункты, на коихъ происходили историческія событія. Гора и тутъ довольно высока. Тяжело бы катиться золотому болвану по ней и падать въ Днѣпръ.

У подошвы самой высокой горы, при краяхъ Днѣпра, поражаетъ взоръ, такъ называемый, Крещатикъ. Это купель, въ которой Владиміръ крестилъ Кіевлянъ; она украшена монументомъ. На аркахъ выстроены каменные стѣны съ рѣшеткою, и фонтанъ охраненъ отъ всякой нечистоты; вокругъ его разставлены образа; на стѣнѣ надпись, означающая только годъ и время, когда граждане Кіева соорудили этотъ памятникъ, въ возблагодареніе Александру I-му за дарованныя городу права. Изъ купели проведена труба о 4-хъ кранахъ. Каждый изъ нихъ льетъ воду въ большой общій бассейнъ или лаханъ, и для жаждующихъ готовъ глиняный ковшъ; но вода мутна и видомъ непріятна:

видно, что еще до сихъ поръ не очистилась струя отъ погружавшихся въ ней идолопоклонниковъ. Надъ сводомъ этой палатки вытянута въ нѣсколько сажень вышины кирпичная колонна; конецъ ея жестяной шаръ, а надъ нимъ вызолоченный крестъ.

Памятникъ этотъ вообще не соотвѣтствуетъ важности своего предмета. Но мысль все здѣсь дополняетъ: она краситъ каждую пядень земли, вездѣ говоритъ о древности, о старыхъ Россіянахъ, о младенцествѣ нашей Религіи, о мужествѣ нравовъ, и все, на что ни взглянешь, — драгоценный монументъ.

Весь хребетъ Кіевскихъ горъ наполненъ живописныхъ красотъ. Какъ бывши тамъ, бывши вездѣ, спорить противъ этого? Не возможно. Однажды шелъ я, задумавшись, по вершинамъ стараго Кіева; мысли мои быстро текли одна за другою и предметы мѣнялись, какъ воздухъ: вдругъ увидѣлъ я на холму превысокомъ огромную церковь; она разсѣяла всѣ мои размышленія и привлекла всю дѣятельность моего воображенія къ себѣ: это храмъ Андрея Первозваннаго. Что можетъ быть восхитительнѣе и величавѣе во всей природѣ этого мѣстоположенія. Пельзя остановиться на паперти его безъ восторговъ. Не станемъ говорить о самой церкви: иконостасъ красный, вызолоченъ, но ни работой, ни вкусомъ не отличенъ. Чтобъ художество отвѣчало здѣсь натурѣ, надобно разбудить Рафаелевъ и самаго Апелла и дать имъ кисти въ руки. Подъ храмомъ построены жилыя комнаты и кладовыя, въ коихъ Коммисаріатъ хранитъ свои заготовленія и содержитъ при нихъ караулъ вокругъ всего храма. На крышкѣ этого жилья выстроена широкая открытая галерея. Она вѣдъ церкви, слѣдовательно, всякому по ней гулять свободно и любоваться на красоту природы: отсюда видѣнъ весь Днѣпръ и по ту сторону его сыпучіе пески, открытая Московская дорога, направо овраги, буераки, пропасти, окружающія гробы Святыхъ и мирное жилище ихъ въ прохладныхъ пещерахъ; налѣво, рядомъ съ волнами Днѣпра, открывается Подоль со всѣми своими зодческими красотоми и кажется вамъ городъ въ водѣ. Оболъщеніе взора превосходно!

Не здѣсь ли Иисусъ искушаемъ былъ діаволомъ, когда онъ за одинъ себѣ поклонъ сулилъ ему все, что съ высоты показалъ?

Я безъ мѣры этимъ мѣстомъ прельщался. Истину провидѣлъ Андрей Первозванный, когда, какъ говоритъ исторія, идучи изъ Херсона, водрузилъ на сей горѣ крестъ въ знаменіе настоящаго Православія. И подлинно: гдѣ Вѣра убидительнѣе свою славу кажетъ, какъ не въ Кіевѣ? Здѣсь тьмы мучениковъ всю землю кровію своей оросили. Здѣсь уединенные праведники изъ вертеповъ создали храмы, обогатили ихъ и прославили. Но оставимъ чудодѣйства Вѣры: они сами о себѣ вѣщаютъ повсюду, и, обратясь къ природѣ, скажемъ, что тотъ не видалъ ее въ торжествѣ, кто не взглянулъ на нее у храма Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ.

ГЛАВА XXII.

Фроловскій монастырь.

Сойдемъ на Подоль, и онъ имѣетъ свои достопамятности. Тутъ женскій монастырь, именуемый Фроловскимъ. Самъ по себѣ онъ не значилъ бы ни чего особеннаго, но для меня что можетъ быть уважительнѣе? Въ немъ проводила жизнь свою въ монашествѣ бабка моя, Княгиня Наталья Борисовна. Родители мои, изъ почтенія къ ней, каждые три года ѣзжали сюда со всѣмъ семействомъ нашимъ, и меня два раза, въ моемъ младенцествѣ, сюда возили. Я не могъ ни чего вспомнить, но такъ часто твердили мнѣ о бабушкѣ, о Подолѣ и о Фроловскомъ монастырѣ, что воображеніе мое представляло мнѣ всѣ здѣшнія предметы, какъ будто знакомые. Монастыремъ управляетъ игуменья Княгиня Шаховская. Она отличена наперснымъ крестомъ и знакомъ ордена Св. Екатерины.

Я видѣлъ бабушкины кельи; мнѣ сказали, что это онѣ; впрочемъ, весь видъ свой перемѣнили, и въ нихъ живутъ уже другіе люди: что нужды? Довольно для меня было, что она на самомъ этомъ мѣстѣ скончала дни свои: тутъ я испыталъ ея нѣжныя ласки, принималъ неоднократно ея благословеніе, былъ предметомъ горячей любви ея; она осыпала меня милостями своими. И мнѣ ли ихъ забыть? Нѣтъ, во вѣки!

Нашлись престарѣлыя сиротки, кои при ней жили, служили ей, помнятъ ее, плачутъ объ ней ежедневно предъ престоломъ Божиимъ и меня съ удовольствіемъ увидѣли, вспомя мое ребячество: они свидѣтелями были благоволенія ко мнѣ старицы Нектаріи.

Ею построена была больничная церковь, и я въ ней слушалъ обѣдню. Сюда и по прочимъ придѣламъ монастыря разданы были оставшіяся по смерти ея образа и крестъ, къ которому въ послѣдній разъ уста ея прикоснулись.

Внѣ церкви, на монастырѣ, погребены многія ея современницы и здѣшніе Игумены: Апраксина, Милославская: эта послѣдняя намъ родня. Надъ гробомъ той и другой ни кто пышныхъ памятниковъ не ставилъ: смиреніе Христіанское не ищетъ сей суеты мірской.

Соборная церковь обыкновеннаго со многими другими рисунка и формы; ни чего въ ней нѣтъ отмѣннаго. Мощей монастырь не имѣетъ, но хвалится сокровищемъ прямо чудеснымъ: въ маленькомъ ковчегѣ, за стекломъ, поставленъ сосудъ самой крошечный и подъ нимъ подписано: «Здѣсь кровь Іисуса Христа.» На что спрашивать: кто и откуда ее доставилъ? Какъ она до сихъ дней сохранилась? Мы въ храмѣ; все свято въ домѣ Божіемъ: поклонимся и дадимъ вѣру преданію многихъ вѣковъ!

Всякой, кто читалъ память великихъ женъ, придетъ сюда вспомнить схимонахиню Нектарію, и память ея увѣнчаетъ похвалами. Я не одинъ разъ приходилъ въ сію обитель и, не тревожа никого, садился на камнѣ противъ бывшихъ ея келій, переносился мысленно во дни ея здѣсь пребыванія, и каждое ея слово, переданное мнѣ ея сыномъ, моимъ отцемъ, приводилъ на память. Здѣсь она источила рѣки слезъ, умертвила всѣ свои страсти, пригвоздила всѣ чувства ко кресту; послѣдній вздохъ былъ для нея мгновеніе отрады и зарею невозмущаемаго блаженства. Хижина ея обвалилась, вросла въ землю, такъ какъ и гробъ ея, но духъ пребудетъ вѣченъ и перейдетъ имя ея изъ рода въ родъ. Такъ славится прямая добродѣтель: она и за гробомъ восхищаетъ мзду свою въ потомствѣ.

ГЛАВА ІХХІІІ.

Интересная сумасбродка.

Въ этомъ же Фроловскомъ монастырѣ, въ особой кельѣ при больницѣ, содержится подъ присмотромъ супруга Г. Рахманова, урожденная Пас. Я ее не видалъ, по тому что она мужчинъ не принимаетъ: жена моя съ сестрой ее навѣстили. Несчастливая! Она говорила мнѣ вздоръ, все еще безумствуетъ. Вспомнивши вѣкъ славы ея и обольщенія въ Москвѣ, я далъ волю моему воображенію: оно уже не пылаетъ, но иногда еще загорается. Вотъ стихи мои, кои напечатаны были въ Аглаѣ:

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плывавшая въ свой вѣкъ берега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не Вѣра привлекла, обманутая страсть?
Гдѣ дѣлась красота? Гдѣ дѣлась видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный,
Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ ему подобила ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вывѣской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стеръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгущій взоръ и пламенные очи
Померкли, какъ звѣзда въ туманахъ темной ночи;
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверстіи нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса,
И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изумляла,
Безмолвная печать на вѣкъ ихъ выпѣ сжала.
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣгущихъ за тобой искать влзатыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ ихъ, улыбкой лишь дарила?
О время! ты летишь, и нѣтъ тебѣ преградъ:
То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ.
Блаженство и бѣда, печаль и восхищеніе,
Все случаетъ однихъ различное стеченіе.
И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,

Платила дань страстямъ и чувственно жила.
 Чье сердце противъ извъ любви жестокой твердо,
 Коль Богъ попуститъ ей насъ гнать немилосердо?
 Какъ кормчій въ тростинкахъ уплывуши съ ладьей,
 Изыскиваетъ путь за легонькой струей,
 Чтобъ ею чистыхъ водъ пробиться на средину,
 Далеко за собой оставивши пучину:
 Такъ силится твой умъ пзъ оута суетъ
 Прочистить сердцу путь и выйти съ нимъ на свѣтъ;
 Но бѣднѣй одолѣть свой рокъ сколь ни стремился,
 Погибъ, и наконецъ всѣхъ дѣйствій онъ лишился.
 Что дѣлать безъ ума? Жизнь мука,—свѣтъ—хаосъ;
 Не внемлется совѣтъ; не страшень глазъ угроза,
 Готовъ уже твой стражъ, звенять неволи узы;
 Весь свѣтъ расторгъ твои общественны союзы.
 Бѣги отъ міра прочь, отрекся онъ тебя,
 И ближній твой не зрѣтъ въ тебѣ уже себя;
 Иди тянуть свое дыханіе въ пещеру.
 О если бы ты тамъ облобызала Вѣру,
 И сладости ея внутрь сердца ощутивъ,
 Когда бъ могла познать, сколь духъ ея правдивъ!
 Но могутъ ли вмѣстить ея дары священные
 Потерянная мысль, разсудокъ помраченный?
 Куда же, если смерть себя заставитъ ждать,
 Дѣваться дни свои плачевнѣе скончать?
 Безъ міра въ мірѣ жить несносно—скрыться въ келью:
 Тамъ, четки замѣнять алмазны ожерелья;
 Тамъ, думать, посмотрѣвъ я съ жадностью на ту,
 Которой славилъ вѣкъ прошедшій красоту:
 Вздохнулъ и поропталъ. На что жъ намъ дарованья,
 Художествъ и наукъ полезныя познанья,
 Когда не бережетъ натура ни чего?
 Тоскуй, сѣдѣй, умри, и вотъ предѣлъ всего!
 Разсудокъ мой вздрогнулъ. Чти Вѣчнаго законы,
 Паси въ стѣняхъ овецъ, или садись на троны,
 Остеръ будь, или тупъ, силачъ, или дряхль и слабъ—
 Ты узникъ естества, титулъ твой—Божій рабъ:
 Сыпь перети, крупный червь, мятущійся всечасно,
 Въ которомъ и добро не вовсе безопасно.
 И слѣдуетъ ли намъ оттолъ, что давимъ тварь,
 Тотчасъ и заключить, что мы надъ нею царь?
 Откуда человѣкъ на гордость права хочетъ?
 Царь съ скиптромъ, а Парфень съ сумой равно хлопочетъ.
 Ни что здѣсь не для насъ, мы сами для того,
 Чтобъ цѣпь кольцомъ связать творенія всего.

Сегодня ты востокъ и западъ покоряешь,
 Сегодня ты моря судами покрываешь,
 А завтра какъ ни будь и не спросясь тебя,
 Животный механизмъ разстроишь чуть себя,
 То дуръ твою всѣхъ царствъ умы не сладятъ справиться,
 И надобно тебя въ безумный домъ отправить.
 По что же ты, какъ кедръ, вздымаешь дерзкій лобъ,
 Когда деспотъ и Негръ въ одинъ ложится гробъ?
 Когда тотъ и другой, по дѣйствию природы,
 Трепещутъ иногда малѣйшей непогоды?
 О истинно! тебя все намъ познать велитъ,
 И благо лишь тому, кого Господь смиритъ!

ГЛАВА LXXIV.

Академія.

Недалеко отъ Флоровскаго монастыря, на Подолѣ же, мужской монастырь, называемый Братскій, въ которомъ помѣщена Академія; при ней живетъ и Ректоръ. Я не могъ порядочно рассмотреть Академію, по тому что всѣ пользовались ваканціями: видѣлъ строеніе, и нашелъ его прекраснымъ; зала собранія велика, т. е., въ сравненіи съ прочими, ей подобными, и со вкусомъ расписана.

Мнѣ полюбилися болѣе прочихъ слѣдующіе замыслы живописца: надъ дверьми Философскаго класса изображенъ Фаетонъ, надъ дверьми Богословскаго Аполлонъ; Фаетонъ хотѣлъ поревновать солнцу и взялъ его упряжку, но кони его помчали, и онъ стремглавъ низвергся на землю: живой образъ Философіи, которая ищетъ премудрости, плѣняется ложнымъ умозрѣніемъ и пропадаетъ въ своихъ путлявыхъ системахъ; Аполлонъ, напротивъ, прямые лучи Феба отражаетъ на себѣ, и лира его плѣняетъ всю вселенную: не такъ ли учитъ насъ Богословія, когда она прямо отъ источника Вѣры заимствуетъ свои доказательства и истины?

Далѣе примѣтилъ я нѣчто также замысловатое: написанъ юноша: онъ глядитъ на солнце, силится рассмотреть его, но жму-

рится и взоръ его темнѣетъ: такъ глядитъ атеистъ, или язычникъ, на Саваоѳа. Другой рядомъ съ нимъ держитъ трубу, наводитъ на солнце, и видитъ его безъ помѣхи; труба въ рукахъ его — есть Вѣра. Когда она дѣйствуетъ на наши мысленныя очи, мы тогда видимъ и ощущаемъ Божество.

Кромѣ сихъ аллегорическихъ изображеній, зала наполнена портретами благотворителей Академіи, и Самуилъ между ними: какъ забыть его? Надъ ними на хорахъ разставлены грудные списки съ остроумныхъ писателей въ Язычествѣ. Вы найдете Цицерона, Саллюстія, Виргилія и проч. Кто располагалъ эту залу, тотъ не былъ суевѣръ.

Академія считаетъ у себя до 1400 учениковъ; изъ нихъ 400 на казенномъ коштѣ. При ней библіотека хотя не велика, но хороша, составлена изъ книгъ отборныхъ и во вкусѣ лучшей Словесности; много иностранныхъ сочиненій на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ Еврейская Псалтырь, подаренная Потоцкимъ.

Церковь при Академіи только что изрядная, утварь небогатая. Храмъ соборный въ обители великолѣпенъ, и такой почти архитектуры, какъ Пустынно-Николаевскій. Встарину всѣ церкви строились на одинъ образецъ до тѣхъ поръ, какъ сыскался одинъ человекъ отважный, который дерзнулъ ввести въ обычай новый рисунокъ. Понятія о Божествѣ опредѣляли самый тѣсный и матеріальный смыслъ, и поставленный разъ на Востокъ столъ, или дверь, не могли безъ потрясенія совѣсти Православныхъ быть перенесены на Западъ. Чувственность одолѣвала всѣ усилія разума, и онъ сквозь плотную свою оболочку едва наконецъ могъ пробиться. Слава Богу! Но побережемся другой крайности.

ГЛАВА LXXV.

Гражданскія строенія и заведенія.

Я уже сказалъ нѣчто о Дворцѣ, а теперь войду въ подробность. Онъ строенъ при Елисаветѣ, а исправленъ при Екатеринѣ. Огромное деревянное зданіе, при которомъ обширный садъ до самого почти Подола, по всей горѣ аллеи; деревья и зелени много. Онъ не совсѣмъ брошенъ, да и не совсѣмъ въ томъ состояніи, въ какомъ желательно видѣть садъ на такомъ превосходномъ мѣстѣ. Утомительно долго гулять по его крутизнамъ. Оранжереи наполнены кадками, но плодовъ уже мы не застали, а видѣли на воротахъ, на черной доскѣ, одну только гаксу имъ. Публика тутъ ежедневно гуляетъ: всякой вечеръ въ хорошую погоду можно застать большое собраніе. Музыка и пѣсенники безпрестанно къ услугамъ прогульщиковъ готовы. Для отдохновенія сдѣлана въ саду большая галерея, изъ которой виднѣтъ Днѣпръ, съ разными его излучинами, и вездѣ Подолъ довершаетъ прелесть всѣхъ видовъ Кіевскихъ. Но здѣсь картины не такъ восхитительны, по тому что Днѣпръ пересыхаетъ.

Крѣпость въ большомъ содержаніи порядкѣ: видно, что въ нее смотрятъ попечительное око. Внутри ея, кромѣ Лавры, замѣтить можно Арсеналъ. Онъ окруженъ еще и другими строеніями, какъ то: Комендантскимъ домомъ, въ которомъ разведенъ большой садъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ пещерами, и Провіантская Коммисія; но домъ ея не краситъ этой части города.

Посмотримъ прилежнѣе на Арсеналъ: онъ стоитъ нашего вниманія. Зданіе прекрасное выстроено изъ здѣшняго кирпича, который не стыдливъ, и даже отъ огня не краснѣетъ: желтая глина, добываемая въ Кіевской Губерніи, всегда сохраняетъ въ немъ свой цвѣтъ такъ, что стѣны Арсенала кажутся почти похожи на фаянсъ. Онъ не штукатуренъ, только вычищенъ, чтобъ блѣдность желтизны не терялась.

Въ Арсеналѣ для выходовъ сдѣланы спуски довольно положіе, покойнѣе гораздо господскихъ лѣсницъ; по нимъ катаются

орудія. Бомбъ и ядеръ пропасть: но кто на витязя Русскаго ихъ наготовится? Безпрестанно же волахъ возить въ Молдавію: дни два постоятъ вокругъ Арсенала пирамиды, а потомъ и въ походъ. Чалма тянетъ къ себѣ нашъ чугунъ, какъ магнитъ желѣзо.

Разгуливая по пространнѣмъ заламъ сего огромнаго зданія, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на все, и особенно любовался на слѣдующіе предметы: 1-е. Шатеръ кумачный, шитый, завоеванный Румянцевымъ у Визиря—огромный наметъ, вывѣска всей пышности Восточныхъ народовъ! Взглянувши на такой памятникъ Россійскихъ подвиговъ, невольно вздыхаешь о томъ, кто умѣлъ ими себя и всю родину прославить. 2. Мѣдныя орудія, взятые у Турокъ, хороши! Однако не удержались, перестали стрѣлять и неподвижныя стоятъ въ Кіевѣ. 3. Ихъ же бунчуки—странный знакъ почести: навязать лошадиный хвостъ, два и три на палку, и возить передъ собой, чтобъ узнавалъ народъ чиновника! 4. Гетманскія булавы съ камнями тутъ же хранятся. Все имѣетъ свое время, подумалъ я; теперь кинь самую богатую изъ нихъ куда хочешь, а въ рукахъ Мазепы, я чаю, не очень близко къ ней подходили. 5. Велики Россійскія орудія, ружей, палашей, пистолетовъ запасъ изрядный. Между ими случилось мнѣ видѣть и Французскія, къ употребленію готовыя. На всю четвертую дивизію выписано нужное по статуту количество. 6. Въ особомъ ряду выставлены подъ надписью: мѣдныя разнокалиберныя пушки, пожертвованныя во время милиціи. А знаменамъ разнороднымъ нѣтъ и счета: нѣкоторыя завоеваны, другія отобраны отъ полковъ по разнымъ реформамъ. Вся лѣстница ими уставлена съ низу до верху по обѣ стороны, и когда выходишь изъ этого военнаго хранилища подъ сводъ мирнаго неба, то сколько разныхъ уносишь съ собою впечатлѣній и чувствъ, сколько въ одномъ покоѣ сближается вѣковъ, людей и дѣлъ! Нельзя равнодушно смотрѣть на такое зданіе. Но при томъ какъ сравнить Арсеналъ Кіевскій съ Тульскимъ!

Заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія разсѣяны на нѣсколькихъ верстахъ вокругъ города. Я не ѣздилъ ихъ смотрѣть, по тому что они не имѣютъ тамъ большой славы. Равнымъ образомъ не знаю и Гимназіи Кіевской: ни кто меня не зазвалъ въ

нее, и я ни чего объ ней отъ жителей не слыхалъ. Право, я не хоблюдою подѣ старость къ просвѣщенію, но, видѣвъ нѣсколько училищъ, смѣю спросить: тамъ ли оно, гдѣ по статуту есть домъ, Директоръ и учителя?

Въ Уѣздѣ не далеко отъ Кіева устроены Фаянсовый заводъ: онъ называется, а по немъ и посуда слыветъ Межигорской. Большая часть его до насъ не задолго сгорѣла, и онъ еще былъ не въ полномъ дѣйствиіи. Я видѣлъ работы тамошнія: можно ихъ назвать лучшими въ Россіи; конечно, далеко еще фаянсъ нашъ отъ иностраннаго: нечистъ въ отдѣлкѣ и не всегда выдерживаетъ горячую воду.

Одинъ иностранецъ держитъ Пансіонъ для благородныхъ дѣвушекъ; я его не видалъ, и судить достоинства заведенія не могу; а заѣхавши печально въ обѣденную пору, засталъ барышень за столомъ: хозяева, мужъ и жена, вмѣстѣ съ ними обѣдали, и мнѣ показалось содержаніе сего училища по наружности благопристойнымъ.

Я нашелъ тутъ давнишнюю знакомку. Жена этого иностранца жила у Господина Л. въ то время, какъ я въ первый разъ женился. Я видалъ ее тогда въ суетахъ около женннаго приданаго. Старое пріятное знакомство всегда приноситъ удовольствіе, напоминая молодость нашу, счастливыя событія судьбы: оно насъ переноситъ въ прекраснѣйшую полосу жизни, мы забываемъ старость и, естественныхъ ея подругъ, уныніе и скуку, и стараемся схватить бѣглую минуту наслажденія въ воспоминаніяхъ прошедшихъ. Тоже ощущала и жена моя: она жила долго съ первымъ мужемъ своимъ въ Кіевѣ, нашла много знакомыхъ, вспомнила стиринку, и мы, раздѣляя между собою чувство прошедшихъ нашихъ радостей, находили въ томъ взаимное и новое для насъ удовольствіе въ настоящемъ; ибо любовь искренняя во всѣ годы и вездѣ умѣетъ дать цѣну всякому ощущенію, и память прошедшаго наслажденія не тревожитъ, когда источникъ его чистъ.

Окрестности Кіева, какъ слышалъ я, и вѣрю безъ труда, прекрасны; жаль, что я не имѣлъ времени ихъ осмотрѣть. Увѣ-

ченъ будучи въ короткое время пребыванія моего въ городѣ общественными обязанностями, приглашеніями и любопытствомъ на мѣстѣ, я не могъ удалиться отъ него по произволу, и не всегда имѣлъ удобныя средства. Болѣе всего жаль, что не видалъ Китаевой пустыни: мнѣ ее расхвалили съ восторгомъ поселившійся въ ней свѣтскій человѣкъ. Кто жъ?—Врачъ Владимірскій, Г. Сланецкій, тотъ самый, который нѣкогда отнял ногу у славнаго человѣка, у Принца Ангальта въ Финляндіи. Какъ я ему удивился, когда увидѣлъ его съ длинною сѣдою бородой въ монашеской рясѣ! Онъ бросилъ свѣтъ и шиперъ, * не пишетъ рецептовъ, не мучитъ живыхъ, не рѣжетъ мертвыхъ, поетъ на крылосѣ, читаетъ книги церковныя, и въ уединенной кельѣ готовится къ вѣчности. Не имѣя жены, ни потомства, о чемъ ему жалѣть въ мірѣ? Имѣлъ малое сокровище, нажитое трудами, и то въ монастырѣ похитили; однако жъ философически снесъ свою потерю и не тужитъ объ деньгахъ, радуется своею родиною, наслаждается теплымъ климатомъ, дышетъ свободно, и въ дѣяніяхъ своихъ не даетъ, кромѣ Бога, ни кому отчета. Вотъ жизнь прямо благостынная! Счастливъ, кто умѣетъ ощутить ея прелести и ими себя ограничить, но въ нѣкоторыя лѣта мила еще суета, проклятая суета!

ГЛАВА LXXVI.

Успеневъ день.

Успеневъ день въ Кіевѣ есть день величайшаго духовнаго торжества. За сутки переѣхалъ Митрополитъ Серапіонъ въ Лавру и занялъ свой домъ. Всенощная на праздникъ тяжела: начинается въ 7 часовъ, оканчивается въ полночь. Митрополитъ въ обыкновенное время выходилъ съ своей свитой. Народу было множество, почти негдѣ повернуться. Я со многими уходилъ въ алтарь, и имѣлъ тутъ минуточку свиданія съ Преосвященнымъ. Онъ очень на-

* Жилобой, снарядъ для кровопусканія. О. Б.

боженъ, и, при всей своей слабости, особливо мучимъ будучи главною болѣзнію, онъ выдерживаетъ столь продолжительную службу почти всю на ногахъ; берегитесь только при немъ табакъ нюхать: онъ этого не любитъ. Пѣніе монаховъ мнѣ не полюбілось: напѣвъ протяжный, но безъ выраженія и красоты.

Въ самый праздникъ Митрополитъ служилъ обѣдню съ Архіереемъ Оеофилактомъ, о которомъ говорено выше. Разумѣется, что вся почестъ относилась къ старшему, а сей отставной Епископъ едва замѣтнѣе былъ рядоваго Священника. Я удивлялся этому чрезвычайно; мнѣ всегда странно, что въ самые духовные обряды вводятся обычаи свѣта. Епископъ можетъ быть безъ Епархіи, но все онъ Архіерей, и у престола Божія Митрополитъ и онъ равныя имѣютъ преимущества, по тому что Митрополитъ не выше всякаго Епископа въ служеніи: та же власть, тотъ же обрядъ, чинъ и мѣсто. Между Попами старшіе становятся выше прочихъ, такъ точно и Митрополитъ между Епископами; а здѣсь Оеофилактъ лишентъ всякаго преимущества, и порабощеніе его предъ Серапіономъ, не дѣлая чести Настоятелю, обращало къ послѣднему сожалѣніе зрителей. Я стоялъ въ алтарѣ, по тому что въ церкви духота и тѣснота выгоняли всѣхъ изъ нея вонъ. Въ служеніи Серапіона нѣтъ ни того великолѣпія, ни той сановитости, какую мы привыкли съ восторгомъ видѣть въ Платонѣ. Пѣвчіе здѣшніе поютъ громко, кричатъ, но безъ всякаго вкуса, а монахи держатся своего напѣва и уши только беспокоютъ. Протодіаконъ одаренъ голосомъ твердымъ, звонкимъ, но не всегда умѣетъ имъ владѣть. Евангеліе превеликое выносили два Діакона и насили тащили. Викарій и Леванда служили въ этотъ день въ своихъ мѣстахъ. Проповѣдь у праздника говорилъ учитель Философіи * самую монашескую: экстрактъ изъ Акаѣиста! Ни одной черты занимательной, ни одной мысли превосходной. Замѣтить здѣсь кстати, что духовенство черное въ Кіевѣ, почти вообще

* Иосафъ Моховъ, Гермонахъ и Префектъ, въ послѣдствіи Архимандритъ и послѣдній Ректоръ старой Академіи (уволненный въ Мартѣ 1817 г., въ Кіевочечерскую Лавру на покой, гдѣ и скончался) передъ ея преобразованіемъ въ 1819 г. О. Б.

говоря, не блистательно; Викарій, проповѣдникъ, Ректоръ, главные лица въ здѣшнемъ сословіи духовномъ, не привлекаютъ особеннаго вниманія. Викарій, такъ сказать, простонароденъ; Ректоръ * въ служеніи кривляется и вскрикиваетъ на возгласахъ какъ Дьяконъ. Леванда одинъ восхищаетъ всѣхъ прїѣзжающихъ въ Кіевъ и словомъ и обращеніемъ. Ужъ ли прямая набожность не совмѣстна съ свѣтскою благосклонностію? Ужъ ли чинъ Іерея требуетъ удаленія всякой привѣтливости и грубыхъ отношеній ко всѣмъ? Такъ думать значить, по мнѣнію моему, унижать сущность Вѣры и Богопочитанія; учтивость и лукавство не суть одно и то же. Пора пастырямъ нашимъ быть довольно просвѣщеннымъ, чтобы стыдиться мнѣніемъ общимъ ихъ братья, простыхъ монаховъ, будто тотъ и угоденъ Богу, кто кидаетъ на всѣхъ свирѣпый взглядъ и ни кому добраго слова не хочетъ молвить.

Митрополитъ сему мнѣнію не слѣдуетъ: онъ возвращенъ въ Столицѣ, и далъ намъ послѣ обѣдни превеликолѣпный пиръ. Много было знатныхъ чиновниковъ, прїѣзжихъ въ Кіевъ изъ разныхъ сторонъ, и за столъ насъ сѣло человекъ до ста. Зала большая и помѣстительная, а обѣдъ продолжался до вечера: изъ за стола встали въ 6 часовъ. Чего не ѣли и не пили? Угощеніе было свѣтское и роскошное; плоды всякаго времени на столѣ стояли. Пѣвчіе пѣли во весь обѣдъ духовныя пѣсни. Разумѣется, что пили разныя здоровья и

По ногѣ много лѣтъ намъ пѣвчіе сулили.

Изъ внутреннихъ покоевъ видъ въ пещеры и на Днѣпръ безподобенъ. Пастырь привѣтливъ, обходителенъ, не тяготится собраніемъ народнымъ, любить, кажется, людей и охотно раздѣляетъ съ ними время. Послѣ обѣда онъ водилъ насъ на монастырь

* Іакинѣ Лагоновскій, въ мѣрѣ Иванъ, сынъ бѣднаго Кіевского Дворянина, учился въ Академіи съ 1779 по 1792 годъ, по выходѣ изъ нея былъ учителемъ Грамматикъ и Греческаго языка въ Переяславской Семинаріи, откуда вызванъ въ Академію на Математику, 1795 монахъ, 1800 Преподобный и Архимандритъ, съ 1804 (Марта 30) Ректоръ; 1813 переведенъ въ Курскій Знаменскій монастырь, гдѣ и умеръ 1817 года. О. Б.

слушать главного звона, который плѣнялъ, сказываютъ, Потемкина. На Лаврской колокольнѣ есть колоколъ, прозванный Орелъ; я не упомяну, какъ онъ тяжелъ на вѣсѣ, * но слышалъ его звукъ, и признаюсь, что онъ меня ни сколько не восхитилъ. Въ одинъ только этотъ день въ его звонятъ, по тому, думаю, что трудно съ нимъ обходиться. ** Его раскачиваютъ разомъ человекъ 30, и когда раскачаютъ хорошенько, то пустятъ и языкъ, ударяя изъ стѣны въ стѣну, раздастъ звонъ отъ себя очень далеко. Многіе (и, конечно, изъ предубѣжденія) увѣряютъ себя и другихъ, будто онъ въ себѣ всѣ тоны содержитъ: дишкантъ, теноръ, альтъ и басъ. Я очень вслушивался въ тоны и, кромѣ шума, ни чего не слышалъ, реветъ да и только. Впрочемъ, я до колоколовъ не охотникъ и роскоши въ этомъ вкусѣ не разумѣю. Въ Кіевѣ народъ любить звонъ: да гдѣ же не такъ? Чернь почти вездѣ одинакіе имѣетъ вкусы. Здѣсь, какъ и во всей Малороссіи, обычай звонить при смерти каждаго гражданина въ той церкви, гдѣ онъ былъ прихожанинъ; равнымъ образомъ звонятъ во всѣ колокола въ церквахъ, мимо конхъ несутъ мертвеца, какого бы званія онъ ни былъ, о чемъ заранѣе и дается по пути знать: это входитъ въ обрядъ погребенія.

Митрополитъ хорошо живетъ и при Соборѣ; мы тамъ у него были. Кельи его не велики, но для пріема всенедельнаго изрядны. Въ день прїѣзда нашего въ городъ онъ прислалъ намъ пять большихъ хлѣбовъ съ солью, и самъ пожаловалъ, посѣтилъ насъ. Благосклонность его ко мнѣ во все время пребыванія нашего тутъ оказывалась постоянно. Прощаясь съ нимъ, я получилъ отъ Его Высокопреосвященства въ подарокъ разныя книжки Кіевской печати и планъ Лавры, вытисненный на атласѣ.***

* Въ 500 пудовъ. О. Б.

** Звонятъ въ этотъ день въ колоколъ Успенскій, вылитый въ Москвѣ Моторинымъ, при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ 1000 пудовъ, по тому такъ и называемый. О. Б.

*** Митрополитъ Серапіонъ Александровскій, по городу Александрову Владимирской Губерніи, въ коемъ родился 22-го Іюля, 1747 г., сынъ Священника, учился

Въ Успеневъ день Кіевъ наполненъ богомольцами; пѣшаго народу пропасть, и изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; прїѣзжихъ множество, по совѣстѣ тѣмъ ярмарки нѣтъ, и торгъ самый неважный разными бездѣлушками на базарѣ. И такъ, кто хочетъ молиться въ Кіевѣ, тотъ прїѣзжай сюда къ Успеневу дню; а кто ищетъ въ немъ забавъ, пусть жалуется сюда въ Генварѣ, къ Контрамъ.

ГЛАВА LXXII.

Общая увеселения города. Жизнь Кіева при насъ.

Лѣтомъ ни кто не живетъ въ городахъ, и Кіевъ не изъять изъ сего правила, тѣмъ болѣе, что около его мѣстоположенія завидны. Однако Успеневъ день многихъ привлекаетъ въ Лавру, за нѣсколько дней жизнь городская становится живѣе. По особенному какому-то счастью, на которое во все мое путешествіе не было мнѣ причины пожаловаться, изъ разныхъ сторонъ наѣхали въ Кіевъ мои знакомые, какъ-то, на прим.: Графъ Безбородько, изъ Рима очутились Мятлевъ съ женою и семействомъ; переведенный изъ Москвы Губернаторъ Г. Л. * подъѣхалъ къ той же

у Троицы Сергія въ Семипаріи, съ 1750 (съ Марта) до 1770 (Сентября 23) учитель въ ней Латинскаго языка и Географіи, 1771 (Февраля 8) монахъ, 1772 проповѣдникъ въ Московской Академіи и Иеромонахъ по 1775 г., съ 15 Марта Игуменъ Воздвиженскаго монастыря и Членъ Консисторіи, 1776 (Генваря 7) Заамейскій Игуменъ, 1779 (Февраля 17) Архимандритъ Богоявленскій, 1782 на чредѣ въ Петербургѣ, послѣ чего возвратился на свое мѣсто; 1783 Цензоръ духовныхъ книгъ по Юню 1788; съ Юня (11-го) того же года Викарій Московскій, 1799 Епископъ Калужскій (16 Октября), по вскорѣ (21-го) Казанскій Архіепископъ, а Декабря 11-го, 1803, Митрополитъ Кіевскій и Членъ Синода; въ Кіевъ прибылъ Февраля 5-го, 1804, гдѣ 24 Генваря, 1822 г., уволился по прошенію на покой въ Московскій Даниловъ монастырь, но скончался тамъ же 14-го Сентября, 1824, и погребенъ 17-го въ Софійскомъ Соборѣ. При немъ Кіевская Академія, 14-го Августа, 1817 года, по Указу Синода, обращена была въ Семипарію, до преобразованія оной по новому Уставу, которое и послѣдовало 28-го Сентября, 1819 года, а Семипарія основана новая. О. Б.

* Д. С. С. Дмитрій Семеновичъ Ланской? О. Б.

порѣ. И такъ время проводилъ я очень пріятно въ разныхъ обществахъ, у каждаго изъ нихъ. Досуги мои, послѣ любопытныхъ занятій, бывали очень коротки и всегда наполнены пріятной бесѣдой путешествующихъ.

Я часто воображалъ себѣ, что мы въ чужихъ краяхъ, гдѣ соотечественники, собравшись вмѣстѣ, дѣлятъ между собой дни и часы и проводятъ время какъ бы на своей родинѣ. Такъ точно и здѣсь: мы всѣ заѣзжіе люди, не имѣя ни какой особенной связи ни съ кѣмъ въ Кіевѣ, сѣзжались между собой. Кіевляне были для насъ какъ бы чужеземцы, и мы одни проводили вечера во взаимныхъ разсказахъ о томъ, что кто изъ насъ видѣлъ. Натурально, что Г. Мятлевъ, прїѣхавши изъ Рима, первую ролю игралъ въ разговорѣ: его новости были занимательнѣе прочихъ, и я съ жадностію всегда его слушалъ.

Военный Губернаторъ Кіевскій, занимая весь дворецъ, живетъ въ немъ очень роскошно. Кромѣ ежедневныхъ публичныхъ сѣздовъ въ его садъ для того, чтобъ гулять, глазѣть, слушать музыку и пѣсни, онъ далъ огромный праздникъ 10 числа Августа, въ честь Г-жи Мятлевой. У него былъ во дворцѣ прекрасный балъ, залы великолѣпнѣйшимъ образомъ были освѣщены. Богатый ужинъ, огромная музыка, большое число гостей, все способствовало къ общему удовольствію. Мы также приглашены были, и пробыли тутъ часовъ до трехъ утра.

Хозяинъ отменно вѣжливъ и благосклонно всѣхъ принимаетъ: нѣтъ ни чего гордаго, суроваго, несноснаго въ его обращеніи. Онъ веселъ и любитъ, чтобъ у него было весело; не щадя своихъ доходовъ, расточаетъ ихъ безъ всякой бережливости. Вкусъ и роскошь неразрывны были на его балѣ, и я отъ сердца пожелалъ, чтобъ онъ имѣлъ миллионы. Его богатство не ему одному, но многимъ доставило бы отрадные минуты.

Графъ Безбородько пользуется въ городѣ прекраснѣйшей усадьбой, и выстроилъ не весь домъ еще, какой для него приличенъ, но многія его принадлежности, и отдѣлалъ для себя флигель, въ которомъ при насъ на недѣлю расположился. Онъ его убралъ со

вкусомъ прелести; видъ изъ окошекъ наполненъ: съ правой стороны открывается холмъ съ Михайловскимъ монастыремъ, съ лѣвой Софійской соборъ на своей высотѣ: все вмѣстѣ несравненно и одному Кіеву прилично. Въ этомъ домѣ Графъ разсудилъ позвать Митлева, Военнаго Губернатора и насъ къ себѣ по Русски на полдникъ—у иностранцевъ тоже самое нынѣ называется un théе, т. е., чай: чего мы тутъ не ѣли и не пили? Лучшіе плоды земнаго шара, изящнѣйшее вино въ природѣ. Сосуды, чаши, подсвѣчники, все соглашалось съ богатствомъ хозяина, вездѣ въ глаза кидались бронза, фарфоръ превосходный, стекло отмѣнное, живопись лучшая. Взглянувши на каждую вещь, трудно было снять съ нея глаза и обратить въ другую сторону, гдѣ новыя прелести также ихъ задерживали. Присоединимъ къ такой роскоши ласковое угощеніе хозяина, остроумныя шутки гостей, бесѣду непрерывную и ума наполненную, готовность каждого блеснуть замысловатымъ словомъ. Все восхищало, и нельзя было довольно возблагодарить Графа за доставленіе такой пріятной вечеринки.

Сестра познакомила насъ съ однимъ родственникомъ мужа ея, Черниговскимъ помѣщикомъ Г. Ми ** который два раза насъ угощалъ у себя съ истинной пріязнью; мы у него обѣдали и ужинали: семейство любезное, благосклонное, готовое къ услугамъ. Такое знакомство всегда находка.

На Подолѣ одинъ Кіевлянинъ, нѣкто Могилевскій, отецъ любезнаго молодого человѣка, который нѣкогда дѣлилъ занятія мои по службѣ, захотѣлъ насъ имѣть у себя въ домѣ и пригласилъ по Малороссійски на борщъ. Мы у него обѣдали и ѣли всякое тамошнее кушанье. Столъ былъ жирный, сытый и лакомый, вино пили доброе, хозяинъ радовался нашимъ посѣщеніемъ, а мы его лаской, и разстались другъ съ другомъ взаимно довольны.

Онъ зналъ свѣчку мою съ его сыномъ и мое къ нему добротство. Признательность его дѣлаетъ честь его чувствамъ, что нужды, что онъ незнатенъ? Лучшая порода—душа и сердце.

* Миклашевскимъ? О. Б.

Вообще Кіевляне, сколько я ихъ видѣлъ и изъ посѣщеній у нѣкоторыхъ распознать могъ, гостепріимны и до людей охотники. Имѣя мало публичныхъ увеселеній, какъ и всѣ Губернскіе города, они сѣзжаются между собой, принимаютъ другъ друга, составляютъ частныя общества и ни одинъ гость не уйдетъ, не выпивъ за здоровье хозяина добраго бокала славнаго Венгерскаго вина.

Между живущими въ Кіевѣ безъ службы и дѣла примѣтенъ особенно Молдавскій бывшій Господарь, Князь Иисилантій, который, послѣ бывшаго Кіевского Коменданта, Вигиля, * купилъ здѣсь прекрасный домъ. Я нигдѣ не имѣлъ случая съ нимъ встрѣтиться.

Чаще всѣхъ и почти всякой день запросто бывали мы у Митлевыхъ, которые тамъ оказывали намъ большую ласку; всѣ вечера мы у нихъ просиживали, говорили о Римѣ, о руинахъ, о тамошнихъ красотахъ. Возможно ли находить время длиннымъ въ пріятной бесѣдѣ?

Однажды Пр. Ив. угодно было написать нѣсколько лестныхъ строкъ въ моихъ «Сумеркахъ.» ** Тутъ она и мужъ ея оставили почеркъ свой въ память частыхъ нашихъ свиданій въ Кіевѣ. Вотъ мой отвѣтъ:

Давно, весьма давно, призналъ ученый свѣтъ,
Что Римъ есть тронъ наукъ, изящнаго искусства,
Нигдѣ, какъ говорятъ, такихъ диковинъ нѣтъ,
И такъ рѣзецъ и кисть не дѣйствуетъ на чувства.
Я вѣрилъ; но чтобъ быть увѣрену неложно,
Я опыта для глазъ и для души желалъ;
Сомнѣнію сему продлиться не возможно,
Я въ «Сумеркахъ» моихъ нашелъ, чего искалъ:
Искуснаго пера прекрасныя черты,
Какъ солнца яркій лучъ въ листахъ моихъ явился;
Откуда, думалъ я, такіа красоты

* Филиппъ Лаврентьевичъ 1788—1798, отецъ Филиппа Филипповича Вигиля: О. Б.

** Есть книжка моихъ стиховъ, прозванная «Сумерки моей жизни,» въ которую, какъ въ альбомъ, мои знакомые дарили меня своимъ перомъ.

Волшебнымъ слогомъ вдругъ въ тѣни изобразилась?
 Желая пошутить, попробовать перо,
 Изъ Рама на пути пригожая Московка
 Черкнула строчекъ пять и пѣжно и остро,
 Нечаянно пѣлнать знакома ей уловка.
 О! вѣрить я теперь и возгласить готовъ,
 Что точно Римъ однимъ изяществомъ владѣть;
 Нѣтъ, скажемъ, что владѣтъ, благодаря боговъ,
 Уже Матлеву не Римъ, Москва въ себѣ имѣетъ.

ГЛАВА LXXVIII.

Отъѣздъ изъ Кіева. Козелецъ.

Проживши дней 10 въ Кіевѣ въ безпрестанномъ, такъ сказать, изумленьи, пора было ѣхать домой. Изъ переписки моей съ родными я видѣлъ нетерпѣливость ихъ опять съ нами увидѣться: я ее цѣнилъ въ полной мѣрѣ, и при всемъ томъ удовольствіи, какое доставило мнѣ мое путешествіе, я скучалъ по своимъ домашнимъ. У кого есть дѣти, тому безъ нихъ вездѣ скучно; кто имѣетъ друзей, тотъ всегда ищетъ къ нимъ приблизиться.

Мы рѣшились выѣхать отсюда 18 числа. На канунѣ я ходилъ еще разъ взглянуть на Кіевъ съ Андреевской башни или галереи: это было въ вечеру. Солнце, оканчивая бѣгъ свой, скрывалось отъ нашихъ странъ; закатъ его былъ ясенъ, чистъ; небо ни чѣмъ не помрачено, и лазурный сводъ его принималъ на себя отраженіе послѣднихъ солнечныхъ лучей. Въ такое время дня взошелъ я на Андреевскую гору и окинулъ глазами весь Кіевъ еще разъ въ жизни. Нѣтъ ни чего прекраснѣй сего зрѣлища; я отъ него былъ внѣ себя и не вмѣщалъ своихъ восторговъ. На Подолѣ выстроены Магистратъ: онъ держится Германическихъ обрядовъ, будучи образецъ тамошнихъ Ратушъ. По обыкновенію того края трубачъ выходитъ на каланчу, трубить въ часъ утренней и вечерней зари и въ полдень: музыка заиграла въ эту самую минуту; я ее слышалъ съ горы, и звукъ трубъ раздавался далеко по струямъ Днѣпра. Все способствовало къ потрясенію моихъ

чувствъ; они были живы, пламенны, обнимали вдругъ прошедшее и настоящее. Простясь съ солнцемъ, простился съ Кіевомъ и пошелъ домой готовиться къ отъѣзду.

Въ самый день нашего отъѣзда посѣтилъ я въ послѣдній разъ гробъ моей бабки, принесъ ей жертву моего благоговѣнія, оросилъ слезами мертвенное ея покрывало и пожелалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы они проникли до безсмертной души ея, и естли мертвые въ селеньяхъ пренебесныхъ могутъ убѣждаться чувствами земнородныхъ, еще населяющихъ юдолю міра, то пусть великая душа ея приметъ наше поклоненіе съ такимъ же благопріятствомъ и кротостію, съ какимъ Отецъ тварей, изливая на насъ щедроты свои, внемлетъ моленію сыновъ, ищущихъ угождать ему.

Съ трепещущимъ сердцемъ и въ сильномъ волненіи его выѣхали мы изъ Кіева. Сестра провожала насъ: она не плакала, чтобъ насъ не растрогать; но черты лица ея изображали истинное положеніе огорченного ея сердца. Проводы ея мужа умножили беспокойство наше внутреннее: намъ жаль было разставаться съ ними; намъ жаль было ихъ—Кіево-домашнихъ, словомъ, всего: хотѣлось ѣхать, хотѣлось остаться. Чувствительный человѣкъ есть самое мятежное существо во вселенной.

Нечаянная встрѣча насъ разсмѣшила на минуту. Одинъ бѣдный Полякъ, издавна знакомый женѣ моей, странствующій въ Кіевѣ безъ пристанища, увидѣвши ее, узналъ и, называя старымъ именемъ: «Ah! Madame Rojarina (сказалъ онъ ей), grand triste et grands pleurs!» Такъ онъ хотѣлъ изъяснить сожалѣніе свое о томъ, что ея давно не видалъ; а за два дня передъ тѣмъ видѣлъ ее и спрашивалъ у всѣхъ: кто такая? Прямой Полякъ: и холоденъ и жарокъ въ одну и ту жь минуту; мы всѣ этому посмѣялись.

Екипажи наши дожидались насъ за рѣкой; чтобъ дойти до нея, надобно спуститься съ превысокой и крутой горы, которую стараются всячески сдѣлать отложе, и не безъ успѣха; но работа нынѣ стоитъ казнѣ до 4,000 руб. Многіе критикуютъ эту издержку, и не совсѣмъ безъ основанія разсуждаютъ, говоря: въ VI-мъ вѣкѣ строили городъ; въ него и изъ него въ цѣлыя XV столѣтія

выѣзжали по другой сторонѣ, гдѣ путь съ обѣздомъ былъ несравненно легче и отложе: для чего же въ XIX вѣкѣ вздумали проложить на Днѣпръ новый спускъ, который крутъ, опасенъ и дорогъ?

На берегу Днѣпра я простился съ сестрой, съ зятемъ. Минуты разлуки съ людьми любезными неспосны: ни что ихъ не красить. Я побѣжалъ, не оглядываясь, за мостъ, и, на той сторонѣ остановясь нѣсколько секундъ, взглянулъ на Лавру: какъ видѣть ее изъ за рѣки величественъ! Тутъ надобно глядѣть на Кіевъ, и дивиться этому хребту горъ превысокихъ, на которыхъ онъ поставленъ. Отсюда глядя на нихъ, признаться должно, что онъ много выше Владимірскихъ холмовъ; да и Днѣпръ, при всѣхъ его отменяхъ, гораздо шире и важнѣе Клязьмы. Чтoby много похвалить Владиміръ, довольно сказать, что онъ—Кіевъ въ маленькомъ видѣ. Какъ всю картину города украшаетъ Подоль! Ни какому описанію повѣрить нельзя; надобно это видѣть: одинъ собственный взоръ увѣрить въ превосходствѣ мѣстополюженія. Думаю, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ему подобнаго. Долго я не могъ усидѣть въ коляскѣ: сяду—и опять вонъ; оборочусь назадъ—и смотрю на Кіевъ. Чѣмъ больше я отъ него удалялся, тѣмъ плѣнительнѣе представлялась картина его въ отдаленіи. Онъ восхитителенъ, и я только тогда пересталъ закидывать глаза назадъ, какъ взбѣсили меня пески: тутъ я спрятался въ уголъ моей коляски, поднялъ ее и задремалъ.*

До Броварей 18 верстъ только, но онѣ утомительны: песокъ сыпучій, лошади едва тащатъ повозки, насъ пекло до смерти. На силу въ 4 часа времени доѣхали. Во всю дорогу двигались

* О Кіевѣ см. прекрасное сочиненіе Н. В. Закревскаго, подъ заглавіемъ: «Описаніе Кіева», явившееся въ первый разъ въ Ревелѣ 1836: «Очеркъ исторіи города Кіева», стр. 68; вторично въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1848 г.: «Мѣтонисъ и Описаніе города Кіева», 256 стр., кн. II, и особо, и въ третій въ 1868 г., въ Москвѣ, отдѣльно, въ 2-хъ большихъ томахъ, съ изображеніями и чертежами: «Описаніе Кіева», вновь обработанное и значительно умноженное изданіе, но при чтеніи его слѣдуетъ дѣлать подлѣ руками и не менѣе прекрасныя изслѣдованія о Кіевской старинѣ М. А. Максимовича, въ особенности его: «Объяснительные параграфы о Кіевѣ. Кіевъ, 1869.» О. Б.

шагомъ, и почти третью часть ея шли пѣшкомъ. Какая тоска! Отъ Броварей до другой станціи, Семиполки, 27 верстъ, пески не такъ глубоки, но все еще есть, и мы ѣхали не очень скоро. Это селеніе принадлежитъ Княгинѣ Хованской, которая сама тутъ живетъ.* Карета и повозки отъ насъ отстали, но намъ не хотѣлось терять дня, и мы съ женой одни въ коляскѣ поскакали въ Козелецъ. Тутъ дорога пошла лучше. Мы 24 версты проѣхали въ два часа. Селенія часты, и рощи есть. Вечеръ былъ прекрасный, и послѣ горячихъ песковъ эта станція дала намъ отраду. Мы захватили часа полтора сумерекъ и темноты, но доѣхали въ Козелецъ одни, безъ прислуги и всѣхъ товарищей оставивъ назади. Козелецъ—Уѣздный городокъ Черниговской Губерніи: она начинается подъ самымъ Кіевомъ, тотчасъ за Днѣпромъ, и мы, вступя въ нее, увидѣли тѣ же распоряженія по дорогѣ, какія въ Полтавѣ. По обѣ стороны деревья, но, проклятыя, не хотятъ ни какъ приниматься. До Козельца прогоны почтовые платятся по 3 копейки на лошадь, по тому что это называется военный Петербургскій трактъ.

Городничій далъ намъ квартиру въ своемъ домѣ. Козелецъ—городъ неважный и можетъ хвалиться только отмынымъ множествомъ водяныхъ мельницъ, коихъ до 12 почти рядомъ. Часть ихъ принадлежитъ казнѣ, другая помѣщикамъ, и когда воды для всѣхъ недостаточно, то они мелютъ по очереди, понедѣльно. Гербъ города мнѣ показался забавенъ: серебряный козелъ, и на немъ золотые крестъ и держава. Какъ могли такіе священные атрибуты соединиться между рога самаго неблаговопнаго скота? Вотъ все, что о Козельцѣ сказать можно.* Всѣ наши от-

* Какъ Бровари, такъ и Семиполки, прежде принадлежали Кіевопечерской Лаврѣ, теперь же первое—мѣстечко съ 2 церквами, Еврейской молельней, 2 ярмарками и торговыми; въ немъ около 300 дворовъ или 2,000 душъ обою пола, лежитъ при озерѣ Свѣдловицѣ; другое при ручьяхъ Пилевкѣ и Татаркѣ, надъ болотомъ Сиволожью, съ 163 дворами или почти около 2,000 жителей обою пола, церковью и тремя заводами. О. Б.

** Козелецъ дѣйствительно можетъ похвалиться своими мельницами, такъ какъ онъ стоитъ надъ рѣкой Остромъ и рѣчкой Карашней. Остеръ течетъ по нему извилисто, окружаетъ его съ 3-хъ сторонъ и впадаетъ въ Десну; мѣстополюженіе

ставшіе спутники пріѣхали очень поздно, и мы, пообѣдавши сегодня на скорую руку въ Броваряхъ, легли спать не ужинавши. Послѣ всѣхъ тѣхъ наслажденій, кои намъ представилъ Кіевъ, одинъ день поста перенести было не трудно. Обыкновенно при выѣздѣ изъ большихъ городовъ, особливо гдѣ нѣсколько дней промѣшкаешь, наши люди не умѣютъ скоро собраться, и пока господа любопытствуютъ, смотрять старыхъ, или новыхъ, диковинъ, слуги шатаются по трактирамъ, пробуютъ свойство хмѣля, сравниваютъ чужестранный съ своимъ, наконецъ не стоятъ на ногахъ, и когда надобно собираться, то или спать, или отстали, или чего ни будь въ поклажахъ не сыщутъ. Да здравствуютъ Русскіе холопы!

ГЛАВА LXXIX.

Нѣжинъ.

19 числа выѣхали мы изъ Козельца съ намѣреніемъ поспѣть почевать въ Нѣжинъ, въ чемъ и успѣли. Поѣхавши въ 9 часовъ утра, пріѣхали въ 5 по полудни. Дорога сюда пещана, а къ Нѣжину гати и недомостки очень беспокоятъ. Обѣдали мы въ Носовкѣ, помѣстьѣ Графа Безбородька, гдѣ у него для пріюта маленькой флигель построенъ. Графъ еще въ Кіевѣ во всѣ свои Малороссійскія деревни далъ намъ приказы, которымъ одолжены мы были большими пріятностями.

равное со многими въ предмѣстьяхъ садами. Въ немъ была когда-то и крѣпость, обнесенная валомъ; въ городѣ теперь церквей 3, изъ коихъ одна построена матерью Графовъ Разумовскихъ, во имя Рождества Богородицы, по плану архитектора Графа Растрели, съ колокольней, похожей на Кіевопечерскую; въ церкви многія иконы Итальянской живописи. Извѣстно, что въ 7 верстахъ отъ Козельца находится село Лемешъ—родина реестроваго Козака сего полку, Григорія Розума, отца Разумовскихъ. За городомъ находятся женскій Боголюбскій монастырь, а въ нѣсколькихъ верстахъ мужской Георгіевскій, управляемый Игуменомъ; сверхъ того Еврейскихъ двѣ молельни, Уѣздное и Приходское Училища, Больница, ярмарокъ 3, ежепедѣльные торги и нѣсколько заводовъ. Жителей около 430 дворовъ съ 3,000 обоего пола. Отъ Губернскаго города Чернигова

Лишь въѣхали въ Нѣжинъ, какъ встрѣтили любопытное зрѣлище—Жидовскую свадьбу. Одинъ Жидъ шелъ отъ жениха съ дарами къ невѣстѣ, неся по улицѣ на головѣ какой-то не покрытый коленкоръ, который мы скоро, ѣхавши рядомъ, накрыли пылью. За нимъ пѣшествовали три Жида, изъ которыхъ одинъ игралъ на скрипкѣ, другой на цымбалѣ, а третій шумѣлъ кастанетами или гремушками. Гуляки этѣ дошли до дому невѣсты и встрѣчены были у двора ея роднею. Черезъ часъ началась свадьба, и я нарочно пошелъ ее посмотреть. Вотъ въ чемъ состоялъ ихъ обрядъ:

Новобрачные выведены были изъ дому на улицу подъ большой наметъ, на четырехъ жердяхъ висящій. Женихъ 16 лѣтъ одѣлся въ шубу и надвинулъ шапку. То же сдѣлала невѣста, совершенная ему ровестница; все лице у нея было закрыто. Около навѣса торчали родственники и наша братья зрители. Жида, по обыкновенію, кричали во весь голосъ. Тотъ, который бракъ совершалъ, стоялъ подъ общимъ съ ними холстомъ, обручалъ ихъ кольцами, поилъ виномъ, держалъ подъ носомъ у нихъ свѣчи и стаканъ, изъ котораго ихъ поилъ: опорожнивъ, бросилъ на земь, и его въ мелкіе кусочки истопталъ народъ; все это сопровождалъ онъ пѣніемъ и кривляньемъ, безъ котораго у Жидовъ нѣтъ ни какого духовнаго дѣйствія. Послѣ различныхъ своихъ фарсъ, онъ прочелъ имъ брачный договоръ, и тѣмъ все кончилось. Отъ вѣнца повели ихъ подъ руки въ домъ; тѣ же музыканты заиграли плясовые пѣсни, Жида и жены пріударили въ ладоши, и самые усердные пріатели новобрачныхъ, идучи впереди, въ присядку плясали. Какая трогательная церемонія!

Я эту чету проводилъ до воротъ, но въ домъ не пошелъ, за тѣснотой; я могъ вообразить, какъ тамъ душно, тѣсно, гадко!

отстоятъ въ 62 верстахъ, а прежде былъ, до открытія Намѣстничества, онъ главнымъ городомъ Кіевского полка съ своей сотней. Нынѣшней гербъ его взятъ съ печати городской Магистратской, между тѣмъ какъ печать Полкова представляла Кіевскія горы съ крестомъ, водружаемымъ Апостоломъ Андреемъ, который благославляетъ еще свыше десницей. О. Б.

Между Жидовокъ одно только лицо можно замѣтить было по красотѣ его и пригожеству: впрочемъ, въ этомъ разсѣянномъ сбродѣ людей, я мало встрѣчалъ хорошихъ лицъ женскаго пола. Сколько ни старался узнать, отъ чего женихъ и невѣста вѣчались въ шубахъ и шапкахъ, не могъ ни какъ причины добиться, а жаръ былъ нестерпимый, и ихъ вѣрно солнце пекло, какъ огонь куропатокъ на вертелѣ. Я думаю, что это для того, чтобъ они всегда были жарки другъ къ другу и холодны къ другимъ. Хорошо, естли имъ это удастся.

Поговоримъ о самомъ городѣ. Онъ неопрытенъ и нехорошъ, но видно, что торговый, и отъ того богатъ. По превосходству числа жителей въ немъ изъ Грековъ, можно назвать его Греческимъ городомъ. Мостовыхъ нѣтъ, и такъ осенью и весной въ большія грязи ни проходу, ни проѣзду. Площадей и регулярныхъ улицъ не увидишь, а пустырей много; рѣчка скверная или, лучше сказать, протечная лужа. Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ каменный; Магистратовъ два: одинъ Уѣздный, по общему статусу всѣхъ Россійскихъ городовъ, и строеніе его такой же формы, какъ въ Кременчугѣ, только поменьше и не столь великолѣпно; другой учрежденъ собственно для Грековъ, кои пользуются здѣсь разными преимуществами, и изъ нихъ самое важное то, что дома ихъ свободны отъ постоя. * Ряды скверные: обыватели намѣреваются строить новые.

* Въ нынѣшнее время Грековъ въ Нѣжинѣ очень мало, не болѣе 363 душъ обо-его пола, изъ коихъ многіе, со времени перевода Всеѣдинской ярмарки въ Ромень, живутъ въ другихъ Русскихъ городахъ, не выписываясь, однако жъ, изъ своего общества и присылая въ своей Магистратъ о себѣ сказки, откуда получаютъ видъ на прожитіе. Они отличаются отъ прочихъ Нѣжинскихъ обитателей только однимъ своимъ типомъ; впрочемъ, между ними было и есть довольно и Буларъ, говорящихъ по Гречески и выдающихъ себя за Грековъ, что-бы участвовать въ тѣхъ выгодахъ, которыя предоставлены имъ были у насъ еще со времени Гетмана Богдана Хмельницкаго, старавшагося привлечь ихъ въ Малороссію для развитія торговли. Выгоды эти въ наше время ограничиваются: свободой отъ податей, постоевъ, подводъ и личной службы, платежа гильдій по всей Черниговской Губерніи, поступленіемъ въ войско на правахъ личныхъ Дворянъ, имѣющихъ своей Магистратъ съ Членами его, утверждаемыми Губернскимъ Начальствомъ, и пользуются преимуществами купцовъ 1 и 2-й гильдіи. Кромѣ того,

Въ Нѣжинѣ есть мужской монастырь, построенный Яворскимъ, котораго и портретъ стоитъ въ соборномъ храмѣ. Онъ заложенъ при Петрѣ 1, ровесникъ Полтавской побѣды. Около тѣхъ дней поставленъ тутъ престолъ во имя Благовѣщенія. Отсюда его названіе Назаретъ. * Архимандритъ тутошній, Ректоръ

Нѣжинскіе Греки имѣютъ свое Александровское Училище на правахъ Уѣзднаго. Нѣжинъ раскинутъ на равнинѣ, по обимъ берегамъ рѣки Остра, протекающей черезъ городъ прорытымъ каналомъ, конченнымъ въ 1812 году, теперь заросшимъ травою, а по тому жители пужаются въ водѣ, пользуясь ею отчасти изъ колодезь. Южная часть города болѣе сѣверной. Основаніе его теряется въ древности; думаютъ, что онъ встрѣчается уже около XII-го столѣтія (подъ 1147 г. въ Ипатьев. спискѣ упоминаются Нѣжатинъ въ одномъ мѣстѣ, и Унеѣжъ въ другомъ, но одно ли и то же это названія, равно какъ и Нѣжати на нива?). Судьба его неразрѣнна съ судьбою прочихъ Малорусскихъ городовъ; въ XVII столѣтіи онъ получилъ Магдебургскія права, нѣкоторыя земли (на 12 верстъ кругомъ себя и нѣкоторыя населенныя хутора и села въ своемъ и Борзенскомъ Уѣздахъ) и самый гербъ: Георгій на конѣ, поражающій копьемъ змія; онъ употреблялся въ Магистратѣ до открытія Черниговскаго Намѣстничества; настоящій же гербъ Нѣжина: четырехугольный продолговатый щитъ, коего нижніе углы закруглены, а въ нижнемъ краю на срединѣ острое возвышеніе; щитъ перерѣзанъ съ права на лѣво, на двѣ части, изъ коихъ въ верхней, въ красномъ полѣ, двѣ руки, одна другую держащая, а въ нижней въ синемъ полѣ золотой жезлъ Меркуріевъ. Этотъ гербъ употреблялся Полковою Канцеляріей, и утвержденъ навсегда Государыней въ 1782 году. При Гетьманахъ Нѣжинъ высоко было поднятъ: преимущества, полученные имъ какъ прежде, отъ Польскихъ Королей, такъ и отъ Гетьмановъ своихъ, подтверждались и Русскими Государями. Онъ былъ одинъ изъ 4-хъ вѣрныхъ Малороссійскихъ городовъ (съ Переяславомъ, Черниговомъ и Полтавою) для Московскаго Государя, и по тому занималъ Русскимъ войскомъ съ Комендантомъ. Съ 1782 г. Нѣжинъ сдѣлался Повѣтовымъ городомъ Черниговскаго Намѣстничества, а потомъ Уѣзднымъ Малороссійской, послѣ Черниговской, Губерніи. Нынѣ Нѣжинъ принадлежитъ къ значительнѣйшимъ городамъ своей Губерніи по величинѣ, храмамъ (22 Православныхъ, 1 Католическій и Синагога), учебнымъ заведеніямъ (6-ть: Лицей, Гимназія, Греческое, Уѣздное, Приходское и Еврейское казенное Училища) и другимъ учрежденіямъ (Больница, домъ для Инвалидовъ, Богодѣльня, 2 частныхъ Пансіона), населенію (2,334 дома съ 20,000 жителей обою пола) и промышленности, производимой особенно Греками и Малороссіянами (папушный табакъ, соленые огурцы и другіе плоды, отправляемые на Покровскую ярмарку въ Кролевецъ, а оттуда развозимые по всей Россіи). Есть свой гостиницей дворъ, и т. п., ежедневныя торги; Полицеймейстеръ съ 4 Квартальными. О. Б.

* Митрополитомъ Рязанскимъ Стефаномъ, какъ въ мѣстѣ, въ которое (городъ

Черниговской Семинаріи, родомъ изъ Болгаръ, и худой, сказываютъ, проповѣдникъ. По случаю вакаціоннаго времени во всѣхъ училищахъ, мы его застали въ своемъ монастырѣ и познакомились съ нимъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ скромнымъ и благодушнымъ, принялъ насъ очень ласково, и самъ посѣтилъ на нашей квартирѣ; водилъ меня по всему монастырю и всѣ его красоты показывалъ. Всѣхъ рѣдкостей выше кровь Іоанна Предтечи, которую онъ самъ мнѣ съ разными частями мощей показывалъ на престолѣ, въ особомъ ковчегѣ; впрочемъ, ни чего я не нашелъ отъѣннаго. Церковь прекрасна, судя по вкусу—старинной архитектуры. Архимандритъ этой обители имѣетъ права служенія подобнаго Настоятелямъ Ставропигіальныхъ монастырей, т. е., осѣняетъ свѣчами, принимаетъ дары и пр. и носитъ пананію.

Между новыми строеніями замѣтить можно Греческую церковь. Она похожа на всѣ новѣйшіе соборы, какіе видѣли мы въ Одессѣ и Херсонѣ. Иконостасъ и убранство церкви въ Греческомъ вкусѣ. Мнѣ не понравилось только то, что подъ ней сдѣланы подвалы, изъ которыхъ, думать надобно, отпускаются на продажу бочки съ виномъ. Стыдно, по мнѣнію моему, унижать достоинство домовъ Божіихъ такими экономическими, да еще большею частію и къ пользѣ разврата служащими, заведеніями. Колокольня хороша и сквозная. Жаль, что поскупились Греки сдѣлать съ третьимъ уступомъ еще одинъ этажъ. Она бы тогда была образцовой красоты.

Но оставимъ эти предметы, какъ входящіе въ рядъ весьма обыкновенныхъ человѣческихъ предпріятій, а обратимся къ совершенно диковинному зданію. Нѣжинъ уже и теперь имъ щеголять можетъ, а со временемъ прославится въ ученомъ свѣтѣ. Графъ Безбородко пожертвовалъ милліономъ рублей на то толь-

Нѣжинъ) родители его, избѣгая гоненій отъ Уніатовъ, выселились изъ мѣстечка Явора Вольнской Губерніи, въ коемъ онъ родился 1658 года; но храмъ построенъ не въ 1709, а въ 1716 году. Этой обители онъ завѣщалъ и свою многочисленную бібліотеку, которая, однако, по просьбѣ Бѣлогородскаго Епископа, Досиѣя, въ 1731 г., перенесена въ Харьковскій Коллегіумъ, но, говорятъ, въ этомъ монастырѣ все таки осталось нѣсколько его рукописей на Латинскомъ языкѣ. О. Б.

ко, чтобъ здѣсь основать огромную Гимназію для Грековъ и Малороссіянъ. Основательные здѣшніе жители до сихъ поръ утверждаютъ, что братъ его, Свѣтлѣйшій Князь, очень привязанъ былъ къ Нѣжину, хотѣлъ тутъ построить для себя домъ, и въ немъ перестать жить, такъ какъ Разумовской скончался въ Батуринѣ; но всѣ предположенія человѣческія суетны: Князь умеръ на Невѣ, а въ Нѣжинѣ, вмѣсто дома для него, подымаетъ братъ его колоссальное зданіе для распространенія наукъ и художествъ. Мысль прекрасная, достойная знатнаго расчитателя!*

Этотъ домъ строится изъ кирпичу, и длина его будетъ 40 сажень. Первый этажъ уже выведенъ; года въ три, думать долж-

* Князь Александръ Андреевичъ былъ сынъ Малороссійскаго Генеральнаго Судьи. Андрея Яковлевича Безбородька, родился въ Глуховѣ 1746 г., учился сперва въ домѣ родительскомъ, а потомъ въ Кіевской Академіи; 1765 Бунчуковъ Товарищъ и Правитель Канцеляріи Графа Румянцева-Задунайскаго, Генераль-Губернатора Малороссіи; 1767 Членъ Генеральнаго Суда, черезъ два года предводитель Нѣжинскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Компанейскихъ полковъ, участвовалъ въ сраженіяхъ съ Турками при Румянцовѣ, завѣдывая, кромѣ того, его походными дѣлами; 1774 Полковникъ, 1775 у принятія прошеній на Высочайшее имя; 1779 Бригадиръ; 1780 Генераль-Маіоръ; 1784 Тайный Совѣтникъ, Вице-Канцлеръ и Графъ Римской Имперіи; 1786 Гофмейстеръ; 1790 Д. Т. Совѣтникъ; 1797 Канцлеръ и Свѣтлѣйшій Князь. Послѣ себя оставилъ брату своему, Илья Андреевичу (см. выше стр. 63, примѣч. 1-е), около 40,000 душъ, которыя перешли потомъ въ дома Графа Г. Г. Куселева и Князя А. Я. Лобанова-Ростовскаго, женатыхъ на дочеряхъ Графа Илья, изъ коихъ сынъ первой получилъ позволеніе именоваться Графомъ Куселевымъ-Безбородькомъ, старшій изъ его рода всегда Почетный Попечитель Гимназій высшихъ наукъ, а нынѣ Нѣжинскаго Лицея. Въ бумагахъ Князя по смерти отыскалось завѣщаніе вносить ежегодно въ теченіе 6 лѣтъ по 10,000 въ пользу Богоугодныхъ заведеній, а потомъ въ продолженіе 8-ми по 20,000. Графъ Илья, присоединивъ отъ себя по 15,000 въ годъ на вѣчныя времена, съ обезпеченіемъ того 3000 душъ, рѣшился основать въ Нѣжинѣ Училище высшихъ наукъ, подарилъ для него мѣсто съ садомъ, что и одобрено Императоромъ 29 Іюля, 1805 г. Постройка зданія стоила 400 т. бум.; открытіе послѣдовало въ 1820 г. Гимназія состояла изъ 9 классовъ, въ коихъ преподавались науки Словесныя, Политическія, Физико-Математическія; отличные изъ воспитанниковъ выпускались съ званіемъ Кандидата и чинномъ 12 класса, а прочіе Дѣйствительнаго Студента и чинномъ 14-го класса. Въ 1832 (по другимъ 1834) Гимназія эта переименована въ Лицей съ 3-хъ курсымъ Физико-

но, что и весь корпусъ кончится. Графъ для прїѣздовъ своихъ имѣетъ и въ Нѣжинѣ деревянный домъ, но ни чего незначащій, хуже деревенскихъ его квартиръ. При немъ старый садъ, разведенный какимъ-то Обыдовскимъ, * отъ котораго усадьба дошла къ Безбородьку и до сихъ поръ называется Обыдовщина. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ сей обширный храмъ наукъ обезсмертитъ имя учредителя и Нѣжинскаго патріота.

Мы въ Нѣжинѣ одну ночь переночевали и стояли въ прекрасной квартирѣ. По сосѣдству Черниговскихъ своихъ помѣстьевъ, зять мой знакомъ съ однимъ зажиточнымъ обывателемъ Нѣжинскимъ, Грекомъ купцомъ, по имени Клица, и далъ къ нему письмо. Онъ насъ принялъ очень ласково, отдалъ намъ весь домъ, который, при выгодномъ расположеніи покоевъ, очень хорошо прибранъ. Садъ его не великъ, но для прогулки довольно просторенъ; въ немъ бесѣдка круглая на изрядномъ мѣстѣ; мы въ ней пили чай на завтра, рано по утру, передъ отъѣздомъ нашимъ и въ удовольствіе хозяина хвалили нѣкоторыя окрестности Нѣжина, кои, впрочемъ, изъ одной учтивости, для привѣтствія, можно назвать хорошими. Хозяинъ добрымъ ужиномъ насъ угостилъ, и мы ему остались очень благодарны. Кто охотникъ до ликеровъ, пусть ѣдетъ сюда: они превосходны; не напрасно хвалятся всякими водками Нѣжинъ; правда, что нигдѣ такихъ отличныхъ не дѣлаютъ.

Математическимъ Факультетомъ, а 1840 въ Юридическій Факультетъ; при Лицѣѣ учреждена еще особая Гимпазія, въ которой готовились бы къ поступленію въ оный. Оба основателя покоятся въ Петербургѣ: первый скончался 6-го Апрѣля, 1799, а второй 3-го Іюня, 1813 г. О. Б.

* Полковникомъ Нѣжинскимъ и племянникомъ по сестрѣ, Александрѣ Степановѣ, Гетьмана Ивана Степановича Мазепы, бывшей въ замужствѣ за Обыдой, Полковникомъ Гетьмана Ханенка, котораго въ 1670 г. онъ посылалъ къ Царю въ Москву съ увѣреніемъ въ своей вѣрности и проч. Этотъ племянникъ былъ

ГЛАВА LXXX.

Батурино. Гробъ Графа Разумовскаго.

Отъ Нѣжина до Батурина 80 верстъ, и мы туда поспѣли почевать 20 числа. Дорога ровная, но еще пещана. Во многихъ мѣстахъ разводять табакъ. Къ удивленію нашему, яровые хлѣбы еще не поспѣли; гдѣ же? Въ Малоросіи! Чего же у насъ ожидать? Гати и проспекты продолжаются: первая мучительны въ грязную пору, а послѣднія цѣлыми верстами прерываются и сохнутъ. Обѣдать останавливались мы въ Борзнѣ: городокъ Уѣздный, ни чего не значущій, въ которомъ мы ни кого и ни чего не видали. * На квартирѣ замѣтилъ я, что передъ образомъ положено въ переднемъ углу два пучка ржаныхъ колосьевъ и ступка соли. Хозяйка сказывала намъ, что у нихъ въ обрядѣ первые начатки плодовъ земныхъ приносить къ образамъ, а потомъ они эти зерна смѣшиваютъ съ тѣми, кои у нихъ идутъ на посѣвъ.

Батурино—мѣстечко, принадлежащее Разумовскимъ. Само по себѣ оно ни чего не значить: строеніе въ немъ бѣдное, положеніе мѣста самое некрасивое. Здѣсь нѣкогда была столица Малороссійскихъ Гетмановъ. Фельдмаршалъ Графъ Кириллъ Григорьевичъ, извѣстный своею роскошью, послѣдніе годы жизни провелъ въ Батурино и въ немъ скончался. Говорятъ, что и здѣсь жилъ очень пышно: такъ думать должно, судя по его домамъ; одинъ изъ нихъ деревянный и похожъ на Дворецъ. Мы не нашли уже въ немъ ни

женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Кочубей, дочери извѣстнаго Василія Леонтьевича Кочубея, а сестрѣ Матроны Васильевны, соблазненной Мазею, хотя и крестницѣ его. О. Б.

* Онъ лежитъ при болотистой рѣчкѣ того же имени, на ровной мѣстности. Около половины XVII столѣтія Борзна является въ Исторіи Сотеннымъ мѣстечкомъ Нѣжинскаго полка, потомъ была Повѣтовымъ, а теперь Уѣзднымъ, городомъ. Вокругъ его множество вѣтряныхъ мельницъ (за сто), такъ какъ обитатели ведутъ большую торговлю хлѣбомъ (особенно рожью), коего сбывается до полу-милліона пудовъ въ годъ; кромѣ того занимаются изготовленіемъ сапоговъ (до 10,000 паръ ежегодно), продаваемыхъ въ окрестностяхъ и далѣе. Домовъ за 1200 съ 9,000 жителей, 4 церквами, Еврейской молельней, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками, еженедѣльными торгами. О. Б.

какого убранства; онъ обнаженъ всѣхъ своихъ прелестей, но, по огромности своей и количеству покоевъ, достоинъ и понынѣ примѣчанія. При немъ садъ великъ, но запущенъ; оранжереи наполнены плодами. Другой домъ каменный: въ немъ Графъ и жить не успѣлъ, только что отдѣланъ; онъ поставленъ на лучшемъ мѣстѣ, какое отыскаться могло въ Батуринѣ, на горѣ и надъ рѣкой. Домъ въ три этажа, съ широкимъ балкономъ и колоннадой. Комнатъ большихъ нѣтъ, а отъ того онъ внутри и не очень великолѣпенъ, но снаружи, особливо изъ за рѣки, видъ его довольно пригожъ. Это имѣніе принадлежитъ нынѣ Графу Андрею Кирилловичу * одному, и даетъ ему доходу до 200 т.; за нимъ считается здѣсь 16 тысячъ душъ; управляетъ всѣмъ этимъ добромъ Англичанинъ, родившійся въ Россіи и воспитанный въ Лондонѣ; онъ говоритъ очень чисто по Русски и весьма привѣтливъ, отвѣтъ намъ покой въ большомъ деревянномъ Графскомъ домѣ, накормилъ насъ, освѣтилъ и запотчивалъ фруктами: яблокъ здѣсь и абрикосовъ пропасть. Повѣрять ли, однако, что въ этомъ климатѣ былъ морозъ 10 Іюня, и съ 7 Августа опять начались морозы? Не знаю, такой ли былъ годъ, или это обыкновенно и въ Малороссіи, какъ у насъ около Сѣвера; но узнавши это, я сказалъ про себя: «Славны бубны за горами. Искали тепла—нашли стужу.»

Въ Батуринѣ разныя заведенія. Извѣстно, что здѣсь дѣлаютъ славныя восковыя свѣчи; нынѣ зачали лить коротенькіе огарки нарочно для ночниковъ; свѣтъ ихъ темень, но очень полезнѣе и

* Сыну Гетьмана Графа Кирилла Григорьевича, р. 22-го Октября, 1732 г.: на 12 году Мичманъ, учился съ 1764 за границей въ Университетахъ по 1769, служилъ въ Англійскомъ флотѣ и вышелъ изъ него Лейтенантомъ, участвовалъ въ походѣ въ Архипелагъ, 1773 Капитанъ-Лейтенантъ и Камеръ-Юнкеръ, 1774 Бригадиръ, 1775 Генералъ-Майоръ; 1776 Полномочный Министръ въ Венеціи, 1778 въ Неаполѣ по конецъ Ноября 1783, 1784 Дѣйствит. Камергеръ, 1786 Чрезвычайный Посланникъ въ Стокгольмъ, 1790 помощникъ нашего Посла въ Вѣнѣ (Князя Д. М. Голицына), съ 1792 самъ Посолъ при этомъ Дворѣ; 1797 Д. Т. Совѣтникъ; 1806 уволился, но не выѣхалъ изъ Вѣны; былъ первымъ Полномочнымъ нашимъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ и возведенъ въ Князья 1813, а вскорѣ за тѣмъ получилъ и титулъ Свѣтлости; 1819 Д. Т. С. 1-го класса; скончался въ Вѣнѣ, 11-го Сентября, 1836 г., на 84 г. отъ рожденія; потомства не оставилъ по себѣ. О. Б.

пріятнѣ всякой лампы ночью; они горятъ часовъ 12; тѣхъ и другихъ мало продаютъ, по тому что Графъ Андрей Кирилловичъ затребовалъ къ себѣ въ Вѣну до 400 пудовъ свѣтъ. Какая пропасть! Жаль, что это не разойдется по насъ въ Россіи и что отъ этого мы съ другихъ фабрикъ скверныя свѣчи будемъ покупать гораздо дороже!

Въ 40 верстахъ отсюда Графъ имѣетъ овчарный заводъ; называютъ, что на немъ считается до 1200 настоящихъ Испанскихъ овецъ. Разумѣется, что есть и фабрика суконная; пятьдесятъ становъ въ работѣ; на иныхъ точется солдатское сукно, а на другихъ тонкое. Для храненія ихъ устроенъ особый магазинъ, изъ котораго сукна выпускаются на вольную продажу. *

Всѣмъ вообще управляетъ сказанный Англичанинъ. Я читалъ вѣрющее письмо, которое изъ Вѣны отъ Графа ему прислано. Силою сей довѣренности онъ имѣетъ право на всякое распоряженіе; можетъ даже для изворотовъ хозяйственныхъ продавать и закладывать. Неограниченное полномочіе! Отецъ его поселился здѣсь за 40 лѣтъ назадъ и правилъ имѣніемъ Фельдмаршала. Когда тотъ и другой скончались, сынъ того же иностранца смѣнилъ въ правленіи своего отца и угодилъ Графу Андрею Кирилловичу. Условія его всѣ состоятъ въ томъ, что онъ съ чистаго Графскаго дохода получаетъ десятую долю. Въ прошедшемъ году ему дошло взять тысячъ съ 16, кромѣ того столъ, услуга, погребъ, освѣщеніе, квартира, все Графское и все съ большою роскошью: какое прекрасное состояніе! За 30 тысячъ доходу его нельзя себѣ доставить нигдѣ въ Россіи. Обязанности другой онъ не несетъ, какъ посылать годовой отчетъ въ доходъ и расходъ. Отчетъ сей состоитъ безъ всякихъ мелочныхъ подробностей въ показаніи крупныхъ статей сбора и издержекъ. Расходы по дѣламъ въ Присутственныхъ Мѣстахъ совершенно лежатъ на его совѣсти; за тѣмъ чистый барышъ переводится въ Вѣну. Графъ Андрей Кирилловичъ такъ привыкъ ему вѣрить, что онъ ни чего болѣе не требуетъ, а все апробуетъ. Если такая довѣренность дѣлаетъ

* Это была первая суконная фабрика въ нынѣшней Черниговской Губерніи, устроенная 1736 года; нынѣ, говорятъ, находится въ бездѣйствіи. О. Б.

много чести Англичанину, который черезъ 40 лѣтъ ее не употребилъ во зло и всегда больше и больше оной удостоивался, то не меньше, смѣю думать, похвально и для помѣщика-вельможи, что, испытавъ качества повѣреннаго своего, не мучить его мелочью, не дрожить изъ копѣйки и не прѣтеть надъ расходными кипами бумагъ.

Въ Батуринѣ 4 церкви: въ лучшей изъ нихъ, каменной, похороненъ Фельдмаршалъ. * Онъ умеръ по философски и самъ назначилъ мѣсто своего погребенія. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною онъ поручилъ Англичанину, отцу нынѣшняго Управителя, вырыть ему въ церкви могилу. Болѣзнь препятствовала ему долго самому ее осмотрѣть. Онъ спросилъ иностранца: «Зробивъ

* Построена она имъ во имя Воскресенія Христова въ послѣднее время своей жизни. Да и все, что ни было тогда въ Батуринѣ хорошаго, либо создано имъ, либо же улучшено: дворецъ, садъ, паркъ, каменные лавки, мосты, мельницы, фабрики, церкви и т. д., такъ какъ до назначенія Батурина, въ 1750 г., въ пребываніе ему, какъ Гетьману, городъ этотъ лежалъ въ развалинахъ послѣ взятія его Меншиковымъ въ 1709, коему и подаренъ былъ въ 1726, а потомъ считался казеннымъ. Извѣстно, что онъ основавъ Польскимъ Королемъ, Стефаномъ Баторіемъ, коего имя и носитъ (Батуринъ вмѣсто Баторинъ), и назначенъ въ пребываніе для Гетьмановъ Козацкихъ на самой крайней точкѣ Польскихъ владѣній. Для той же цѣли онъ всѣми мѣрами поощрялъ Козаковъ переходить съ праваго берега Днѣпра на лѣвой и заселять оный. Имѣлось при томъ въ виду Заднѣпровскихъ Козаковъ употребить, въ случаѣ надобности, и оплотомъ противъ Московскаго Государства, начинавшаго уже время отъ времени замѣтно усиливаться, и по тому безпокоить Поляковъ. Но безпокойный обсто-
ятельства послѣ Баторія долго мѣшали его укрѣпленному городу быть столицей Козацкой, такъ что онъ, вмѣстѣ съ другими Южнорусскими городами, лишился много, даже сталъ частной собственностью (Пана зъ Тепчина Осолинскаго). Лишь при Гетьманѣ Многогрѣшномъ Батуринъ ожилъ и сдѣлался его мѣсто-
пребываніемъ (съ 1669 г.). Гетьманъ этотъ, при переходѣ въ него, рассчитывалъ, конечно, на возможность скорого пособія отъ Воеводъ Московскихъ въ Пу-
тивлѣ, Сѣвскѣ, Бѣлгородѣ и другихъ. Преемники этого Гетьмана по тому же оставались въ немъ; изъ нихъ Мазепа чрезвычайно пышно зажилъ въ Батуринѣ и на славу укрѣпилъ его. Извѣстно, что Батуринъ упорно сопротивлялся Менши-
кову, а по взятіи артиллерія его состояла изъ 315 пушекъ, которыя отправлены были въ Сѣвскъ. Теперь отъ прежняго Батурина немного сохранилось: среди его замѣтны еще остатки стариннаго вала и рововъ; не въ далекомъ урочище «Городокъ», въ коемъ былъ дворецъ Мазепы, а въ другомъ урочищѣ «Тепловкѣ» — полураз-
валившійся дворецъ Разумовскаго. О. Б.

мнѣ хату?» Графъ любилъ весьма нарѣчіе своей родины и часто въ Батуринѣ мѣшалъ его въ разговоръ свой. Узнавши, что яма готова, самъ ее осмотрѣлъ и одобрилъ. Не всякой вельможа такъ равнодушно спустится въ землю!

Монументъ надъ гробомъ его хорошъ и величественъ своею простотой; сработалъ его извѣстный ваятель Мартосъ изъ мрамора. Надпись безъ всякаго витійства, и нѣтъ регистра его титуловъ; въ средней части памятника бюстъ его и въ подножіи урна подъ покровомъ. Противъ его мавзолея, на лѣвой сторонѣ, на черной доскѣ, изображенъ гербъ Фельдмаршала, со всѣми его доспѣхами. Мраморъ и работа стоили на мѣстѣ въ Петербургѣ 12 тысячъ.

ГЛАВА LXXXI.

Обѣдня въ Батуринѣ. Дорога до Сѣвска.

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, бывши Посломъ въ Вѣнѣ, имѣлъ своихъ пѣвчихъ, которыхъ, оставя службу, возвратилъ въ Батуринъ. Они учились въ Россіи у Бортиянскаго * и у превосходныхъ мастеровъ въ чужихъ земляхъ. Теперь живутъ здѣсь, и въ праздничные дни поютъ обѣдни у гроба стараго своего господина: ихъ только 12 человекъ. Дисканты еще слабы, недавно набраны и требуютъ навыковъ, а прочіе голоса образованы съ наилучшимъ искусствомъ. Я остался на полсутки лишняго въ Батуринѣ, чтобъ ихъ услышать. Они при мнѣ пѣли обѣдню. Подлинно, я давно не слыхалъ такой сладкой гармоніи: какіе пѣжные голоса! Какая музыка! Какое выраженіе въ лицѣ каждого

* Дмитрія Степановича, род. въ Глуховѣ 1752 года; онъ былъ взятъ въ Придворную пѣвческую, 1768 посланъ Императрицей въ Италію, гдѣ въ Венеціи обучался у Капельмейстера Галули, сочинилъ двѣ оперы и нѣсколько ораторій, одобренныхъ знатоками, путешествовалъ по извѣстнымъ городамъ Италиі и, возвративъ въ Россію, въ концѣ 1779, сдѣланъ былъ Композиторомъ Придворнаго хора, а Императоромъ Павломъ пожалованъ въ Регенты, послѣ былъ Директоромъ Пѣвческаго Придворнаго хора. Онъ написалъ множество концертовъ и другихъ пѣвческихъ піесъ; умеръ Д. С. С. въ Петербургѣ 1826 г. О. Б.

изъ нихъ! Всякой не нуту только беретъ и не голосъ возвышаетъ: онъ въ это время чувствуетъ, восхищается, восторгъ одушевляетъ всѣ его черты; словомъ, вспомните время Екатерины, зимній ея Дворецъ, обѣдню тамошняго храма. Я нечувствительно былъ перенесенъ въ тотъ вѣкъ и тронуть до глубины души.

Церковь очень хорошо отдѣлана, иконостасъ отличной работы. Старичекъ Священникъ служитъ просто и, кажется, забывается, по тому что онъ, растворя Царскія двери во время выхода съ Евангеліемъ, не затворялъ уже ихъ до самого Причастнаго; или и служба Божія подходитъ подъ общую пословицу: «Всякъ молодецъ на свой образецъ?» Примѣчено, что Графъ Кириллъ Григорьевичъ, гдѣ у себя ни строилъ по волѣ своей церкви, вездѣ посвящалъ или Воскресенію Христову, или Захарію и Елисаветѣ: преданность похвальная къ имени той Владычицы, которая развела родъ ихъ и разсыпала на него свои щедроты! Кто не знаетъ многихъ замысловатыхъ словъ покойнаго Графа? Изъ разныхъ поступковъ его можно было замѣтить, что онъ отъ природы одаренъ возвышенными чувствами благороднаго человѣка.

Послѣ обѣдни мы остались обѣдать у Англичанина: онъ далъ намъ столъ прекрасный. Чужимъ подчивать забавно! На что тутъ мѣра, счетъ и вѣсъ? Во время стола пѣвчіе пѣли разные духовные канты, потомъ Италіянскіе и наконецъ Малороссійскія пѣсни. Слѣдъ послѣднимъ они насъ совершенно обворожили: въ Малороссійскихъ пѣсняхъ я всегда находилъ что-то томное, унылое, что идетъ прямо до души: они заплѣли меня до слезъ!

Видѣть у Графа Разумовскаго въ домѣ при немъ самое множество людей въ богатой ливрѣ, столъ его въ большомъ убранствѣ, слышать музыку и пѣвчихъ, пить настоящее Шампанское—неумудрено; но всѣмъ этѣмъ наслаждаться безъ него, въ его деревнѣ, у прикащика иноземца, надо признаться, что не скоро повѣришь своимъ глазамъ, особливо, когда сравнишь съ изобиліемъ такого иностранца тѣсноту и бѣдность многихъ Россійскихъ Дворянъ, да какихъ?—Изувѣченныхъ! Гдѣ?—На полѣ брани. За кого?—За Отечество!! Глядя на это, запечалишься и безъ Черкасскихъ романсовъ. Однако, оставя разсужденія, скажемъ спасибо доброму

Англичанину за то, что онъ такое учредилъ здѣсь пріятное гостепріимство.

Запоздавши въ Бутуринѣ, * мы не могли далѣе доѣхать Крелевца, 44 версты. Дорога сюда пещана и безпокойна; лошади тощія, къ тому же и холодно стало; воздухъ переѣмился, какъ будто давалъ намъ чувствовать, что мы приближаемся къ Сѣверу.

Жида отъ самаго Кіева уже мало попадались. Когда деревья по пути разростутся, то лоскутокъ этой дороги будетъ очень хорошъ; но теперь еще голо и стенно; частыя гати, мѣстами очень нехорошія, наносятъ большія непріятности. Переѣмивъ лошадей въ селеніи, по имени Алтыновка, ** пріѣхали въ Крелевецъ къ закату солнца.

Крелевецъ—Повѣтовый городокъ, очень плохой и квартирами бѣдный. *** На ту пору Городничій былъ въ отпуску, а Ст. Ком.

* Батуринъ нынѣ мѣстечко, съ 1835 года съ его волостью взять въ казну за долги его владѣльцевъ. Въ немъ теперь до двухъ съ половиною тысячъ жителей обоего пола или 539 дворовъ, 2 годовыхъ значительныхъ ярмарки, 2 церкви, почтовая станція и контора, 3 завода (свѣчновосковый и 2 свѣчнопсалъныхъ). О. Б.

** При колодцахъ, Козачье, въ 18 верстахъ отъ Уѣзднаго города, съ 580 дворами или 2500 душъ обоего пола, 2 церкви, приходское Училище, Волостное Правленіе, ярмарокъ 3 и торги. О. Б.

*** При рѣкѣ Свиднѣ, основанъ кѣмъ-то изъ Польскихъ Королей, отъ чего и названіе свое получилъ; имѣлъ Замокъ, Магдебургію, потомъ былъ Сотеннымъ, послѣ Повѣтовымъ, нынѣ Уѣзднымъ; теперь съ 800 слишкомъ домовъ или за 4,000 жителей обоего пола, 6 церквами, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками и еженедѣльными торгами; въ немъ много разныхъ заводовъ. Положеніе его возвышенное и покатое къ р. Свиднѣ. Изъ ярмарокъ особенно замѣчательна 14-го Сентября, болѣе 200 лѣтъ существующая и снѣтающаяся въ Малороссіи (послѣ Пльнской и Крепелской и послѣ перевода Пльнской изъ Ромна) значительнѣйшей, годъ отъ году видимо усиливающейся. Будучи послѣдней въ году изъ большихъ ярмарокъ, чрезвычайно цѣнится купцами, которые посылаютъ товары свои на нее уже послѣ Успенскаго поста, а торговля длится почти до конца Сентября (съ 10-го съѣзжаются купцы, а съ 14-го покупатели). О. Б.

Офицеръ едва умѣлъ сыскать для насъ одну какую-то горницу, въ которой мы и помѣстились коекакъ почевать. Это безпокойство было слѣдствіемъ удовольствій нашихъ въ Батуринѣ: естли бѣ мы рано выѣхали оттуда, мы бы его миновали.

Имѣя въ предметѣ поспѣть въ одинъ день въ Сѣвскъ, 110 верстѣ отъ Кролевца, мы 22 числа очень рано собрались въ путь, и никогда еще во всю дорогу я не испытывалъ такихъ безпокойствъ, какъ сегодня. Самъ на станціяхъ выгонялъ лошадей, чтобъ не потерять времени напрасно, а мало успѣвалъ въ желаніи. Нигдѣ почти не останавливаясь, мы не путешествовали, а скакали во весь духъ, и совсѣмъ тѣмъ прихватили два часа ночи. По моему расчету и дорожнику, мнѣ необходимо было поспѣть въ Сѣвскъ, и отъ этой суеты я многихъ мѣстъ по пути хорошихъ не разглядѣлъ порядочно: ночь была темна; подѣзжая къ городу, или шелъ пѣшкомъ, или ѣхалъ шагомъ.

Обѣдъ насъ на часокъ задержалъ въ Глуховѣ. Я досадовалъ и жалѣлъ вмѣстѣ, что не могъ побыть тутъ нѣсколько подольше и высмотрѣть городъ; онъ съ наружнаго виду показался мнѣ хорошъ, домовъ и церквей примѣтилъ я довольно: одна, съ куполомъ и колоннадой, за заставой мнѣ очень понравилась. Мы лошадей дожидались въ трактирѣ и пасилу ихъ добились. * Тѣмъ

* Глуховъ находится при рѣчкахъ Есмани и Березѣ, на скатахъ пологихъ береговъ ихъ; онъ одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городовъ Сѣверы, по крайней мѣрѣ упоминается уже въ половинѣ XII-го столѣтія; во время нашествія Татаръ Глуховъ одинъ только, говорить, остался неприкосновеннымъ; въ 1663 г. выдержалъ осаду Поляковъ почти двухмѣсячную; въ 1708 сдѣлался пребываніемъ Гетмана Скоропадскаго, по смерти коего учреждена въ немъ Малороссійская Коллегія, помѣщавшаяся въ обширномъ въ 3 жилиа домѣ съ 250 комнатами: въ 1836 удѣлѣнное отъ нея разобрано на постройку Присутственныхъ Мѣстъ; съ 1782 году Уѣздный Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества, потомъ Черниговской Губерніи. Теперь въ Глуховѣ 11 церквей, Еврейскихъ молельнъ 2, Уѣздное и Приходское Училища, Богдѣльня и Больница, много хорошихъ домовъ и каменныхъ лавокъ; есть улицы, вымощенныя камнемъ; отъ старины остатокъ вала и каменная крѣпостная ворота; домовъ больше тысячи почти съ 12 тысячнымъ населеніемъ обою пола. Онъ весьма промышленный городъ, особенно хлѣбомъ и сахаромъ, и по тому считается по капиталамъ первымъ въ Губерніи; имѣетъ

временемъ зашелъ къ намъ одинъ монахъ изъ монастыря, въ 20 верстахъ отъ Глухова находящагося, * слоняется по городу и таскаетъ связку сухихъ грибовъ. Поговоря съ нимъ, я узналъ, къ крайнему моему удивленію, что онъ Владимірскій мужикъ, отпущенный изъ деревни Плесець ** въ монашество. Сколько тупеядцевъ по монастырямъ! Что онъ тутъ дѣлаетъ? Не лучше ли бы ему пахать землю, платить подать и окружить себя семействомъ? А въ монастырѣ онъ тянетъ брагу, лѣнится, или въ ясный день собираетъ березовые грибы въ рощѣ и ходитъ въ Глуховъ и промѣниваетъ ихъ на чарку горѣлки.

Отдаленность монастыря отъ города помѣшала мнѣ видѣться съ однимъ знакомымъ мнѣ Архимандритомъ, отцомъ Филаретомъ, который, будучи здѣшній уроженецъ, избралъ его по отставкѣ въ жилище себѣ. Онъ на родинѣ, ему прекрасно; я чаю, для него Глуховъ лучше всѣхъ столицъ обширнаго міра. Я тамошнему бродягѣ поручилъ отправить ему отъ меня поклонъ; естли онъ его не исправилъ и естли путешествіе мое попадетъ въ руки черноризаца Филарета, то пусть онъ видѣтъ, что я его не забылъ, и что со мною заочные мои знакомые ни чего не теряютъ.

До Глухова все еще краѣ земли песчаный, по дороге хороша. Черниговская Губернія вся въ проспектахъ: многія деревья разрослись. Видно, что этотъ предметъ занимаетъ Правительство. Со временемъ, когда ветлы дадутъ тѣнь, похвалятъ и тѣхъ, кои занимались насажденіемъ ихъ, а теперь еще бранятъ и бранить долго будутъ, по тому, что ни кто труда не любитъ, а безъ труда ни чего сдѣлать нельзя полезнаго.

общественный Банкъ, лавокъ за 200, большею частію каменныхъ, ярмарокъ 4, торгъ 2 раза въ недѣлю, фабрикъ и заводовъ много, раздѣляется на 4 квартала. О. Б.

* Нынѣ въ 24 верстахъ отъ Глухова, на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Клевени, посреди густаго дубоваго лѣса. Обитель во имя Св. Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, основанная около 1230 г.; съ 1744 Архимандрія вмѣсто Игуменства. Въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря скитъ, въ которомъ Св. Димитрій Ростовскій писалъ «Житія Святыхъ.» О. Б.

** Нынѣ погость при р. Уводи Ковровскаго Уѣзда, въ 7 верстахъ отъ Коврова, съ 8 дворами, 40 душами обою пола и церковью. О. Б.

ГЛАВА LXXXII.

СѢвскъ.

И такъ простились мы съ Малороссіей и вѣхали въ Орловскую Губернію. Появились рощи, а съ ними вмѣстѣ и бѣдное жилье, называемое курни. Далеко позади насъ остались мазанки и бѣлыя хаты, въ коихъ чистота красила убожество; зачалъ подувать и сѣверный вѣтерокъ: полно легко одѣваться. Учивый Городничій СѢвскій позволилъ намъ пристать въ своихъ покояхъ. Онъ самъ живетъ въ огромномъ каменномъ корпусѣ Присутственныхъ Мѣстъ, и занимаетъ комнаты большія съ зеркалами, паникадилами и всякими прихотливыми убранствами. Жалованья ему только 300 рублей. Чудеса! На дрова и на свѣчи, конечно, мало. Догадку къ сторожъ: спасибо доброхотному хозяину! Если бы онъ насъ ввелъ и къ ключнику своему въ избу, я бы и той обрадовался, по тому что ночью нѣтъ для меня ни чего хуже коляски: я изъ нея радъ всюду выскочить.

СѢвскъ имѣетъ мѣстами хорошіе виды, на пр., съ старой крѣпости, или обрытаго землянаго вала, гдѣ еще бомбы и пушки какія-то разметаны, когда въ одну точку зрѣнія соберешь стеченіе двухъ рѣкъ, Сѣва (по ней и городу имя дано) и Морицы; на нихъ плотина и мельница въ самомъ сельскомъ расположеніи; за ней, въ одну сторону, Архіерейскій домъ, Семинарія и монастырь, съ другой часть города, называемая Заморицкая: когда на это вдругъ взглянешь съ верху, получишь пріятную картину. Впрочемъ, хоть городъ вообще, собравъ всѣ его части, и довольно великъ, но виды его не прекрасны, особливо Морица можетъ справедливѣе названа быть болотомъ, нежели рѣкой. *

Орловскій Архіерей имѣетъ здѣсь свой домъ верстахъ въ двухъ отъ города, и живетъ въ немъ постоянно; тутъ же помѣ-

* Собственно СѢвскъ на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Сѣва, при впаденіи въ нее Морицы, отъ чего городъ распался на двѣ части: на Городскую (СѢвскую) и Заморицкую. Древность СѢвска не датѣ XVI-го столѣтія. Прежде въ немъ до повѣйшаго времени пребывали Архіереи, называвшіеся СѢвскими и Брянскими, какъ Викаріи Московской Митрополіи, а съ 1788 Орловскими и СѢвскими. О. Б.

щается Семинарія въ двухъ деревянныхъ флигеляхъ; для нея строится каменный домъ. Все пусто: ученики гуляютъ, а Богословія пылятся въ шкапахъ. Я заходилъ къ Преосвященному съ визитомъ и побесѣдовалъ съ нимъ; я зналъ его прежде. Онъ мнѣ показался человѣкомъ умнымъ, просвѣщеннымъ, любить Словесность и много читаетъ; обхожденіе его ни чѣмъ не разнить отъ вѣжливости людей свѣтскихъ; онъ монахъ, но монахъ опрятный, вѣжливый, благоразумный. Но поелику я съ одинакой откровенностью сообщаю читателю худое и доброе, по мѣрѣ, какъ что тѣмъ, или другимъ, мнѣ въ пути покажется, то со всей похвалой, какой я обязанъ Епископу СѢвскому, за его ласку и пріязнь, не могу не признаться, что я удивился построенному трудами его собору въ городѣ.

Храмъ прекрасный, обширный, сообразный лучшимъ рисункамъ повѣйшей Архитектуры; входъ въ него величественъ; первый взглядъ плѣняетъ; нигдѣ нѣтъ пестроты, вездѣ видѣнъ вкусъ, разборчивость; стѣны расписаны подъ мраморъ; иконостасъ окруженъ колоннами; на верхнемъ ярусѣ во всю церковь хоры: они окружаютъ и алтарь; слѣдовательно, безпрепятственно на служеніе пастыря у престола женской полъ глядѣть можетъ, когда хочетъ, обходя хоры кругомъ. Но чего я простить не могу, то живопись алтарную: на всѣхъ стѣнахъ и даже на мѣстныхъ иконахъ внутри алтаря увидите вы зелень, деревья, сельскіе виды, садовыя картины, словомъ: престолъ жертвы безкровной въ здѣшнемъ Успенскомъ соборѣ поставленъ въ храмъ природы—это боскетъ. Можно для вкуса подражать иногда свѣту, вводить его и въ церковныя зданія, но до нѣкоторой степени: все имѣетъ свое приличіе и мѣру; крайности во всякомъ родѣ досаждаютъ. Можетъ быть новостъ меня поразила: я нигдѣ еще такихъ затѣй въ церквахъ не видѣлъ. Мнѣ пришли на мысль Дамаскины, Златоусты. Ахъ! если бы они увидѣли нашу бѣдную Вѣру и ея богатая жертвы!

Мы заѣхали въ женской монастырь: * онъ очень также хорошъ и богатъ. Въ немъ все золото и стекло; гдѣ нѣтъ перваго,

* Троицкій 3-го класса, на большой Московской дорогѣ, близъ землянаго вала, построенъ въ концѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

тамъ окошко, а гдѣ стѣна, тамъ позолота! Храмъ отъ этого очень свѣтелъ и торжественный видъ имѣетъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ спущено до 6-ти паникадилъ хрустальныхъ: солнце отражаетъ въ нихъ свои лучи, камушки даютъ повсюду блескъ, и игра отъ нихъ чрезвычайно веселитъ взоръ. Чистота самая строгая въ церкви, и это болѣе всего домъ Божій украшаетъ. Игуменья, женщина простая, позвала насъ къ себѣ въ келью; мы застали у нея сестру родную Генерала Вязмитинова, Маргариту: она 20-ть лѣтъ тутъ монахиней и еще не очень стара. Портретъ Досиѣя* поставленъ въ церкви надъ мѣстомъ Игуменьи. Такъ и должно: это значитъ, что пастырь всегда въ храмѣ на сестрѣ своихъ о Христѣ назираетъ и, какъ добрый стражъ, блюдетъ стадо Господне.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ и по милости Г. Городничаго отобѣдавши у него, часовъ въ 12 мы поѣхали далѣе, и прибыли 23 числа въ Дмитріевскъ: это 63 версты отъ Сѣвска. Съ нами хорошій былъ запасъ тамошнихъ вишенъ и сливъ. Дорога хороша; ни что не мѣшаетъ ѣхать скоро, разумѣя, когда напередъ заготовлены лошади. Эта предосторожность почти вездѣ необходима; безъ того или пойдешь пѣшкомъ, хотя бы кучу имѣлъ подорожныхъ въ карманѣ за всѣми знатѣйшими подписаньями въ Государствѣ, или простоишь на одномъ мѣстѣ до послѣдняго издыханія, а Смотрителя почтоваго ни одного не учтешь, не уговоришь. Деньги, деньги, деньги: вотъ, господа путешествующіе, ключъ во всѣ двери и надежнѣйшая подорожная!

Мы переѣхали сегодня очень длинный просѣкъ, который ведетъ въ имѣніе Князя Н. П. Голицына. Знаменитая вотчина! Здѣсь не во время пошевелились крестьяне. Фельдмаршалъ Князь Р., посѣдѣвшій въ подвигахъ военныхъ, пріѣзжалъ стращать пушками: далъ два, три залпа—мужики стали валиться; увидѣли, что не шутятъ—бѣжать домой; спрятались и покорились. Кого ядра не урезоняютъ? Аргументъ превосходный!

* Досиѣй Ильинъ, изъ Викаріевъ Новгородскихъ, 1798 г., Октября 26, переведенъ былъ на кафедру Орловскую и Сѣвскую. О. Б.

Солнце садилось, какъ мы вышли изъ коляски на почлегъ: оно вездѣ мило, вездѣ прекрасно, но въ дорогѣ особливо на него глядишь, какъ на Божество, покровительствующее тебѣ: не хочется потерять ни одной искры его лучей.

ГЛАВА LXXXIII.

Дмитріевскъ. Домъ Безбородька. Кромь.

Городъ Уѣздный Дмитріевскъ, въ которомъ мы остановились, не великъ, но довольно хорошо расположенъ. Въ немъ строятся каменный Соборъ и корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ. Около города было нѣкогда все имѣніе Кантемира, но казна взяла послѣ него до 13 тысячъ душъ въ свое вѣдомство, и Императоръ Павелъ пожаловалъ ихъ всѣмъ Свѣтлѣйшему Князю Безбородьку.* Нынѣ они по наслѣдству дошли къ брату его, Графу, а сей изъ Кіева снабдилъ меня приказомъ къ здѣшнему своему Управителю, у котораго я ожидалъ найти квартиру самую простую; но сколько удивленъ я былъ, войдя въ домъ Графской, который стоилъ ему до 100 тысячъ!

Онъ расположенъ великолѣпнѣйшимъ образомъ: нижній этажъ каменный, а верхній деревянный; по обѣ стороны колоннада съ крыльцами; на концахъ ея два флигеля: одинъ для гостей, другой для первыхъ надобностей дома, т. е., для поварни; на боковыхъ апоронахъ еще два большіе флигеля, и отъ нихъ, противъ дома, полукружіемъ смыкается заборъ съ красивыми въ срединѣ воротами. Внутри домъ прибранъ просто, но со вкусомъ: всѣ комнаты

* Въ старину городъ этотъ принадлежалъ къ Украинѣ; въ немъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, было и Управленіе Комарицкихъ Государевыхъ волостей; въ смутное время держалъ сторону Самозванца, и по тому былъ послѣ разоренъ совершенно; въ послѣдствіи, по пожалованіи Петромъ I-мъ его округи бывшему Молдавскому Господарю, Дмитрію Кантемиру, за его Молдавское Государство (вмѣстѣ съ

расписаны, всѣ окошки убраны самыми лучшими ситцами, эстампы отборные, паникадилы новыхъ рисунковъ, зеркала чистой самой воды и дорогой мѣры; словомъ, домъ такой вездѣ бы былъ прекраснымъ, въ Дмитріевскѣ это Дворецъ.

Садъ великъ, но не убранъ и разбитъ не по Англійски; дороги всѣ правильно проведены и очень узки, а отъ того и темны; между ими въ квадратныхъ густотахъ посажены плодовые деревья, около сада обводится каменная высокая ограда, которая станетъ дорого, по тому что садъ занимаетъ 10 десятинъ земли: изрядное поле для хлѣбонашества! Но что можетъ разстроить такое имѣніе, какъ Графское? Для него сотни тысячъ меньше, чѣмъ рубль для многихъ тысячъ Дворянъ, его братьи. Счастье есть что-то такое, что мы никогда не поймемъ и чему завидовать не перестанемъ. Я знаю, что Философы насъ учатъ находить его въ умѣренности. Какъ имъ угодно, но я пристану къ Вольтеру и скажу вмѣстѣ съ нимъ, что для счастья излишество иногда очень необходимо.

Это завело меня въ глубокія размышленія. Въ большой залѣ дома поставленъ на колоннѣ бронзовый бюстъ Павла I. Долго я на него глядѣлъ, ходилъ шибко по комнатахъ, вспомнилъ ту эпоху жизни моей, въ которую, безъ поврежденія ума, могъ я думать, участвуя въ его забавахъ, что со временемъ и у меня, по милости его, будутъ залы. Остановясь на сихъ впечатлѣніяхъ, я далъ свободу мыслямъ своимъ и, забывъ на минуту все преимущество роскоши и богатства, сказалъ неодушевленному кумиру:

Ты далъ мнѣ не судилъ ни вотчинъ, ни миліона,
И только лишь одну мнѣ душу подарилъ,
Но душу ту самъ Богъ въ Евгению вложилъ,
И ею жребій мой возвысилъ выше трона.

другими помѣстьями), это мѣсто было возобновлено Господаремъ, заселено Малороссіянами и Молдаванами и названо по его имени Дмитровкой, а въ 1788 г., съ обращеніемъ въ Уѣздный, Дмитріевскомъ (вмѣсто города Лугани). О. Б.

Вѣрьте, что я ихъ не сочинялъ: душа мгновенно ихъ въ уста мои вложила.

Графскимъ имѣніемъ управляетъ отставной Офицеръ, которому онъ даетъ жалованья три тысячи рублей; разумѣется, что, сверхъ того, онъ пользуется всякимъ домашнимъ довольствомъ. Онъ насъ принялъ отменно вѣжливо, отворилъ намъ весь домъ, далъ намъ ужинъ и унялъ назавтра отобѣдать. Угощеніе было не пышное, но безъ недостатка; мы за столомъ выпили за здоровье Графа Ильи Андреевича хорошимъ Горскимъ виномъ, и съ признательностію оставили Орловскія его помѣстья. Говорятъ, что здѣсь нуждаются очень проѣзжіе лошадьми, иногда сутки двое ждутъ ихъ, протверживаютъ наизусть свои подорожныя и на силу добьются, что ихъ отпустятъ. Причина очевидна: лошадей на станціи въ городѣ держать мало, обывательскихъ нельзя нарядить иныхъ, какъ съ деревень Безбородька. Маломощный Дворянинъ въ другомъ мѣстѣ поспорить, пошумить, но уймется и пару свою вышлетъ, чтобы избавиться хлопотъ и не прослыть невѣжей; а знатный баринъ, каковъ Графъ, выше всѣхъ обыкновенныхъ принужденій, усилія земской полиціи раздѣляются около его и расходятся, какъ облака подъ скалами высокихъ горъ. И такъ безъ снисходительнаго Графскаго приказа невыгодно ѣздить на Дмитріевскъ по почтѣ.

Отправясь перано отсюда, проѣхали мы 50 верстъ и ночевали въ Кромахъ, городѣ Орловской Губерніи. Дорога нехороша, вся въ кленхъ и перовная. Въ деревнѣ Чувардинѣ, гдѣ приходится по тракту мѣнять лошадей, нашли мы самого помѣщика, Г. Шипова. Пріятное пристанище для людей утомленныхъ отъ жару и пыли! Хозяинъ привѣтливъ и держится стариннаго гостепріимства, хотя, по молодости лѣтъ своихъ питомецъ новѣйшаго времени. Онъ встрѣтилъ насъ, пригласилъ къ себѣ, потчивалъ чаемъ, плодами и конфектами. Домъ у него маленькой, но уютенъ и пригожъ: собственные ремесленники украсили его лѣнной работой и снабдили модною мебелью. Онъ, вѣрно, любитъ музыку, по тому что у него я видѣлъ фортепіано и разные струнные инструменты; думать надобно, что онъ отъ заботъ хозяйства сельскаго умѣетъ находить пріятныя отдохновенія, и что онъ не далеко отъ себя

ихъ ищетъ. У него строятся большія 4 связи для суконной фабрики на 15 становъ.

Мѣстоположеніе дома выгодное и для глазъ пріятно. Домъ поставленъ на высотѣ и обстроенъ весь со вкусомъ. Не знаю, дѣлать ли кто съ нимъ уединеніе: мы, кромѣ его, ни кого тутъ не застали и не видали. Ему казалось пріятнымъ наше посѣщеніе; онъ унималъ насъ почевать у себя, но мы чѣмъ ближе подвигались къ Москвѣ, тѣмъ больше спѣшили до нея доѣхать, а сверхъ того не всякое привѣтствіе можно принимать за чистыя деньги: они въ общегити то, что банковыя ассигнаціи въ монетѣ—всегда есть лажъ.

Что сказать о Кромахъ? Городъ Уѣздный, ни чего не значущій. Два каменные корпуса показываютъ въ развалинахъ своихъ Присутственныя Мѣста и составляютъ все великолѣпіе города.* Квартира у насъ была изрядная. Переночевавши, мы отправились въ Орелъ, и доѣхали къ обѣду, не смотря на большую остановку въ лошадяхъ на станціи Кнубри: на силу добились ихъ и почти отъемомъ брали у хозяевъ со дворовъ; счетъ почтовыхъ лошадей здѣсь очень ограниченъ: только по десяти на перемѣнѣ, а разгонъ превеликой. Совѣтую всѣмъ путешествующимъ противъ сего неудобства брать всякія мѣры, а въ жаркое время ни что такъ не смягчитъ досады дѣятельнаго вояжера, какъ прогулка въ березовой рошѣ, которая послѣ степей покажется сокровищемъ; подлѣ нея, близъ мельницы, есть родникъ самой свѣжей и прозрачной воды: я ее пилъ, окачивался ею и съ удовольствіемъ вспомнилъ Кандыбинской фонтанъ.

5

* При рѣчкахъ Кромѣ (впадающей съ 10 верстахъ въ Оку) и Неднѣ, сливающейся съ первой въ самомъ городѣ. Упомянется уже въ половинѣ XII столѣтія, а укрѣпленъ въ концѣ XVI или началѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

ГЛАВА LXXXIV.

Орелъ и Болховъ. Деревня Княгини Урусовой.

Подъѣзжая къ Орлу, я вспомнилъ услугу здѣшняго Г. Полицеймейстера, по милости котораго мы такой худой ночлегъ имѣли въ Хотѣтовѣ, и собирался ему попенять. Но его не было въ городѣ, и мы, чаятельно, никогда уже другъ съ другомъ не сойдемся. Остановились мы въ трактирѣ, который зовутъ Итальянскимъ, хотя пѣтъ ни макаронъ, ни неколаду, ни мороженаго. По чему жъ Итальянской?—Простой Орловской постоялый дворъ; плата вездѣ и за все дорога.

Орелъ—городъ большой, но не отвѣчаетъ пышному своему имени. Онъ мнѣ совсѣмъ не показался хорошимъ: въ немъ множество настроено мучныхъ лавокъ, по причинѣ знатнаго торгоу хлѣбомъ. Ока здѣсь очень мелка, бѣдна водою и ни чего не значуща. Нигдѣ не было за мной такого присмотра, какъ здѣсь, и не знаю, для чего, но полицейскіе Офицеры меня не покидали; я не могъ приписать этого особенной ихъ вѣжливости, по тому что они, по Русской пословицѣ судя: «Каковъ Попъ, таковъ и приходъ» были бы въ большой противоположности съ своимъ начальникомъ. Сколько я ни старался съ нимъ ознакомиться, ни какъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Мы обмѣнялись карточками, другъ у друга были, другъ друга не застали. И въ Петербургѣ застаютъ вельможу иногда дома, а въ Орлѣ, гдѣ разсѣяній и забавъ, кажется, меньше, Г-на Губернатора трудно въ глаза увидѣть.

Заведенія здѣшняго Приказа Общественнаго Призрѣнія не заслуживаютъ ни какого вниманія. Они расположены въ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Г. Мацневу, и дѣлятся на общія и обыкновенныя части: безумный домъ, больницу и покои для инвалидовъ. Все это нечисто, тѣсно и неопрятно. Около того же дома садъ для публичныхъ лѣтнихъ гуляньевъ, который также никуда негодится. Естли бъ онъ опредѣленъ былъ для прогулки хворыхъ, можно бы его назвать хорошимъ; двѣ, три куртины есть, чего для нихъ и больше? Но для собранія цѣлаго общества на него и глядѣть жалко. Алгвазиль,

кои насъ провожали, хвастали, какъ рѣдкостью, колодцемъ, ледникомъ и поварней. Кто въ хорошемъ саду любитъся на погребѣ, очагъ и колодязь? Тутъ, другіе предметы должны приворачивать зрѣніе; домикъ для увеселенія при огнѣ, когда вечеръ сгонитъ всѣхъ въ комнату, отвѣчаетъ и наружностью своей и внутреннимъ убранствомъ всему прочему—жалкая хранина: для Орла! Въ степяхъ гулянье пышнѣе и опрятнѣе.

Для сукна поставлено два стана. Приказъ тратитъ деньги, сукно точится сквозное, и отъ этой вѣтви промышленности большихъ плодовъ ожидать трудно. Неволья дерево это посадила, а хозяйственный умъ и расчетъ скоро его вырвуть съ корнемъ.

Гимназія бѣдна книгами и машинами, и вообще не заслуживаетъ поставлена быть въ виду путешественника, какъ предметъ примѣчанія достойный. Директоръ ея, человекъ очень вѣжливый, посѣтилъ меня: мы долго говорили объ учености, о пользѣ частныхъ заведеній въ городахъ Губернскихъ; онъ очень вступился за свою Гимназію, оправдывалъ жарко ея недостатками, но отъ того она все не лучше.

Нигдѣ нѣтъ такого затрудненія достать лошадей, какъ здѣсь: со всѣми предосторожностями, какія принималъ я къ избѣжанію безпокойства, но нигдѣ такого не вытерпѣлъ несноснаго, какъ въ Орлѣ. Вотще предварилъ Г. Губернатора изъ Кіева еще о моемъ возвратномъ пути: ни какія убѣжденія не сильны; учтивость одна и простая благосклонность къ проѣзжему суть безполезныя средства; надобенъ страхъ и гроза. Такъ какъ я ни того, ни другого не имѣлъ, то я мучительнымъ задержкамъ былъ подверженъ: лошадей вездѣ мало, а сноровки нѣтъ вовсе; почтовые Смотрителя дѣлаютъ, что хотятъ: жмутъ, тѣснятъ и ни кого не слушаютъ.

Пробывши одни только сутки въ Орлѣ, я бы не сообразилъ съ скукой, естли бы на помощь мнѣ, къ облегченію ея, не подошли письма изъ Москвы отъ 15, изъ Володимира отъ 8 числа. Прочтя ихъ, я успокоился, а перечитывая, находилъ безпримѣрное удовольствіе, а особливо, когда чувствовалъ, что всѣ тѣ, кои ко мнѣ писали, черезъ недѣлю будутъ говорить со мною, и я ихъ услышу. Жаль, что нельзя было привязать крыльевъ, а коляска

на почтовыхъ въ Орловской Губерніи не скорѣе бѣжитъ черепокожной твари.

Товарищъ нашъ, Г. Ш., отлучился въ деревню къ знакомымъ, а мы съ женой, чтобъ не потерять напрасно ни часу времени (ибо у меня и минуты были разочтены), оставили прочихъ товарищей своихъ въ Орлѣ и поѣхали въ Болховъ. Тамъ живетъ сестра моя двоюродная, Книгиня Урусова: ей хотѣлось съ нами видѣться, я не могъ ей въ томъ отказать; и такъ, уговорясь съ нашими, чтобъ они, дождавшись Г. Ш., настигали насъ въ Болховѣ, взяли только 6 лошадей въ коляскѣ, и самъ другъ, 26 числа, усаkali, ни мало не жалѣя объ Орлѣ.

Отъ него до Болхова верстъ 50. Къ Орлу дорога вся въ горахъ и тяжела, а сюда ровна, и было бы только на чемъ, а то можно скоро ѣхать. Отъѣхавши 30 верстъ, мы перемѣнили на станціи свою шестерку, предупредили, что на завтра будутъ еще за нами экипажи, и отправились далѣе, но напередъ вспомнили, что съ нами отпущено было коечто поѣсть, и расположились позавтракать въ лѣску, сидя на травѣ, подъ тѣнью густыхъ березъ. На что столъ, приборы и прочія затѣи? Аппетитъ научить услужить себѣ безъ большихъ вымысловъ и въ роцѣ.

Болховъ—Уѣздный городъ Орловской Губерніи, обширенъ и хорошо расположенъ; онъ стоитъ на горѣ, и отъ того видъ его издали очень хорошъ, по тому что вдругъ открываются какъ бы въ кучѣ два монастыря и до 20 приходскихъ церквей. * Сестра насъ тутъ уже дожидалась и, посадивъ въ свою карету, увезла къ себѣ въ деревню верстъ 5 отъ города. Тамъ, съ милой простотой, угостила она насъ совершенно по деревенски; она тутъ живетъ въ строгомъ уединеніи. Я весь день занятъ былъ перепиской моей въ Москву и далѣе, на свѣжія письма отвѣчалъ живыми впечатлѣніями; это меня очень заняло, а, сверхъ того, будучи у

* Онъ былъ когда-то Уѣднымъ Княжествомъ; лежитъ по лѣвую сторону рѣки Нугры, впадающей за 17 верстъ въ Оку, также при рѣчкахъ Клечетнѣ и Болховкѣ. Изъ монастырей женскій Рождественскій въ городѣ, а мужской Оптиный за городомъ, на берегу Нугры; оба заштатные. О. Б.

родни, съ которой росли въ одно время, много старинки занимательной вспомнилъ, видѣлъ предметы, напоминающіе мою молодость: когда не весело объ ней вспомнить и говорить! Ржевскаго портретъ, отца ея, привелъ мнѣ на мысль старыя наши театральныя игры; то она мнѣ, то я ей рассказывали взаимно давнишнія приключенія и въ запуски смѣялись. Старики наши померли, а мы вступили въ ихъ мѣста и состарѣлись. Но что въ молодости подѣйствовало на душевные органы, то останется навсегда вѣзано въ памяти. Такъ, на примѣръ, я никогда не забуду остро-ты Ржевскаго и Толстаго; умъ и бесѣда ихъ были свойства превосходнаго, по сравненію со многими ихъ современниками, и сравненію не моему только, но людей, способныхъ судить объ умахъ человѣческихъ и отличить изрядное отъ прекраснаго. Нынче и умъ будто въ широкомъ капотѣ у всякаго; не скоро его отыщешь.

ГЛАВА XXXV.

Двое сутки у сестры. Прїѣздъ и пребываніе въ Бѣлевѣ.

Въ ожиданіи товарищей нашихъ мы очень спокойно время проводили до вечера; но когда стало темнѣть и по расчету нашему пора приходила имъ съ нами съѣхаться, то мы поменьку начали приходить въ безпокойство, что ни кто изъ нашихъ не ѣдетъ. Не прежде глухой полночи прїехали повозки съ необходимой услугой. Люди наши сказывали, что каретѣ съ послѣдней станціи тронуться не чѣмъ, по тому что у нихъ праздникъ, народъ пьянъ; передоваго, изъ города, посланнаго съ приказомъ, ни кто не слушаетъ: ни лошадей, ни толку добиться нельзя. Я шумѣлъ, сердился, но досадой ни чему ни поможешь. Сестра, будучи меня разсудительнѣе, послала по деревнямъ собирать своихъ лошадей, чтобъ ихъ оттуда выручить, а между тѣмъ мы провели худую и самую безпокойную ночь.

Не думаете ли вы, что, проспавшись по утру, мы ускоконились, собравши нашихъ расточенныхъ товарищей? Совсѣмъ нѣтъ: цѣлый день еще мы ихъ ждали, и въ самомъ жалкомъ положеніи явились они наконецъ къ намъ подъ вечеръ, изнураясь голо-

домъ и холодомъ, по тому что сильный отъ Орла подулъ холодный вѣтеръ и началась осенняя непогода; дождь ведромъ, какъ сквозь сито, изъ темныхъ облаковъ пустился. Отъ этой суматохи мы потеряли цѣлый день въ дорожномъ счетѣ и пріобрѣли опытъ тѣхъ непріятностей, какія на пути встрѣчаться могутъ. Если бѣ сидя на мѣстѣ всякой зналъ, что они неизбежны и не надѣялся ихъ отвратить, то бы ни кто и въ Римъ не поѣхалъ смотрѣть драгоцѣнныхъ рытвинъ городовъ погибшихъ.

Сколько ни былъ я радъ, увидѣвшись съ родней и признателенъ къ ея ласкѣ, но поѣхавши изъ деревни, сказалъ: «Слава Богу!» Нѣтъ, я не могу жить въ уединеніи, природа не приготовила меня къ тихимъ удовольствіямъ пустыни; вѣрю, что онѣ плѣнительны; что лугъ, роща, вода, хозяйство домашнее, все это очень пріятно занимаетъ многихъ, но ощущать самъ того не способенъ. Какъ все ходить за грибами, все ловить пискарей на удъ! Все смотрѣть, какъ гонять стадо или въ поле, или въ деревню! Все тянуть для забавы круглые хороводы сонныхъ нашихъ крестьянокъ, которыя, часа два на одномъ мѣстѣ стоя, съ ноги на ногу переваливаются! Для меня это походило бы на ссылку. Нѣсколько часовъ въ сутки гдѣ бы то ни было остаться самому съ собою, отдаться въ свободѣ своимъ мечтамъ, творить около себя новый міръ, по своему произволу, это не только весело, даже, смѣю сказать, для поддержанія душевной жизни, необходимо; по всегда быть одному, или, что, по мнѣнію моему, все тоже, съ людьми, которые меня не понимаютъ, не разумѣютъ, не чувствуютъ, и эдакъ жить всегда, всегда: нѣтъ цѣпы, за которую бы я согласился кого ни будь этѣмъ потѣшить!

Въ такомъ размышленіи доѣхалъ я до другой деревни, гдѣ жила тетка родная жены моей, Г-жа Бунина. Ей было лѣтъ 80 слишкомъ и, по виду ея судя, нельзя было еще думать, чтобъ ей оставалось меньше года жить послѣ нашего свиданія. Она очень намъ обрадовалась. Съ ней дѣляютъ время двѣ внуки ея, дѣвицы Юшковы, воспитанныя съ большимъ тщаніемъ, знающія иностранные языки, умѣющія рисовать и заниматься музыкой. Словесность имъ пріятна: онѣ читаютъ все, что выходитъ новаго. Я тутъ нашелъ изрядное собраніе книгъ, и мы цѣлые сутки съ

ними провели препріятно, забывая, что мы въ деревнѣ; но только одни сутки: я оговорился, чтобъ меня не укорили въ противорѣчіи съ самимъ собой.

Дорога сюда отъ Болхова лежитъ по горамъ. Въ сторонахъ прекрасные виды, и много помѣщичьихъ селъ съ домами. Деревня тетушкина отъ Бѣлева только двѣ версты. Домъ большой старинный, разумеется, съ залами, аванзалами. Въ нихъ портреты древнихъ праотцовъ фамильных, въ латахъ и съ доспѣхами, ведутъ мысль за многія столѣтія назадъ. Краски уже стерлись, золото съ рамъ слетѣло, но воображеніе наполнено именами ихъ и славой. Широкой балконъ, почти въ просторную комнату, съ котораго сойти въ хорошую погоду не хочется. Съ него видѣнъ весь городъ Бѣлевъ; онъ открытъ, какъ на блюдѣ, и стоитъ на горѣ; Ока плещетъ въ него волнами; разбросанныя 20 церквей между хорошими домами придаютъ совершенству картины. *

Въ Августѣ да и въ концѣ ловить надобно ясныя минуты на воздухѣ. Жаль, что погода была холодна, хотя утихъ утренній несносный вѣтеръ, но все еще было свѣжо. Однако, не смотря на то, мы съ барышнями пошли гулять по селу и окрестностямъ: много нашли пригожихъ мѣстоположеній, хорошія высоты, тѣни. стлыя рощи. Звукъ Бѣлевскихъ колоколовъ доходилъ въ уши наши на зарѣ и пріятную составлялъ вдали гармонію: рѣдки такія прогулки; я заглядѣлся на прекрасную долину. Одна изъ молодыхъ хозяекъ, которой она особенно правится, потребовала тутъ отъ меня стиховъ. Долго ли дѣлать ихъ, когда воображеніе воспламеняется самой природой? Мѣсячная ночь удвоила восторгъ, и онъ произвелъ ихъ въ минуту.

Какъ бы убить осенній вечеръ? Онъ такъ длиненъ. Этотъ вопросъ и въ городѣ часто слышенъ: что жъ въ деревнѣ? Право я не видалъ, какъ онъ у нихъ прошелъ. Поминутно читали разные стихи, разсуждали объ нихъ по своему и кто какъ умѣлъ, критиковали, или пѣялись. Между прочими бумагами попался мнѣ

* Нынѣ Православныхъ 16, Единовѣрческая 1, монастырь. О. Б.

тотъ номеръ «Вѣстника Европы», въ которомъ выписаны были лучшія мѣста изъ проповѣди Левандовой на кончину Кіевского Губернатора, Г. Панкратьева. * Какъ сладко смягчалъ онъ горесть плачущихъ надъ его гробомъ! Какъ убедительно увѣщевалъ сѣтующихъ объ немъ! Я не могъ читать его безъ слезъ: онѣ невольно брызнули. Скоро послѣ того поднялся и смѣхъ: всякой изъ насъ читалъ свой отрывокъ: иному правилось веселое, иному унылое; впечатлѣнія скоростижно мѣнялись и слѣдовали одно другому непрерывно. И такъ безъ всякаго шума и трескотни мы провели день весело, и въ заключеніе нашей бесѣды я прочелъ и подарилъ милой А. П. ** слѣдующіе стихи, ею, конечно, ею вдохновенные:

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная должна!
Прелестнѣй во сто кратъ, чѣмъ мертвая руина,
Какія сохранилъ отъ Генуезцевъ Крымъ,
Какіхъ мы посмотрѣть во весь духъ скачемъ въ Римъ,
Живой натуры тронъ! Дыханіе зефира
Не стонетъ въ заперти подъ сводами порфира;
Въ свободѣ полной мысль—волшебныя мечты
Повсюду вокругъ меня рождаютъ красоты.
Бессонный чародѣй, мое воображеніе,
При каждомъ шагѣ духъ приводить въ восхищеніе.
Здѣсь Солнца западъ зрю; тамъ вижу востокъ Луны
И слышу въ далекѣ Бѣлевскіе звоны.
О родина *** моя! Москва, къ которой таю,
Котору въ жизни я подобилъ часто раю,
Которая по смерти пребудетъ мнѣ мила—
Мнѣ слышатся же твои колокола!
Природа! предъ тобою что наши милліоны?
Люблю твои дары, блажу твои законы.

* Тайный Совѣтникъ Петръ Прокофьевичъ Панкратьевъ 1802—1810 г., а надгробное слово ему помѣщено въ № 16-мъ 1810 года, стр. 316 и слѣд., съ разборомъ его В. Измайлова. О. Б.

** Авдотья Петровна Елагина. О. Б.

*** Кто родину любить, тотъ кстати и не кстати всегда найдетъ случай заочно вспомнить ее.

Божественны мѣста: еще побудемъ здѣсь;
Пусть вѣжуютъ въ умъ лѣса, рѣка, вся весъ!
Дай память вѣчну кисти, рисуйся въ ней картина,
Дай, сердце, имя ей: блаженная должна!

Г Л А В А LXXXVI.

Бѣлевъ. Козельскъ. Дачи Г. Пилисьера.

Бѣлевъ—городъ прекрасный, лучше многихъ Губернскихъ, въ томъ числѣ и Володимира, но не по мѣстоположенію: онъ на Окѣ; а Уѣздныхъ городовъ такихъ, какъ онъ, конечно, мало. Улицы всѣ правильныя и вымощены дикимъ камнемъ, т. е., булыжникомъ. Домовъ кирпичныхъ множество, * площадь широкая и красивая. Мы его проскакали, не останавливаясь, и за нимъ попали въ пески, которые насъ утомили. Подъ Козельскомъ переѣзжается на паромъ рѣка Жиздра, но ни она, ни городокъ не важны. Онъ также разбросанъ на горѣ, но не великъ и не заманчивъ съ виду. Два корпуса для Присутственныхъ Мѣстъ и каменные порядочныя лавки: вотъ все, что въ немъ примѣтить можно! **

Въ 7 верстахъ отъ города, который принадлежитъ уже Калужской Губерніи, имѣетъ домъ свой и поселился жить Инспекторъ по лѣсной части, мнѣ очень хорошій знакомый, старикъ Г. Пилисьеръ. Будучи такъ близко, совѣстно казалось не заѣхать.

* Въ нынѣшнемъ Бѣлевѣ всѣхъ домовъ считается около 1300 съ 8 тысячнымъ населеніемъ. Въ немъ Уѣздное Училище, публичная Библиотека, Лѣчебница, Больница, Вдовій Домъ, еженедѣльные торги. Какъ извѣстно, въ Бѣлевѣ находится домъ, въ коемъ родился нашъ славный поэтъ, В. А. Жуковский. О. Б.

** Козельскъ на лѣвомъ берегу Жиздры и по обѣимъ сторонамъ Драгунки или Другусны, съ 1200 душами или 8,000 жителей обоего пола, 8 церквами, 2 Училищами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, еженедѣльными торгами, т. е. Извѣстенъ съ XII-го столѣтія, а во время нашествія Батыя долго ему сопротивлялся, взятъ, разрушенъ, жители избиты, и прозванъ имъ злымъ городомъ. О. Б.

Мы въ городѣ лошадей не перемѣнили, но дорогою заплатили за упрямяство; ибо свѣжія были готовы, а намъ, или лучше сказать, мнѣ одному, не разсудилось выпрягать старыхъ и помѣшкать минутъ пять: отъ этого мы принуждены были ити почти всю дорогу пѣшкомъ: старыя лошади стали. Досада весь день меня искушала и ни что не помогло ее разсѣять. Пришедши къ доброму Швейцаро-Русскому мореходцу, мы нашли, однако, обѣдъ еще не початымъ. И порядочно поѣли: хозяинъ предупрежденъ былъ на счетъ нашего пріѣзда и ждалъ насъ.

Помѣстье его изрядное и чрезвычайно уединенно; тѣмъ-то оно ему и нравится: о вкусахъ спорить не должно. Г. Пилисьеръ родился въ Швейцаріи, служилъ же во флотѣ, попалъ въ лѣса и жметъ между горъ, около сосновыхъ рощъ. Естьли кто хочетъ имѣть понятіе о натуральной семейственной жизни, пусть завернетъ къ нему въ гости. Онъ, жена и ребенокъ—вотъ вся семья, весь домъ и вся компанія! Живучи въ самой глуши, они не скучаютъ, и онъ только тужить о томъ, что служба отнимаетъ у него много досуговъ. Надобно прямо изъ пріязни къ нимъ пріѣхать, чтобъ не почувствовать не только скуки, даже тоски; кажется, весь міръ отъ нихъ отрѣзанъ. Домикъ маленькой и помѣщеніе не широкое. Я весь вечеръ просидѣлъ у камина и поджигалъ дрова. Въ окошко смотрѣть любя: небо ясно, воздухъ чистъ, солнце ярко, а лишь только на дворъ, холодъ всѣмъ костюмъ говорить: «Скоро зима! Пора къ огню, въ покои!» Бесѣда наша о чемъ бы ни началась, все сбивалась на лѣса и лѣсныя постановленія. Мы съ хозяиномъ толковали, а жены наши, какъ подѣ сказки, дремали.

Для лѣсоводства или лѣсгубства заведенъ Институтъ: онъ вблизи этого помѣстья, окруженъ лѣсами для лучшихъ опытовъ въ натурѣ. Всѣ ученики изъ Дворянъ, живутъ въ казенномъ зданіи и обучаются Форшмейстерской наукѣ. По присвоенной имъ привилегіи, они, изучась въ три года, выпускаются въ Офицерскій классъ, прямо въ Форшмейстеры. Ихъ въ то время обучалось до 60-ти человекъ. Имъ преподають Химію и Ботанику лѣсную, сверхъ того еще часть лѣснаго искусства, называемую технически Форстъ-Маненція: что она значить и въ чемъ состоитъ, меня

не спрашивайте. Долго слушалъ и ни чего не понялъ; да едва и изъ самыхъ теористовъ кто понимаетъ ли самъ себя, однако учителя учатъ, ученики учатся и, подивитесь, выучиваются. О; глубина премудрости!

Домъ и все заведеніе этого Института стало казнѣ въ 40 тысячъ, а содержаніе училища требуетъ до 15 тысячъ. Я очень жалѣлъ, что не могъ удѣлить часа четыре на то, чтобъ посмотреть его; но послѣ поздняго нашего обѣда скоро смеркаться стало, а на цѣлый день лишній для этого остаться не позволялъ расчетъ времени, котораго я строго держался.

Для смѣшливыхъ отлучусь на часъ отъ дороги и расскажу нѣчто изъ лѣсной теоріи. Всѣ лѣса имѣютъ свои чувства и навыки. На примѣръ, сосна, она—дерево обходительное и любитъ сообщество себѣ подобныхъ, но не во всякомъ возрастѣ. Молодой соснякъ терпитъ густую зелень около себя: ему еще немного питательныхъ соковъ для жизни нужно; но чрезъ каждыя 5 лѣтъ, если хотятъ дать дереву выгодную толстоту, надобно обрѣчь около его маленькія деревца и вырубить, чтобъ большое доставало прямо изъ земли болѣе влаги и соковъ—это его пучить: оно подымается, растетъ, дорожничаетъ; черезъ десять лѣтъ надобно еще уединить его больше, и наконецъ товарищество ему такъ наскучитъ, что около его цѣлыя десятины свалить нужно. Вотъ чему обучаются ученики лѣсоводства! Они выѣзжаютъ въ рощу и примѣчаютъ, около которой сосны пора вырубить лишнюю компанію; узнаютъ, когда настоящая пора уединить ее; тогда, въ пособіе теоріи, практика тотчасъ принимается за топоръ и, оставя на сырой землѣ пенки, совершаетъ полезный курсъ лѣсоводства. Желалъ бы я, чтобъ это была шутка, но, къ несчастію, дороговизна въ дровахъ и вообще въ лѣсѣ скоро намъ покажетъ, что Форстъ-Маненція не шутитъ.

Возвратимся къ нашему пункту. Бѣдѣ по деревнямъ—настоящая фантазмагорія: во всякой свой Богъ, свой обрядъ, свое занятіе. Подъ Болховымъ мы убили два вечера за картами; близъ Бѣлева читали, писали и плели стихи, какъ ланги; а около Козельска насмотрѣлись на настоящую картину сельской домашней жизни: ни картъ, ни книгъ; пять, шесть минутъ бесѣды и

часть задумчивости у камина. Вотъ кстати гдѣ сказать: день слѣдуетъ за днемъ, но всѣ они несходны.

30-е число мнѣ хотѣлось взять въ Калугѣ—не удалось. Выѣхали въ 8-мъ часовъ утра отъ нашего добраго Генерала, который принялъ насъ съ самой доброхотной лаской и угостилъ наилучшимъ образомъ для деревни. Мы съ нимъ распрощались очень дружелюбно; онъ далъ намъ своихъ лошадей до Козельска. Тамъ, не мѣшкаяши, взяли почтовыхъ и пустились обѣдать въ Перемышль. Мы эти 34 версты проѣхали отъ 9 часовъ утра до 3-хъ пополудни: нигдѣ желчь моя такъ не кипѣла во всю дорогу. Погода поправилась и стало тепло; дорога хотя песчана, но не чрезвычайно, а лошади совсѣмъ стали, и мы всячески старались возобновить ихъ силы, но природа готовила уже ихъ на живодерню. То, вышедши изъ коляски, ходили по рощамъ, то по селамъ и деревнямъ, у всѣхъ воротъ стучались, чтобъ выпросить свѣжихъ лошадей, и вездѣ отъ насъ запирали ворота на крюкъ. Коекакъ дотащились до Перемышля, гдѣ отъ хлопотъ и досады постигла меня моя мигрень, и я, чтобъ не усилить ее, принужденъ былъ поститься. Отъ Козельска до Перемышля дорога усыпана, такъ сказать, господскими мѣстностями и прекрасно отстроеными. Болѣе всѣхъ прочихъ глядѣть хочется на деревню Г. Кашкина. Большой каменный домъ въ три жилья; вокругъ него прекрасный садъ, бесѣдки, павильонъ, искусственные шатры, стогъ сѣна съ многочисленными круглыми окошками (oeils de boeufs) немножко не кстати: въ стогахъ окошекъ не бываетъ; но простимъ роскоши нѣкоторыя отступленія отъ природы; впрочемъ, мнѣ не до видовъ было: я бѣсился на почтаря, на лошадей, на всѣхъ, на все; и это примѣчаніе, можетъ быть, съ сердцемъ вылетало тогда у меня на бумагу.

Перемышль—городокъ пустой, но вездѣ есть какой ни будь Засѣдатель, какъ котъ въ избѣ. Появился къ намъ тотъ, который, правилъ городомъ и очень учтиво съ нами обошелся, доставя всякія средства какъ можно скорѣе съ собою распрощаться, чего мы и добивались, чтобъ дотянуть до Калуги. Подъ Перемышлемъ переправа черезъ Оку: она тутъ не широка. * Въ сторо-

* Перемышль на берегу ручья, составляющаго 3 озера: Силаевское, Глубокое и

нѣ отъ Перемышля—монастырь или пустыня, такъ называемая Лютикова. ** Последнюю къ Калугѣ отсюда станцію мы проскакали очень быстро: путь ровный и безъ горъ; лошади попались рѣзвые, но совсѣмъ тѣмъ отъ утренней мѣшкоты мы при лунномъ свѣтѣ вѣхали въ Губернскій городъ. Гора до моста и гора за мостомъ чрезвычайно круты, спускъ и подъемъ экипажей труденъ. Мы шли пѣшкомъ, и остановились въ домѣ стараго знакомаго жены моей, члена Врачебной Управы, Г. Баумгартена. У кого лучше найти прибѣжище больному, какъ не у медика? Я тотчасъ далъ головѣ моей покой, приложилъ ее къ подушкамъ, протянулся на софѣ и благополучно уснулъ. «Извольте понѣжиться», говаривалъ старый мой панглось, Кливеръ, когда я съ молоду бывало пожалуюсь нездоровьемъ: «Превосходнее лѣкарство!» Въ самомъ дѣлѣ, простой совѣтъ понѣжиться иногда дѣйствительное премудренаго рецепта.

Подгорное, близъ рѣки Оки, по косогорамъ; построено Великимъ Княземъ Юріемъ Долгорукимъ и названо въ память Южно-Русскаго Перемышля. Въ немъ теперь за 300 домовъ съ 3 тысячами жителей обоего пола, 6 церквей, 3 Училища (Уѣздное, Приходское и женское первоначальное), Больница, Богдѣльня, 3 ярмарки, еженедѣльные торги. О. Б.

** Во имя Св. Троицы 3-го класса мужская обитель, на правомъ берегу Оки, въ 7 верстахъ отъ Перемышля. Построено, по преданію, Князьями Воротынскими, а названіе дано яко бы по имени бывшаго при строеніи Надзирателя пѣшого Лютика. До 1663 правила имъ Игумены, а съ того времени Архимандриты съ правомъ служить на коврѣ; въ 1704 опять Игумены, а съ 1807 Архимандриты. О. Б.

ГЛАВА LXXXVII.

Калуга.

Губернскій городъ Калуга можетъ назваться прекраснымъ. Онъ великъ и выстроенъ правильно, домовъ каменныхъ много, церковей довольно. * Соборъ строится огромный, куполь его считается по величинѣ своей рѣдкостью; подлѣ него отдѣляется Архіерейской домъ и для Семинаріи пространное зданіе. Между старыми строеніями видны большіе разные дома. Для Присутственныхъ Мѣстъ длинныя стѣны безъ всякой красоты въ фасадахъ; Гостинный дворъ съ лавками Готической архитектуры, и Губернаторскій домъ, выстроенный по общему образцу, недавно апробованному: вотъ тѣ казенныя строенія, кои стоятъ имѣть мѣсто въ описаніяхъ города; большая часть приводитъ на память вѣкъ Кречетникова. ** Подъ самымъ городомъ отведена дача для кладбища. Я рѣдко видалъ такое обширное пепелище. Видно, что Калужскіе жители, или въ тѣсной связи съ парками и часто садятся въ Харонову шлюбку, или въ самой землѣ хотятъ истлѣвать въ широкихъ гнѣздахъ: и въ этомъ есть своя роскошь у предубѣжденія.

Генералъ-Губернаторъ человѣкъ весьма уединенный, почти нелюдимъ, но уменъ и благоразуменъ (на моемъ языкѣ эти два качества разныя), дѣятеленъ, честенъ, пріятенъ въ бесѣдѣ и любить острую шутку. Онъ насъ очень обласкалъ, поспѣшилъ въ

* Всѣхъ 33, Единовѣрческая 1, монастырей 2 (мужской и женской), Раскольниковская модельня, за 4,000 домовъ съ 40,000 почти населеніемъ обоего пола, учебныхъ заведеній 12: мужская и женская Гимназіи, Семинарія, Уѣздныя Училища, духовное и свѣтское, 7 Приходскихъ (3 муж. и 4 жен.), разныя благотворительныя заведенія, пристань на Окѣ для судовъ и плотовъ, торги всякую недѣлю и проч. О. Б.

** Михайла Никитича, открывшаго, въ Генварѣ 1777 года, Калужское Намѣстничество и бывшаго Генералъ-Губернаторомъ 3-хъ Намѣстничествъ, Калужскаго, Тульскаго и Рязанскаго, тоже имъ открытыхъ, по 1791 годъ. О. Б.

нашей квартирѣ и доставилъ всѣ средства, какъ прожить тутъ два дни съ самымъ тихимъ удовольствіемъ, такъ и на пути нигдѣ не терпѣть остановокъ; самъ возилъ меня съ собою по городу и казалъ всѣ заведенія Приказа. Обращеніе его со мною было очень обязательно, и я былъ бы невѣжда, если бы не остался ему весьма признательнымъ.

Узнавши его, естьли можно жалѣть о чѣмъ, такъ о томъ, что онъ не любитъ общества. Извѣстно, что болѣе или менѣе свойства перваго человѣка въ городѣ отливаются въ обществѣ. И такъ публичная жизнь въ Калугѣ скучна и единообразна; веселостей нѣтъ, ни какого даже нѣтъ редута, безъ котораго всякій Губернскій городъ и сирѣчь и пусть. Гдѣ ихъ нѣтъ? Театръ былъ когда-то деревянный, но заросъ травой: онъ вдовствуетъ. Актеровъ нѣтъ, играть на немъ некому, и скоро, говорили, пойдеть совсѣмъ въ ломку.

Богоугодныя заведенія здѣсь особенную честь приносятъ начальнику. Онъ все придумалъ, обстроилъ и поставилъ на ногу совершеннаго порядка. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1-е, Инвалиды, и 2-е, Безумные помѣщаются въ большомъ каменномъ зданіи. Нѣкто Хлюстинъ пожертвовалъ онымъ. Во всѣхъ покояхъ видна особенная попечительность и большое раченіе. Мало вользы растянуть огромное строеніе, поставить вездѣ колонны и щеголять фасадою, межъ тѣмъ какъ не рѣдко бѣдный старикъ, или несчастный сумасбродъ, страждутъ въ прекрасныхъ стѣнахъ безъ призора. Здѣсь совсѣмъ противное: нехороши стѣны снаружи, но прямо, въ полномъ смыслѣ слова, Богоугодное содержаніе въ нихъ. Сколько настроено дворцовъ, кои носятъ на себѣ вывѣску не призрѣнія, но презрѣнія общественнаго! При томъ Инвалидномъ домѣ маленькая церковь внизу, въ которой много новаго вкуса. 3-е, Лазаретъ расположенъ въ старинномъ двухэтажномъ домѣ, не такъ достаточенъ во всемъ, какъ прежнія два заведенія, но, по возможности, строенія содержатся наилучшимъ образомъ. Довольно для доказательства примѣра, не изъ теоріи, а изъ опыта взятаго: въ 6 мѣсяцевъ изъ 200 больныхъ умерло только два человѣка. Я душевно пожелалъ другого Хлюстина, чтобъ и Больница въ строеніи своемъ сравнялась съ Инвалиднымъ. Хоро-

шо привлекать и пожертвованія гражданъ туда, гдѣ они такъ полезно употребляются. 4-е Сиротскій Домъ, внутри города въ маленькомъ деревянномъ домѣ; дѣтей въ немъ немного: взрослые отсылаются въ Московскій Воспитательный Домъ, а грудные младенцы раздаются вольнымъ кормилицамъ изъ платы отъ Приказа.

Сверхъ всѣхъ сихъ заведеній найдете вы въ Калугѣ небольшой Кадетскій Корпусъ. Онъ содержится прекрасно. Въ немъ до 100 человѣкъ Калужскихъ Дворянъ воспитываются и обучаются, на казенный коштъ пользуются пищею и одеждою. Нельзя не похвалить такой основательной заботы о благѣ человѣчества. Я видѣлъ этѣхъ мальчиковъ въ собраніи, въ лѣтнемъ ихъ домѣ: они ходятъ въ мундирахъ, занимаются полевыми упражненіями, по барабану движутся и маршируютъ, какъ добрые солдаты; въ нихъ есть уже воинской духъ; на зарѣ жизни своей они прилѣпляются уже къ славѣ и достигать ея стремятся. Когда исполнится юношѣ 16 лѣтъ, его отсылаютъ въ С.-Петербургской Кадетскій Корпусъ: недавно туда отправлено 20 человѣкъ воспитанниковъ здѣшнихъ. Такое благодѣтельное училище содержится изъ капитала, въ пользу его собраннаго, разумѣется, добровольно съ Дворянъ; Государь изволилъ пожаловать 5 тыс. Каждый пансіонеръ или кадетъ стоитъ содержаніемъ своимъ до 100. Очень дешево! Но замѣйте, что обученіе ихъ наукамъ не требуетъ ни какихъ издержекъ: они ходятъ въ классы въ общую Губернскую Гимназію.

Около этого лѣтняго дома, гдѣ лагеремъ стоятъ Кадеты, но безъ палатокъ, я видѣлъ рѣдкое мѣстоположеніе въ натурѣ: чрезвычайность его самая необыкновенная. Я съ умыслу это говорю, по тому что въ нынѣшнихъ сравненіяхъ естественныхъ видовъ такъ много чрезвычайнаго въ путешествіяхъ, что и въ нихъ надобно настоящей чрезвычайности сдѣлать изъятіе. Представьте домъ, окруженный водою, за ней роща, какъ стѣна; она выходитъ дугой около этого мѣста; въ полукругѣ ея есть выемки, кои по краямъ рощи видъ дѣлаютъ завѣсовъ съ нарядными борами и подзорами; а что всего для глазъ чудеснѣе—съ конца до другого всѣ деревья, какъ будто фронтъ солдатъ по ранжиру, вытянуты натурой по мѣрѣ своего роста. Картина, наполненная пріятности! Дай Богъ, чтобъ Козельскіе лѣсоводы не приходили сюда прак-

тиковаться въ своей Форст-Маненціи, а то—прощай лѣсной строй, ранжиръ вѣтвистыхъ березъ! Молодцы все повалятъ.

Прогуливаясь по городу, я завернулъ въ одинъ переулокъ, не чая ни чего найти особеннаго. Ошибся: часто печальность навещаетъ на прекрасное. Въ углу небольшой деревянный домъ несетъ громкую надпись: «Домъ Старичковыхъ.» Кто не помнитъ этого витязя храбрыхъ Россійскихъ воевъ? * Мало ли было шуму объ немъ въ газетахъ? Патріоты, т. е., тѣ, кои гортанью это имя заработали, уцѣпились за него, какъ за штандартъ Магометовъ, прославляли его во всѣхъ листахъ и сочиненіяхъ; помнится, и на театрѣ видѣли мы Старичковыхъ. Здѣсь они: вотъ и домъ ихъ! Сюда, сюда, господа энтузіасты Старичковыхъ! О! какъ я счастливъ! Я видѣлъ въ жизни своей Одессу, Черное море, Очаковъ, Херсонъ, Николаевъ и домъ Старичковыхъ!

Г Л А В А LXXXVIII.

Еще нѣчто о Калугѣ. Малоярославецъ. Боровскъ.

Чтобъ видѣть Калугу, и не только взглянуть на нее, но и осмотрѣть совершенно, довольно одного дня. Пріязнь заставила меня провести здѣсь день лишній противъ моего предположенія. Издавна друженъ будучи съ здѣшнимъ Архіереемъ, я не могъ ни ему, ни себѣ, отказать въ продолженіи моего пребыванія: я цѣлый день гостилъ у него и съ нимъ. Сказавши, что онъ мнѣ другъ, я отнялъ у себя средство воздать ему должную похвалу;

* Старичковъ былъ Унтеръ-Офицеръ Азовскаго пѣхотнаго полка, который во время Аустерлицкаго сраженія умѣлъ спрятать свое знамя подъ одежду, былъ отведенъ въ плѣнъ и умеръ, передалъ его, бывшему съ нимъ въ неволѣ, рядовому Бутырскаго пѣхотнаго полка Чайкѣ, для возвращенія въ полкъ, что тотъ и исполнилъ. Знамя это хранится теперь въ Петербургскомъ Арсеналѣ. Императоръ Николай I подарилъ (15 Генваря, 1848 г.) въ Чесменскую Богдѣльню картину, представляющую подвигъ Старичкова. О. Б.

можетъ быть, ее отнесутъ къ пристрастію, но не лишу себя удовольствія поговорить объ немъ.

Онъ для насъ служилъ обѣдню Сентября 1-го числа. Я увидѣлъ въ немъ образъ юнаго Платона: та же осанка, видъ, произношеніе! Онъ не тянетъ голоса на возгласахъ, онъ выговариваетъ ихъ. Лѣта его еще не глубоки, но болѣзни даютъ ему видъ старости; подагра лишаетъ его свободы порядочно ступать: онъ ходитъ съ принужденіемъ; при всемъ томъ пріятно видѣть его во храмѣ: настоящій пастырь! Онъ любимъ многими въ городѣ, и церковь, гдѣ онъ служитъ, всегда полна народу.

Не имѣя еще дому въ городѣ, Евлампій * живетъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ ** версты двѣ отъ города; тамъ у него храмъ не великолѣпнѣе, но ризница богата; нѣсколько въ ней изрядныхъ саккосовъ, а митра есть одна съ алмазами и жемчугомъ; какъ рѣдкость, замѣтить должно панатію изумрудную съ бриллиантами, въ которую вставленъ одинъ большой камень, но не очень чистой воды. Исторія этой панатіи говоритъ, что она предметникомъ его *** сдѣлана изъ ефеса, пожалованнаго Екатериною II

* Введенскій, въ мѣрѣ Евоній, сынъ Дьячка Юрьевскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря; воспитывался въ Троицкой Семинаріи въ 1771 г., гдѣ въ послѣдствіи былъ 1781 Учителемъ Синтаксическаго класса, 1786 Риторикъ и Поэзіи въ Перервинской Семинаріи, съ 1787 монахъ и тогда же возвращенъ въ Троицкую Семинарію, 1789 Пррфектъ ея, 1792 и Ректоръ, за тѣмъ съ 1795 г. Ректоръ Московской Духовной Академіи, 1801 Епископъ Архангельскій, 1809 Калужскій; умеръ 1813 года. О. Б.

** Монастырь этотъ 3-го класса, на гористомъ мѣстѣ лѣваго берега, далеко окруженный рощами. О. Б.

*** Оеофилактомъ Русановымъ, р. 1763 г. въ Архангельской Губерніи, учился въ Олопецкой Семинаріи и Александровской Академіи, изъ коихъ въ послѣдней былъ Учителемъ Поэзіи и Реторикъ, 1794 монахъ и законоучитель Кадетскаго Корпуса, въ Мартѣ 1795 Архимандритъ Зеленецкаго, потомъ 1796 Сергіевой пустыни, 1798 Новгородскаго Антоніева монастыря и Членъ Синода, а съ Октября 1799 Иверскаго монастыря, въ Сентябрѣ Епископъ Калужскій, 1807 на чредѣ въ Синодѣ, 1808 г. Декабря 23, Архіепископъ, 1809 Рязанскій (Марта 5), 1813 уволенъ въ свою Епархію (11 Июля), 1817 (Мая 14) Экзархъ Грузій, 1819 (1-го Февраля) Митрополитъ; скончался 19-го Июня, 1821 г. и погребенъ въ Сигнахскомъ Георгіевскомъ Соборѣ. Былъ вліятельнымъ Членомъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ; кавалеръ Св. Анны, Владимира и Александра Невскаго 1-й степени. О. Б.

въ 1774 году Генералъ-Маіору Князю П. В. Репнину. Я не распрашивалъ, какъ она сюда попала; конечно, смерть героя вселила его въ церковную ризницу: общая участь многихъ сокровищъ, кровію, или аlichностію, нажитыхъ!

Архіерей живетъ хорошо и прилично своему сану. Мы у него обѣдали: онъ кормитъ сытно и поитъ умѣренно. Покои его просты, но приборны и вездѣ чисто. Пѣвчіе поютъ согласно, хоть не чрезвычайно хорошо; басъ много выражаетъ: онъ отъ души поетъ, а не по наряду, и отъ того невольно его замѣтишь. Я съ Преосвященнымъ до вечера просидѣлъ у него, а вечеръ онъ пробылъ у меня; и такъ мы съ нимъ не разставались цѣлыя сутки: бесѣда наполнила все это время. Это лучшая пища для сердца, Я не изъ тѣхъ людей, кои въ самомъ разговорѣ съ другимъ помрачаются, когда порода собесѣдника ихъ не равна ихъ происхожденію. Для меня все равно, изъ какого бы саду ни принесли, изъ богатой ли оранжереи вельможи, или изъ крестьянскаго огорода, благовоновый цвѣтокъ всегда пріятенъ; цвѣта его въ немъ, а не во внѣшностяхъ его: такъ и умъ, гдѣ бы онъ ни былъ природой насажденъ, а обстоятельствами образованъ, въ героѣ, или рабѣ, въ отшельникѣ, или Царедворцѣ, почерпнуть отъ него познанія всегда драгоцѣнное занятіе. И такъ мы, угождая собственному своему вкусу и понятію, промѣшляли сутки въ Калугѣ: но что день для дружбы? Одна минута!

2-го Сентября въ Калугѣ великое празднество, всѣ колокола въ городѣ шумятъ; всѣ Попы съ иконами приходятъ къ Собору, и тамъ торжественное воздается Богу благодареніе за избавленіе Калуги отъ чумы; однако, въ такой близости отъ Столицы ни что не сильно было насъ еще удержать на пути, и мы рано выѣхали.

Лошади намъ попались прекрасныя, и мы прибыли очень скоро въ Малой Ярославецъ, Уѣздный городъ Калужской Губерніи, въ 60 верстахъ отъ Губернскаго. Дорога сюда славная, горъ немного, лошадей перемѣняли только одинъ разъ, въ Салѣйкинѣ. Малоярославецъ ни чего не значитъ, хотя натура снабдила его хорошимъ мѣстоположеніемъ. Отъ него до самой рѣки Лужи тя-

нется гора со многими переломами и очень украшаетъ городъ.* Здѣсь мы обѣдали, и пріѣхали довольно рано въ Боровскъ, городъ Калужской же Губерніи; погода во весь день была теплая.

На дорогѣ замѣтить можно только деревню и въ ней большой домъ Г. Болтина. Въ Боровскѣ** мы остановились у зажиточнаго купца Большукова. Каменный большой домъ, строенъ 50 лѣтъ назадъ и въ старинномъ вкусѣ, лучший въ городѣ и славенъ по тому, что Гг. Губернаторы всегда въ немъ останавливаются.

Подъ городомъ монастырь мужской, въ которомъ почиваютъ мощи подъ спудомъ Пафутія, Боровскаго Чудотворца.*** Поздно было ити туда пѣшкомъ, а когда всѣ наши повозки собрались, то еще позднѣе было собираться ѣхать далѣе; и такъ мы остались тутъ почевать. Городъ для Уѣзднаго довольно великъ, но писать объ немъ совершенно нечего, хотя онъ и не изъ новыхъ; развѣ сказать, что въ немъ для Присутственныхъ Мѣстъ выстроенъ новый корпусъ по образцу, изданному для всѣхъ, ему подобныхъ, по Уѣзднымъ городамъ въ Россіи.

* На правомъ берегу рѣки Лужи, при впаденіи въ нее рѣки Ярославки, почти съ 400 домовъ и 3,000 обитателей обоого пола, 4 церквами, мужскимъ монастыремъ, 3 Училищами (Уѣзднымъ, Приходскимъ и первоначальнымъ женскимъ), Больницей, 5 ярмарками, еженедѣльными торгами и проч. т. п. При немъ и въ немъ происходило славное сраженіе 12 и 13 Октября, 1812 года, послѣ котораго Наполеонъ принужденъ былъ отступить на разоренную уже имъ Смоленскую дорогу во время движенія въ Москву, и здѣсь положенъ былъ предѣлъ его завоеваній и начало спасенію Россіи. О. Б.

** Расположенъ по обѣимъ берегамъ рѣки Протвы и при впаденіи въ нее рѣчки Тикижи, съ 900 домовъ и 9 тысячнымъ населеніемъ обоого пола, 8 церквами, 1 Единовѣрческой, 2 Училищами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, 4 ярмарками, еженедѣльными торгами. Извѣстно, что Боровскъ былъ нѣкогда удѣльнымъ Княженіемъ меньшихъ дѣтей Московскаго Великаго Князя. По нему Калужскій Епископъ пишется и Боровскимъ. О. Б.

*** Первоклассный, на устьѣ рѣчки Истремы, впадающей въ Протву, въ 3-хъ верстахъ отъ города; основанъ въ 1444 г. Пафутіемъ, скончавшимся въ 1479; съ начала правилъ имъ Игумены, а со времени Св. Синода—Архимандриты. Въ немъ погребены многіе изъ Князей Оболенскихъ, Щербатовыхъ, Лыковыхъ и Репниныхъ. О. Б.

ГЛАВА XXXIX.

П о с л ѣ д н я я .

По разстоянію мѣста для добрыхъ коней, для нетерпѣливыхъ ѣздоковъ, отъ Боровска до Москвы—нѣсколько часовъ ѣзды. Карета наша съ своими сѣдоками взяла у насъ полсутки перекладу, отправясь въ ночи, но, не смотря на всѣ предварительныя средства, принятія къ тому нами, чтобъ вездѣ имѣть лошадей и легѣть въ Москву во весь духъ, убили мы цѣлый день до вечера въ дорогѣ. Чѣмъ ближе къ Москвѣ подъѣзжаешь, тѣмъ болѣе готовишься къ терпѣнію разныхъ искушеній и досадъ. Почта окружила столицу затрудненіями для поспѣвающихъ въ ея каменные ограды. Начинаются на каждой станціи патажки, сдѣлки, насилия и разныя безпокойства: ямщикъ знаетъ, что всякому хочется скорѣе доѣхать, и прижимаетъ изъ всѣхъ силъ проѣзжихъ; почталіонъ, или Смотритель на станціи, тотъ же Воевода въ городѣ, дѣлаетъ, что хочетъ: даетъ лошадей, или не даетъ, впрягаетъ и выпрягаетъ по своему произволу, и на него нѣтъ ни суда, ни апелліаціи. Отъ такихъ хлопотъ одиъ деньги оборонить могутъ: зазвени кошелькомъ—и всѣ ямщики становятся услужливы. Принужденъ былъ и я, за двѣ станціи отъ Москвы, сорить послѣднія свои пѣнизи, лишь бы поскорѣй ѣхать и увидѣть небо моей родины.

Не знаю, можно ли что ни будь примѣтить по пути отъ Боровска въ Москву и сохранить въ запискахъ дорожныхъ. Я такъ былъ занятъ Москвою и моимъ возвращеніемъ домой, что ни чего около себя не видалъ такого, чтобъ отъ нея отвлекло мое вниманіе на минуту. Съ Калужской дороги своротили мы на Можайскую, чтобъ въѣхать въ городъ ближайшей заставой къ нашему дому подъ Дѣвичимъ, и передъ вечеромъ проѣхали мы село Волынское, принадлежавшее нѣкогда отцу моему: * отсюда видна уже Москва. Я выскочилъ изъ коляски, и всею дачею Во-

* Село владѣльческое, при рѣкѣ Сетунн, въ 9½ верстахъ отъ Москвы, съ 22 дворами и 35 душами обоего пола и церковью. О. Б.

лынского прошелъ пѣшкомъ. Тутъ же пришли мнѣ на мысль живѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, ребяческіе мои годы; увидѣлъ, спустясь съ горы, въ правую сторону, старую аллею, усаженную липами, въ которой такъ часто съ мамой своею я хаживалъ гулять и въ перелѣскахъ грибы бралъ. Цѣль еще тотъ храмъ, въ которомъ мы приносили Богу по праздникамъ дѣтскія наши молитвы. Не тотъ уже ветхій домъ, которой былъ при насъ: гораздо огромнѣе и великолѣпнѣе выстроены новый съ колоннами; но та же подъ нимъ гора, тѣ же уступы, съ которыхъ мы падали нерѣдко и приносили на лбу живые знаки нашей рѣзвости. Въ лѣвой сторонѣ Давыдково, * деревня, гдѣ живали наши кормилицы и заманивали насъ въ избы свои поѣсть ягодъ съ молокомъ въ ясную погоду. Вотъ и мостъ, съ котораго я удочкой ловить любилъ рыбу и гдѣ осторожный дядька назиралъ всякое мое движеніе, чтобъ я не упалъ въ воду! Вотъ и Сетунь—рѣка, воспоминавшая меня въ первые годы моей жизни. Она также свѣтла, быстра, прозрачна, но она уже не могъ, струи ея принадлежать другому, а мнѣ въ удѣлъ досталось только то, чего ни чьи предки продать не могутъ—пріятное воображеніе о прошедшемъ и пристрастіе къ мѣсту: оно тутъ, тутъ, въ глубинѣ моего сердца, и ни кто его у меня по купчей никогда не отниметъ. За рѣкой была при насъ прекрасная роща, называемая Борокъ. Когда мы пріѣзжали изъ Москвы въ Волынское на все лѣто и появлялись въ немъ наши кареты и линѣйки, залпы пушечныхъ выстрѣловъ изъ села во всю рощу раздавали свои отголоски. То было тогда, но теперь я шель между пеньковъ: они свидѣлствуютъ одни, что тутъ нѣкогда была роща, которую нынѣшніе владѣльцы изъ прибытка вырубилъ совершенно.

На сихъ развалинахъ я позволилъ себѣ быть на минуту малодушнымъ: взглянулъ назадъ на село, окинулъ взоромъ весь свой горизонтъ, собралъ всѣ напояніи въ одну точку, точно такъ, какъ въ зажигательное стекло собираются всѣ лучи солнца; они жгутъ подверженный предметъ огнемъ физическимъ; такъ

* Деревня владѣльческая при рѣкѣ же Сетунн, въ 9 верстахъ отъ Москвы, съ 36 дворами и 250 душами обоего пола. О. Б.

и душа моя загорѣлась своимъ пламенемъ, и на зеркалѣ ея потекли слезы. Такъ, я не стыжусь признаться, что я заплакалъ; я дерзну сказать болѣе: съ этимъ лоскуткомъ земли бѣдный, но всегда честный, родитель мой терялъ послѣднюю свою собственность и домъ, который нѣкогда считалъ за собою тысячи душъ, отъ воли котораго зависѣло, не весьма давно, приобрѣтать бесчисленное въ Россіи, приведенъ былъ не виной, но бѣдствіями, лишиться послѣдняго своего имущества. О patria, patria! И твоей ли дымъ мнѣ будетъ сладокъ? Осуждайте суету мою, философы, но да избавитъ васъ Богъ отъ пагубной необходимости думать и чувствовать по моему въ настоящемъ случаѣ! Чувствительный человѣкъ извинитъ мой жаръ и пожалѣетъ обо мнѣ.

Сѣвши въ коляску, я не помню почти, какъ я доѣхалъ до Поклонной Горы, и еще терялся въ глубокомъ размышленіи, какъ милая жена моя, дѣлившая во все это время мою грусть со мною, чтобъ разсѣять ее, закричала: «Другъ мой! Москва!» Я проснулся, какъ отъ сна, взвидѣвъ Ивановскую колокольню и, по чувству непостижимой любви къ родинѣ, сердце мое затрепетало. «Москва! Москва!» вскричалъ я съ нею и, не смигая съ нею, до Заставы ѣхалъ стоя. Ужъ солнце кидало послѣдніе лучи свои на нашу земли поверхность. Дѣти наши ожидали насъ въ Дорогомиловой слободѣ: они бросились къ намъ на шею, и мы, отлучавшіеся отъ нихъ не надолго, но далеко, прижимали ихъ къ нашему сердцу. Ахъ! какъ оно бьется, когда оно довольно! Тутъ же получилъ я письмо изъ Володимира, и одно чувство радости ощущая внезапно за другимъ, я вдругъ очутился на прагѣ родительскаго дома, въ дрожащихъ объятіяхъ престарѣлой моей матери. Тутъ, воздавъ хвалу Богу, совершающему всѣ начинанія наши, я нашелъ въ эту блаженную минуту невидимый рай въ видимомъ мирѣ.

Все, Боже, отъ тебѣ,
И все по благодати твоей!

ДОПОЛНЕНІЕ.

Къ стр. 274—277, примѣч. Говоря тутъ, въ примѣчаніи (стр. 276), о надворотной иконѣ Смоленской Божіей Матери, я сообщилъ свѣдѣнія о ней по тѣмъ источникамъ, которые были у меня подъ рукою, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратился за ними и къ извѣстному нашему военному писателю, И. П. Липранди, какъ участнику въ нашемъ славномъ прошедшемъ 12-го и слѣдующихъ годовъ. По свѣдѣнія его не помѣли, по краткости времени, къ отпечатанію упомянутого примѣчанія, и я ихъ, по ихъ важности, сообщаю при семъ. На вопросъ мой: «Присягали ль Русскіе, какъ ходятъ слухи, передъ Смоленской иконой Божіей Матери на канунѣ Бородинскаго побоища?» И. П. отвѣчаетъ:

«Ни какихъ присягъ предъ иконой Смоленской Божіей Матери, на канунѣ Бородинской битвы, дѣлаемо не было. Князь Кутузовъ приказалъ поднять ее и обойти полки. Для придачіи болѣе торжественности, собраны были полковые Священники съ хоругвями и другими принадлежностями. * Князь, окруженный Штабомъ, въ числѣ котораго находились тутъ: Принцъ Александръ Виртембергскій, Бенигсенъ, Графъ И. И. Марковъ, а равно и нѣкоторые начальники отдѣльныхъ частей: Платовъ, Милорадовичъ и

* Св. икона на Смоленскомъ предмѣстѣ поставлена была на запасной лафетъ батарейной роты (№ 1) Полковника Глухова, корпуса Н. А. Тучкова 1-го, и такъ совершила весь походъ; здѣсь было и два Священника съ причетомъ, сопровождавшихъ ее. Можетъ быть, когда-либо кто изъ усердія и служилъ ей на походѣ молебны, не знаю; ибо я былъ въ корпусѣ Дохтурова; но знаю навѣрное, что А. И. Ермоловъ первый подаль мысль поставить ее на лафетъ, для сопутствованія арміи.

др., были ли они призваны, или случились при Князѣ, не знаю. Главнокомандующіе же 1-й и 2-й арміями, корпусные, дивизіонные и другіе начальники, встрѣчали Св. икону при своихъ частяхъ и присоединялись къ процессіи, нѣкоторые слѣдовали и далѣе расположенія своихъ частей, увеличивая такимъ образомъ кортежъ.

Фельдмаршалъ прослѣдовалъ около половины всего протяженія, само собою разумѣется, съ открытыми головами. Каждый полкъ преклонялъ колѣна, когда Св. икона приближалась къ оному. Въ промежуткахъ двухъ полковъ процессія останавливалась и совершала краткія молебствія, какъ это бываетъ во всѣхъ крестныхъ ходахъ. Особенность была только въ томъ, что обстоятельства выходили изъ круга обыкновенныхъ случаевъ. Здѣсь каждый мыслено стоялъ на своей могилѣ.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	I.
ГЛАВА I. Выѣздъ изъ Москвы	1
II. Серпуховъ	4
III. Тула. Оружейный заводъ	6
IV. Разныя заведенія въ Тулѣ	11
V. Ночлегъ на дорогѣ. Мценскъ	16
VI. Выѣздъ изъ Мценска. Проѣздъ чрезъ Орелъ. Ночлегъ того дня	20
VII. Поворотъ на ярмарку. Ночлегъ въ каретѣ	24
VIII. Ярмарка	27
IX. Курскъ	33
X. Бѣлгородъ	38
XI. Харьковъ	45
XII. Продолженіе	48
XIII. Выѣздъ изъ Харькова. Валки	56
XIV. Окрестности Полтавы. Земляное строеніе	59
XV. Полтава	62
XVI. Монументъ	68
XVII. Полтавское торжество	71
XVIII. Богоугодныя заведенія	80
XIX. Забавы и увеселія	85
XX. Путь до Кременчуга. Балъ въ клубѣ	88
XXI. Описаніе Кременчуга	93
XXII. Дворцовый садъ. Театръ	95
XXIII. Путь до Елисаветы	98
XXIV. Елисаветградъ	102

	Стр.
XXV. Николаевская степь. Громоклея.....	105
XXVI. Приѣздъ въ Николаевъ.....	108
XXVII. Николаевъ.....	111
XXVIII. Верфь. Депо. Штурманская школа.....	114
XXIX. Кладбище Спаское.....	118
XXX. Имѣніе Графа Безбородька.....	121
XXXI. Очаковъ.....	125
XXXII. Приѣздъ въ Одессу.....	129
XXXIII. Одесса. Приѣздъ въ нее. Положеніе мѣста.....	133
XXXIV. Городъ вообще. Строеніе. Улицы.....	136
XXXV. Торговля. Гавань. Магазины. Лавки.....	140
XXXVI. Храмы Греческіе и Иновѣрные.....	144
XXXVII. Правительства военное и гражданское.....	147
XXXVIII. Богоугодныя и полезныя заведенія.....	150
XXXIX. Общественныя увеселенія.....	152
XL. Колонія.....	155
XLI. Мои знакомства.....	160
XLII. Публичная жизнь въ Одессѣ.....	163
XLIII. Прогулка на морѣ въ шлюбѣ.....	166
XLIV. Нечаянное безпокойство.....	171
XLV. Отъѣздъ изъ Одессы.....	173
XLVI. Ночлежъ въ Апчекратѣ.....	176
XLVII. Балъ на берегахъ Буга.....	180
XLVIII. Описаніе Богоявленскаго.....	185
XLIX. Потемкинъ.....	189
L. Херсонъ.....	194
LI. Отъѣздъ изъ Николаева.....	199
LII. Ночлежъ у Госпожи Лореновой. Путь до Новомірограда и приѣздъ туда.....	203
LIII. Новоміроградъ и Златополь.....	206
LIV. Путь до Звенигородки.....	209
LV. Дорога до Умани.....	213
LVI. Умань и разные въ ней предметы.....	215
LVII. О Жидакъ вообще, ихъ промыслъ и Богослуженіи.....	217
LVIII. О семействѣ нашего хозяина.....	221
LIX. Предисловіе къ описанію Софійки.....	224
LX. Отъѣздъ изъ Умани. Продолженіе пути.....	234

LXI. Приѣздъ и пребываніе мое у зятя.....	237
LXII. Мѣстоположеніе. Сосѣдство. Здѣшнее хозяйство.....	241
LXIII. Каневъ. Монастырь.....	243
LXIV. Балъ у зятя, прощанье и отъѣздъ.....	247
LXV. Пиръ у Казарнинова. Отъѣздъ и путь до Кіева.....	250
LXVI. О Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой.....	254
LXVII. Общій взглядъ на Кіевъ.....	259
LXVIII. Кіево-Печерская Лавра.....	263
LXIX. Пещеры.....	268
LXX. Михайловскій монастырь. Софійской соборъ. Леванда.....	273
LXXI. Разные духовные предметы.....	281
LXXII. Фроловскій монастырь.....	285
LXXIII. Интересная сумасбродка.....	287
LXXIV. Академія.....	289
LXXV. Гражданскія строенія и зданія.....	291
LXXVI. Успеневъ день.....	294
LXXVII. Общія увеселенія города. Жизнь Кіева при насъ.....	298
LXXVIII. Отъѣздъ изъ Кіева. Козелецъ.....	302
LXXIX. Нѣжинъ.....	306
LXXX. Батуринъ. Гробъ Графа Разумовскаго.....	313
LXXXI. Обѣды въ Батуринѣ. Дорога до Сѣвска.....	317
LXXXII. Сѣвскъ.....	322
LXXXIII. Дмитріевскъ. Домъ Безбородька. Кромы.....	325
LXXXIV. Орель и Болховъ. Деревня Княгини Урусовой.....	329
LXXXV. Двое сутокъ у сестры. Приѣздъ и пребываніе въ Бѣлевѣ.....	332
LXXXVI. Бѣлевъ. Козельскъ. Дачи Г. Пилисьера.....	336
LXXXVII. Калуга.....	341
LXXXVIII. Еще нѣчто о Калугѣ. Малоярославецъ. Боровскъ.....	344
LXXXIX. Последняя.....	349